

ПАМЯТИ

ИЗМАИЛА ПВАНОВИЧА

СРЕЗНЕВСКАГО

КНИГА I

ПАМЯТИ

ИЗМАЙЛА ИВАНОВИЧА

СРЕЗНЕВСКАГО.

70

КНИГА 1.

ЦЕНТРАЛНА НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА Х. Д. У.
Ин. № 103140

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

Вос. Остр., 9 ливія, № 12.

1916.

Проверено
ШНБ 1938

ЦЕНТРАЛНА НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА

Напечатано по распоряженіи Императорской Академіи Наукъ.
Льварь, 1916 г.

Вспомогательный Секретарь академіи С. Ольденбургъ.

Выходящая нынѣ въ свѣтъ первая книга сборника, посвященнаго памяти Измаила Ивановича Срезневскаго, въ главной своей долѣ есть отголосокъ торжественнаго публичнаго собранія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, которое происходило 20 января 1913 года въ большомъ Конференцъ-залѣ Академіи, въ ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія И. И. Срезневскаго.

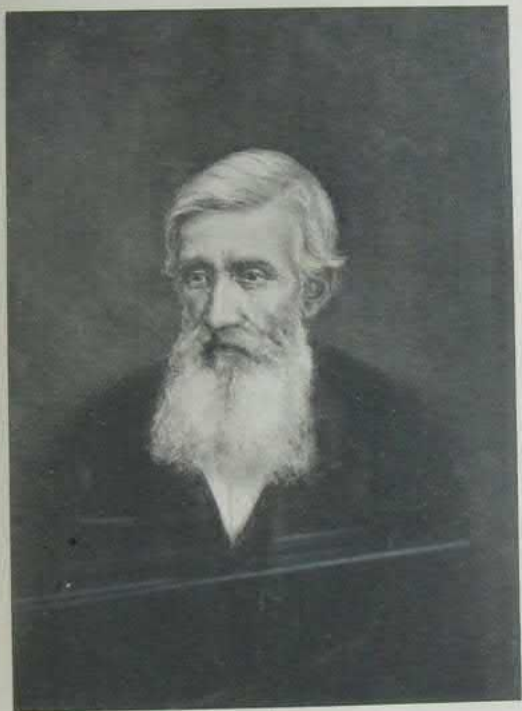
Въ книгу эту вошли рѣчи, произнесенныя на собраніи А. А. Шахматовымъ, Н. Ѳ. Сумцовымъ, В. А. Францевымъ и А. И. Соболевскимъ и воспоминанія И. В. Ягича, прочтенныя Н. А. Котляревскимъ. Біографическій очеркъ И. И. Срезневскаго, здѣсь напечатанный, представляетъ собою переработку біографіи, написанной В. И. Срезневскимъ и выпущенной Академіею къ тому же торжественному собранію; Описаніе памятной выставки, устроенной въ маломъ Конференцъ-залѣ Академіи одновременно съ засѣданіемъ, издаю было тогда же въ видѣ отдѣльной брошюры. Къ этимъ статьямъ присоединены: статья О. И. Срезневской „Худо-

жественныя произведенія П. И. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще“, „Изъ студенческихъ воспоминаній объ П. И. Срезневскомъ“ П. В. Цибгаева и „Указатель печатныхъ матеріаловъ для біографіи П. И. Срезневскаго“, составленный В. И. Срезневскимъ.

W. L. Perry

исследованиям академика М. С. Гинзбург
 его ученикам и коллегам по кафедре физики
 твердого тела академика М. С. Гинзбург
 М. С. Гинзбург и академика М. С. Гинзбург
 академика М. С. Гинзбург и академика М. С. Гинзбург
 академика М. С. Гинзбург

Шереметьевъ

Съ портрета масляными красками
работы В. И. Алмазовой.

ЦЕНТРАЛНА НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,
ПОСВЯЩЕННОМЪ ПАМЯТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Столѣтіе со дня рожденія Ивана Ивановича Срезневскаго истекло 1-го іюня прошлаго 1912-го года. Отдѣленію русскаго языка и словесности по разнымъ причинамъ пришлось перенести на сегодня торжество, которое по всей справедливости можетъ быть признано праздникомъ русской науки: Срезневскій принадлежитъ къ числу виднѣйшихъ дѣателей науки, прославившихъ ее и укрѣдившихъ ея развитіе.

Подушкова дѣятельность Ивана Ивановича развернула во всей мощи силы, заложенныя въ его богато одаренной природѣ: онъ создалъ тѣ памятники ума и таланта, которымъ восторгаемся мы всѣ, имѣющіе то или иное отношеніе къ наукѣ о русскомъ языкѣ, литературѣ, этнографіи.

Срезневскій положилъ основанія историческому изученію русскаго языка, поставивъ его въ живую и нерасторжимую связь съ изученіемъ всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ.

«Мысли объ исторіи русскаго языка» были первымъ научнымъ трудомъ въ этой области, ибо книга Буслаева «О преподаваніи отечественнаго языка», появившаяся раньше, содержала только блестящую программу глубоко и всесторонне задуманнаго изученія этого предмета.

Труды Срезневскаго, перваго въ Россіи доктора славяно-русской филологіи, начиная съ сороковыхъ годовъ, посвящаются изученію инославянскихъ народностей; они увѣличиваются многочисленными изслѣдованіями, цѣльми не только для насъ русскихъ, череть ихъ знакомившихся со своими родичами, но также и для самихъ славянъ, южныхъ и западныхъ.

Напряженная преподавательская дѣятельность въ Петербургскомъ университетѣ, начатая еще въ 1847 году, не помѣшала Срезневскому отдать свои лучшія силы Академіи Наукъ: въ ея изданіяхъ онъ помѣшалъ свои цѣннѣйшія изслѣдованія, редактировалъ вмѣстѣ съ тѣмъ созданныя имъ Иавѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Изъ этихъ изслѣдованій и изъ всей кипучей дѣятельности Срезневскаго въ Академіи видно, какъ широки были его интересы въ области славяно-русской филологіи: языкъ, археологія, археографія, палеографія и литература привлекаютъ къ себѣ его вниманіе и озабочены имъ яркимъ свѣтомъ: онъ свидѣтельствовалъ о соединеніи въ лицѣ Срезневскаго изъ ряду вонъ выдающагося научнаго дарованія съ глубокимъ филологическимъ образованіемъ.

Начавъ литературныя изслѣдованія въ Харьковѣ съ изученія малорусскихъ писателей, Срезневскій, оказавшись въ Петербургѣ лицомъ къ лицу съ обширнымъ рукописнымъ матеріаломъ, отдался страстно его разработкѣ. Стремленіе охватить весь этотъ матеріалъ, использовать его

богатое содержание, привело Срезневского къ необходимости посвятить свой трудъ изданію и описанію рукописей. Глубокій филологическій анализъ памятниковъ привелъ его къ идее о созданіи историческаго словаря русскаго языка.

Высокій полетъ творческой мысли, блестящее и вдохновенное изслѣдованіе уступаютъ мѣсто огромному труду по собиранію и обработкѣ матеріаловъ. Вокругъ Срезневскаго вырастаютъ по немногу груды приковывающихъ его къ себѣ данныхъ: вновь открытыя памятники, спасенныя бережною рукой отъ гибели и невѣстности рукописи, безцеленныя выписки изъ первоисточниковъ, наконецъ, огромный карточный матеріалъ по словарю, и ко всему этому обильные матеріалы этнографическаго и диалектологическаго содержанія. Во все это Срезневскій сумѣлъ вдохнуть жизнь; онъ сдѣлалъ больше; онъ вселилъ ко всему этому научному сокровищу любовь въ своихъ ученикахъ и въ своихъ дѣтахъ. Вслѣдствіе этого пережившіе его матеріалы стали не мертвыми, а живыми памятниками его дѣятельности: они увѣковѣчатъ ее въ ея славу.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности счастливо сознаемъ, что именно ему пришлось стать издателемъ этихъ матеріаловъ — мы говоримъ о только что законченномъ изданіи Словаря древне-русскаго языка, — а также и тѣмъ, что ему пришлось сдѣлаться хранителемъ научнаго сокровища Срезневскаго: въ Библиотекѣ Академіи сосредоточены теперь весь архивъ Срезневскаго и все богатое его рукописное собраніе; тамъ же находится его цѣнная библиотека по славяновѣднію.

Съ глубокою благодарностью относится Отдѣленіе къ тѣмъ, чьими трудами завершено и завершается то, что

VIII

Срезневскій создалъ въ качествѣ прочнаго основанія для послѣдующаго развитія русскаго языковѣдѣнія и исторіи русской словесности. Признательность Отдѣленія безгранична къ тѣмъ, кто великодушнымъ пожертвованіемъ неоцѣнимаго научнаго сокровища навсегда соединилъ имя Срезневскаго съ именемъ Академіи Наукъ.

А. Шагматовъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Н. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Родъ Н. И. Срезневскаго идетъ изъ населеннаго государственнымъ крестьянами села Срезнева, лежащаго на высокомъ берегу р. Оки при впаденіи въ нее р. Неплюки, въ 18 верстахъ отъ уѣднаго города Спасска Рязанской губ. Въ 15 верстахъ отъ Срезнева лежитъ село Старая Рязань, гдѣ до сихъ поръ еще остался высокій валъ разрушенной и сожженной Батыемъ Рязани; верстахъ въ 8 — знаменитое по лѣтописнымъ сказаніямъ мѣсто Иседы, гдѣ въ 1218 г. Глѣбъ Владимировичъ, князь рязанскій, «наученъ сынъ сотоною», съ помощью брата своего Константина зарѣзалъ во время пира шестерыхъ своихъ братьевъ и родичей и съ ними бояръ и дворницъ множество, и гдѣ до сихъ поръ еще цѣла могила Проконія Лицунова.

Предки Н. И. Срезневскаго — много поколѣній подрядъ — были священниками села Срезнева. Дѣдъ его священникъ Евсеій Юанновичъ, обремененный большой семьей, не имѣлъ никакихъ средствъ, былъ не въ силахъ дать дѣтямъ и самое малое образованіе. Кто изъ нихъ искалъ науки и интересовался ею, самъ долженъ былъ добывать ее, если только обладалъ достаточной силой воли. Такими оказались двое изъ дѣтей о. Евсеія, Иванъ Евсеевичъ (отецъ Н. И. Срезневскаго) и Юсупъ Евсеевичъ. Одинъ за другимъ они ушли изъ роднаго дома и сами пробили себѣ дорогу, оба

достигнуть профессоры и званія доктора. Братья ихъ остались въ родномъ селѣ: одинъ изъ нихъ—Юзюмъ наследовалъ послѣ отца санъ настоятеля церкви, остальные слились съ крестьянами; потомки ихъ крестьяничаютъ и доселѣ.

Свое родное село И. И. Срезневскому случилось увидѣть только за нѣсколько лѣтъ до смерти, въ 1877 году, на возвратномъ пути съ Казанскаго археологическаго съезда. Мѣсто это, освоенное для него и семейными, и историческими воспоминаніями, такъ ему полюбилось, что черезъ годъ онъ опять туда поѣхалъ и тамъ же завѣщалъ себя похоронить. Могила его, по указанію его самого, устроена у церковнаго алтаря старой деревянной церкви, теперь уже упраздненной. Вблизи церкви въ 1880-хъ гг. построено училище его имени.

Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій началъ ученье въ Рязанской семинаріи, продолжалъ его въ Москвѣ, куда добрался изъ Рязани пѣшкомъ съ великимъ трудомъ и лишениями. По окончаніи университета онъ поступилъ сначала на частную службу, затѣмъ былъ принятъ бакалавромъ въ учительскій институтъ при Московскомъ университетѣ и черезъ нѣкоторое время учителемъ географіи и исторіи въ университетскую гимназію. По достиженіи степени магистра философіи и свободныхъ наукъ въ 1804 г., онъ былъ приглашенъ П. Г. Демидовымъ въ открывавшееся тогда въ Ярославлѣ Демидовское высшихъ наукъ училище на кафедру «словесности древнихъ языковъ и российскаго краснорѣчія»; затѣмъ въ 1812 г., послѣ смерти профессора российскаго краснорѣчія и поэзіи въ Харьковскомъ университетѣ И. С. Рижскаго, былъ избранъ совѣтомъ университета на эту кафедру и черезъ годъ удостоенъ званія доктора свободныхъ наукъ.

Учено-литературная деятельность И. Е. Срезневского оставила по себѣ слѣды въ рядѣ рѣчей, стихотвореній и переводовъ классиковъ. Рѣчи его несомнѣнно занимаютъ главное мѣсто въ его литературныхъ трудахъ; хотя онѣ и были произнесены по обязанности на торжественныхъ актахъ, онѣ дышатъ жизнью, передаютъ дѣйствительныя убѣжденія автора и въ этомъ отношеніи цѣнны, какъ его характеристика. «Рѣчь о любви къ отечеству» — по мнѣнію самого автора его лучшее произведение — даетъ намъ обликъ Ивана Евсеѣвича, какъ гражданина-патриота, ставшаго цѣлью своей жизни службу родинѣ; рѣчь «О странствованіи музъ» является изложеніемъ взглядовъ автора на содержаніе курса изящной словесности; рѣчь «De praecipuis characteribus et officiis optimi praesceptoris» интересна по высказаннымъ въ ней авторомъ мыслямъ относительно необходимыхъ качествъ наставника юношества и первенствующей важности правильного въ дѣлѣ преподаванія метода. Вопросъ о воспитаніи обсуждается Иваномъ Евсеѣвичемъ и въ другихъ рѣчахъ; въ нихъ онъ доказываетъ серьезное преимущество публичнаго воспитанія, и въ отношеніи болѣе успешнаго и быстраго развитія дѣтей, и въ отношеніи общественномъ, какъ помощь къ возрожденію духа общественности. Широкое развитіе просвѣщенія И. Е. Срезневскій считалъ насущной потребностью государства; въ связи съ этимъ онъ находилъ необходимымъ дать нормальную постановку дѣлу преподаванія, поднять значеніе учащихся и ограждать ихъ отъ притѣвленій со стороны гражданскихъ властей.

Иванъ Евсеѣвичъ, по словамъ биографической записки, составленной скоро послѣ его смерти, «образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души

своей, не жели по долгу; и потому многих сдѣлать признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодѣлителямъ». Тяжелыя условия жизни и чрезмѣрная занятія въ юные годы рано сломили его силы: онъ умеръ не старымъ, всего 49 лѣтъ, 12 сентября 1819 г., оставивъ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.

Иванъ Ивановичъ Срезневскій родился 1-го ³⁾ июня 1812 г. въ Ярославлѣ въ зданіи Демидоваго лицея. Отецъ называлъ его противъ желанія родителей необычнымъ именемъ, индиктъ изъ близкихъ не востоялъ, прельщенный его смысломъ — по еврейски оно значить «устроить Богъ».

При переходѣ отца на службу въ Харьковъ, И. И. былъ перевезенъ туда двухмѣсячнымъ ребенкомъ. Съ этихъ поръ до 1839 г. онъ жилъ или въ самомъ Харьковѣ, или въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, и только разъ, и то на самой короткой срокъ, въ 1829 г., уѣзжалъ въ Москву. Молодые годы слили его съ Украиной, и онъ полюбилъ ее со всею своею пылкостью; она была для него второй родиной, но именно второй, такъ какъ всегда ему рисовалась частью его общей русской родины.

Послѣ смерти отца И. И. остался на попеченіи своей матери Елены Ивановны (рожденной Кусковой). Несмотря на свою молодость (она осталась вдовой 26-ти лѣтъ), Е. И. сумѣла одна вырастить и воспитать своихъ дѣтей и дать имъ серьезное образованіе. Съ любовью и благодарностью И. И. вспоминалъ всегда объ ея неустанныхъ и вѣчныхъ заботахъ. Долгіе годы она была его ближайшимъ другомъ-совѣтникомъ и на рукахъ его умерла въ 1856 г., въ его

3) Онъ считалъ днемъ своего рожденія 1-ое июня, хотя въ метрическихъ свѣдѣніяхъ стоитъ 4-ое июня.

семьи. Глубокая любовь къ ней П. И-ча, являл для всѣхъ, кто читалъ его письма къ ней, особенно сказалась въ той любви къ семейной жизни и семейнымъ началамъ, которая была его характерной чертой, а уваженіе къ ней — въ признаніи первенствующаго значенія матери въ дѣлѣ начального образованія дѣтей, какъ это онъ высказываетъ въ своихъ бесѣдахъ «Объ изученіи родного языка».

По окончаніи пансіона въ 1826 г. П. И. поступилъ въ Харьковскій университетъ на энциклопедическое отдѣленіе философскаго факультета. Будучи съ дѣтскими дѣлѣ чело-вѣкомъ энергичнымъ, умѣя серьезно относиться къ труду и имѣеть съ тѣмъ знаа, что на немъ, какъ на старшемъ, лежитъ долгъ помогать матери, П. И. съ полнымъ рѣшеніемъ, несмотря на свои юные годы, предался университетскимъ занятіямъ. Въ 1828 г., когда было опубликовано предложеніе министра народнаго просвѣщенія «объ избраніи студентовъ изъ университетовъ Московскаго, Петербургскаго, Казанскаго и Харьковскаго для приготовленія въ профессора», онъ не задумался включить себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку за границу для усовершенствованія, и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятью другими товарищами. Мечта П. И-ча тогда не осуществилась, но отъ этого онъ не палъ духомъ и уже въ 1829 г. 17-ти лѣтъ отъ роду блистательно кончилъ курсъ со степенью кандидата, во представленіи диссертации «Объ обидѣ».

Студенческія работы по юриспруденціи, несмотря на ихъ напряженность и успѣшность, не были главнымъ предметомъ научныхъ увлеченій П. И-ча: съ дѣтскихъ лѣтъ подлъ влияніемъ матери полюбилъ литературу и музыку, съ 9-ти лѣтняго возраста началъ писать стихи, уже съ 14-ти лѣтъ онъ предался изученію народной малорусской поэзіи

и работамъ надъ этнографической стариной Украины. Годы молодости П. И-ча совпали съ тѣмъ временемъ, когда въ Малороссіи начало особенно развиваться это изученіе народной старины и поэзіи, принявшее тогда особое романтическое направление, какъ у южно-русскихъ этнографовъ, такъ и въ остальной Россіи, и въ Западной Европѣ. Вокругъ П. И-ча въ Харьковѣ образовался небольшой кружокъ его пансионскихъ и университетскихъ товарищей — этнографовъ-романтиковъ, любителей литературы: это были братья Орестъ и Федоръ Степановичи Елецкіе (впоследствии принимавшіе участіе въ панславистской «Дѣяніи» П. П. Дубровскаго), П. В. Росковшенко, потомъ переводчикъ Шекспира, патриотъ-украинецъ и поэтъ А. Г. Швигоцкій и О. А. Джунковский. Въ средѣ этого кружка, на страницахъ издавнаго Срезневскимъ и Росковшенко «Украинскаго альманаха» (1831 г.) началась литературная дѣятельность П. И-ча, выражавшаяся тогда въ рядѣ стихотвореній, въ статьѣ «Мысли и замѣчанія» и въ первой записи малорусскихъ пѣсней.

Работы П. И-ча по народной словесности получили особое развитіе въ 1832—1833 гг., проведенныхъ имъ въ Екатеринославской губ. близъ Днѣпровскихъ пороговъ въ качествѣ учителя у помѣщиковъ Подольскихъ. Здѣсь онъ столкнулся съ «живыми памятниками минувшаго» — стариками-запорожцами, слушать ихъ рассказы о старой жизни и усердно началъ записывать думы и пѣсни. Результатомъ юношескихъ этнографическихъ работъ П. И-ча, поддержанныхъ содѣйствіемъ друзей и знакомыхъ, былъ выходъ въ свѣтъ ряда книжекъ «Запорожской Старины» (съ 1833 по 1838 г.) — сборника материаловъ по исторіи Украины отъ Гедимина до Мазепы, заключающаго въ себѣ собраніе историческихъ пѣсней и думъ малорусскихъ, сводъ мало-

русских летописцев и извлечений из других исторических документов, в сопровождении объяснительных примечаний и замѣтокъ о бытѣ и нравахъ запорожцевъ. «Запорожская Старина» въ свое время сыграла чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ развитія изученія украинской народной поэзии и произвела сильнѣйшее впечатлѣнiе на современниковъ; въ то же время она создала первую литературную славу П. И-ча, выдвинувъ его и какъ ученаго собирателя-этнографа, и какъ талантливаго писателя и пламеннаго украинца. Впоследствии, въ 1870-хъ гг., это изданiе подверглось критикѣ Антоновича и Драгоманова въ предисловіи къ ихъ изданiю «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» и Костомарова въ статьѣ по поводу книги Антоновича и Драгоманова; съ несомнѣтельностью выяснилось, что на ряду съ произведенiями дѣйствительно народными въ «Запорожскую Старину» попало много поддѣльныхъ; П. И. не отвѣтилъ критикамъ его юношеской работы: ранѣе ихъ онъ видѣлъ ея недостатки и понялъ, что среди его корреспондентовъ были люди и недобросовѣстные; намекомъ это онъ высказалъ еще до выхода къ свѣту сборника Антоновича и Драгоманова въ одномъ изъ примечанiй къ изданной имъ перепискѣ А. Х. Востокова; промахи «Запорожской Старины», можно думать, и были причиной того особенно строгаго его отношенiя къ изданiямъ произведенiй народной словесности, которое повисло у него въ зрѣлыя годы.

«Запорожская Старина», сдѣлавъ имя П. И-ча извѣстнымъ въ Украинѣ, обратила вниманiе на молодого писателя и въ столицахъ; у него завязались сношенiя съ учеными и литераторами Москвы и Петербурга (П. М. Сигиревымъ, В. Г. Анастасевичемъ и др.), статьи его начали печататься

въ «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Пчелѣ», «Телескопѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ», «Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета», затѣмъ въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія».

Научные интересы и занятія этнографіей сблизили И. И-ча съ новымъ крутомъ лицъ, болѣе глубоко смотрѣвшихъ на эти занятія, чѣмъ первые его товарищи и помощники; онъ близко сошелся съ А. Л. Метлинскимъ — украинифиломъ-идеалистомъ, съ раннихъ лѣтъ посвятившимъ себя изученію поэтической старины своей родины, — съ В. В. Пасекомъ, особенно благодаря изданію послѣдняго «Очерки Россіи», въ которомъ И. И. принялъ видное участіе; при посредствѣ Метлинскаго съ И. И-чемъ сблизился Н. И. Костомаровъ, подъ влияніемъ его разившій въ себѣ, какъ онъ самъ пишетъ, «стремленіе къ изученію малорусской народности» и при его помощи начавшій изучать малорусскій языкъ и этнографію. Въ тѣ же годы И. И. вошелъ въ сношенія съ Н. В. Гоголемъ, Г. О. Квиткой, В. Н. Каразнымъ, И. П. Котляревскимъ, Л. П. Боровиковскимъ и многими другими.

Изъ ряда работъ И. И-ча по украинской старинѣ и литературѣ особаго вниманія заслуживаетъ его статья — письмо къ И. М. Снегиреву — «Взглядъ на памятники украинской народной словесности» (1834); она интересна, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней авторъ высказываетъ свое мнѣніе о языкѣ малорусскомъ въ связи съ другими, какъ объ языкѣ имѣющемъ полное право на самостоятельное литературное существованіе. «Не для чего доказывать», говоритъ И. И., «что языкъ украинскій (или, какъ угодно называть другимъ, малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые; и многие

уверены, что этот язык есть один из богатѣйшихъ языковъ славянскихъ. . . . что это языкъ, который будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, — языкъ поэтический, музыкальный, живописный». Этотъ взглядъ впоследствии значительно измѣнился: въ 1860-хъ гг. въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ евангелія на малорусскій языкъ, при признаніи русской словесности достойнеймъ всего русскаго народа (а не великороссовъ только), И. П. еще высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости существованія отдѣльной малорусской словесности и говорить, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ И. П.-ча 1870-хъ гг. отношеніе малорусскаго нарѣчія къ русскому языку уже приравнено къ отношеніямъ мѣстныхъ говороковъ въ литературѣ другихъ европейскихъ языковъ къ языку господствующему: «нѣтъ никакой нужды», читаемъ тамъ, «уничтожать или прекращать письменность этихъ нарѣчій, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной, отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу».

Для полноты свѣдѣній о работахъ И. П.-ча по изученію Украины слѣдуетъ упомянуть, что на ряду съ изслѣдованіями по малорусской народной словесности и названіемъ ея памятниковъ онъ тогда же приступилъ и къ изданію литературныхъ произведеній современныхъ ему малорусскихъ писателей, началъ печатаніе особаго сборника, названнаго имъ «Украинскимъ». Въ двухъ первыхъ книжкахъ Украинскаго сборника онъ помѣстилъ «Наталку-Полтавку» и «Москаля-Чаривника» И. П. Котляревскаго, въ дальнѣйшихъ—предполагахъ дать выборъ стихотвореній Артемю-

скаго-Гулака, Боровиковскаго, Гребенки, Шинтоцкаго, Падурры, Корженевскаго и др., сочиненія Сковороды и пр.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ трудѣ И. И-ча по изученію Малороссіи, стоящемъ особнякомъ въ ряду другихъ, — объ «Историческомъ обзорѣн гражданскаго устройства Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія ея въ Харьковскую губернію»; интересно отмѣтить, что вышедшее въ свѣтъ въ 1839 г., оно было вновь перепечатано въ 1883 г. въ «Статистическомъ Листкѣ, изд. харьковскимъ статистическимъ комитетомъ», и именно въ пѣляхъ практическихъ, — настолько оно не утратило своего значенія.

Послѣ окончанія университетскаго курса И. И. поступилъ на службу въ харьковское дворянское депутатское собраніе, откуда по болѣзни былъ уволенъ въ 1832 г.; черезъ годъ (18 сент. 1833 г.) онъ вновь зачисленъ на службу сначала въ харьковскій совѣстный судъ, затѣмъ въ 1834 г. въ депутатское собраніе на должность библиотекаря харьковской городской бібліотеки. Плодомъ бібліотечныхъ занятій И. И-ча былъ изданный имъ «Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной бібліотекѣ, № 1» (Харьковъ, 1834, безъ фамилии составителя).

На ряду со службой И. И. занимался и преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и семьяхъ. Въ то же время онъ не прерывалъ и юридическихъ занятій, приготовлялся мало-по-малу къ магистерству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ профессорѣ — дашней заветной его мечтѣ. Въ сентябрѣ 1835 г. И. И. сдалъ экзаменъ на степень магистра политической исторіи, статистики и политической экономіи;

диссертация на назначенную факультетом тему «О сущности и содержания теории в науках политических» была представлена в факультет в начале 1836 года и в апреле 1837 г. одобрена из записки. Защита состоялась 16 июля 1837 г., утверждение в звании магистра со стороны министра последовало 27 августа, и 9 сентября И. И. был назначен адъюнктом-профессором Харьковского университета по кафедре политической экономии и статистики.

Как видно из «Обзрения публичного преподавания наук в Харьковском университете», И. И. читал студентам 1-го курса 1-го отд. философского факультета теорию статистики с приложением к государствам европейской системы просвещения по методу профессора Кеннебергского университета Шуберта, «придерживался, впрочем, своей собственной системы, изложенной в рассуждении о сущности и содержании теории политической»; на 2-м курсе — «статистику Российского государства, принимая в руководство соч. Иванова и Шуберта и дополнил собственными своими изследованиями». Записок лекций И. И.-ча по статистике не сохранилось, за исключением обработанного к печати и изданного в 1838 г. в «Журнале Мин. народного просвещения» его «Вспомогательного чтения в курсе статистики государств европейской системы просвещения в их современном состоянии» и оставшегося в рукописи «Компендиума статистического описания Российского государства в современном состоянии».

Судя по рассказам слушателей, лекции И. И.-ча резко отличались от лекций других профессоров; лекторы блистали в них и внешною выкладкою, и богатством

данных, черпаемых из иностранных сочинений, и мастерством и живостью изложения; аудитория его была полна, о чтениях говорили в городе. Но этого успеха имѣть и невыгодную сторону для Н. П-ча въ томъ отношеніи, что, повидимому, явился одной изъ причинъ недоброжелательства къ нему со стороны многихъ изъ старшихъ его товарищей; особенно сильно это недоброжелательство товарищей; особенно сильно это недоброжелательство произошло при рассмотрѣніи его диссертации «Опытъ о предметахъ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно», представленной имъ въ 1838 г. для соисканія докторской степени.

Основная мысль «Опыта» была высказана въ двухъ положеніяхъ эпиграфа къ нему: 1) «Статистика, имѣя предметомъ дѣло государства, должна сдѣлаться средоточіемъ и основаніемъ прочихъ политическихъ наукъ, изъ которыхъ каждая объемлетъ не болѣе одной части» (К. Германъ) и 2) «Политическая экономія зависитъ отъ статистики такъ, что даже могла бы не существовать какъ отдѣльная наука: статистика могла бы замѣнить ее безъ ущерба пользѣ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить міръ познаній отъ суесловныхъ и часто сумудрыхъ мечтаній» (авторъ). Для сужденія о диссертации были собраны члены юридическаго и 1-го отд. философскаго факультета; въ пользу автора высказались только два профессора — известный историкъ М. М. Лувинъ и знаменитый профессоръ-эллинистъ А. О. Валицкій, другіе или уклонились отъ выраженія своего мнѣнія, или высказались противъ; мысли, проводимыя диссертацией, казались слишкомъ новыми, не согласными съ обычными, «насмѣшкою надъ наукою»; диссертация была отвергнута. Событію этому пришлось сыграть рѣшительную роль въ судьбѣ Н. П-ча.

По университетскому уставу 1835 г. въ число университетскихъ курсовъ быть введенъ новый предметъ— исторія и литература славянскихъ нарѣчій. Въ виду отсутствія лицъ, достаточно подготовленныхъ къ преподаванію этой науки, кафедра славяновѣдѣній существовала до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено предложить четыремъ тогда существовавшимъ русскимъ университетамъ избрать изъ среды ихъ членовъ лишь наиболее способныхъ для изученія новой науки съ тѣмъ, чтобы избранныхъ отправить въ заграничное путешествіе по славянскимъ землямъ.

Въ Харьковскій университетъ предложеніе объ избраніи лицъ для посланки за границу пришло въ октябрѣ 1837 года. Разсмотрѣніе этого плана и обсужденіе вопроса, кто можетъ быть посланъ за-границу, совѣтомъ университета было поручено ректору университета извѣстному П. П. Гулаку-Артемовскому. Выборъ факультета по указанію его остановился на кандидатѣ словесныхъ наукъ А. П. Рославскомъ-Петровскомъ. Лично мало склонный къ занятію предлагаемой кафедрой, преимущественно интересовавшійся изученіемъ исторіи, статистики и политической экономіи, Рославскій представилъ въ совѣтъ университета условія командировки, трудно приемлемыя въ другое время; въ данную минуту вследствие особыхъ обстоятельствъ они не возбудили сомнѣній среди членовъ университетскаго совѣта, но показались неумѣстными попечителю харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Голошкину. Человѣкъ образованный, интересовавшійся наукой и ея движеніемъ, онъ не пропустилъ зародившейся въ то время въ Харьковѣ дѣятельности Н. И. Срезневскаго, только что ставшаго адъюнктомъ университета, уже извѣстнаго своей «Запорожской Стариной» и длиннымъ рядомъ другихъ статей.

Выборъ совѣта университета не могъ не удивить его: въ этомъ выборѣ нельзя было не видѣть какихъ-то личныхъ счетовъ. Онъ не утвердилъ постановленія совѣта и предложилъ послать за-границу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, «постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго»; что касается до Россійскаго, то ему Головкинъ рекомендовалъ дать возможность «выдержать испытаніе на степень магистра по предмету историческихъ наукъ, что составляло и его собственное желаніе, съ тѣмъ, чтобы потому онъ занялъ мѣсто Срезневскаго» (т. е. каведру политической экономіи и статистики).

Въ декабрѣ 1837 г. отъ имени совѣта университета И. И-чу былъ сдѣланъ запросъ относительно согласія его отправиться въ путешествіе въ славянскія земли для приготовленія къ каведрѣ славяновѣдѣнія, съ условіемъ по возвращеніи прослужить въ званіи преподавателя не менѣе 12 лѣтъ. Иакогда уже знакомый съ языками польскимъ, словацкимъ, чешскимъ и сербскимъ, интересовавшійся западно-славянскою литературою, еще въ 1832 г. со словъ словаковъ-ходобинковъ записавшій и издавшій ихъ пѣсни, писавшій статьи о Крамледворской рукописи, о чешскомъ словарѣ Юнгмана, объ уменьшительныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ, — И. И. съ большою радостью принялъ предложеніе университета; вскорѣ, впрочемъ, повидимому, въ связи съ работою надъ докторскою диссертациею, въ немъ возникли было сомнѣнія и колебанія; этимъ колебаніямъ положило конецъ оскорбительное для него отверженіе университетомъ его диссертации. 7 января 1839 г. И. И. доложилъ университету о полномъ своемъ согласіи отправиться въ путеше-

стве въ славянскія земли, подчинившись всѣмъ поставленнымъ ему условіямъ, и въ сентябрѣ этого года отправился въ путь.

Отъѣздомъ изъ Харькова закончился первый періодъ литературно-научной дѣятельности И. П-ча, время первыхъ литературныхъ опытовъ, юношескихъ увлеченій работами по исторіи и народной словесности Украины, занятій статистикой, первыхъ чтеній въ университетѣ, первыхъ научныхъ трудовъ. Харьковский періодъ своимъ особымъ характеромъ работъ и научныхъ интересовъ И. П-ча рѣзко отличается отъ его послѣдующей петербургской дѣятельности. Гранью между этими двумя періодами легло его путешествіе. Оно широко раздвинило горизонты молодого ученаго. Черезъ три года онъ вернулся въ Харьковъ совсѣмъ инымъ — не юношей, пробующимъ свои силы, а законченнымъ ученымъ съ опредѣленными взглядами на науку и человѣкомъ готовымъ къ жизни. Четыре года его профессуры въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія до переѣзда въ Петербургъ по характеру своему могутъ быть отнесены уже къ новому періоду его ученой дѣятельности.

Общій планъ путешествія лицъ, избранныхъ русскими университетами для подготовленія къ занятію кафедръ славяновѣдѣнія, былъ выработанъ въ московскомъ университетѣ; для путешествія И. П-ча онъ былъ нѣсколько переработанъ въ харьковскомъ университетѣ П. П. Гулакомъ-Артемьевскимъ, которымъ, совместно съ А. О. Валицкимъ, кромѣ того была составлена и инструкция для путешественника. Помимо внимательнаго изученія «диалектическихъ свойствъ, отличающихъ языкъ или нарѣчіе» одной страны

отъ другой, «смысла и духа» народныхъ пѣсней, «мелодій ихъ напѣва»; помимо записыванія преданій и сказокъ, инструкція эта предписывала путешественнику систематическое подробное изученіе страны, населенной данными племенемъ, ознакомленіе съ ея географіей, климатомъ, природою, софтовала обратить вниманіе на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и пр. Единственнымъ способомъ выполнить эти задачи для путешественника были пѣшеходныя экскурсіи. «Нѣкое время года», говорится въ инструкціи, «онъ долженъ проводить въ путешествіи по замѣчательнѣйшимъ и наименѣ изслѣдованнымъ странамъ, входить подъ мирную кровлю поселянина, сдружиться съ нимъ душою и бѣздою и выпытать отъ него все, что только напоминаетъ въ немъ славянца, не оставивъ безъ замѣчанія и чуждаго вліянія, которое стерло въ немъ черты его народнаго первообраза»; зимнее время рекомендовалось проводить въ городахъ, «пребываніе въ которыхъ могло бы быть для него поучительно: тамъ съ помощью библиотекъ, богатыхъ собраній, въ бесѣдѣ съ учеными мужьями онъ повѣрить свои наблюденія, на досугѣ приведесть въ порядокъ и систему собранныя имъ матеріалы».

Какъ ни трудны были задачи, данныя инструкціей, онѣ оказались И. И-чу подъ силу, благодаря природнымъ дарованіямъ, ошности, приобретенной въ работахъ по украинской этнографіи, и сохранившемуся до послѣднихъ лѣтъ его жизни умѣнію легко и повросту сходиться со всякимъ, безъ различія его общественнаго положенія.

Путешествіе И. И-ча длилось три года: 17-го сентября 1839 г. онъ выѣхалъ изъ Харькова, 23-го сентября 1842 года — вернулся. Путь его за-границу лежалъ черезъ Москву и Петербургъ, частью по необходимости служебной,

частью для научных занятий и подготовительных работ къ путешествію.

Начало первой зимы за-границей Н. И. провелъ въ Берлинѣ, гдѣ подѣ руководствомъ Боппа занимался санскритскимъ языкомъ, затѣмъ поѣхалъ въ Прагу, гдѣ основался надолго, изучая чешскій языкъ у Іос. Фр. Шумаяскаго, другіе славянскіе языки подѣ руководствомъ Фр. Чедяковскаго, пользуясь совѣтами и указаніями Шафарика и Ганки, работалъ въ музеѣ и постепенно подготавливаясь къ будущимъ пѣшеходнымъ странствованіямъ. Въ маѣ мѣсяцѣ начались эти странствования нѣсколькими небольшими путешествіями по Чехіи изъ Праги, потомъ уже изъ Вѣны по Моравіи: отсюда Н. И. двинулся на сѣверъ въ Вратиславъ (Бреславль), гдѣ дружески сошелся съ чешскимъ патриотомъ, профессоромъ-филологомъ Яномъ Пуркинею; изъ Вратислави онъ дѣлалъ экскурсіи для изученія нарѣчій слезаконъ, въ самой Вратислави работалъ въ библиотекѣ и изучалъ долине-лужицкое нарѣчье. Въ августѣ направился въ горно-лужицкіи земли, въ Сторѣнецъ (Герлицъ), гдѣ сблизился съ лужицкими патриотами — І. Е. Смоляромъ, при помощи котораго сталъ изучать горно-лужицкое нарѣчье, Ј. Гауптомъ и др.; затѣмъ отправился въ Будишинъ (Бауценъ), отсюда въ Долину Лужицы и наконецъ поздней осенью добрался до Дрездена.

Зимой 1840 — 1841 гг. онъ опять былъ въ Прагѣ, гдѣ закрѣпилъ свою дружбу съ П. И. Прейсомъ, потомъ — въ Вѣнѣ; здѣсь онъ готовился къ путешествію въ южно-славянскія земли и работалъ надѣ сербскимъ и хорватскимъ языками подѣ руководствомъ Караджича. Къ веснѣ Н. И. отправился въ путь — въ Штирию, Загребъ; здѣсь

2

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВАЯ
БИБЛИОТЕКА ХДУ
Inv. № 103140

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА

свелъ знакомство съ Людевитомъ Гаемъ, сдружился и побратался съ Станкомъ Вразомъ, сошелся со многими другими патриотами-хорватами, дѣлителями вѣдпрекаго возрожденія. Изъ Загреба И. И. направился вмѣстѣ съ Вразомъ въ Крашну, затѣмъ изъ Краины, уже безъ Врза, — въ Хорутанію, Резію, Горщу, въ Триестъ и далѣе, вмѣстѣ съ Прейсомъ, въ Далмашію, Черногорію и обратно въ Загребъ, гдѣ на этотъ разъ познакомился съ Колларомъ, посѣтившимъ Загребъ по пути въ Италію. Отсюда, осенью 1841 г., въ одиночку И. И. поѣхалъ въ Славонію и Сербію и къ зимѣ черезъ Пештъ вернулся въ Вѣну. Весной 1842 г. онъ посѣтилъ хорватовъ, живущихъ въ Венгріи, и словаковъ; въ Бретиславѣ (Пресбургѣ) сошелся съ Л. Штуромъ, въ Тернавѣ — съ знаменитымъ Яномъ Гольмъ. Послѣ путешествія по Венгріи въ полѣ И. И. направился въ Галличину, Краковъ, Вратиславъ, Познань, Варшаву и черезъ Кіевъ въ Харьковъ.

Время путешествія И. И.-ча было эпохой широкаго развитія на славянскомъ западѣ идей панславизма; путешествіе его было радостно привѣтствуемо: въ И. И.-чѣ видѣли не только ученаго, преслѣдовавшаго научныя цѣли, но и представителя великаго русскаго племени, гражданина русскаго имперіи, котораго, рисуясь въ то время въ глазахъ западныхъ ролничей въ ореолѣ славы, казался единственною силой, могущею объединить все славянство въ одно нераздѣльное цѣлое. Срезневскаго встрѣчали и провожали съ объятіями, какъ друга и брата, о его ожидаемомъ проѣздѣ писали въ газетахъ, его дѣятельности старались придать современную, иногда политическую окраску. И какъ ни чужды были «политики» самъ И. И., онъ невольно поддавался вліянію окружающаго общества; считал обязан-

ностью государственной власти уважать народность и охранять духовную самостоятельность каждого подчиненного ей племени и вслѣдъ за тѣмъ своими глазами увидать жестокое угнетеніе славянъ и невзгоды, рушащіяся на нихъ со стороны вѣмцевъ и мадьяръ, онъ проникся негодованіемъ къ господствующимъ племенамъ; на ряду съ серьезной научной работой надъ языкомъ, древностями, литературой, народной словесностью и этнографіей, въ немъ горѣлъ живой интересъ къ современной текущей жизни славянъ; этотъ интересъ, это сочувствіе къ славянамъ, открытость души его къ нимъ, все привлекало ихъ къ нему и сближало его со всѣми. Живыя впечатлѣнія его путешествія ярко выражаются въ его путевыхъ письмахъ къ матери, полныхъ жизни, свержающихъ талантомъ и наблюдательностью. Сохранившіяся въ его бумагахъ записи славянскихъ дѣателей являются яснымъ отраженіемъ мыслей, которыми волновали всѣхъ, и были цементомъ, скрѣплявшимъ ихъ связь съ молодымъ путешественникомъ.

Изъ заграничнаго путешествія И. И. вывезъ массу самыхъ разнообразныхъ литературно-научныхъ матеріаловъ; многіе изъ нихъ обработаны, но многіе лежатъ донынѣ въ его архивѣ почти не использованными: записи рѣсень, разговоровъ, сборники словъ, описанія обычаевъ, одежды, собственноручныя рисунки народовъ и типовъ, отдѣльныхъ предметовъ обихода и пр. Въ высшей степени цѣнные его отчеты о путешествіи министру народнаго просвѣщенія были напечатаны въ свое время въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія», выдѣленія изъ путевыхъ писемъ къ Гауки — тоже въ тѣ годы въ «Часовнѣ Чешскаго музея» по чешски (въ переводѣ), въ 1907 году въ русскомъ оригиналѣ въ изданіи переписки Гауки (В. А. Францева).

Въ октябрѣ 1842 года одушевленной лекціей, посвященной вопросу о необходимости изученія славянства въ Россіи, И. И. началъ въ Харьковскомъ университетѣ свои чтенія по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій (напечатана въ 1893 г. въ «Журналѣ Мин. народного просвѣщенія»).

Вступительный курсъ по программѣ, которую И. И. обдумалъ и составилъ еще во время путешествія, заключалъ въ себѣ введеніе въ изученіе славянства и церковно-славянской языкъ; слѣдующій курсъ обнималъ собою разсмотрѣніе главныхъ славянскихъ нарѣчій, одного за другимъ, въ отношеніи къ ихъ политическимъ судьбамъ, образованности, народной словесности и литературѣ, съ чтеніемъ образцовъ; заключительный курсъ былъ посвященъ объяснительному чтенію древнихъ памятниковъ русскаго языка.

Программа И. И.-ча была обширна и для выполненія ея не хватало времени; подробно читать оказывалось возможнымъ (какъ писалъ онъ Ганкѣ) только какую-нибудь часть курса, все же остальное болѣе или менѣе кратко, съ указаніями на источники для самостоятельныхъ работъ студентовъ. Последнихъ, какъ говоритъ его харьковскій слушатель М. И. Де-Пуле, онъ завалилъ работами; онъ показывалъ на лекціяхъ «какъ надобно обращаться съ научнымъ сырьемъ—глаголю, пишу, вообще со всякимъ источникомъ»—и, «какъ никто тогда, сумѣлъ приохотить студентовъ къ научной дѣятельности».

Успѣхъ лекцій И. И.-ча былъ громадный. «Студенты всѣхъ факультетовъ», по словамъ М. И. Де-Пуле, «особенно въ первый годъ курса толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора»; «новость предмета», говоритъ онъ же, «бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго

цитатами изь Коллара, Пушкина и Мишкевича, то строга критическаго, не лишенаго юмора и проица, — все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобразно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской кафедрѣ».

Первую часть вступительнаго курса — введеніе въ изученіе славянства — И. И. предполагалъ издать тогда же съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій, «какъ выборы не столько лучшаго, сколько любопытнѣйшаго изъ того, что можетъ представить каждое нарѣчіе въ письменной литературѣ и въ народной словесности»; въ этомъ изданіи, какъ писалъ онь Ганкѣ, онь хотѣлъ подробно характеризовать нарѣчія и въ топографико-историческомъ порядкѣ представить рядъ отрывковъ на всѣхъ нарѣчійхъ съ объясненіями.

Помимо лекцій и подготовительныхъ работъ къ изданію образцовъ славянскихъ нарѣчій, И. И. въ то же время дѣятельно трудился надъ разработкой собранныхъ имъ во время путешествія матеріаловъ. Къ этой порѣ относятся его статьи: «Публичныя чтенія о славянахъ» (1843 г.), «Жумборскіе Ускоки» (1843 г.), «Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы» (1844 г.), «Фриульскіе славяне» (1844 г.), дѣлалъ, въ свое время единственная работа по славянской диалектологіи «Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчійхъ славянскихъ» (1845 г.), «Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи» (1846 г.), рядъ критико-библиографическихъ замѣтокъ, между прочимъ обширная статья о сочиненіи Шафарика «*Slowansky Narod*» (1843 г., перепечатанная въ 1890 г. въ «Живой Старинѣ»). Тогда же онь выступилъ съ рядомъ

статей, посвященных изучению древних верований славянъ, — «Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ» (1845 г.), «Архитектура храмовъ языческихъ славянъ» (1846 г.) и съ обширнымъ изслѣдованіемъ, диссертацией на степень доктора, «Святѣища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣльствамъ современнымъ и преданіямъ»; защита этой диссертации (3 декабря 1846 г.) дала ему, первому въ Россіи, степень доктора славяно-русской филологіи. Въ тѣ же годы постепенно начинаютъ заинтересовывать И. И-ча и работы надъ древнимъ русскимъ языкомъ, именно работы (какъ видимъ изъ писемъ къ Ганкѣ) надъ «Старорусской грамматикой» и «Историческимъ лексикономъ старорусскаго языка» — прообразомъ того первостепенной важности труда, изданіе котораго завершилось только недавно — болѣе, чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти И. И. Срезневскаго.

Въ годы второго пребыванія И. И-ча въ Харьковѣ въ личной жизни его совершилось событіе величайшей важности: въ ноябрѣ 1844 г. И. И. вступилъ въ бракъ съ 19-лѣтнею дочерью учителя математики харьковской гимназіи Федора Леонтьевича Тюрина, Екатериной Федоровной (р. 1825 г.). Несмотря на большую разницу въ лѣтахъ и жизненномъ опытѣ женившихся, бракъ ихъ былъ изъ счастливыхъ. Благодаря своимъ рѣдкимъ, высокимъ душевнымъ качествамъ, Екатерина Федоровна сразу сумѣла стать другомъ, помощницей и опорой своего мужа. Всегда принимала дѣятельное и живое участіе въ его работахъ, звала въ его научные и жизненные интересы, раздѣляя съ нимъ заботы о семьѣ, она посвятила себя тому, чтобы сдѣлать болѣе легкой и счастливой его трудовую жизнь. Екатерина Федоровна на много

дѣтъ пережила своего мужа, скончавшись въ глубокой старости на другой день послѣ столѣтней годовщины дня его рожденія (2 іюня 1912 г.).

Вскорѣ послѣ докторскаго диспута И. И. получилъ командировку въ Петербургъ. Научные интересы его, такъ расширившіеся со времени путешествія, уже не находили въ Харьковѣ достаточно матеріаловъ: «Средствъ для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ (какъ писалъ онъ Ганскі), пособій, не только рукописныхъ и старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ» не было почти никакихъ; «ни одного труда (читаемъ тамъ же) не могу окончить удовлетворительно...». Эта бѣдность Харькова научными пособиями еще въ августѣ 1846 года побудила И. И-ча начать хлопоты о переводѣ въ петербургскій университетъ, имѣвшійся въ маѣ 1846 года П. И. Прейса. Къ моменту отъѣзда И. И-ча окончательное рѣшеніе о переводѣ еще не состоялось, и по приказанію министра онъ былъ откомандированъ безъ обозначенія цѣли; ни самъ И. И., ни его харьковское начальство и сослуживцы не думали, что онъ оставляетъ Харьковъ навсегда; онъ предполагалъ провести нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ для изученія памятниковъ древне-русскаго и славянскаго языковъ — рукописныхъ сокровищъ петербургскихъ библиотекъ; какъ писалъ онъ Ганскі, изъ-за его отъѣзда харьковскій университетъ не только не проиграетъ, но выиграетъ, потому что по возвращеніи его въ Харьковъ найдеть въ немъ «профессора несравненно болѣе опытнаго». Такъ думалъ И. И. и въ первые годы петербургской жизни. Но судьба рѣшила иначе: переѣхать въ январѣ 1847 г. въ Петербургъ, онъ тамъ остался до самой смерти, послѣдовавшей въ ночь съ 8 на 9 февраля 1880 года.

И. И. был допущен къ чтенію лекцій въ Петербургскомъ университетѣ 27-го января 1847 года и 28-го числа прочелъ свою первую лекцію «О пользѣ изученія славянской филологіи» съ вступленіемъ о жизни и заслугахъ Прейса, «умнѣйшаго и образованнѣйшаго изъ славянскихъ филологовъ новаго поколѣнія», какъ говорилъ онъ въ лекціи, которому (какъ читаемъ въ другомъ мѣстѣ) онъ считалъ себя обязаннымъ «болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ въ отношеніи къ изученію филологическихъ задачъ и пріемовъ».

Первоначальная программа чтеній была та же, что и въ Харьковскомъ университетѣ, но въ 1848 г. оказалось необходимымъ ее переработать для представленія въ министерство. Это было время страха передъ идеей славянства и гоненія какъ на славяно-филовъ, такъ и на всѣхъ лицъ, у которыхъ мелькали общеславянскія мечты и нѣкіе политики. Въ III отдѣленіи было постановлено сообщить министру народнаго просвѣщенія «о предостереженіи цензоровъ, профессоровъ и учителей, чтобы не допускали разсужденій и возгласовъ полуполитическихъ и двусмысленныхъ», было предписано слѣдить за московскими юристами и сборниками, особенно за «Чтеніями Общества исторіи и древностей» и вообще за книгами славянофиловъ, Краевского же поощрить печатаніе статьи, подобныя той, въ которой онъ «опровергаетъ бредни славянофиловъ». Естественно подверглись гоненію и каведры славяновѣдѣнія — науки, касающейся всей совокупности славянъ, какъ единого цѣлаго. Министерству нужно было точно опредѣлить границы этой науки, нужна была исчерпывающая предметъ программа; составленіе ея поручали И. И-чу. Новая программа, по словамъ А. Ф. Бычкова, своей точностью и испостью

отстранена отъ славянскихъ каведръ грозу, которая была готова разразиться надъ ними.

Цѣлью университетскихъ чтеній, какъ читаемъ въ вступительной лекціи 1850-хъ годовъ, И. И. ставилъ «филологическое знаніе того племени, къ которому принадлежатъ русскій народъ, племени славянъ»; филологическое знаніе «не значить знаніе только языка, какъ языка, нѣтъ, — языка, какъ выраженія жизни, — и слѣдовательно не исключительно языка, а вмѣстѣ и всего, въ чемъ выражается жизнь славянъ прошедшая и современная, т. е. быта и образованности славянъ, только преимущественно съ помощію языка». Въ другомъ, болѣе позднемъ, вступительномъ чтеніи въ курсѣ (1860-хъ гг.) читаемъ: «...Славянская филологія должна изслѣдовать славянскій языкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и народную словесность и письменность славянъ, какъ выраженіе жизнедѣятельности славянъ, какъ источникъ для изученія судьбы славянъ и какъ пособіе для разумѣнія историческихъ фактовъ. Имѣя же въ виду, что славяне въ продолженіе своей исторической жизни принадлежали къ двумъ различнымъ степенямъ образованности — древней языческой и новой христіанской, славянская филологія должна обратить вниманіе на ту и другую въ отношеніи къ славянамъ отдѣльно, т. е. на славянскія языческія древности и на судьбу языка, словесности и письменности и вообще образованности славянъ въ христіанскіе вѣка».

Путь къ достиженію знанія славянской филологіи долженъ быть таковъ: во-первыхъ, разсмотрѣніе славянскихъ чертъ славянскаго племени; во-вторыхъ, изученіе древностей славянъ; въ-третьихъ, изученіе судьбы ихъ образованности, языка и литературы; наконецъ въ четвертыхъ,

изучение древностей русского языка (изъ вступительнаго чтения 1850-хъ гг.). Эти четыре подраздѣленія науки славянской филологіи легли въ основу четырехъ главныхъ курсовъ П. И-ча: «Введение въ славянскую филологію» (иначе «Общее филологическое обозрѣніе славянъ»), «Славянскія древности», «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» и «Древности русскаго языка и словесности»; первоначально (по программѣ 1849 года) послѣдній курсъ носилъ названіе «Чтеніе древнихъ памятниковъ русскіихъ»; вскорѣ къ нему было присоединено общее обозрѣніе исторіи русскаго языка, затѣмъ онъ былъ совершенно переработанъ. Къ этимъ четыремъ основнымъ курсамъ было присоединено два добавочныхъ: 1) «Грамматика нарѣчій старославянскаго церковнаго сравнительно съ другими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ, польскимъ, чешскимъ и сербскимъ» и 2) «Чтеніе замѣчательныхъ памятниковъ западнославянскихъ нарѣчій, особенно сербскаго, польскаго и чешскаго».

«Общее филологическое обозрѣніе славянъ» по программѣ 1849 г. заключало въ себѣ: 1) вступительную часть — о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ, — въ которой, кромѣ общаго этнографическаго обзора славянскаго племени (съ разсмотрѣніемъ вопроса о границахъ его въ древности и теперь), историческаго обзора славянъ въ отношеніи къ общественному быту, къ религии и образованности (съ современными статистическими данными), было представлено «общее обозрѣніе содержанія и успѣховъ славянской филологіи, какъ науки вообще и въ примѣненіи къ нашимъ ученымъ нуждамъ»; 2) разсмотрѣніе основныхъ чертъ славянскаго языка, заключающее въ себѣ общій взглядъ на славянскій языкъ и на его видо-

измѣненія сравнительно съ другими индо-европейскими языками, фонетику его, обзорѣе корней, формъ образованія словъ, формъ словосочиненія, синтаксиса; 3) характеру славянскихъ нарѣчій (перечень ихъ «съ разборомъ мѣстной относительно отдѣленія однихъ нарѣчій отъ другихъ и систематическаго ихъ распредѣленія») и разсмотрѣе каждого отдѣльно по тремъ группамъ: юго-западная, — старославянское церковное, болгарское, сербское съ хорватскимъ, хорутанское; сѣверо-западная — чешское съ словацкимъ, лужицко-сербскія, балтійскія, польское; восточная — великорусское съ бѣлорусскимъ и малорусское. Впоследствии этотъ курсъ нѣсколько видоизмѣнился и расширился: въ связи съ желаніемъ знакомить вновь поступающихъ въ университетъ студентовъ съ обширными филологическими свѣдѣніями И. И. сталъ излагать имъ обзорѣе состава, содержанія, главныхъ выводовъ и успѣховъ филологіи вообще; курсъ получалъ названіе «Энциклопедическое введеніе въ славянскую филологію»; первую часть его занимало «общее обзорѣе филологіи въ ея современномъ состояніи въ связи съ науками вспомогательными», вторая — «общее филологическое обзорѣе славянскаго племени» — соответствовала старому курсу, но въ значительно измѣненномъ видѣ. Курсъ этотъ былъ напечатанъ въ 1870-хъ годахъ по конспективнымъ записямъ слушателей.

Курсъ «Славянскихъ древностей въ филологическомъ отношеніи» (такъ названъ курсъ въ программѣ 1849 года) заключалъ въ себѣ кромѣ введенія (предметъ, источники и литература) географическое обзорѣе древнихъ славянъ по сообщеніямъ византійскимъ, арабскимъ, западно-европейскимъ и русскимъ и обзорѣе быта и образованности

отдельных групп славянских племен — юго-западных славян, чехов и словаков, балтийских, польских и русских (до X вѣка); въ каждой группѣ отдѣльно разбирались вопросы — образъ жизни, край и народъ, переселенія, осѣлости, пути сообщенія, промыслы и торговля, земледѣліе и ремесла, войско и вооруженіе; затѣмъ устройство семейное и общественное, законы и судъ, сословія, княжескіе роды, рабы; затѣмъ религія — языческія вѣрованія и обряды, введеніе христіанства, славянское богослуженіе и латинскіе обряды. Курсъ «Славянскихъ древностей» сохранился въ литографированныхъ запискахъ слушателей 1860-хъ гг., повидимому, въ сокращенномъ изложеніи.

Третій курсъ И. И-ча — «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» распадался на восемь отдѣленій: изъ нихъ въ первомъ, вводномъ, сообщались общія понятія «объ исторіи языка и исторіи словесности, какъ о части исторіи образованности и какъ объ особенномъ плѣмѣ», давалось общее историко-филологическое обозрѣніе славянскаго племени, затѣмъ общее обозрѣніе исторіи славянскаго языка и литературы, обзоръ успѣховъ образованности славянъ, очеркъ исторіи славянскаго языка (три части: славныя черты славянскаго языка, ходъ его постепеннаго измѣненія по пути превращеній и мѣстныхъ видоизмѣненій въ народѣ и письменности, вліяніе иноплеменныхъ языковъ на его измѣненія въ отношеніи къ строю и составу въ народѣ и письменности), далѣе — характеристика народной словесности и характеристика книжной литературы. Въ слѣдующихъ семи отдѣленіяхъ курса разбирались исторія и литература славянскихъ нарѣчій, каждаго самостоятельно: старославянскаго, болгарскаго, сербскаго и хорватскаго,

хорватского, чешского и словацкого, сербо-лужицких и балтийских и польского; каждый из этих отделов заключал в себя (с различными изломами) исторический очерк образованности народа, употреблявшего то или другое нарѣчіе, историю нарѣчія, обзоръ народной словесности и письменной литературы до новаго времени. Впоследствии курсъ истории и литературы славянскихъ нарѣчій былъ раздѣленъ Срезневскимъ съ В. И. Жамаискимъ: И. И. взял на себя историю языка, В. И. Жамаискій — историю литературы. Курсъ истории и литературы славянскихъ нарѣчій въ бумагахъ И. И.-ча сохранился въ довольно полномъ видѣ, частью въ подлинной рукописи, частью въ копіяхъ; курсъ истории славянского языка и его нарѣчій былъ литографированъ слушателями въ 1870-хъ годахъ и сохранился съ переправками послѣдняго времени.

Четвертый курсъ И. И. Срезневскаго первоначально былъ посвященъ чтенію древнихъ памятниковъ русской письменности. При объясненіи ихъ, говорится въ программѣ 1849 года, «привѣщаются, насколько нужно, западные славянскія нарѣчія и отмѣчаются главные факты истории древняго русскаго языка». Вскорѣ къ этому присоединилось общее обзорѣніе истории русскаго языка. Курсъ былъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ; начинался вступленіемъ (впоследствии переработаннымъ въ статью «Древнія русскія книги»), затѣмъ шло обзорѣніе древнѣйшей лѣтописи, договоровъ съ греками, лѣтописныхъ сказаній болѣе поздняго времени, сочиненій Луки Жидаты, Иларіона, Іакова мниха, церковныхъ уставовъ и прочихъ памятниковъ до середины XI вѣка. Уже въ 1850 годахъ (сохранились программы 1856 — 1858 гг.)

курсъ этотъ превратился въ курсъ «Русскихъ древностей» (или «Древностей русскаго языка»), принявъ совершенно новую редакцію. Вступительная часть его заключала въ себѣ, послѣ общаго обзора содержания предмета и литературы его, — палеографическое обзоріе памятниковъ древней русской письменности съ XI по XIV вѣкъ съ разсмотрѣніемъ ихъ списковъ, и обзоріе формъ древняго русскаго языка (здѣсь обращалось вниманіе на факты переходнаго состоянія языка по памятникамъ XIV вѣка и разбирался лексическій составъ русскаго языка). Вторая часть курса заключалась въ разсмотрѣніи памятниковъ по содержанию, съ раздѣленіемъ на два разряда — 1) духовная письменность и 2) историческая письменность; первый разрядъ подраздѣлялся на книги богослужебныя, книги св. писанія и догматы вѣры, объяснительно-богословскія и поучительныя сочиненія — переводныя и русскія, съ именами и безыменныя (большое вниманіе было уделено поученіямъ противъ блговскихъ иеръ и ижевъ и противъ кумиролуженія); второй разрядъ раздѣлялся на двѣ части: 1) переводныя сочиненія — псалмъ, хронографъ, житія святыхъ, апокрифы, повѣсти, и 2) русскія — лѣтописи (съ пересмотромъ главнѣйшихъ данныхъ русской общественной жизни, находимыхъ въ лѣтописяхъ, съ разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ видовъ вставныхъ статей въ лѣтописяхъ, собственнаго состава лѣтописи, языка лѣтописей) и отдѣльныя сказанія и повѣсти (сюда входило разсмотрѣніе житій, историческихъ повѣстей, записокъ современниковъ о себѣ, путевыхъ записокъ, поэтическихъ словъ въ сравненіи съ соответствующими произведеніями скандинавской народной поэзіи). Первоначальная редакція курса «Русскихъ древностей» сохранилась въ почти обработанномъ къ печати

видѣ; вторая редакція постепенно перерабатывалась, и только нѣкоторыя части ея были болѣе или менѣе закончены, именно въ трудѣ, писанномъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни И. И-ча и оставшемся не завершеннымъ.

Курсъ «Русскихъ древностей» въ срединѣ 1860-хъ гг. дополнился необлазательнымъ курсомъ Славянской палеографіи: одна изъ обработокъ этого курса была напечатана послѣ смерти И. И-ча подъ заглавіемъ «Славяно-русская палеографія». Но кромѣ этого курса, какъ видно изъ конспектовъ, были и другіе, по всей вѣроятности, никогда не излагавшіеся письменно, а передававшіеся слушателямъ устно. Таковъ курсъ, въ конспектѣ названный «Палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской до-татарскаго періода». Курсъ дѣлится на три части: 1) Вѣдѣмость рукописей, 2) Подлинники и списки и 3) Рукописи, какъ памятники образованности древней Руси (разряды рукописей, переводчики и сочинители). Первая часть этого курса сохранилась также и въ иномъ цѣлѣ, вѣроятно болѣе раннемъ, и, можетъ быть, предназначавшемся не для лекцій, а для научнаго труда. «Палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской» (какъ названъ этотъ трудъ), подраздѣляя памятники на три разряда (книги, грамоты и написи), разбираетъ два первые разряда вмѣстѣ, послѣдній отдѣльно. При разсмотрѣніи рукописей изслѣдуются работы по писанію (писцы, матеріалъ, чернила, перо, линейка, почеркъ, нотные знаки, приписки), работы по рисованію (рисовальщики, краски, кисти и перо, заставки, картины) и переплетъ книги или складка грамоты. Въ отдѣлѣ написей разбираются разные виды написей по матеріалу и работѣ и почеркъ буквы написей сравнительно съ рукописями. Въ дополненіе

къ курсу Русской палеографіи въ 1872 г. П. И. читать эпизодическій курсъ Греческой палеографіи.

Кромѣ университета П. И. состоялъ профессоромъ Главнаго педагогическаго института по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій съ самаго учрежденія этой кафедры въ институтѣ въ 1848 году до закрытія института въ 1859 году. Вслѣдствіе особенныхъ идей, преслѣдовавшихся институтомъ, специально предназначеннымъ для подготовки молодыхъ людей къ учительскимъ должностямъ, П. И.-чу пришлось нѣсколько измѣнить университетскую программу и характеръ преподаванія, опустить изложеніе древностей быта и увеличить количество практическихъ упражненій. Позже, въ 1855 году, программа эта была принята въ руководство министерствомъ народнаго просвѣщенія и напечатана.

По этой программѣ курсъ славянской филологіи распался на два главныхъ отдѣла: 1-й подготовительный, общій для всѣхъ студентовъ (1-го и 2-го курсовъ), 2-й чисто филологическій — для студентовъ-филологовъ (3-го и 4-го курсовъ). Въ первый отдѣлъ входило общее филологическое обозрѣніе славянъ, распавшееся на слѣдующія части: 1, о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ; 2, основныя черты славянскаго языка; 3, филолого-литературное обозрѣніе славянскихъ нарѣчій; къ этому же отдѣлу относился практическій курсъ нарѣчій старославянскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго. Во второй отдѣлъ входилъ курсъ древностей славянскаго языка: 1, историческія примѣненія о судьбахъ славянъ въ IX—XIV вѣкахъ; 2, обозрѣніе памятниковъ языка; 3, судьбы народнаго языка и народной словесности; 4, судьбы книжнаго языка и литературы; сюда же относился курсъ новой исторіи

славянской литературы (введение, литература сербская, чешская и польская).

Собственноручные записки лекций И. И-ча сохранились далеко не все въ полномъ видѣ; старыя записки обыкновенно шли въ дѣло при новыхъ обработкахъ курсовъ, постепенно измѣнялась въ зависимости отъ развитія научныхъ воззрѣній автора. «Исследованія только начаты», писалъ И. И. арх. Амфилохию въ 1859 г.; «тѣмъ, что сдѣлано, довольствоваться нельзя; чѣмъ лучше слушатели, тѣмъ болѣе хочется быть имъ полезнымъ: отъ этого и приходится или перерабатывать съ-изнова то, надъ чѣмъ уже трудился, или съ самаго начала трудиться». Восстановить полныя курсы лекцій И. И-ча не легко; какъ бы то ни было, но для исторіи науки славяновѣдѣнія восстановление это очень важно, и нужно надѣяться, что когда-нибудь оно и будетъ сдѣлано, хотя бы въ видѣ подробныхъ конспектовъ.

Ведя курсы своихъ лекцій, И. И. всегда ставилъ своею цѣлью пробужденіе въ своихъ слушателяхъ самостоятельности и привлекать ихъ къ дѣятельному въ нихъ участию. На необходимость этого онъ указываетъ въ одной изъ вступительныхъ лекцій: «не только долженъ я оставлять ваше вниманіе на томъ, что нужно», говоритъ онъ, «но и вы должны принимать въ этомъ живое участіе, не про себя, а взаимно со мною. Намъ нужны собесѣдованія». Въ другой, заключительной лекціи, онъ говоритъ: «Я хотѣлъ бы представлять на ихъ (слушателей) соображеніе то, что можетъ служить для уясненія и поноженія извѣстнаго и вмѣстѣ пробуждать ихъ самостоятельную мысль, не возя ихъ на помочахъ, а раскрывая вопросы и данныя, годныя для ихъ рѣшенія, и возбуждая ихъ безпристрастную, покойную и честную наблюдательность. Лестно для често-

любя, конечно, иметь последователей, но вовсе не честно и не честно останавливать движение науки вперед; а слѣбные последователи только для этого и существуют. Я бы хотѣлъ имѣть не последователей, а сотрудничать, работающих или помогающих работать другимъ, не для утверждения въ себѣ напередъ увѣрованныхъ идей и взглядовъ, а для отысканія истины, какова бы она ни была, не для убиванія науки, а для жизни»...

Стремленіе пробудить среди слушателей «самодѣтельную мысль», самостоятельность въ трудѣ, умѣние научно работать—вело за собою требованіе постоянныхъ самостоятельныхъ работъ студентовъ надъ отдѣльными вопросами, самостоятельного составленія отдѣльныхъ лекцій, или цѣлаго ряда ихъ. Въ архивѣ И. И-ча сохранилось множество подобныхъ работъ и рядовыхъ студентовъ, и лицъ, зпльшившихъ впоследствии высокія мѣста въ исторіи русской культуры; всѣ работы эти являются яркимъ отраженіемъ основной идеи И. И-ча, рѣшительно проводившейся имъ съ первыхъ лекцій въ Харьковѣ до конца жизни.

Добиваясь въ своихъ слушателяхъ развитія самостоятельности и самостоятельности, И. И. требовалъ въ то же время критическаго отношенія къ самимъ себѣ, научной осторожности въ выводахъ, не допускалъ «самонадѣнности», остерегалъ отъ скороспѣлыхъ приговоровъ. И для самого себя онъ былъ первый и безпощадный критикъ. «Судите меня строго», говорилъ онъ въ своей заключительной лекціи, изъ которой уже приведена выше цитата: «это и мнѣ будетъ полезно, если только опѣлика ваша не будетъ для меня тайной; это будетъ полезно и не для одного меня. Пусть каждый изъ насъ будетъ возвышать учебную требовательность въ себѣ и вокругъ себя для пользы общей, — и мы

Gypfel
 Auf dem Gipfel des Berges, der uns hierher
 führt, stehen die Bäume in dichter Gruppe
 und ihre Äste sind mit Schnee bedeckt.
 Die Luft ist rein und frisch, und die
 Berge sind so schön und groß.
 Ich bin so glücklich, hier zu sein,
 und ich bin so dankbar für die
 Natur, die uns diese Gegend
 geschenkt hat.
 Ich bin so glücklich, hier zu sein,
 und ich bin so dankbar für die
 Natur, die uns diese Gegend
 geschenkt hat.
 Ich bin so glücklich, hier zu sein,
 und ich bin so dankbar für die
 Natur, die uns diese Gegend
 geschenkt hat.

Из прощальной лекции съ курсомъ.

Ученики:

Судите меня строго: это и мнѣ будетъ полезно, если только оценка
 ваша не будетъ для меня тайной; это будетъ полезно и не для одного
 меня. Пусть каждый изъ насъ будетъ сознательно учению трудолюбивости
 съ собою и ~~впередъ~~ ^{впередъ} себя для пользы общей, — и мы ишь пойдемъ впередъ,
 какъ сотрудники къ общему дѣлу, что бы чѣмъ ни занимался.

Судите меня строго — и вкѣсть за прошлое наше извинение, если въ
 чемъ не удовлетворялъ вашия ожиданія и желанія. Вѣрите, что это
 было не отъ воли моей и не отъ нерадѣнія. Для будущихъ вашихъ тола-
 рностей дайте мнѣ друж[ественн]о советъ, какъ бы къ цѣли своей я могъ
 стремиться съ большею для нихъ пользою. —

Простите, — и не забывайте ласкомъ.

всѣ пойдемъ впередъ, какъ сотрудники въ общемъ дѣлѣ, кто бы чѣмъ ни занимался».

И. И. высоко ставилъ науку, требовалъ къ ней уваженія, и во всѣхъ, кого училъ наукѣ или съ кѣмъ сблизился на почвѣ ея, старался пробудить любовь къ ней—будь то студенты, дѣти, товарищи или случайные слушатели: «Люби науку», говоритъ онъ въ своей одушевленной рѣчи на торжествѣ столѣтня смерти Ломоносова, — «она намъ необходима — строгая въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судіей всѣхъ нашихъ усилій, душой порядка, вожатаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всеми, даремъ и пародомъ, отъ вратовъ явныхъ и тайныхъ—отъ невѣжества и безпечности, чванства, свескорыстія, суетности и суетности. Люби науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и топли любви эту въ юношахъ».

«Въ преподаваніи своей науки», читаемъ въ воспоминаніяхъ Л. И. Майкова, бывшаго ученикомъ И. И.-ча, «онъ увлекалъ живостью, ясностью и простотой изложенія, наглядными подробностями и неподдѣльнымъ воодушевленіемъ, которое отъ профессора легко сообщалось и студентамъ; и этотъ интересъ, эта сила впечатлѣнія еще возрастала въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ: онъ умѣлъ приохотить къ занятіямъ и старался возбуждать въ своихъ слушателяхъ самостоятельность; его критическая пытливость въ особенности оказывала развивающее вліяніе на тѣхъ, кто пользовался его руководствомъ, и если онъ бывалъ требователемъ въ разсмотрѣніи представляемыхъ ему работъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ и слово поощренія и ободренія для тѣхъ,

въ комъ видѣть способности и охоту къ научному труду». По словамъ другого ученика И. И-ча, П. И. Аландскаго, «наклоненіе его отличалось ясностью, точностью, опредѣленностью, безъ малѣйшаго намека на прикрасы»; «онъ не старался поражать слушателей громкостью фактическихъ данныхъ», и представлялъ имъ «не многія, но точныя данныя науки». Будучи на лекціяхъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ въ ученыхъ печатныхъ трудахъ, говоритъ слушатель И. И-ча Я. О. Красношвецъ, онъ нерѣдко сообщалъ студентамъ и такія научныя мнѣнія, какихъ не высказывалъ въ печати; при этомъ всегда «открещивался отъ навязыванія имъ своихъ взглядовъ», «всегда сообщалъ и мнѣнія противоположныя».

Объ отношеніи И. И-ча къ студентамъ упоминаетъ въ своемъ биографическомъ очеркѣ В. И. Ламанскій, тоже ученикъ его, потому товарищъ по кафедрѣ. «Къ молодежи», говоритъ онъ, «П. И. всегда относился съ великимъ участіемъ, а если замѣчалъ въ молодомъ человѣкѣ искреннюю любовь къ наукѣ и дарованіе, то даже съ увлеченіемъ; въ то время, когда его сверстники—старики однихъ съ нимъ чиновъ и орденовъ, о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ иначе не отзывались какъ съ ненавистью и негодованіемъ, П. И. прямо говорилъ объ ихъ умѣ, дарованіи и образованности». Нѣкоторые изъ наиболѣе цѣнимыхъ имъ студентовъ, особенно тѣ, у которыхъ не было семьи въ Петербургѣ, бывали имъ приняты въ его семейномъ кругу, какъ свои. Эта близость нерѣдко продолжалась и послѣ того, какъ студенты кончали курсъ.

Въ одной изъ многочисленныхъ статей объ И. И-чѣ, появившихся въ печати послѣ его смерти, упоминаются «его умныя, полныя творчества бесѣды, въ которыхъ

раскрывалъ онъ свои научные взгляды и выводы, особенно въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ; «оттого», говорится тамъ, «многіе готовы были признать себя его учениками, хотя и не были слушателями его лекцій». О бесѣдахъ И. И-ча вспоминаетъ также В. П. Ламанскій: «Подвижность и энергія, оригинальный умъ, богатство личнаго опыта и разнообразіе живыхъ и книжныхъ свѣдѣній, мастерское знаніе русской рѣчи, находчивость въ выборѣ нужнаго слова и выраженія для каждаго оттѣнка мысли и предмета разговора дѣлали И. И-ча чрезвычайно занимательнымъ собесѣдникомъ. Его сужденія о различныхъ явленіяхъ жизни, искусства, литературы, науки были всегда своеобразны и остроумны, а его отношенія къ людямъ, при всей его насмѣшливости, извѣстномъ скепсисѣ и критицизмѣ, вообще отличались терпимостью и доброжелательствомъ. Только пошлость, самодовольное невѣжество, такъ называемая имъ каше-парщина и завѣдомое поправаніе свято юмъ чтимыхъ высокихъ семейныхъ началъ всегда возбуждали въ немъ невозможную насмѣшку и негодованіе».

Профессорская дѣятельность И. И-ча въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжалась въ теченіе 33 лѣтъ, съ января 1847 по январь 1880 г.; послѣднія лекціи были прочтены имъ дома, такъ какъ онъ уже не въ силахъ былъ ѣздить въ университетъ.

Университетская жизнь слилась съ жизнью самого И. И-ча, сдѣлалась ея неразрывной частью. Помимо научно-учебной дѣятельности, въ университетѣ у него была и иная дѣятельность: до самой смерти онъ состоялъ деканомъ факультета, такимъ образомъ непремѣннымъ членомъ правленія; въ 1861 г., въ одну изъ тяжелыхъ минутъ

жизни университета, исправлять должность ректора: въ 1862 — 1863 г. состоять членомъ комисіи по управленію дѣлами университета. Эта сторона дѣятельности, далекая отъ науки, связанная съ обязанностию имѣть дѣло съ ненавистнымъ ему чиновничествомъ, «приказными» (какъ онъ называлъ), много отняла у него силъ и здоровья и значительно способствовала развитію жестокихъ нервныхъ страданій. Въ особенности тяжело ему бывало бороться противъ оф-фициально-полицейскаго отношенія къ студентамъ, къ которымъ онъ самъ относился строго, но сердечно. Сердечность эта чувствовалась молодежью и находила среди нея благодарный откликъ; Н. И. вспоминалъ, какъ оберегали его студенты отъ возможныхъ случайностей, когда во время университетскихъ волненій ему приходилось въ качествѣ оф-фициальнаго лица бывать среди возбужденной толпы.

Въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ 18 декабря 1848 г. Н. И. былъ избранъ адъюнктомъ этого Отдѣленія. Русское отдѣленіе Академіи не блистало въ то время научными силами: въ немъ были собственно только одинъ представитель истинной учености, А. Х. Востоковъ, въ лицѣ котораго Н. И. нашелъ себя неопытнаго учителя и совѣтника; другіе члены, за исключеніемъ, можетъ быть, П. Г. Буткова и В. А. Полюнова, къ наукѣ имѣли мало отношенія: это были Н. И. Давыдовъ, М. А. Коркуновъ, П. А. Шлетневъ, Я. И. Бердичковъ и І. С. Кочетовъ. Труды Отдѣленія при вступленіи Н. И.-ча были посвящены составленію обще-сравнительной грамматики русскаго языка, разбору матеріаловъ для словаря областныхъ словъ и пополненію падающаго въ 1847 г.

«Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка». И. И. повсемьному началъ вносить оживленіе въ чинную дѣятельность Отдѣленія и вскорѣ на многіе годы, до самой своей смерти, сдѣлался его центромъ, главной его научной силой.

Первая идея, которую И. И. сталъ проводить въ среду своихъ сочленовъ, — была мысль о необходимости положить начало періодическому изданію, посвященному исключительно «наукѣ русскаго языка и знааніямъ для него вспомогательнымъ», «которое бы для всякаго образованнаго русскаго облегчало возможность слѣдить за успѣхами русской и вообще славянской филологіи» и содѣйствовало такой дѣятельности. Многихъ усилий стоило И. И.-чу осуществленіе этой мысли, но все-таки, въ концѣ концовъ, онъ достигъ ея исполненія, и въ 1852 г. Отдѣленіе приступило къ изданію «Извѣстій»; душою ихъ, единственнымъ и безземѣннымъ редакторомъ во все время ихъ существованія былъ И. И. «Извѣстія» выходили съ 1852 по 1863 г.; ихъ вышло 10 томовъ. Какъ особая приложенія къ нимъ, издавались «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря» (7 томовъ) и «Памятники и образцы народнаго языка и словесности» (4 тетради). Въ непосредственной связи съ этимъ изданіемъ шло дѣло о заведеніи Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности въ 1854 г., также подъ редакціей Срезневскаго, «Ученыхъ Записокъ» (прекратившіяся въ 1863 г.).

«Извѣстія» съ своими приложеніями составили замѣчательное явленіе во всей славянской наукѣ; они стали средоточіемъ дѣятельности русскихъ филологовъ, палеографовъ и историковъ литературы и дали массу цѣнныхъ статей по славяновѣдѣнію, языковѣдѣнію, литературѣ, палео-

графіи, обширный подборъ материаловъ по народной словесности, рядъ словарей (между прочимъ замѣчательный трудъ Востокова «Словарь церковно-славянскаго языка»), а въ отдѣлѣ «Библиографическія записки» — живую летопись всѣхъ событій литературной и научной жизни русскаго, западнаго и южнаго славянства за обнимаемый ими періодъ времени.

Годы редактированія «Извѣстій» были порой наиболѣе кипучей дѣятельности И. И-ча въ Академіи; это было время полного расцвѣта его силъ. Пересматривая томы «Извѣстій», приходится только удивляться работоспособности и энергіи ихъ редактора; въ обихъ издашихъ Отдѣленія было помѣщено до 80 его изслѣдованій и безъ малаго 600 библиографическихъ замѣтокъ, иногда принимавшихъ размѣры крупныхъ статей. Но тяжело физически и нравственно легла на И. И-ча эта работа. Оканчивая «Извѣстія» въ 1863 году, онъ писалъ архимандриту Амфилохію: «Трудиться, какъ трудился, уже не могу; не хватаетъ силъ, и глазъ, и времени. . . . А между тѣмъ другихъ работъ у меня много: . . . словарь, палеографія, критическое разсмотрѣніе памятниковъ, исторія языка и т. д. Не хватитъ моей жизни покончить все затѣянное — я это чувствую; тѣмъ не менѣе надо додѣлать хоть чтонибудь».

Университетъ и Академія во весь петербургскій періодъ являются двумя главными центрами жизненныхъ и научныхъ интересовъ И. И-ча. Первый, близкій къ дѣйствительной жизни, вѣрѣдко отвлекалъ его отъ науки къ практической дѣятельности, вторая постепенно глубже и глубже погружала его въ чистую науку, съ теченіемъ времени все болѣе отвлеченную. «Въ одной наукѣ», писалъ И. И. архимандриту Амфилохію, «можно найти успокоеніе, потому что

она одна может быть такимъ зажиткомъ для человека, которое его не обезсмысливаетъ и не отведетъ отъ нравственныхъ убъжденій, а между тѣмъ всегда его будетъ влечь къ себѣ и давать возможность быть полезнымъ для другихъ».

Въ основѣ всей научной дѣятельности петербургскаго періода лежали труды филологическіе; имъ, можно сказать, посвящена эта часть жизни П. И-ча, и все, надъ чѣмъ онъ работалъ, къ нимъ велось, ихъ имѣло цѣлью. Первые его работы по филологіи относятся еще ко времени путешествія по западнымъ славянскимъ землямъ и даже къ болѣе раннимъ годамъ; изъ числа ихъ слѣдуетъ припомнить: «О славянскихъ нарѣчіяхъ» — характеристика хорутанскаго нарѣчія (1841), «Исслѣдованіе о границахъ славянскихъ нарѣчій» (1843), «Обозрѣніе сродства звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ» (1845).

Съ переездомъ въ Петербургъ, открывшимъ П. И-чу доступъ къ памятникамъ русскаго письма, филологическія разысканія его по преимуществу направились къ историческому изученію русскаго языка. Первымъ результатомъ этихъ работъ была замѣчательная трудъ его «Мысли объ исторіи русскаго языка» (изданы были 4 раза: два — въ 1849, въ 1850 и въ 1887 гг.). Первоначально актовая университетскаго рѣчи, впоследствии «Мысли» были дополнены обширными примѣчаніями и отчасти переработаны. Начавъ собою, какъ говоритъ А. А. Котляревскій, «настоящее строго методическое изученіе исторіи русскаго языка», эта работа можетъ быть названа однимъ изъ главнѣйшихъ этаповъ науки русскаго языковѣданія. Въ ней впервые высказывается убѣжденіе въ необходимости историческаго изученія языка въ связи съ исторіей народа, впер-

Въ языкѣ народѣ выражается себя поэзіе и многостороннѣ, чѣмъ въ
 чужь либо другоѣ — не только въ построеньѣ своемъ положеніи, но и
 исторически. Все, что есть у народа въ его бытіи и понятіяхъ, и все, что
 народъ хочетъ сохранить въ своей памяти, выражается и сохраняется
 языкомъ. Въ высшемъ своемъ значеніи и исторически важномъ при-
 мѣненіи языкъ становится орудіемъ и проводникомъ всѣхъ потребностей
 образованности народа: житейскихъ правилъ, научныхъ знаній, религіоз-
 ныхъ вѣрованій и художественнаго вкуса.

Изъ Энциклопедическаго введенія въ Славянскую филологію (1876—1877).

Ученіе:

Въ языкѣ народѣ выражается себя поэзіе и многостороннѣ, чѣмъ въ
 чужь либо другоѣ — не только въ построеньѣ своемъ положеніи, но и
 исторически. Все, что есть у народа въ его бытіи и понятіяхъ, и все, что
 народъ хочетъ сохранить въ своей памяти, выражается и сохраняется
 языкомъ. Въ высшемъ своемъ значеніи и исторически важномъ при-
 мѣненіи языкъ становится орудіемъ и проводникомъ всѣхъ потребностей
 образованности народа: житейскихъ правилъ, научныхъ знаній, религіоз-
 ныхъ вѣрованій и художественнаго вкуса.

вые поднимается вопрос о древности нарѣчій русскихъ и времени ихъ образованія, разбираются особенности древняго русскаго языка въ его постепенныхъ измѣненіяхъ, даются указанія для работъ по подготовленію матеріала для составленія исторіи русскаго языка при посредствѣ подробнаго пересмотра древнихъ памятниковъ, изученія народныхъ нарѣчій и современнаго языка литературы и образованнаго общества. «Ни прежде, ни послѣ этого труда Срезневскаго», — говоритъ И. В. Волковъ въ статьѣ «Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка», — «ни разу не ставилась такъ полно задача русскаго филологіи и не намѣчались пути ея развитія». «Мы видимъ передъ собой въ этомъ трудѣ» (слова А. А. Шахматова въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка, чит. въ 1890 г.) «отлично дисциплинированнаго ученаго; ему не только ясно высокое качество сосредоточившагося научнаго матеріала, его не только занимаетъ конечная цѣль научнаго строительства — это опытный работникъ, приступающій къ самому строительству».

Намѣтивъ въ «Мысляхъ» программу дальнѣйшей работы для созиданія исторіи русскаго языка, И. П. приступилъ къ постепенному ея выполненію путемъ изученія отдѣльныхъ памятниковъ языка, какъ старославянскаго, такъ и древне-русскаго, путемъ подготовительныхъ словарныхъ работъ для общаго историческаго русскаго словаря и собранія матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка, путемъ изслѣдованій по географіи языка и изученія памятниковъ народной словесности. Онъ осторожно велъ свои изслѣдованія, не увлекался поспѣшными выводами, остерегаясь давать не вполне обоснованныя гипотезы, и свои мнѣнія рѣдко высказывалъ съ рѣшительностью. Но общая идея работъ была ясна для него. Люди,

не понимавшие, что за частными и мелкими на первый взгляд вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ трудился и которыми подчасъ занимать своихъ сочленовъ по Академіи, скрывается глубокий смыслъ, не уяснявшіе себѣ, что такіе вопросы являются только матеріаломъ для болѣе точнаго и правильнаго рѣшенія вопросовъ общаго значенія, — люди эти смѣялись надъ Срезневскимъ, скучали въ засѣданіяхъ отъ его «юсовъ», но «мертвый буквоеды» были неизмѣримо ихъ выше; это были мыслители съ великими горизонтами и съ ясной вѣрой въ науку, служенію которой посвятилъ свою жизнь.

Непрерывной полосой почти черезъ всю жизнь И. И-ча идутъ его работы по собиранію лексическихъ матеріаловъ славянскихъ языковъ. Къ работамъ этимъ онъ приступилъ еще до заграничнаго путешествія, началъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря, который и былъ впоследствии составленъ ичеріи подъ заглавіемъ «Словарь южно-русскаго нарѣчія». Однимъ изъ результатовъ путешествія въ западно-славянскія земли явился словарь нарѣчія горныхъ словаковъ, оставшійся въ рукописи, и нѣсколько мелкихъ словариковъ западно-славянскихъ нарѣчій. По переѣздѣ въ Петербургъ и вступленіи въ Академію И. И. принялъ дѣятельное участіе въ работахъ надъ областнымъ русскимъ словаремъ (редакція котораго была вѣла на себя А. Х. Востоковымъ); по порученію Отдѣленія онъ составилъ его программу и внесъ въ него свое обширное собраніе матеріаловъ по областному языку. Длинный рядъ статей былъ посвященъ имъ вопросу лексикографіи: таковы: обширный разборъ Академическаго словаря 1847 г. (1848), разборъ словарей Рейфа (1851), замѣтка о словарѣ литовскаго языка Нессельмана (1852), «Замѣчанія

касательно нового издания русского словаря» (1853), «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» (1854), записка о словарѣ малорусскаго нарѣчія, состав. А. Аванасьевымъ (1854), разборъ церковно-славянскаго словаря Востокова (1857), «Замѣтки по поводу чтенія мнѣній Я. Гримма о словарѣ» (1859), «О французскихъ словаряхъ по поводу словаря Поатвеца» (1860), «Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій» (1866), записка о составленіи словаря русскаго языка (1866).

Работы надъ тѣмъ монументальнымъ трудомъ, который увидѣть въ печати самому И. И-чу не пришлось и который только въ 1912 г. закончился одиннадцатымъ выпускомъ, начаты имъ издавна — съ половины 1840-хъ гг. Сначала составитель не предполагалъ ограничить его матеріаломъ письменныхъ памятниковъ древней литературы, думалъ внести въ него и новый языкъ; но планъ этотъ, постепенно перерабатываясь, къ концу 1860-хъ гг. выдѣлся въ словарь древне-русскаго языка по памятникамъ до XIV в.; тогда же была сдѣлана первая проба его изданія, остановившаяся на первомъ же листѣ; причиною этой остановки была, очевидно, сильная приливъ памятниковъ: это была пора открытій въ исторіи изученія русскаго письменности. Увеличивая число памятниковъ данного періода внесшихъ въ матеріалъ для словаря, И. И. послѣ 1860-хъ гг. сталъ понемногу расширять и самый періодъ времени, изъ памятниковъ котораго онъ черпалъ матеріалъ, захвативъ въ своихъ работахъ, кромѣ XI—XIV вв., XV и частью XVI вѣка. Наиболѣе трудный вопросъ при составленіи словаря заключался въ систематизаціи, т. е. въ выдѣленіи изъ всего запаса собраннаго лексическаго матеріала, включавшаго помимо древняго русскаго языка и

церковно-славянской, именно того, что представляло собою язык русского народа XI—XV вв.; этого вопрос составителю словаря пришлось решить, приняв в основу принадлежность или непринадлежность данного памятника к русской письменности; отделение языка церковно-славянского от древнего русского онъ находилъ настолько невозможнымъ, насколько невозможно теперешней русской языкъ отдѣлять отъ простонароднаго; и словарь свой, нужно думать, понимать не только какъ сборникъ словъ и речей живого народнаго языка древней Руси, но и какъ совокупность всѣхъ словъ, находящихся въ памятникахъ русскаго письма, — т. е., такимъ образомъ, и церковно-славянскихъ, — усвоенныхъ, понимаемыхъ и распространенныхъ въ образованномъ классѣ древней Руси, среди русскихъ книжныхъ людей X—XV вѣковъ.

Словарь послѣ смерти И. И-ча остался въ рукописи, въ видѣ — въ массѣ карточекъ и рядѣ частныхъ словарей къ отдѣльнымъ памятникамъ. Значеніе словаря еще при жизни составителя было опытно и отдѣльными учеными, пользовавшимися его матеріалами, и сочленами его по Отдѣленію русскаго языка, хорошо знакомыми по неоднократнымъ его сообщеніямъ съ ходомъ и направлениемъ его словарной работы и принимавшими участіе въ обсужденіи ея плана; это обстоятельство сдѣлало то, что словарь не остался подъ спудомъ и издастъ Академіей. Онъ названъ «Матеріалами для словаря древне-русскаго языка», такъ какъ дѣйствительно въ значительной мѣрѣ представляетъ собою сырой матеріалъ, не обработанный опытной рукой мастера. Собранный И. И-чемъ лексическій матеріалъ громаденъ: словарь обнимаетъ собою 308 печатныхъ листовъ или 4928 столбцовъ; по при-

близительному подсчету количество всѣхъ выписокъ достигаетъ 120.000.

Къ обширнымъ работамъ по русскому языку слѣдуетъ отнести тѣ, которыя были посвящены вопросамъ преподаванія языка. Онѣ явились, какъ И. И. самъ пишетъ, результатомъ его служебной дѣтельности: въ 1848 г. онъ былъ назначенъ для наблюденія за преподаваніемъ и испытаніями по русскому языку и словесности въ петербургскихъ гимназіяхъ, потомъ съ 1851 по 1857 г. состоялъ инспекторомъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ Петербургѣ, съ 1856 по 1859 г. былъ членомъ ученаго комитета главнаго управленія училищъ по русской словесности. Всѣ эти служебныя занятія не были, да и не могли быть по самому складу натуры И. И. Срезневскаго, простою формальностью: онъ уходилъ въ нихъ глубоко и съ увлеченіемъ. Вопросы преподаванія языка и вообще вопросы педагогики были кромѣ того близки и важны ему какъ отцу — учителю и воспитателю своихъ дѣтей. Въ его мысляхъ по этимъ вопросамъ мы видимъ поэтому такъ много глубины, опытности и вниманія.

Первое мѣсто въ ряду педагогическихъ трудовъ И. И. занимаютъ его бесѣды «Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ» — извлеченіе изъ читанныхъ имъ въ 1860 году публичныхъ лекцій въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Бесѣды эти, затрагивая жизненныя, большыя донинѣ, вопросы педагогики, въ свое время возбуждали оживленный обмѣнъ мнѣній, не только не потеряли значенія, но и теперь должны быть поставлены въ ряду лучшихъ трудовъ, наиболѣе полно продуманныхъ и широко охватывающихъ предметъ. Нѣкоторыя изъ страницъ всегда будутъ останавливать на себѣ сочув-

ственное вниманіе не только воспитателю, но и великаго вдумчиваго человека. Къ той же области относится и отличаются тѣмъ же характеромъ статьи: «Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» (1859), «Дополненія

Родной языкъ долженъ быть главною основой и основой нашей образованности и образования каждого изъ насъ — такъ это бы въ немъ она сосредоточивалась и отъ него зависела.

Изъ бесѣдъ «Объ изученіи роднаго языка».

къ замѣчаніямъ о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» (1859), «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (1871), «Изъ добавочныхъ листковъ къ бесѣдамъ объ изученіи роднаго языка» (1899). Кромѣ этихъ работъ въ бумагахъ И. П. Срезневскаго сохранилось, и до сихъ поръ еще не издано, не мало замѣтокъ, принимавшихъ иногда размѣръ обширныхъ статей, отвѣтовъ на запросы попечителей округа и министровъ. Таковы: Наставленіе преподавателямъ русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ (ок. 1850 г.), Записка о преподаваніи отечественнаго языка и словесности

въ гимназіяхъ (1858), Замѣчанія о программахъ русскаго языка и словесности, Записка объ упражненіяхъ воспитанниковъ гимназій по русскому языку и словесности (1876) и др.

Труды И. И-ча по географіи русскаго языка и по разработкѣ вопросовъ лингвистики въ связи съ этнографіей въ петербургскій періодъ его жизни сосредоточились въ географическомъ обществѣ, въ которое онъ былъ избранъ действительнымъ членомъ по этнографическому отдѣленію вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ, въ февралѣ 1847 г. Наибольшую напряженность работы его по отдѣленію этнографіи имѣли въ 1850-хъ гг., когда онъ состоялъ сначала (1850—1856) помощникомъ предѣлительствующаго въ отдѣленіи Н. И. Надеждина, а затѣмъ предѣлительствующимъ (1857—1859). Съ самаго вступленія въ общество И. И. занялся разработкой обширнаго собранія рукописныхъ матеріаловъ, поступающихъ въ общество въ отвѣтъ на размыслаемую этнографическую программу; въ 1852 г. онъ предложилъ начать изданіе разработанныхъ имъ матеріаловъ географическаго общества съ приложеніемъ своего собственнаго собранія такихъ же матеріаловъ, и въ 1853 г. приступилъ къ печатанію сборника матеріаловъ для географіи русскаго языка подъ заглавіемъ «Памятники народнаго русскаго языка и словесности»; въ 1856 г. внесъ предложеніе о необходимости изданія матеріаловъ для этнографическаго словаря русскаго языка, принявъ на себя его редакцію; оба эти предложенія не были, однако, приведены въ исполненіе. Въ изданіяхъ общества И. И. помѣстилъ рядъ цѣльныхъ статей по географіи русскаго и другихъ славян-

скихъ языковъ; это были: «Этнографическая карта Европы и полнительная статья къ ней» (1849), «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка» (1851), «Русь Угорская, отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка» (1852). Къ этому же ряду статей надо отнести еще напечатанную въ академическихъ Извѣстіяхъ историко-географическую статью «Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.» (1860), не напечатанныя статьи о трудахъ Второва и Александрова-Дольника по изученію юго-восточной окраины Россіи, «Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ современной русской литературѣ» (сохранилось введеніе и планъ) и др.

Народная словесность въ петербургскій періодъ жизни Н. И-ча привлекала его вниманіе сравнительно мало. Припомнимъ изданіе собранныхъ имъ во время путешествія нѣсколькихъ памятниковъ нарѣчій южныхъ и западныхъ славянъ — сербскія и хорутанскія пѣсни, пословицы мало-гонтскихъ словаковъ, пословицы сербовъ горно-лужицкихъ, кунальскую пѣсню шаршскихъ словаковъ, напечатанныя въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, составленную Н. И-чемъ «Программу для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности», «Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ», замѣтку о старческой пѣсни о горѣ-Алосчастіи, «Замѣчанія касательно стиха о голубиной книгѣ», замѣтки о книгѣ Безонова «Калѣки перехожіе» и о книгѣ Берга «Пѣсни разныхъ народовъ» и др.

Въ ряду работъ Н. И. по изслѣдованію древнихъ памятниковъ на первомъ мѣстѣ должно поставить его классическій

трудъ «Древніе памятники русскаго письма и языка X — XIV вв.». Это единственный еще до сихъ поръ попрежнему перечень русскихъ письменныхъ памятниковъ, какъ сохранившихся до нашего времени, такъ и тѣхъ, которые уже утрачены, но о существованіи которыхъ есть несомнѣнная данность. Сжатый по формѣ, чрезвычайно богатый содержаниемъ, онъ является плодомъ огромнаго труда, разнообразныхъ знаній и соображеній, мелочныхъ и утомительныхъ работъ, особенно въ запутанныхъ вопросахъ опредѣленія хронологіи. Кромѣ перечня памятниковъ въ немъ была дана масса выписокъ изъ рукописей, но большей части до того времени въ печати совершенно неизвѣстныхъ. Впервые напечатанный въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и занявший одинъ почти весь 10-й ихъ томъ (отдѣльнымъ изданіемъ быть вынужденъ въ 1863 г.), трудъ этотъ былъ впоследствии переработанъ составителемъ и изданъ, но уже безъ приложений, послѣ его смерти (1882).

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ обзоръ церковно-славянскихъ памятниковъ, писанныхъ кириллицею, — «Древніе славянскіе памятники юговаго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка» (1868). Кромѣ обширнаго изслѣдованія о тридцати трехъ памятникахъ XI — XIV вв., изъ которыхъ только четыре были извѣстны ранѣе, книга эта представляетъ въ точной для того времени передачѣ тексты рукописей, частью полностью, частью въ выпискахъ. Обширн обзоръ юго-западныхъ памятниковъ за IX — XII вв. И. П. далъ въ книгѣ «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864), впоследствии въ рукописи дополненной XIII и XIV вѣками.

Исследования о памятниках глаголических, къ которымъ П. И. неоднократно возвращался въ своихъ заявленіяхъ, находятся въ связи съ разрѣшеніемъ общаго вопроса о времени происхожденія глаголицы и отношенія глаголическаго письма къ кирилловскому; они были собраны въ трудъ «Древніе глаголическіе памятники» (1866). Въ немъ были напечатаны въ сопровожденіи палеографическихъ и филологическихъ исследований тексты всѣхъ тогда извѣстныхъ глаголическихъ памятниковъ — малые полностью, большіе въ изключеніяхъ, — а также тѣ части кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ есть «что шибудь глаголическое». Определеннаго рѣшенія о времени происхожденія глаголицы П. И. не далъ; склонялся ранѣе (въ исследований «Древнія письмена славянскія» 1848 г.) къ мысли о составленіи глаголицы по образцу кириллицы въ Болгаріи въ IX — X в., потомъ онъ отказался отъ такого точнаго опредѣленія, считая, что для признанія первенства за глаголицей или кириллицей еще слишкомъ мало матеріаловъ.

Помимо этихъ общихъ описаній памятниковъ, П. И.-чемъ было напечатано множество другихъ, разбросанныхъ отдѣльными статьями въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности»; многія подобныя работы остались неизданными, какъ неизданными остались и составленные П. И.-чемъ описанія различныхъ русскіхъ библиотекъ и собраній русскіхъ рукописей въ иностранныхъ библиотекахъ (напр. рукописей константинопольскихъ, лейденскихъ, парижскихъ).

Въ 1864 году П. И. предпринялъ изданіе особаго сборника подъ названіемъ «Свидѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», печатавшася въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ и въ Сборникѣ

статей, читанных въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, и выходившаго выпусками въ неопредѣленное время. Здѣсь помѣщались И. И. отдѣльныя свои изслѣдованія о письменныхъ памятникахъ, литературныхъ и историческихъ, о рукописяхъ славянскихъ кирилловскаго и глаголическаго письма, русскихъ и греческихъ, о памятникахъ вещественныхъ. Этотъ богатѣйшій сборникъ, заключающій въ себѣ девяносто одно изслѣдованіе, до сихъ поръ является необходимой книгой для всякаго работающаго въ области русской и славянской литературы, исторіи, палеографіи и филологіи.

Къ предыдущимъ работамъ И. И-ча примыкають труды историко-литературныя: «Древнія жизнеописанія русскихъ князей X—XI вв.» (1853), «Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ» (1853), «Договоры съ греками» (1854), «Повѣсть о Цареградѣ» (1854), «Хоженіе за три моря Аванасія Никитина» (1856), «Задовщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича» (1857), «Древнѣйшій договорный грамоты Новгорода съ немцами» (1857), «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ» (1860), «Грамоты великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву мон. 1130 г.» (1860), «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» (1862, переизданы съ дополненіемъ статьи о Повѣсти временныхъ лѣтъ въ 1903 г.), «Чтеніе о Кириллѣ и Меодіи» (1869 — не напечатано), «Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ», по поводу книги К. И. Невоструева (1873), наконецъ, напечатанное черезъ много лѣтъ послѣ смерти И. И-ча «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги» (1897). Нѣкоторыя изъ этихъ работъ составляютъ часть университетскаго курса русскихъ древностей; онѣ сохраняются въ

бумагах И. И-ча въ мѣсколько переработанномъ видѣ, какъ бы предполагены для перепечатки при изданіи обзора памятниковъ X—XII вв. Другія, каковы «Хоженіе Анастасія Никитина» и «Повѣсть о Цареградѣ», имѣютъ характеръ ученыхъ комментариевъ къ памятникамъ. «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» представляютъ наряду съ тщательнымъ палеографическимъ воспроизведеніемъ рукописи опытъ возстановленія первоначальнаго текста. Въ «Обзорѣни кормчей» находимъ историко-юридическое изслѣдованіе памятниковъ съ обширными извлеченіями статей, имѣвшихъ церковно-правовое значеніе въ русской жизни.

Близкая къ области филологическаго и историко-литературнаго изученія древнихъ памятниковъ область вспомогательныхъ наукъ — палеографія, археографія и археологія — интересовала И. И-ча издавна, хотя и болѣе или менѣе косвенно; въ 1860—1870-хъ гг., благодаря постояннымъ работамъ надъ рукописями, этотъ интересъ значительно увеличился, въ особенности къ палеографіи, которую И. И. считалъ одной изъ самыхъ важныхъ по значенію отраслей науки «древностей» и которая къ концу его жизни заняла одно изъ главныхъ мѣстъ въ его трудахъ. Общій обзоръ славяно-русской палеографіи сдѣланъ имъ въ его университетскомъ курсѣ, напечатанномъ уже послѣ его смерти (1885).

Въ первые годы по переѣздѣ въ Петербургъ археологическіе интересы И. И-ча сблизили его съ Русскимъ археологическимъ обществомъ, членомъ котораго онъ состоялъ съ 1850 г. по самую кончину; съ 1855 г. по 1857 и съ 1859 по 1867 г. онъ былъ управляющимъ отдѣленіемъ русской и славянской археологіи этого общества; при

возникновѣніи въ 1855 г. повременнаго изданія общества «Извѣстій» ему была поручена ихъ релакція (отъ которой онъ, впрочемъ, отказался по выходѣ 1-го выпуска). Въ «Извѣстіяхъ», а также въ «Запискахъ археологическаго общества», были напечатаны его статьи: «Збручскій истуканъ» (1853), «Монета Игоря» (1861), «Пещера Ивана гришного и Теофила» (1861), «Крута каличца» (1862), «Родословное дерево русскихъ князей и царей» (1863), «Навертеи XVII в.» (1863), «Напись на Перелицкой церкви близъ Новгорода» (1863), «Древній византійскій ковчезецъ» (1863). Рядъ статей по вопросамъ археологии были напечатаны Н. П.-чемъ въ выходившемъ въ 1860-хъ гг. журналѣ В. А. Прохорова «Христіанскія древности и археология». Здѣсь появилось его введене въ курсъ древностей русскаго языка—«Древнія русскія книги» (1864), напечатаны «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864), «Древній русскій календарь» (1863), «Древнія изображенія св. кн. Бориса и Глѣба» (1863), «Μητρώου имп. Василія X в.» (1862), «Каменный крестъ у церкви Благовѣщенія въ Новгородѣ» (1862), «Антимисъ 1149 года» (1862) и др. Далѣе слѣдуетъ упомянуть напечатанную въ 1867 г. въ «Древностяхъ Московскаго археологическаго общества» статью «Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги».

По порученію археологическаго общества въ 1867 г. Н. П. принялъ участіе въ Антверпенскомъ археологическомъ съѣздѣ; тогда же ему было поручено ознакомиться съ дѣятельностью ученыхъ заграничныхъ обществъ по части славянскій археологии и войти съ ними въ сношенія. По порученію общества Н. П.-чемъ, отчасти совмѣстно съ Ѳ. Гр. Солнцевымъ, была предпринята работа по снѣтію

копій съ фресокъ и мозаикъ Софійскаго собора въ Киевѣ и по оцѣнкѣ, описанію и копировкѣ на бумагу и гуттаперчу предметовъ древности, хранившихся въ ризницахъ собора Киево-Печерской лавры, Кирилловскаго монастыря, Спаса на Берестовѣ (громадныя прориси иконъ и фотографіи съ нихъ хранятся въ архивѣ И. И-ча).

При возникновеніи мысли объ устройствѣ археологическихкихъ съѣздовъ устроитель и создатель ихъ гр. А. С. Уваровъ въ 1868 г. не замедлилъ обратиться къ И. И-чу за совѣтомъ и содѣйствіемъ и предложилъ собрать предварительный и подготовительный комитетъ въ Петербургѣ «по усмотрѣнію» И. И-ча. Во всѣхъ четырехъ съѣздахъ, бывшихъ при жизни И. И-ча, онъ принималъ дѣятельное и живое участіе. При открытіи I-го съѣзда И. И. произнесъ рѣчь «о значеніи съѣзда», въ которой коснулся значенія съѣздовъ вообще и значенія I-го археологическаго съѣзда въ частности — «попытка изъ добро въ отношеніи къ археологій», «безспорно достойной сочувствія тѣхъ, кому дороги успѣхи науки въ нашемъ отечествѣ». На томъ же съѣздѣ онъ читалъ докладъ о времени происхожденія кирилловскаго письма и объ отношеніи кирилловской азбуки къ глаголической. На второмъ съѣздѣ И. И. прочелъ очеркъ современнаго состоянія археологій въ Россіи — «Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи русской археологій» (съ дополнѣніемъ непотерявшимъ значенія современности очеркомъ положенія памятниковъ въ хранящихся и отношеній хранителей къ изслѣдователямъ, съ замѣтками объ описателяхъ, издателяхъ и изслѣдователяхъ памятниковъ и интересными безъмѣтными характеристиками современныхъ И. И-чу дѣятелей по археологій — В. И. Григоровича, А. В. Горскаго, А. А. Куника, А. Ѳ. Бычкова, Ѳ. И. Булаева,

В. В. Стасова, Н. С. Тихонова, арх. Амфилохи, В. А. Прохорова, гр. А. С. Уварова. На III-мъ Киевскомъ съѣздѣ И. И. представилъ историческій очеркъ развитія работъ по археологii и археографii, производившихся и издававшихся трудами кievскихъ ученыхъ дѣятелей и кievскихъ историческихъ обществъ и учреждений. Въ трудахъ этого съѣзда И. И. чѣмъ были напечатаны статьи: «Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала», «Св. Софiя Цареградская по описанiю русскаго подлинника XII вѣка», «О древней глаголической рукописи Киевской духовной академiи». Въ трудахъ IV-го съѣзда И. И. помѣстилъ статью «О русскаихъ древностяхъ Казанской губернии и средняго Поволжья»; на этомъ же съѣздѣ при открытiи его И. И. чѣмъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ выдвинулъ значенiе «науки древностей и старинны» — съея «запасными отъ сiбта взысканiями и изслѣдованiями», какъ «великаго мiра образованности общей»: «чѣмъ гдѣ болѣе труженниковъ этой науки», говоритъ онъ, «и болѣе свободныхъ любителей и почитателей, тѣмъ тамъ болѣе и высшей образованности». «Едва ли какая отрасль знанiй», говоритъ онъ тамъ же, «съ такимъ безпристрастiемъ и вмѣстѣ съ такою любовью дорожить всѣмъ человѣческимъ, такъ примодушно сближается самая противоположная стремленiя — народныя, политическiя, религиозныя, и сдужаетъ ученыхъ и любителей, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко углубляетъ свои вопросы за предѣлы историческихъ сказанiй и преданiй, какъ бы силясь дойти до колыбели рода человѣческаго. . . »

Говоря о дѣятельности И. И. чѣ въ области археологii, нельзя не упомянуть о трудахъ его, связанныхъ съ Петербургскимъ археологическимъ институтомъ, въ обсужденiи

устройства которого онъ принялъ дѣлательное и близкое участие. Назначенный профессоромъ института, И. И. преподавалъ прочесть его слушателямъ курсъ энциклопедии археологии, планъ и общую характеристику котораго онъ далъ въ своей рѣчи при открытіи института въ январѣ 1878 г. Въ дѣйствиіе иъ некоторыхъ обстоятельствахъ чтеніе лекцій не состоялось, и И. И. вмѣстѣ съ другими товарищами вышелъ изъ института.

Свободная, независящая наука древностей и старинныя со своимъ изысканіемъ и изслѣдованіемъ есть великое дѣло образованности общей. Тамъ гдѣ болѣе труженниковъ этой науки, и болѣе любителей свободныхъ и почитателей, тѣмъ такъ болѣе и высшей образованности.

Нашъ рѣчь на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Примечіе:

Свободная, независящая наука древностей и старинныя со своимъ изысканіемъ и изслѣдованіемъ есть великое дѣло образованности общей: тамъ гдѣ болѣе труженниковъ этой науки, и болѣе любителей свободныхъ и почитателей, тѣмъ такъ болѣе и высшей образованности.

Палеографическія работы И. И.-ча постоянно шли у него, какъ одна изъ частей изслѣдованія памятниковъ, и далеко не всегда входили въ составъ описаній, большею частью оставаясь въ видѣ замітокъ и служа только какъ подготовительный матеріалъ для рѣшенія хронологическихъ вопросовъ. Имѣя обыкновеніе дѣлать съ каждой древней рукописи, побывавшей у него въ рукахъ, снимокъ ея письма, старался изучить особое начертаніе буквъ, И. И. въ 1870 гг. сдѣлалъ лучшимъ, авторитетнѣйшимъ и въ иѣкоторыхъ вопросахъ единственнымъ тогда знатокомъ русской палеографии. Главнѣйшій результатъ его работъ по палеографии — его систематическое собраніе снимковъ съ памятниковъ русскаго письма, заключающее въ себѣ болѣе 900 снимковъ, не увидѣло свѣта; лишь небольшая часть его была издама, какъ приложение къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка», въ 1866 г.

Нѣсколько ранѣе — въ началѣ 1860 гг. — И. И. задумалъ изданіе особаго палеографическаго сборника подъ названіемъ «Древности русскаго письма», который по предположенію его долженъ былъ заключать въ себѣ: во первыхъ «Палеографическое описаніе древнихъ русскихъ памятниковъ, каждаго отдѣльно, со снимками», и во вторыхъ «Сводъ палеографическихъ данныхъ, по которымъ можно судить о времени написанія памятниковъ неизвѣстныхъ дѣтъ». Доклады о сборникѣ были представлены И. И.-чемъ въ Археологическое общество, «которому» какъ говорится въ докладѣ, «угодно было обратить вниманіе на этотъ трудъ»; на первый разъ авторъ обѣщалъ представить начальную часть сборника — до-татарскіе памятники. Изданіе сборника не осуществилось.

Кромѣ собранія снимковъ съ русскихъ памятниковъ

въ бумагахъ И. И-ча сохранилось собраніе снимковъ съ юго-славянскихъ рукописей (извлеченіе изъ него было напечатано), съ памятниковъ глаголическихъ (небольшая часть снимковъ напечатана въ приложенияхъ къ книгѣ «Древніе глаголическіе памятники», 1866), прориси и фотографіи отдѣльных статей рукописей, а также и цѣлыхъ памятниковъ (напр. Болонской псалтыри).

Работы по русской палеографіи привели И. И-ча къ занятіямъ палеографіей греческой. Въ 1872 г. онъ прочелъ въ Университетѣ эпизодическій курсъ греческой палеографіи, за недостаткомъ времени доведя его до VII вѣка н. Р. X., «объ остальномъ сказавши только въ немногихъ словахъ» (какъ онъ писалъ арх. Амфилохію). Продолженіе его работъ по тому же вопросу дало въ 1876 г. обширную статью «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма». Параллельно съ этими работами подбирался И. И-чемъ коллекціа снимковъ съ памятниковъ греческаго письма, большею частью исполненныхъ имъ самимъ (число снимковъ достигаетъ 275).

Особнякомъ отъ всѣхъ другихъ трудовъ И. И-ча стоитъ его работа, не долговъ, но сильно увлекшая его въ 1870—1871 г., — это историческій эскизъ «Юліанъ Отступникъ и его защита язычества», двѣ лекціи, прочтанныя имъ въ маргѣ 1871 г. въ пользу недостаточныхъ студентовъ и въ свѣтъ не выходящія. И. И. положилъ себѣ задачей представить Юліана на основаніи собственныхъ его писаній и свидѣтельствъ его современниковъ — худителей и защитниковъ, изъ показаній ихъ выбирая и отмѣчая сходное и отбрасывая все другое, «не хваля его и не порицая, не обвиняя и не оправдывая, а только посылно объясняя,

почему онъ былъ такимъ, какииъ былъ». Сдѣлавъ очеркъ язычества въ половинѣ IV вѣка, П. П. разсматриваетъ отношенія къ нему Юлиана, «его религіозныя убѣжденія, его желанія и виды, его дѣйствія для поддержанія язычества въ кругу коренныхъ вѣрованій, правилъ нравственности и религіозныхъ обрядовъ» и, наконецъ, разбираетъ вопросъ, «былъ ли Юлианъ дѣйствительнымъ защитникомъ язычества?»

Самостоятельное мѣсто среди трудовъ П. П.-ча занимаютъ его обзоры дѣятельности отдельныхъ лицъ, оцѣнка ихъ работъ, ихъ биографія, воспоминанія о нихъ, записки въ Совѣтъ Университета и въ Академію Наукъ объ ихъ трудахъ при представленіи ихъ въ члены Академіи или въ почетные члены и доктора университета, замѣтки и отзывы объ ихъ сочиненіяхъ въ академическія коммиссіи по присужденію различныхъ премій. Много такихъ статей было напечатано при его жизни, нѣсколько — послѣ смерти, но очень много осталось до сихъ поръ подъ спудомъ частью среди бумагъ П. П.-ча, частью въ архивахъ Академіи, Петербургскаго университета, Археологическаго общества. Въ статьяхъ этихъ заключается цѣлая гѣтопись литературныхъ и научныхъ сношеній П. П.-ча, подчасъ живая и яркая, подчасъ глубокая и серьезная. Здѣсь находимъ обзоръ дѣятельности Востокова, изданіе его переписки, снабженной чрезвычайно цѣнными примѣчаніями, воспоминанія о митрополитѣ Евгеніи, о Ганкѣ, Вукѣ Караджичѣ, Шлейхерѣ, А. И. Тургеневѣ, о Прейсѣ, Григоровичѣ и Бодянскомъ, объ А. Е. Викторовѣ, замѣтки о Квиткѣ, И. П. Котляревскомъ, гр. Голованѣ, Д. В. Полѣновѣ, Савельевѣ, Штурѣ, Козларѣ, Строевѣ, Надеждинѣ, Ундольскомъ, Граммѣ, Сахаровѣ,

очерки деятельности Буткова, Никитенка, Дубровского, Бычкова, П. А. Лавровского, Гильфердинга, Буслаева, Бестужева-Рюмина, Веселовского, Горского, Грога, Потемни, Пекарского, Невоструева, Носовича, Салвантова, Сухомлинова, гр. Уварова, Цейновы, Верковича, Владиславлева, Ламанского, и много статей, посвященных разсмотрѣнію отдельных трудов и изслѣдованій въ области славяновѣдѣнія. «Слѣди внимательно за движеніемъ науки и образованности вообще», говоритъ В. И. Ламанскій, «И. И. къ ихъ успѣхамъ въ Россіи прислушивался чутко и относился особенно сердечно. Онъ любилъ припоминать и указывать научныя заслуги старыхъ забытыхъ или забываемыхъ дѣятелей и считать и отмѣчать валившія ученыя силы въ провинціи, въ университетскихъ городахъ и въ обихъ столицахъ среди нарастающихъ поколѣній. Старые его ученики, впоследствии его университетскіе коллеги, живо помнятъ, съ какою непритворной радостью приветствовали онъ появленіе замѣчательныхъ трудовъ молодыхъ въ то время ученыхъ—Пышина, Гильфердинга, Майкова, Годубинскаго, Павлова, А. Попова, Викторова, Владимирскаго-Буданова, Котляревскаго, Потемни и многихъ другихъ... Нѣкоторые молодые авторы никогда не думали и не рѣшались сами представлять свои труды на преміи и къ удивленію своему узнавали о наградахъ, имъ назначенной по предложенію И. И-ча.»

Въ извѣстной соприкосновенности съ историко-биографическими статьями находится тотъ цѣнный кладъ, который остался въ бумагахъ И. И-ча и до сихъ поръ почти не тронутъ, — это его ученая переписка. Въ тѣ годы, когда печатное слово не было такъ доступно, когда, прежде чѣмъ облечься въ форму статьи, научная мысль долго еще

вынашивалась въ умѣ писателя, письма дѣятелей науки особенно драгоценны. И. И. былъ однимъ изъ центровъ, къ которому сходились ученые силы Россіи и славянскихъ земель; благодаря его живому, общительному характеру, отсутствію замкнутости — обычной черты ученаго, — сношенія его были въ высшей степени общины и разнообразны. До конца жизни онъ сохранялъ живой интересъ ко всему, что касалось движенія науки и литературы, къ развитію и распространенію просвѣщенія, — и до конца его жизни не прекращалась его оживленная переписка съ людьми мысли. Число писемъ къ нему, хранящихся въ его архивѣ, можетъ считаться тысячами, число корреспондентовъ сотнями (свыше 900). Въ настоящее время въ архивѣ И. И.-ча понемногу собирается и часть его собственныхъ писемъ, какъ въ копияхъ, такъ и въ подлинникахъ; кромѣ того тутъ же сохранилось и небольшое собраніе черновиковъ его писемъ, преимущественно отъ первыхъ годовъ его дѣятельности. Будущій историкъ славновѣдѣнія, филологин, литературы и палеографин въ Россіи и славянскихъ земляхъ найдетъ въ этой перепискѣ матеріалъ исключительной цѣнности.

При воспоминаніи о жизни и дѣятельности И. И.-ча сами собою выясняются нѣкоторыя характерныя черты его, какъ человѣка. Объ его удивительномъ трудолюбіи свидѣтельствуетъ громадное множество его работъ, о которыхъ говорится на этихъ страницахъ. «Трудъ постоянный, вызываемый мыслью и на нее наводящій, трудъ и для отдыха, и постоянная забота о томъ, что нужно намъ русскимъ — вотъ въ чемъ прошла вся жизнь его»: слова эти, сказанныя И. И.-чемъ о Ломоносовѣ, можно приложить и къ нему

самому. Онъ именно и для отдыха трудился, — только мѣняя работу. Иногда прибѣгалъ онъ и къ физической работѣ — всегда къ работѣ полезной, не только для упражненія мышцъ: переплетать книги, клеить коробки для своихъ бумагъ, выдѣлывать на верстахъ или на токарномъ станкѣ что нибудь нужное для домашняго обихода, колоть дрова и топить печи. У него была способность и готовность ко всякой работѣ и споровка, какъ взяться за всякое новое, непривычное дѣло. Эту способность считалъ онъ не только природнымъ дарованіемъ, но также слѣдствіемъ правильнаго воспитанія и образованія, и признавалъ необходимымъ вести воспитаніе дѣтей въ такомъ направленіи. «Въ этомъ и состоитъ настоящая классическая образованность», говорилъ онъ; «она тѣмъ важна, что съ ея помощью человѣкъ развивается въ себѣ умѣніе соображать и понимать, дѣлается болѣе способнымъ къ труду». «Видѣть на своемъ вѣку много нужды», говоритъ В. И. Ламанскій, «цѣлыя дѣта своей юности и молодости проведя въ странствованіяхъ по Украинѣ и разнымъ западно-славянскимъ землямъ, среди простыхъ и нетребовательныхъ людей, любя и уважая народъ. И. И. издавна обладалъ умѣніемъ довольствоваться малымъ, обходиться безъ прислуги и безъ чужой помощи».

По словамъ В. И. Ламанскаго, И. И. «рѣзко отличался отъ большинства ученыхъ русскихъ и иностранныхъ тѣмъ, что знаетъ и уважалъ не одну только книгу или старую рукопись, былъ свой и дома не только у себя въ кабинетѣ, на университетской кафедрѣ или за столомъ академическимъ». . . «У него не было», говоритъ Ламанскій, «дѣтскаго паничнаго незнанія людей и жизни, что такъ обычно у чисто кабинетныхъ ученыхъ и нерѣдко отзывалось на ихъ трудахъ, на ихъ сужденіяхъ крикомъ и вкось о лю-

дах и явлениях жизни, известных им лишь по соображениям, а не по живому, наглядному представлению».

Отличительной чертой П. П-ча, какъ уже не разъ указывалось выше, была его семейственность, его высокое почитаніе семейныхъ началъ. Эта черта сообщала особый характеръ всѣмъ его взглядамъ, всѣмъ его обычаямъ, придавая имъ строгость, чистоту и проникая ихъ любовью. Жизнь его была неразрывно связана съ жизнью семьи: внѣ семейнаго круга не было для него ни отдыха, ни удовольствія. Напряженность ученыхъ трудовъ не мѣшала ему руководить самому воспитаніемъ и образованіемъ его дѣтей. Многими предметами онъ самъ съ ними занимался, всегда самъ начиналъ уроки, когда нужно было приступить къ предмету новому, которому еще не учились. Своими богатými и разнообразными знаніями по литературѣ и искусству онъ любилъ дѣлиться съ дѣтьми, читалъ въ семейномъ кругу своихъ любимыхъ русскихъ и западныхъ писателей, вмѣстѣ слушалъ музыку, пересматривалъ снимки съ художественныхъ произведеній. Взглядъ П. П-ча на воспитательное значеніе литературы ярко выраженъ имъ въ «Замѣчаніяхъ объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Онъ считалъ, что изученіе литературы не можетъ ограничиваться поэтическими произведеніями въ тѣсномъ смыслѣ, а должно непременно распространяться и на сочиненія серьезнаго характера и содержанія. «Чтеніе писателей», говоритъ онъ, «должно быть расширено, охватить болѣе широкій кругъ, и вмѣстѣ освобождено отъ всякой сатиры, каррикутуры и тому подобныхъ не отроческихъ и не юношескихъ забавъ». . . «Въ тѣ годы, когда природныя наклонности къ истинному, доброму, прекрасному требуютъ себѣ пищи, когда всѣ

средства воспитания и учения должны помогать этому требованию, в чем собственно и состоит воспитание, — в это время давать отроку и юноше, вместо желанной им пищи, то, что должно казаться ему отвратительным, охранивать передь нимъ это отвратительное, искусственно притуплять его голодъ, приучать его къ питанию себя непитательнымъ, доводить до того, что онъ и самъ наконецъ, какъ куритель опиума, будетъ желать только опиума — ужели это не зло? Зло тѣмъ большее, что юноша, вскармливаемый этою пищей, еще не дознавъ опытомъ, что только въ воображеніи могутъ существовать такіе уроды, какими люди выставляются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ по особеннымъ намереніямъ или прихотямъ писателей, что въ жизни дѣйствительной нѣтъ человека уродъ, вовсе лишенаго того, что заставляетъ уважать его, какъ человека, лишь бы умѣть его найти въ немъ. Зло тѣмъ большее, что эта коллекція уродовъ, созданныхъ воображеніемъ, ложится въ воображеніи юноши какъ коллекція типовъ разныхъ слоевъ и средъ народа, гдѣ ему придется жить, жить-блѣдовать, настраиваетъ юношу на состраданіе къ самому себѣ, совершенно противоположное его природной склонности сострадать другому, сострадать, а не презирать его, не насмѣхаться надъ нимъ».

Въ личной духовной жизни И. И-ча поэзія, въ ея широкомъ смыслѣ, была необходимою, и любовь къ ней проникала все его существо. Такъ, безъ музыки онъ не могъ обходиться и всегда упрекалъ себя за то, что въ дѣтствѣ не послушался уговоровъ матери и не захотѣлъ учиться играть. Онъ постоянно посѣщалъ галлерей художественныхъ произведеній во всѣхъ городахъ, гдѣ ему случалось бывать. Масса его собственныхъ рисунковъ, относившихся по пре-

имуществу къ его путешествію по славянскимъ землямъ, указывая на его большую способность къ этому искусству и на постоянное стремленіе образно запечатлѣть видѣнное. Всего ближе ему была поэзія слова. Въ произведеніяхъ литературы онъ цѣнилъ то, что возвышаетъ мысль и возбуждаетъ чистое чувство. «Для меня поэзія» писалъ онъ въ одномъ письмѣ, «сила чистая, свѣтлая, очищающая и освящающая человека . . ., вызывающая къ жизни омертвѣвшаго, къ надеждѣ безнадежнаго, къ вѣрѣ безвѣрнаго, къ добру его забывшаго . . .; она можетъ преобразоваться въ вѣру, но не въ безвѣріе, въ покаяніе, но не въ проклинаніе, въ славословіе, но не въ злословіе . . .». Онъ читалъ и много покое, и перечитывалъ не одинъ разъ то, что ему было особенно по душѣ; «не совсѣмъ доволенъ я днемъ», писалъ онъ Чаеву, «если не кончу его какимъ нибудь умнымъ легкимъ чтеніемъ». И въ самыя послѣднія дни жизни онъ перечитывалъ любимыя страницы изъ Войны и Мира; книга эта была найдена раскрытой на его столѣ послѣ его смерти.

Мало кому извѣстны собственные поэтическіе опыты И. И-ча—опыты годовъ его молодости. И тогда уже во многихъ изъ нихъ, особенно въ оригинальномъ разсказѣ «Rhapsodia sonatina», выразился его высокій взглядъ на искусство, который въ теченіе его жизни становился все чище, свѣтлѣе и выше.

В. Срезневскій.

ХАРЬКОВСКИЙ ПЕРИОДЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Научная дѣятельность Ивана Ивановича Срезневскаго распадается на два періода—харьковскій съ 1831 по 1847 г. и петербургскій съ 1847 по 1880 г. — годъ кончины. Въ частности харьковскій періодъ дѣлится на двѣ почти равныя по времени части: 1) съ 1831 до 1839, до поѣздки за границу и 2) съ 1842 по 1847, отъ возвращенія изъ-за границы до перехода на службу въ Петербургъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, т. е. въ первый харьковскій періодъ, научная дѣятельность Срезневскаго носила мѣстный краевой характеръ. Авторъ цѣнной біографіи И. И. Срезневскаго въ Русскомъ біографическомъ Словарѣ 1908 г. говоритъ, что харьковскій періодъ своимъ особымъ характеромъ рѣзко отличается отъ петербургскаго. Гранью между двумя періодами легло путешествіе, оказавшее рѣшительное вліяніе на научныя и житейскія взгляды Срезневскаго; пять лѣтъ профессуры въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія авторъ біографіи относитъ по характеру дѣятельности уже къ новому петербургскому періоду; но съ этимъ утверждедемъ трудно согласиться. Эти переходные годы весьма интересны въ томъ смыслѣ, что наряду съ мѣстными учеными интересами у Срезневскаго вырастаютъ новыя, болѣе широкіе, всеславянскіе. Въ сороко-

выхъ годахъ И. И. еще работалъ по малорусской этнографіи, интересовался дѣтелями малорусской литературы, и одновременно въ тиши ученаго кабинета въ его лицѣ въ Харьковѣ выработывался тотъ глубокой лингвистъ, который черезъ два года, по переѣздѣ въ Петербургъ, въ 1849 г. далъ «Мысли объ исторіи русскаго языка», изслѣдованіе небольшое по объему, но чрезвычайно богатое по внутреннему идейному и фактическому содержанию.

Петербургскій періодъ дѣятельности Срезневскаго, благодаря серьезной предварительной подготовкѣ, сразу начался блистательно, въ видѣ превосходнаго содержательнаго университетскаго курса и цѣлаго ряда строго обдуманыхъ ученыхъ трудовъ.

Срезневскій петербургскаго періода рѣзко отличается отъ Срезневскаго періода харьковскаго, главнымъ образомъ по развитію въ немъ самостоятельной ученой индивидуальности. Въ Петербургѣ Срезневскій представлялъ собою крупную самостоятельную величину; въ Харьковѣ онъ былъ отраженіемъ мѣстныхъ культурныхъ настроеній.

О раннемъ періодѣ научной дѣятельности И. И-ча нельзя говорить безъ того, чтобы не обратиться къ внутренней жизни харьковской интеллигенціи 30-хъ годовъ. Харьковъ въ то время, несмотря на существованіе въ немъ университета, былъ большимъ украинскимъ селомъ, съ громаднымъ большинствомъ еще не успѣваемаго обрусѣть украинскаго населенія; интеллигенція носила сильный украинскій отпечатокъ. Вполнѣ естественно, что и великороссъ Срезневскій, привезенный въ Харьковъ двухмѣсячнымъ ребенкомъ, прожившій здѣсь безвыгодно около тридцати лѣтъ, на первое время получилъ довольно яркую малорусскую окраску.

Учителемъ Срезневскаго былъ Артемовскій - Гулакъ, ректоръ университета, человекъ съ большимъ самолюбіемъ, влюбленный въ мундиръ и ордена, что не мѣшало ему быть отличнымъ знатокомъ малорусскаго языка, писать сильныя, выразительныя малорусскіе стихи и даже проводить въ нихъ демократическія идеи.

Одновременно подъ Харьковомъ на Основѣ проживалъ другой, болѣе талантливый, болѣе демократическій украинскій писатель — Квитка, авторъ малорусскихъ повѣстей и комедій большого литературнаго достоинства, разносторонній общественный дѣлатель и тонкій наблюдатель народнаго быта. Въ малорусскихъ повѣстахъ Квитки ярко пробиваются народныя этнографическіе элементы, пѣсни, преданія, поѣвья, обряды. Срезневскій уважалъ Квитку, советовалъ изучать его малорусскія повѣсти и, по его кончѣ, въ 1843 г. напечаталъ въ Москвитинѣхъ тещинъ некрологъ.

Возбуждающимъ образомъ на Срезневскаго должно было подѣйствовать его близкое знакомство съ харьковскимъ профессоромъ идеалистомъ-народникомъ Метлинскимъ. Съ раннихъ лѣтъ ознакомившись съ народной поэзіей своей родины, Метлинскій страстно полюбилъ ее, собиралъ пѣсни, записывалъ мелодіи, писалъ малорусскіе стихи; какъ человекъ очень добродушный, онъ сильно привязался къ сравнительно съ нимъ гораздо болѣе талантливому и болѣе энергичному Срезневскому.

На Н. И-ча въ университетѣ большое вліяніе оказала кружокъ его товарищей — украинцевъ. Исторія украинскаго движенія знаетъ нѣсколько случаевъ, когда студенты идеалисты-народники оказывали большое вліяніе на болѣе талантливыхъ товарищей и давали имъ направленіе,

или временно, как это было съ Срезневскимъ, или на всю жизнь, как это было съ Потебнѣю *)).

Измаилъ Ивановичъ имѣлъ въ юности нѣсколько преданныхъ друзей—двухъ братьевъ Евецкихъ, Шингоцкаго, Росковшенка. Они были вдохновителями молодого ученаго, доставляли ему этнографическіе матеріалы, согрѣвали его силой своего энтузіазма. «О другъ мой», писалъ въ 1831 г. Шингоцкій Измаилу Ивановичу, «ревнуй, ревнуй о пробужденіи малороссійскаго гениа и вѣрь мнѣ: твои труды будутъ огнѣны . . . Работай . . . и пламень духа, всегда стремившійся высирь . . . разольетъ румяное зарево, вѣнокъ твой, вѣнокъ твоему самоотверженію для славы тебя питающей и пощей Украины».

При всѣхъ мѣстныхъ связяхъ и мѣстныхъ увлеченіяхъ Срезневскій, однако, считалъ себя чужимъ человѣкомъ для Украины, и въ письмѣ къ матери изъ Москвы своей родной называлъ Великороссію, говорилъ, что онъ «вскормленъ на чуждой странѣ».

Отношенія Срезневскаго къ малорусскому языку отъчасти его общему отношенію къ Малороссіи: сначала чрезмѣрное увлеченіе, затѣмъ холодность и въ концѣ жизни почти неприязненное отношеніе. Въ статьѣ «Взглядъ на памятники украинской народной словесности» 1834 г. Срезневскій признавалъ украинскій языкъ самостоятельнымъ славянскимъ, превозносилъ его лексическое богатство, живописность и благозвучіе. Послѣ многихъ лѣтъ молчанія, въ 1860 г., въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ евангелія на малорусскій языкъ, Срезневскій еще

*) Потебня вспоминалъ въ старости съ чувствомъ глубокой благодарности своего товарища студента Вѣловскаго, словившагося въ молодые лѣта.

высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости отдѣльной малорусской словесности и находить, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ 1870 г., его взглядъ на малорусскій языкъ сильно измѣняется; онъ видитъ въ немъ только мѣстный говоръ и высказываетъ замѣчаніе, что «нѣтъ никакой нужды уничтожать или прекращать письменность на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу». Положеніе это бросается въ глаза по своей несостоятельности. Живое слово не можетъ быть ограничиваемо въ своемъ развитіи; всякій живой народъ имѣетъ полное право на неограниченное развитіе его языка и чувствуетъ насущную необходимость въ созданіи самостоятельной литературы, какъ лучшаго средства для охраны и правильного развитія своей національной личности. Слово народное построено на любви и знаніи, двухъ элементахъ, не подлежащихъ ограниченію.

Въ научной дѣятельности въ Харьковѣ П. И. проявилъ большое разнообразіе интересовъ. Главнымъ предметомъ его занятій — оффиціально, по служебному положенію была статистика и политическая экономія, по расположенію — мѣстная этнографія, преимущественно пѣсни. Живой интересъ къ народному пѣснотворчеству повлекъ за собой изученіе исторіи Малороссіи вообще, исторіи Слободской Украины въ частности. На почвѣ историческихъ и этнографическихъ изученій возникло желаніе ознакомиться съ малорусской литературой во всемъ ея объемѣ, ознакомиться лично съ ея главными представителями — Котляревскимъ, Артемовскимъ и Квиткой.

Молодой ученый работалъ съ чрезвычайной энергіей

и сильно разбрасывался. Когда редакция Журнала Министерства народного просвещения в 1838 г. пригласила его в сотрудники, он сразу предложил ей на выборъ одиннадцать статей по статистикѣ и по исторіи Малороссіи.

Трехлѣтнее пребываніе за границей и послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ переездъ въ Петербургъ оказались для Срезневскаго очень важными потому, что расширили его кругозоръ и привели его къ углубленію ученой дѣятельности. Особенно благотворно отразилось на этой дѣятельности привлеченіе его въ члены Академіи Наукъ, другими словами, предоставленіе ему возможности проявить его рѣдкую трудоспособность и столь же рѣдкую научную инициативу.

Любовь къ этнографіи въ Срезневскомъ была воспитана пѣвучимъ мѣстнымъ населеніемъ. Украинскія народныя пѣсни въ Харьковѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ были въ полномъ ходу и многихъ великороссовъ расположили въ пользу украинской народности. Великороссъ Павловскій такъ увлекся народными пѣснями, что сталъ изучать малорусскій языкъ и въ 1818 г. издалъ Грамматику малороссійскаго нарѣчія. Въ предисловіи онъ говоритъ: «Нѣсколько дѣтъ живучи въ Малой Россіи, довольно могъ примѣнить къ національному характеру ея жителей. . . Они имѣютъ. . . склонность къ музыкѣ и способность къ пѣнію. Пѣсни ихъ. . . безподобны. Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда малороссіане по вечерамъ пріятныхъ дѣтскихъ дней, собравшись во множествѣ на прыгоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывные пѣсни?»

Одновременно другой великороссъ, помощникъ преподавателя харьковскаго учебнаго округа князь Цертелевъ обращается къ изученію малорусской народной поэзіи и въ

1819 г. выпускает первый в малорусской этнографии сборник малорусских думь.

Через двенадцать лѣтъ великороссъ Срезневскій пошелъ по тому же пути, на почвѣ также мѣстныхъ харьковскихъ наученій и увлеченій народной поэзіей. Онъ помѣстилъ въ Украинскомъ Альманахѣ въ 1831 г. двѣ популярныя думы— о бурѣ на Черномъ морѣ и о бѣгствѣ трехъ братьевъ.

Въ Украинскомъ Альманахѣ и состоялось первое литературное выступленіе И. И-ча, когда ему было всего 18 лѣтъ. Срезневскій проявилъ сразу два увлеченія— любовь къ малорусской этнографіи и любовь къ языкознанію.

Весьма интересна статейка подъ заглавіемъ «Мысли и замѣчанія», какъ первое проявленіе того интереса къ лингвистикѣ, который черезъ 18 лѣтъ—въ 1849 г. наметъ себѣ блестящее и плодотворное проявленіе въ статьѣ «Мысли объ исторіи русскаго языка»^{*)}.

«Мысли» Срезневскаго въ 1831 г. имѣють отрывочный афористическій характеръ; онѣ еще не систематизированы; но отъ нихъ уже вѣетъ духомъ глубокой ученой пытливости: «Грамматика есть статистика языка; она схватываетъ и рисуетъ искусной кистью одну минуту жизни его. Соединеніе сихъ картинъ въ одно цѣлое составитъ исторію языка». Нельзя не замѣтить, что «Мысли» Срезневскаго 1849 г. представляютъ дальнѣйшее развитіе этой ранней юношеской задачи. Лингвистъ искусной кистью набрасываетъ рядъ картинъ въ развитіи русскаго языка и связываетъ ихъ въ одно органически стройное цѣлое.

^{*)} Нельзя не отмѣтить любопытнаго совпаденія, что и другой знаменитый филологъ— питомецъ Харьковского университета—Потебня началъ съ философіи языка и впоследствии, подобно Срезневскому, углубился въ детали его изученія.

Возьмемъ еще слѣдующую «Мысль» 1831 г.: «Въ образованіи языка есть три періода. Первый періодъ — время нужды, языкъ выражаетъ одно необходимое, которое ограничивается матеріальнымъ. Второй періодъ — время поэзіи и перваго появленія науки. Третій періодъ — время, въ которое языкъ, совершенствуясь, стремится къ усовершенствованію науки». Нынѣ совершенно ясно, какъ была глубока и благотворна эта мысль юнаго лингвиста, и какое свѣтлое пророчество заключается въ ней для будущаго русской филологіи, для трудовъ Потебни, Веселовскаго и другихъ ея славныхъ представителей.

Глубоко правъ былъ другъ Срезневскаго, Шингошій, который въ 1831 г. писалъ ему: «Поздравлю, душевно поздравлю тебя, юный орленокъ, съ первымъ порывомъ крыль твоихъ, съ первымъ размахомъ сулящихъ многое со временемъ». Харьковскія статьи Срезневскаго дѣйствительно представляются первыми порывами юнаго орла науки, сильнаго размаха. Срезневскій — юристъ по подготовкѣ — съ первыхъ шаговъ однако уже стремится къ славянско-филологіи.

Въ 1832 г. онъ собираетъ пѣсни у зайзачихъ словачки-торговщицы и падаетъ ихъ съ примѣчаніями, въ которыхъ вставляетъ, между прочимъ, двѣ украинскія народныя пѣсни — «Снився дівчиноньш дитенькій сон» и «Дівчинонько молодца, люби мене молодого». Первая пѣсня известна въ печати во многихъ вариантахъ, встречается, между прочимъ, въ V т. «Трудовъ» П. П. Чубинскаго.

Наиболѣе крупнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе неудачнымъ проявленіемъ живого интереса Срезневскаго къ малорусской словесности и исторіи служить его «Запорожская Старина», выходившая выпусками съ 1833 по 1838 г.

Запорожская Старина отличается тѣмъ литературнымъ направлениемъ, которое господствовало въ Харьковѣ въ 30-хъ годахъ и было осуждено самимъ Срезневскимъ въ прощальной рѣчи къ студентамъ при отъѣздѣ въ Петербургъ въ 1847 г.

Срезневскій въ предисловіи говорить о семидлѣтнемъ собираніи матеріаловъ, — другими словами съ 1826 г., когда собирательно было всего 14 лѣтъ; такой юный возрастъ долженъ былъ отразиться на сборникѣ, и онъ отразился въ чрезмерномъ энтузіазмѣ, въ недостаткѣ критики и въ искусственномъ сочинительствѣ.

Въ предисловіи къ «Запорожской Старинѣ» 1833 г. Срезневскій объясняетъ, что, издавая «Запорожскую Старину», онъ хочетъ оказать услугу не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую — бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ. Гораздо точнее цѣль изданія формулировала въ письмѣ Срезневскаго къ Гоголю въ февралѣ 1834 г., т. е. почти черезъ годъ, когда для него самого эта цѣль стала болѣе ясной. Тутъ Срезневскій говоритъ, что, издавая «Запорожскую Старину», онъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: 1) представить важность малорусской народной словесности въ смыслѣ историческомъ и этнографическомъ и 2) опредѣлить отношеніе народной словесности къ лѣтовисемъ и народнымъ преданіямъ. Цѣли широкія, впервые обдуманно сформулированныя; поставленные молодымъ ученымъ задачи нашли свое рѣшеніе много лѣтъ спустя въ трудахъ Житенскаго и В. Н. Петрова. Срезневскій не могъ ихъ выполнить. «Запорожская Старина» вылилась въ форму сборника рѣсенъ, частью народныхъ, большей частью поддѣльныхъ, и съ обширными пересказа-

лами украинских летописей, преимущественно «История Руссов» псевдо-Ковнискаго.

«Запорожская Старина» выдвинула Срезневскаго и создала ему обширныя литературныя и научныя знакомства. Бодянский открылъ для него страницы своихъ «Чтеній»; Костомаровъ руководствовался доставленными имъ летописными материалами, долгое время не замѣчал ихъ фальшивости; Максимовичъ перепечатывалъ думы и пѣсни; Гоголь восторженно приветствовалъ Запорожскую Старину и въ ней черпалъ свои свѣдѣнія по исторіи Малороссіи; въ 1834 г. онъ писалъ Срезневскому: «Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ! Всѣ думы. . . ослѣпительно хороши».

Но время шло, назрѣвала критика и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіе. Уже при самомъ выходѣ Запорожской Старины въ 1838 г. въ краткой безымянной рецензіи въ Библиографическомъ Журналѣ было отмѣчено, что «трудъ этотъ не имѣетъ ученой формы», но въ видѣ поощренія тутъ же добавлено, что «любителямъ исторіи онъ обѣщаетъ занимательное чтеніе». Максимовичъ незадолго до смерти, бывши въ Петербургѣ, говорилъ, что онъ «введенъ былъ въ заблужденіе». Несколько лѣтъ позднѣе въ 1874 г., Антоновичъ и Драгомановъ въ предисловіи къ 1 т. «Историческихъ пѣсень малорусскаго народа» отмѣтили много подлѣзныхъ пѣсень. Суровой отзывъ далъ Костомаровъ въ письмѣ къ Корсуну 1880 г. (Рус. Арх., 1890, т. III, стр. 218): онъ называетъ вліаніе «Запорожской Старины» зловернымъ, сожалѣть, что долго довѣрялся учености Срезневскаго и утверждать, что Срезневскій въ Запорожской Старинѣ «не только печаталъ фальшивыя стихи, выдавая ихъ за народныя пѣсни и думы, но даже подставлялъ и сообщалъ фальшивыя летописныя повѣствованія». Срезневскій, по словамъ Косто-

марова, иногда сознавать грѣхъ свой и удалялся не только отъ повторенія его, но даже избѣгалъ разговоры и упоминаній о его «Запорожской Старинѣ». Авторъ обширной и цѣнной біографіи И. И-ча — В. И. Срезневскій говоритъ, что И. И. «не отвѣчалъ критикамъ своей юношеской работы, потому что раиѣ ихъ увидѣлъ ея недостатки и понималъ, что среди его корреспондентовъ были люди недобросовѣстные». Несправедливо въ данномъ случаѣ перекладывать всю вину на корреспондентовъ. Къ тому же на сочиненіе народныхъ пѣсенъ и поддѣлку подъ народныя пѣсни въ 30-хъ годахъ смотрѣли очень легко, не связывая съ этимъ понятія о недобросовѣстности. Чтобы спорить съ такими критиками, какъ Антоновичъ, Костомаровъ и Драгомановъ, нужно было быть во всеоружіи знаній въ области малорусской исторіи и этнографіи, между тѣмъ къ 70-мъ годамъ оба эти предмета были уже совсѣмъ чужды Срезневскому и далеко стояли отъ его ученыхъ интересовъ.

Уже въ первыхъ трудахъ — «Запорожской Старинѣ» и «Взглядѣ на памятники украинской народной словесности» въ Срезневскомъ обнаруживается ученый систематизаторъ; на первыхъ порахъ онъ уже задумывается, какъ дѣлать пѣсни. Распределеніе пѣсенъ — дѣло трудное, и въ настоящее время нѣтъ по этому вопросу прочно установленныхъ основаній; тѣмъ болѣе ихъ не доставало въ 30-хъ годахъ, при самомъ возникновеніи собранія пѣсенъ. Не удивительно, что и Срезневскій находился въ большомъ затрудненіи. Въ предисловіи къ Запорожской Старинѣ онъ предлагалъ дѣлать пѣсни на историческія, этнографическія, религіозныя, годомъ позже во «Взглядѣ» рекомендовалъ уже другое дѣленіе, сложное и запутанное. Украинская литература раздѣлена на два большихъ отдѣла: 1) народныя преданія и

2) сочинения болѣе или менѣе ученыхъ писателей (писатели эти авторомъ не отмѣчены). Въ статьѣ рѣчь идетъ исключительно о первомъ отдѣлѣ—о народной словесности, причемъ Срезневскій дѣлитъ ее на 1) думы и пѣсни, 2) сказки, 3) похвалки, 4) пословицы и поговорки, 5) загадки и 6) заговоры. Пѣсни и думы подѣлены на мифическія, былевыя, правоучительныя, военныя, анакреонтическія и юмористическія. Въ частности пѣсни мифическія подраздѣлены на пѣсни мифическія по содержанию и мифическія по пришеву; пѣсни былевыя на пѣсни объ историческихъ личностяхъ и думки о лицахъ, исторія неизвестныхъ; пѣсни военныя на 1) казацкія и гайдамацкія и 2) казанско-селянскія. Кромѣ этихъ дѣленій и подраздѣленій, не получившихъ въ наукѣ права гражданства, Срезневскій дѣлитъ пѣсни на два обширныхъ отдѣла—обрядныя и домашнія.

Срезневскій не забылъ сказокъ. Онъ выдвигаетъ важность изученія ихъ въ духѣ направленійхъ, во первыхъ, какъ чистый источникъ для вдохновенія поэтовъ и вторыхъ, какъ памятникъ народныхъ вѣрованій; онъ предлагаетъ дѣлить сказки на мифическія, былевыя и фантастико-юмористическія. Въ особую группу выдѣлены «похвалки»—небольшія сказки вродѣ басенъ, большей частью сатирическаго содержанія.

Пословицы подѣлены на эпическія, юмористическія и былевыя.

Во «Взглядѣ», кромѣ сухой систематикѣ пѣсенъ и сказокъ, есть нѣсколько жизненныхъ замѣчаній объ ихъ исполнителяхъ, именно, приведено нѣсколько интересныхъ примѣровъ способности малорусской женщины создавать пѣсни. Такъ, одна молодая крестьянка быстро сложила пѣсню о ледомъ солнцѣ, сибѣломъ мѣлцѣ и яркой звѣз-

дочки, съ послѣдующимъ сравненіемъ съ ними двухъ братьевъ и сестры. Другая женщина старушка за нѣсколько грошей такъ быстро складывала колядки, что Срезневскій еле успѣвалъ за ней записывать.

Въ 40-хъ годахъ Н. П. еще интересовался малорусской этнографіей и изучалъ ее. Подтвержденіемъ служить его большія рецензіи на диссертацию Костомарова о значеніи русской народной поэзіи въ Москвитинѣхъ 1844 г. и въ особенности его содержательныя дополненія къ статьѣ Семеновскаго о малорусскихъ народныхъ праздникахъ въ Малкѣ 1843 г. Изъ «Дополненій и замѣчаній» Срезневскаго видно его обширное и основательное знакомство съ сочиненіями польскихъ ученыхъ о южной Россіи, именно съ сочиненіями Загѣскаго, Паули, Лозинскаго, Войцицкаго, Голембювскаго, Ходаковскаго, Червинскаго и Вагнелича. Нѣкоторыя дополненія довольно обширны. Всѣхъ дополненій 12.

1) Срезневскій, указывая на русинскій дѣтскій праздникъ 12 марта, высказываетъ предположеніе, что праздникъ этотъ, вѣроятно, существуетъ и въ Россіи.

2) Описаніе общеславянской хороводной игры въ короля или въ царю.

3) Изложеніе приуроченныхъ къ Юрьеву дню погнѣрій галицкихъ горцевъ Бойковъ о дѣдкахъ, или домовыхъ.

4) Описаніе обрядовъ, бывающихъ въ Галиціи на Свѣтлое Христово Воскресеніе и на Проводы; главнѣйшіе изъ нихъ: смигуреть или дымгустъ — обливаніе водой парубковъ дивчатами и обратно, на второй и третій день Пасхи, и гайки — хороводныя танцы дѣвушекъ на кладбищѣ. Приведена одна старинная пѣсня.

5) Начало мая и Зеленая недѣля. Приведено нѣсколько

малоросійскихъ пѣсень мифологическаго содержанія и одна пѣсня историческая.

6) О русалкахъ, мавкахъ, или, какъ ихъ въ Галиціи называютъ, майкахъ.

7) О Купалѣ. Небольшое извлеченіе изъ рукописнаго (XVIII в.) житія князя Владимира.

8) Объ обжникахъ. Нѣсколько галицкихъ пѣсень.

9) Объ осеннихъ гаданіяхъ. Гаданіе о томъ, кому умереть.

10) Колдованіе. Любопытный обрядъ внесенія въ хату дѣда (ржаного снопа). Нѣсколько «привтаній». Коладка о сотвореніи міра двумя голубями.

11) Встрѣча и празднованіе Нового года.

12) Великій постъ. Сожженіе чучела изъ гороховой зелени въ среду на первой недѣлѣ Великаго поста; очищеніе домовъ и купанье въ Чистый четвергъ.

Особенно интересенъ отзывъ Срезневскаго о литературной дѣятельности Квитки — его малорусскихъ повѣстяхъ, высказанный въ некрологѣ Квитки въ Москвитинѣ 1843 г. «Худо бы оцѣнить его литературныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго рассказчика-наблюдателя. Какъ ни глубоко онъ зналъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него, не въ этомъ, однако, его истинная слава. Заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понимаетъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ, требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться и любовію къ книгѣ — душевное сознаніе. Все, что написано Квиткой-Основьяленкомъ на нарѣчїи нашего края, свидѣ-

тельствуетъ это благородное стремленіе его наставить тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческой только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художества, потому что художникъ писалъ ихъ; но увлекать онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, в которомъ однако нужно истолкованіе истины, оправданныхъ вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. Квитка-Основьяненко былъ и надолго останется первымъ народнымъ писателемъ въ Украинѣ». Эта широкая и гуманная оцѣнка Квитки, какъ писателя, находитъ полное историческое оправданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ она говоритъ о широтѣ и гуманности воззрѣній самого автора; мнѣніе Срезневскаго въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе интересно, что высказано оно Срезневскимъ уже по возвращеніи его изъ-заграницы, когда его малорусскія этнографическія и историческія изученія и симпатіи пошли на убыль.

Подъ вліяніемъ малорусской народной поэзіи Срезневскій въ молодости увлекался исторіей Малороссіи; онъ читалъ южнорусскія лѣтописи, многое заимствовалъ изъ Исторіи Руссовъ псевдо-Ковицкаго. Въ тридцатыхъ годахъ онъ скомпилировалъ главнымъ образомъ по Шафонскому нѣсколько популярныхъ историческихъ очерковъ о Юрій Хмельницкомъ, Выговскомъ, Морозенкѣ, Мазепѣ, Паліѣ, и помѣстилъ ихъ во 2 т. Запорожской Старины. Въ повѣсти «Майоръ» П. П. пробовалъ писать въ томъ беллетристическомъ направленіи, въ какомъ позднѣе писали Костомаровъ и Мордощевъ, но вскорѣ остановился, нужно думать, въ сознаніи, что для такого рода дѣятельности ему недоставало литературнаго таланта, недоставало воображенія.

Гораздо удачнѣе былъ другой опытъ Срезневскаго въ украинской исторіографіи, его «Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины», большая статья въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1839 г. Приступая къ этому труду, Срезневскій имѣлъ только одного предшественника—Г. Ѳ. Квитку—Основальника, автора «Записки о Слободскихъ полкахъ» 1812 г. и небольшихъ замѣтокъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1838 г. Срезневскій излагаетъ исторію Слободской Украины со времени ея возникновенія, по мнѣнію автора, въ 1640 г. до преобразованія въ губернію въ 1765 г. Въ теченіе долгаго времени этотъ трудъ Срезневскаго считался крупнымъ; онъ былъ перепечатанъ проф. Сокальскимъ въ Статистическомъ Листкѣ 1883 г., черезъ 44 года. Въ рукахъ Срезневскаго были такіе матеріалы, которые впоследствии безслѣдно исчезли, напр. фамильный гѣтоишъ Квитокъ. Срезневскій, однако, не использовалъ ихъ въ достаточной мѣрѣ, не сдѣлалъ изъ нихъ извлеченій, о чемъ поадиже, въ 1886 г., ждалъ лучшей современной намъ историкъ Слободской Украины проф. Д. П. Багалій (въ 1 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. общ.).

Періодъ первый (отъ начала XVII ст. до 1700 г.).

Глава первая. Взглядъ на состояніе Слободской Украины до заселенія ея южно-руссами въ началѣ XVII ст.

Глава вторая. Время заселенія. Срезневскій относитъ его къ 1640 г. и продолжительность его опредѣляетъ приблизительно въ десять лѣтъ. Онъ говоритъ, что въ это время поселены являлись массами; но приходили они и поодиже, только въ небольшомъ количествѣ.

Глава третья. Населеніе Слободской Украины. Срезневскій указываетъ на три главныя переселенія изъ Гетманщины въ Слободскую Украину: 1) около 1640—1645 г.,

въ количествѣ 10000 чел. изъ-за Дѣбира, преимущественно Черкаскаго повѣта; 2) въ 1645—1647 годахъ— изъ Поддѣбровья, въ количествѣ 1247 семей, или дворокъ и 2000 казаковъ. Въ это время появились къ здѣшнему краю Шидловскіе, Квитки, Захаржевскіе, Кондратьевы и другія знатныя казачія лица, составившія мѣстную аристократію; 3) въ 1650—1651 г., въ неизвѣстномъ числѣ. Переселенія мало по малу продолжались, — и въ 1654 году, когда лѣвобережная Украина отошла къ Московскому государству, въ Слободской Украинѣ считалось 80—100.000 жителей.

Глава четвертая. Общественный бытъ и устройство. Поселеныя осыли слободами, изъ которыхъ возникли города, причемъ ранѣе другихъ упоминаются Валки. Масса населенія раскинулась хуторами. Высшее сословіе состояло изъ помѣшниковъ или войсковою старшины, низшее — изъ сельнѣ, мѣщанъ и выборныхъ казаковъ. Населеніе края дѣлилось на полки; первоначально было три полка: Сумской, Ахтырскій и Харьковскій; впоследствии были образованы еще два: Изюмскій и Острогожекскій. Полковому начальству были: полковникъ, обозный, судья, эсаулъ, хорунжій и два писари. Главныя полковыя дѣла рѣшались на Радѣ, причемъ только одинъ полковникъ имѣлъ два голоса. Полки раздѣлялись на сотни, управляемыя сотникомъ, атаманомъ (судья), эсауломъ, писаремъ и хорунжимъ.

Глава пятая. Отношенія Слободской Украинны къ Малой Россіи, къ Татарамъ и къ Царству Русскому. Здѣсь рѣчь идетъ о полной независимости Слободской Украинны отъ малороссійскихъ гетмановъ, о ея борьбѣ съ татарскими хищниками и преданности Русскому царю.

Періодъ второй (1700—1765).

Глава первая. Общий взгляд. Переселения въ здѣшній край великороссійскіе и сербовъ; появленіе цыганъ. Ослабленіе татарскихъ набѣговъ. Упадокъ казачества.

Глава вторая. Начало преобразованій въ Слободской Украинѣ во время Петра Великаго. Измѣненія территориальныхъ границъ края и нововведенія въ казачьей службѣ. Перемѣны населенія.

Глава третья. Ходъ гражданскаго устройства Слободской Украины во время царствованія императрицы Анны. Преобразованія, произведенныя кн. Шаховскимъ. Учрежденіе Канцеляріи Коммиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ. Запрещеніе занимать новыя земли (1735). Образованіе драгунскаго полка. Ограниченіе власти полковниковъ. Развитіе влѣточничества. Тяжесть содержанія 8-ми драгунскихъ полковъ. Бѣгство слобожанъ на Довж и Волгу. Синхронное правленіе къ нуждамъ мѣстнаго населенія и уменьшеніе полковъ (оставлено на постахъ 3 драгунскихъ полка и 1 гарнизонный).

Глава четвертая. Измѣненія въ гражданскомъ устройствѣ Слободской Украины въ царствованіе императрицы Елизаветы и въ началѣ царствованія Екатерины II. Льготы и облегченія населенія. Уничтоженіе мѣстнаго драгунскаго полка. Уничтоженіе Канцеляріи Коммиссіи. Понравленіе городовъ. Развитіе торговли и промышленности. Очищеніе края отъ бродягъ и разбойниковъ.

Глава пятая. Преобразованіе Слободской Украины въ губернію. Освобожденіе духовенства и дворянства отъ платежа подати. Духовныхъ и дворянъ считалось около 15.000. Простой народъ платилъ подати въ разномъ количествѣ: а) войсковые обыватели, имѣвшіе право курить и продавать вино (около 300.000 чел. обоюго пола), по

95 коп. съ души; б) войсковые обыватели, не имѣвшие этого права (около 45.000 чел. обоого пола), по 85 коп. съ души; в) владѣльческіе подданные, жившіе на Дону (около 40.000 чел. обоого пола), по 70 коп. и г) владѣльческіе подданные, жившіе собственно въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. и въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. (около 650.000 чел. обоого пола), по 60 коп. съ души. Податныхъ было, следовательно, около 1.035.000 чел., а всего населенія Слободско-Украинской губерши 1.050.000 чел. Въ 1765 г. губерскимъ городомъ былъ назначенъ Харьковъ, а уѣздными: Сумы, Ахтырка, Ивановъ и Острогожскъ. Первымъ губернаторомъ былъ Щербининъ.

Срезневскій живо интересовался поворожденной украинской литературой. Онъ ѣздилъ въ Полтаву, чтобы познакомиться съ Котляревскимъ, и описать приемъ, оказанный ему патриархомъ украинской литературы; онъ познакомился съ Квиткой; болѣе всего его привлекала оригинальная личность Сковороды. Много разъ Срезневскій пробовалъ писать о немъ, то въ формѣ научнаго трактата, то въ формѣ беллетристической. Философъ-мистикъ не дѣвался въ руки молодому ученому реалистическаго склада ума и характера; отзывы Срезневскаго о Сковородѣ требуютъ нынѣ поправки, что, однако, не умаляетъ ихъ серьезнаго историко-литературнаго значенія.

Во «Взглядѣ на украинскую словесность» 1834 г. Срезневскій ставитъ Сковороду въ число писателей, содѣйствовавшихъ развитію украинскаго языка. Въ дѣйствительности Сковорода писалъ особымъ языкомъ, представляющимъ смѣсь разнородныхъ лингвистическихъ элементовъ. Ни по содержанію, ни по формѣ сочиненія Сковороды не

принимали участіа въ созданіи современнаго малорусскаго литературнаго языка.

Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г. въ беллетристическомъ разсказѣ «Майоръ» Срезневскій рисуетъ Сквороду какъ человѣка съ большими противорѣчіями: «глаза его (т. е. Сквороды) блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то певнинымъ простодушіемъ дитяти...; говорить умѣетъ и любить, и говорить явогда, какъ добрый украинецъ; зато умѣетъ и подурчить другихъ виѣстѣ съ самимъ собою и ученостью, и умомъ, и благочестіемъ, и часто уловками прощраиваго попрошайки. Но онъ добръ, и честенъ и прямодушенъ». Такую характеристику Сквороды нельзя принять. Личность этого странствующаго философа-мудреца хорошо извѣстна по превосходной биографіи его ученика Ковалевскаго. Скворода былъ человѣкъ цѣльный, глубоко искренній; искалъ всегда только добра и правды.

Расположеніе Срезневскаго къ Сквородѣ было довольно устойчивое: выразилось оно и въ 40-ые годы—въ третьей уже статьѣ его въ «Молодикѣ» Бецкаго 1843 г. Здѣсь Срезневскій сдѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ Сквороды къ Бабаевскому священнику Іакову Правидному и привелъ обширную выдержку изъ выходящаго сочиненія Сквороды, до сихъ поръ неизданнаго полностью по цензурнымъ условіямъ, изъ его «Израильскаго Змія».

Срезневскій несомнѣнно былъ знакомъ съ сочиненіями Сквороды и высоко цѣнилъ ихъ. Въ повѣсти «Майоръ» онъ вкладываетъ въ уста майора такіа слова: «Прійдегъ, Григорій Савичъ, и твое время, узнають тебя, оцѣнятъ тебя». И такое время пришло, только не скоро. Около 60 лѣтъ Скворода находился въ забвеніи, до 1894 г., когда Харь-

ковское историко-филологическое общество собрало его сочинения и издало их съ обширнымъ комментариемъ проф. Д. И. Багалія. Съ этого времени Сковорода сталъ привлекать къ себѣ серьезное вниманіе.

Срезневскій до такой степени былъ заинтересованъ Сковородой, что сдѣлалъ интересный опытъ популяризаціи его идеи въ беллетристической формѣ. Въ повѣсти «Майоръ» онъ привелъ нѣсколько его разсужденій о Богѣ, мірѣ, любви. «Въ мірѣ семь некатъ рай?» вопрошаетъ Сковорода, и даетъ такой отвѣтъ: «Рай—небо, рай—Богъ. . . ., Богъ всюду, и всюду гдѣ Богъ— есть рай, и гдѣ нѣтъ Бога— нѣтъ рая. Такъ есть рай и на землѣ, ибо и Богъ есть на землѣ. А гдѣ Онъ на землѣ? Гдѣ благо. А гдѣ благо? Весь міръ, вся вселенная есть единое великое благо, ибо всеблагимъ Творцомъ сотворена. И всюду найдешь Его. Не ищи его за Индомъ, не ищи у верховій Нила, не будь ни вельможей, ни ростовщикомъ, будь только человѣкомъ, — слышишь? — человѣкомъ, — и обрѣтешь благо, и узришь рай. . . Люби Бога, люби тою же любовью ближняго всѣхъ ближнихъ, всѣхъ живыхъ столько же, какъ и умершихъ и нерожденныхъ. Всѣ они братья твои, родъ твой, радость твоя, надежда твоя, молитва твоя, вѣнецъ твой, всѣ, всѣ,—и всѣхъ люби, и Бога, и будетъ тебѣ рай».

Нужно поставить Срезневскому въ заслугу, что онъ, не смотря на молодые годы, почувствовалъ влеченіе къ глубокому мыслителю моралисту и сдѣлалъ опытъ популяризаціи его гуманной философіи въ беллетристической формѣ, подъ вымышленной фабулой, какъ майоръ хотѣлъ женить Сковороду на своей милонидной дочери, какъ философъ сбѣжалъ изъ подъ вѣнча, и на просторѣ украинскихъ полей заигралъ на флейтѣ свою любимую пѣсню:

О Боже, о живой глаголь!
 Кто есть безъ тебя весель,
 Ты единъ всѣмъ жизнь и радость,
 Ты единъ всѣмъ рай и сладость!

Сравнивая ученые труды Шамаха Ивановича Харьковскаго и въ Петербургѣ, нельзя не признать громаднаго превосходства трудовъ петербургскихъ. Разница эта находится достаточно объясненіе въ томъ, что въ Петербургѣ Срезневскій работалъ въ расцвѣтъ своихъ силъ и таланта, послѣ плодотворнаго трехлѣтняго заграничнаго путешествія, при возможности пользоваться всѣми учеными пособиями столицы.

Рѣзкую разницу въ данномъ случаѣ можно замѣтить не у одного Срезневскаго, но также у двухъ другихъ знаменитыхъ питомцевъ Харьковскаго университета—Костомарова и Сухомлинова. Ихъ харьковскіе ученые труды сравнительно съ болѣе поздними петербургскими представляются сравнительно весьма слабыми. Главная причина—недостатокъ ученыхъ средствъ и пособій.

Если формулировать съ одной стороны вліяніе мѣстной харьковской общественной среды на Срезневскаго, а съ другой обратное вліяніе Срезневскаго на мѣстное общество, то нужно признать, что для Срезневскаго пройденная имъ предварительно мѣстная украино-вильская школа была полезна; она внесла вдохновеніе, любовь къ народу, желаніе работать для него; она выдвинула мелкаго провинціального чиновника, какимъ тогда былъ Срезневскій, юнаго по возрасту и по служебному положенію университетскаго преподавателя статистики — предмета, по условіямъ того времени, безпочвеннаго и безплоднаго. Украинно-вильская среда, въ которой вращался Срезневскій, обратила его къ изученію народнои жизни, языка и литературы, приучила его

къ наблюдѣніямъ надъ народнымъ бытомъ, снабдила большимъ запасомъ этнографическихъ свѣдѣній. Приобрѣтенный большой опытъ по народоизученію Срезневскій вскорѣ широко использовалъ во время путешествій по западно-славянскимъ странамъ. Самъ Срезневскій на свое украинофильство смотрѣлъ, какъ на переходную ступень, и такой взглядъ для него, какъ великоросса, вполне естественъ. Передъ заграничнымъ путешествіемъ онъ предпринялъ прогулку по Харьковской и Полтавской губерніямъ — по мѣстности типично украинской, въ бассейнахъ Ворсклы и Псла: Харьковъ — Богодуховъ — Ахтырка — Галыч — Ромны — Лубны — Хороль — Полтава. Это было въ юліи 1839 г. По поводу этого путешествія И. П. писалъ Снегиреву: «авось успѣю изъ этого маленькаго путешествія сдѣлать для себя образчикъ того, что долженъ буду сдѣлать въ большемъ размѣрѣ, если буду утверждать на путешествіе по славянскимъ землямъ». На весь первый харьковскій періодъ дѣятельности Срезневскаго съ 1832 по 1839 г. можно смотрѣть, какъ на «образчикъ», пробу пера, на которую авторъ, по достиженіи высшихъ ступеней, уже не обращалъ вниманія.

Выступивъ на литературное поприще подъ сильнымъ воздѣйствіемъ мѣстныхъ писателей, Срезневскій, какъ человѣкъ большой энергіи, оказывалъ обратное немалое на нихъ вліяніе. Такъ, въ 1830 г. онъ писалъ въ Москву своему товарищу по университету Евецкому: «нашиши (для Украинскаго Альманаха) что-нибудь юмористическое, по что бы касалось Украины».

Особенно сильно повліялъ Срезневскій на Костомарова. «Знакомство это (съ Срезневскимъ)», пишетъ И. П. Костомаровъ въ автобіографіи, «возымѣло сильное на меня

Мужской рукописи Гривенского

Не в миссепиде
 Туда на клонили
 Далеко ступил
 Тело ступило
 Милые мои,
 Квотаму воплю
 Милый тыде млю
 Очисть ступило,
 Фобное пишу -
 Теи ступило,
 Кому ступило ступило,
 Знать ступило
 и ступило ступило
 Ступило ступило,
 Може ступило
 Ступило не ступило
 Ступило ступило
 Та ступило и ступило
 Та ступило и ступило,
 Та ступило ступило,
 и ступило ступило
 и ступило ступило
 Ступило ступило
 Ступило ступило
 Ступило ступило

Семейство ступило

Сергей Сидор

вліяніе. Н. П., въ то время хотѣ еще очень молодой чело-
вѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ, съ боль-
шимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто
посѣщать его, и домъ его сдѣлался любимымъ мѣстомъ
отдыха и обмѣна мыслей. По собственному признанію
Костомарова, Н. П. сильно способствовалъ развитію въ немъ
стремленія къ изученію малорусской народности. При его
помощи, Костомаровъ сталъ изучать малорусскій языкъ,
мало ему знакомый, и малорусскія повѣсти Квитки.

Вѣроятно, не безъ вліянія Срезневскаго Костомаровъ на-
писалъ въ 1843 г. диссертацию «Объ историческомъ значеніи
русской народной поэзіи». Срезневскій отнесся къ этому
труду съ большимъ одобреніемъ и напечаталъ въ Москвитинѣ
1844 г. дестиную для автора рецензію. Сдѣлавъ обзоръ
содержанія и нѣсколько извлеченій, Н. П. находилъ, что
трудъ Костомарова драгоценный подарокъ для литературы
и ученыхъ. Недостатками диссертации рецензентъ считалъ
недостаточную разработанность пѣсенъ и полное невниманіе
къ сказкамъ. Костомаровъ любилъ свой ранній трудъ, при-
знавалъ основательность критическихъ замѣчаній Срезнев-
скаго и въ концѣ жизни переработалъ его въ статьяхъ о
малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, напечатанныхъ въ
1872 г. въ журналахъ «Бесѣда» и «Русская Мысль».

Въ заключеніе можно повторить вслѣдъ за университет-
скимъ товарищемъ Н. И-ча, Шингоцкимъ, что Срезневскій
съ первыхъ своихъ шаговъ въ Харьковѣ обнаружилъ
орлиный полетъ, рано понесся въ научныя высоты и
своими смѣлыми порывами увлекъ съ собою наиболѣе
талантливыхъ своихъ друзей, товарищей и учениковъ.

Проф. Н. Ф. Сулицовъ.

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ и СЛАВЯНСТВО.

*Славянское путешествие и первые годы профессорской деятельности
И. И. Срезневского.*

Русскія изученія Славянства, начавшія въ первой четверти XIX ст. просвѣщеннаго покровителя въ лицѣ гр. И. П. Румянцева и даровитыхъ и энергичныхъ работниковъ въ блестящей племѣ его сотрудниковъ, со смертію вельможи-мецената на время приостановились. Душа Румянцеваго кружка, благородный подвижникъ науки И. И. Кешенъ, единственный изъ всего содружества, хорошо знавшій Славянство, благодаря продолжительному путешествію (1821 — 1824), и завязавшій прамыя сношенія съ славянскими учеными, вскорѣ послѣ смерти графа († 6-го января 1826 г.) покинулъ Петербургъ и навсегда распростился съ старыми влеченіями. Славянскіе интересы въ наукѣ нашей въ теченіе нѣкотораго времени проявляются слабо, и только университетскій уставъ 1835 г. создаетъ славянскую кафедру въ Московскомъ университетѣ: въ теченіе пяти лѣтъ съ достоинствомъ на ней подвизается М. Т. Каченовскій.

Съ учрежденіемъ новой специальной кафедры въ Москвѣ связывались заботы о дальнѣйшемъ обезпеченіи ея учеными силами; естественно было въ то же время подумать и о нуждахъ другихъ русскихъ университетовъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ эти заботы выразились въ посылкѣ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія группы молодыхъ ученыхъ за границу для подготовки къ занятію кафедръ славянской словесности. Къ славянамъ по старому, продолженному Кешеномъ пути отправляются: О. М. Болдыскій, П. И. Прейсъ и Н. И. Срезневскій.

Срезневскій, молодой избраницъ Харьковскаго университета, рано обнаружилъ интересъ къ славянству. Первый трудъ его, имѣющій отношеніе къ славянамъ, «Словацкія пѣсни», напечатанъ былъ въ 1832 г., когда ему было всего 20 лѣтъ. Пѣсни собраны были имъ отъ словаковъ-дротарей, странствующихъ проволочниковъ.

Преподавая затѣмъ въ родномъ университетѣ статистику (съ сент. 1837 г.) и занимаясь ею преимущественно, Срезневскій, по его собственнымъ словамъ, «все остальное время посвящалъ изученію славящины», и когда редакция Журнала Мин. Нар. Просв. предложила ему сотрудничество, онъ согласился доставить ей статьи не только по части статистики и исторіи Малороссіи, но и по «нѣкоторымъ отраслямъ славянословія», имѣвшимъ, между прочимъ, статью о Краделворской рукописи и даже «Нѣсколько замѣчаній о Чешскомъ Словарѣ Юнгманна».

Сблизившись еще въ 1833—1835 гг. съ известнымъ украинофиломъ—поэтомъ Амвросіемъ Лукьяновичемъ Метлинскимъ, тоже большимъ любителемъ народной поэзіи, Срезневскій нашелъ въ немъ сочувствіе своимъ новымъ интересамъ. Необходимо отмѣтить, что Амвросій Могла издалъ въ Харьковѣ въ 1839 г., т. е. въ годъ отъѣзда за границу Срезневскаго, свои «Думки и пѣсни та шче де шчо». Эти думки и пѣсни обнаруживали для Харькова и своего времени уже довольно широкое знакомство съ народнымъ

славянскимъ пѣснотворчествомъ, съ поэтическими творениями чеховъ Коллара и Челаковского, поляковъ Мицкевича, Витвицкаго и Одынца, съ учеными трудами Шафарика. Меллинскій почерпаетъ изъ известнаго сборника Коллара «словацкыи пѣсни», переводитъ также пѣсни сербскія и «старочешскія» изъ Краледворской рукописи, подражаетъ явно Челаковскому въ думкѣ «Пожаръ Москвы», несомнѣнной парафразѣ «Великой панихиды» чешскаго поэта, и даже во взглядѣ его на «бусурманъ» — иностранцевъ слышится отголосокъ известнаго стиха «Любушина Сула»: «Nechváno nám v Němcích iskatí pravdu. . .». Меллинскій поетъ:

«Е въ насъ Віра, Царь и Мога,
И чи мало насъ Словень,
Все свое въ насъ . . . ну, чого вамъ.
Ще шукати въ бусурманъ» . . .

Отсюда недалеко уже было до позднѣйшаго взгляда Срезневскаго на славянство, какъ на «особый элементъ жизни общественной, не романскій и не германскій, но и не азиатскій», столь же однако твердый, какъ оба западные, но болѣе свѣжій; отсюда могла вытекать и віра, убѣжденіе, что «славянекому племени предоставлено обновить Европу».

Въ харьковскомъ кружкѣ, очевидно, ясно и сильно опредѣлились въ эти годы славянскіе интересы, и все въ славянскихъ литературахъ издающееся здѣсь читалось, обдумывалось и переживалось. Славянскія основы были заложены. Надо было лишь укрѣпить и расширить ихъ, чтобы поставить на прочномъ фундаментѣ новую славянскую кафедру, открыть которую предстояло въ недалекомъ будущемъ и Харьковскому университету.

Въ какомъ направленіи, при помощи какихъ средствъ и матеріаловъ могло, въ пониманіи руководителей отправлявшихся къ славянамъ стипендіатовъ, совершиться это упроченіе и расширеніе основъ, объ этомъ подробно говорить намъ инструкция, давая всѣмъ тремъ въ тождественной формѣ въ напутствіе и поученіе.

Программа, или «Записка о путешествіи пограничнымъ славянскимъ землямъ», составленная при Московскомъ университетѣ, точно опредѣляла «время, страны и мѣста», которыми должно было ограничиться это путешествіе. Она рекомендовала «прежде всего прибыть въ Чехію» и тутъ по крайней мѣрѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ знакомиться съ чешской словесностью, языкомъ, древностями, исторіей, палеографіей и пр. Въ качествѣ руководителей и ученыхъ авторитетовъ въ ней упоминаются: Шафарикъ, Юнгманъ, Ганка, Челаковский, Палацкий. Она отмѣчаетъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ видѣвшихся представителей науки. Однако въ ней не было ничего самостоятельнаго. Зависимость ея отъ знаменитаго «Проекта путешествія по славянскимъ землямъ и архивамъ» П. И. Кеппена (1825 г.) не подлежитъ сомнѣнію. Маршрутъ, порядокъ ученыхъ поѣздокъ въ ней нѣсколько иной, но существенныя указанія касательно архивовъ, библиотекъ, лицъ ученыхъ и т. п. идутъ всё вообще отъ Кеппена, нѣсколько, конечно, подновленные и дополненные для конца тридцатыхъ годовъ.

Проектомъ Кеппена уже воспользовались въ свое время въ Варшавѣ для избранника Варшавскаго университета Андрея Кухарскаго (1825 г.), теперь вспомнили о немъ и у насъ и дали его въ руководство нашимъ молодымъ ученымъ, отправлявшимся къ славянамъ.

Специальная «инструкция», въ дополненіе къ «Замѣткѣ», опредѣляла точнѣе характеръ уже самыхъ занятій ученаго славянскаго путешественника. Способъ, методъ занятій, который является наиболѣе дѣйствительнымъ и плодотворнымъ въ области большинства наукъ (слушаніе лекцій въ университетахъ, работа въ библіотекахъ, кабинетахъ и проч.), признается ею непригоднымъ для изученія славянскихъ нарѣчій. Инструкция пояснила поэтому, по какому пути слѣдуетъ идти въ этой области нашимъ ученымъ:

«Предметъ изученія славянскихъ нарѣчій и литературъ, въ истинномъ ихъ ученомъ значеніи, еще слишкомъ мало обработанъ; весьма немного можно встрѣтить ученыхъ, которые по призванію послали бы себя этому важному предмету. Какъ рѣдки въ этомъ отношеніи ученые, такъ рѣдки хорошія книги, руководства и пособія по этому роду занятій; а каедры, учрежденныя по этому предмету и собственно для этой цѣли, кромѣ Россіи, нигдѣ, кажется, не находится. Все это само собою указываетъ уже нашему путешественнику на необходимость не столько заочнаго, сколько самодѣтельнаго и самопроизводящаго способа ученія и усовершенствованія». Поэтому въ области занятій славянскими нарѣчіями рекомендовалось прежде всего практическое изученіе ихъ, при этомъ путешественникъ долженъ «слѣдить за всеми возможными отбѣсками и мѣншей» этихъ нарѣчій по разнымъ провинціямъ, въ разныхъ сословіяхъ народа.

Что касается второй задачи путешественника, а именно — «изученія характеристики славянскихъ народовъ, каждаго въ особенности», то тутъ «практическое ученіе» должно было сыграть еще большую роль. Образъ жизни

домашней и общественной, нравы, обычаи, степень образования, древнія преданія и повѣрья, предрассудки, суевѣрія, игры, увеселенія, одежда, пища и т. п. должны составить «ценноцінный запасъ для предбудущихъ изслѣдованій и выводовъ путешественника, въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археографическомъ и нравственномъ отношеніяхъ». Ясно было, что для собиранія столь разнообразныхъ матеріаловъ ученому славянисту необходимо было возможно дольше путешествовать по славянскимъ землямъ, ибо собрано и издано было до сихъ поръ по этому предмету ничтожно мало. Рекомендовалось поэтому для большаго успѣха дѣла совершать ученые экскурсіи лѣтомъ пѣшкомъ, вести самый подробный дневникъ путешествія и т. д.

Самъ Срезневскій уже въ первомъ дописаніи министру (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1841 г., ч. 34, стр. 9 и сл.) далъ весьма цѣнный комментарий къ оффициальной «Запискѣ», отражающей его собственные взгляды на задачи ученаго путешественника по славянскимъ землямъ. Онъ писалъ тогда: «Чтобы узнать славянство, путешественникъ по землямъ славянскимъ долженъ, съ одной стороны, изучать старинныя памятники языка, писанныя людьми, еще не имѣвшими притязанія на названія «писателей» и «литераторовъ» и тѣмъ болѣе сохранившими въ своихъ сочиненіяхъ народность языка, народность мысли и чувства; съ другой стороны, идти въ народъ, вслушиваясь въ его рѣчь, простую, не испорченную исполненіемъ придуманныхъ правилъ, въ его пословицы, пѣсни, преданія, въ которыхъ выражаетъ онъ себя, свой умъ и фантазію, вкусъ и понятія, свою жизнь и свое прошлое такъ простосердечно и такъ полно. А чтобы онъ могъ понять сознательно то,

что прочтешь въ старыхъ хартияхъ и услышишь въ деревняхъ и поляхъ, онъ долженъ узнать образъ жизни славянъ, ихъ нравы и обычаи, вѣрованія и обряды. . . . Проникнувъ въ духъ славянства, узнать его въ тѣхъ проявленіяхъ, гдѣ условія искусства не вредили природѣ, онъ будетъ въ состояніи одѣлать и тѣхъ писателей, которые, не смотря на пѣш, наложенныя на нихъ вліяніемъ чужого, смогли однако жъ сохранить свою народность, понять свой народъ, свой родной языкъ и тѣ формы, въ которыхъ можетъ излиться и могучѣе проявиться умъ и фантазія для его соотчичей, въ одеждѣ его отечественнаго языка».

Такое мѣстное, такъ сказать, топографическое изученіе славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ, ихъ народной словесности Срезневскій считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что «каждый живой народъ, каждое живое нарѣчье, каждая живая народная словесность представляютъ этнологу, историку, филологу хотя нѣчто такое, что, наперекоръ судьбѣ, пережило долгіе вѣки и сохранилось только въ немъ, что каждый славянской народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звеномъ въ общемъ развитіи славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ общеславянскихъ вопросовъ».

Это—знакомыя намъ черты того романтическаго націонализма, который, получивши теоретическое обоснованіе въ современныхъ философскихъ системахъ, въ литературной и научной практикѣ выразился въ культѣ національнаго настоящаго и прошлаго во всѣхъ его проявленіяхъ. Благодаря ему, въ поэзіи явилась поэтизація національнаго быта и духа, въ наукѣ — историческое изученіе языка, права, мифологіи и вообще продуктовъ народнаго творчества, въ общественно-политической жизни — идеализація

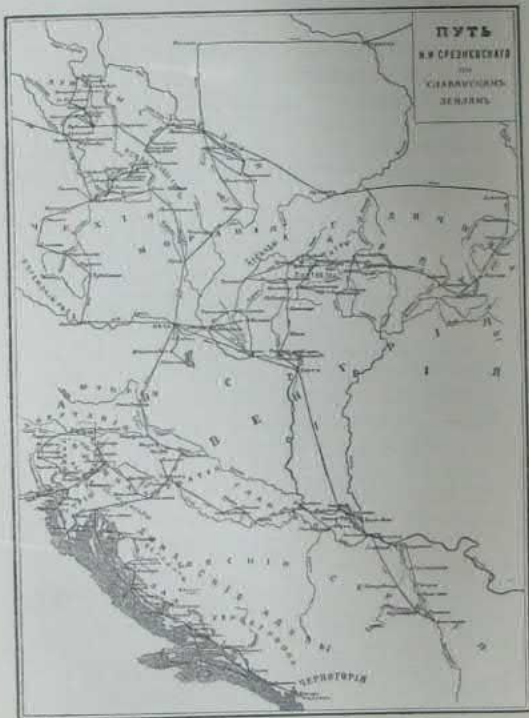
народных начал и традиций, а иногда и повороты к старинѣ, къ ея чистотѣ и непосредственности.

Срезневскій, слѣдуя общему увлеченію, идетъ тоже въ народъ, ибо факты, закрѣпленные навсегда въ книгахъ, рукописяхъ, изучаются многими, но слишкомъ немногіе ищутъ новыхъ фактовъ, еще пока живыхъ въ народѣ, но при современномъ движеніи образованности все болѣе исчезающихъ. «Много ли Караджичей насчитать можно въ цѣлой Европѣ, не только между славянами? И какаѣ славянскія народности изслѣдована такъ, чтобы для этнолога и филолога оставалось только критизировать и приводить въ систему собранные матеріалы?» Онъ убѣжденъ, что «собираніе матеріаловъ должно предшествовать всему».

Но Срезневскій понималъ, что путешественникъ, ограниченный небольшимъ срокомъ времени, не можетъ сдѣлать все, что бы нужно было, и что бы желалъ онъ сдѣлать; однако это соображеніе не должно быть препятствіемъ для дѣланія на этой нивѣ: «Каждый сдѣлаетъ что-нибудь, многіе сдѣлаютъ много!» Такъ понять онъ долгъ, наложенный на него путешествіемъ по землямъ славянскимъ... «Пѣшеходство» было его «страстью»—и эта страсть принесла богатые плоды.

Строго придерживаясь инструкціи, несомнѣнно, въ значительной степени отвѣчавшей своими положеніями и требованіями его личнымъ давнимъ вкусамъ и влеченіямъ, Срезневскій совершаетъ знаменитое въ исторіи русскаго славяновѣдѣнія трехлѣтнее ученое путешествіе.

Прослѣдимъ главнѣйшіе моменты и эпизоды его, познакомимся съ важнѣйшими результатами ученыхъ разсказовъ нашего путешественника и съ кругомъ тѣхъ славянскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, которые оказали

несомнѣнное вліяніе на характеръ и направленіе дальнѣйшей работы Срезневскаго на славянской нивѣ.

Путь за границу изъ Харькова по личнымъ обстоятельствамъ набранъ былъ черезъ Москву и Петербургъ. Позднѣе осенью 1839 г. бывшій адъюнктъ перваго отдѣленія философскаго факультета Харьковскаго университета, напутствуемый совѣтами самого министра С. С. Уварова и снабженный имъ рекомендаціями къ нашимъ вѣрнымъ друзьямъ, пражскимъ ученымъ, отправился на Западъ, къ славянамъ. Черезъ Ригу, Митаву, Таурогенъ и Тильзитъ онъ прибылъ въ Кенигсбергъ, гдѣ встрѣтился съ Прейсомъ, занимавшимся здѣсь подъ руководствомъ Куршата литовскимъ языкомъ.

Знакомство съ профессоромъ политическихъ наукъ Шубертомъ, совѣты его относительно необходимости самостоятельныхъ наблюденій при изученіи славянскаго населенія Пруссіи и Австріи и бесѣды съ Прейсомъ, который изъ Кенигсберга собирался въ Гданскъ для специальныхъ занятій кашубами, отчасти, наконецъ, и официальная инструкція привели и Срезневскаго къ рѣшенію начать свои ученныя занятія съ этой гибнувшей славянской вѣтви. Но зиния пора помѣшала ему захватить въ землю кашубовъ и на мѣстѣ изучить ихъ нарѣчіе и обычаи. Однако, нашъ путникъ знакомился съ кашубами въ Берлинѣ, отчасти въ Вратиславлѣ и Згорьльцѣ, преимущественно съ солдатами, отъ которыхъ онъ «довольно легко узналъ ихъ нарѣчіе, списывалъ народныя пѣсни, разузнавалъ объ ихъ обычаяхъ».

Это были первые шаги Срезневскаго на поприщѣ самостоятельнаго, живого ознакомленія съ славянствомъ, первые опыты его по собиранію этнографическаго славянскаго матеріала, едва ли, впрочемъ, счастливые.

Прослушавши въ Берлинѣ небольшой курсъ лекцій по языковедению у Боша (съ 8 декабря по 27 января), онъ черезъ Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ прибылъ въ Прагу (4/16 февраля 1840 г., въ восемь часовъ утра). Это была первая славянская остановка его. Онъ успѣлъ познакомиться новыми впечатлѣніями съ магушкой. «Когда-то», писалъ онъ, «сердце мое трепетало, когда я подъѣзжалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ Прага имѣетъ сходство съ Москвою. Чудный городъ! Не знаю, какимъ я найду его, когда осмотрю лучше, а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самого Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходилъ по улицѣ, слышишь славянскіе звуки и даже московскій нагѣлъ. . . » Это были впечатлѣнія чистого вѣншиа. Пребываніе въ центрѣ чешской умственной жизни, ученая занятія, знакомства и дружескія связи еще болѣе усилили эти восторженныя чувства.

Годы ученыхъ занятій нашихъ будущихъ профессоровъ-славистовъ въ Прагѣ счастливо совпадаютъ съ блестящимъ развитіемъ чешской ученой и научной литературы и съ высокимъ подъемомъ чешскаго національнаго чувства. Новый періодъ чешской литературной и ученой жизни, начавшійся съ основаніемъ въ 1817 г. Чешскаго Музея, ознаменовался дѣятельностью замѣчательной плеяды преемниковъ и продолжателей перваго поколѣнія чешскихъ властителей. На едва вепаханной чешской народной интѣ подвизаются въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ въ Прагѣ: Юнгманъ, поэтъ, лексикографъ и восторженный славянофилъ; переселившійся въ Прагу въ 1833 г. изъ Новаго Сада словакъ Шафарикъ, историкъ древняго славянства и знатокъ древней славянской письменности и

льковъ; симпатичный поэтъ-руссофилъ Челаковскій, впоследствии профессоръ славянской филологіи въ Вратиславскомъ университетѣ; великій чешскій историографъ Палаккій; заслуженнѣйшій въ исторіи чешско-русскихъ и вообще славянскихъ ученыхъ связей, первый библиотекарь Чешскаго Музея Вячеславъ Вячеславовичъ Ганка и цѣлый рядъ другихъ работниковъ.

Наши талантливые стипендіаты съ важнѣйшими трудами и заслугами, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ этихъ ученыхъ были знакомы уже дома, до отъѣзда за границу; имена Добровскаго, Юнгмана, Ганки и Шафарика особенно хорошо извѣстны были въ небольшомъ кругу нашихъ любителей Славянства; съ ними уже давно завлались у насъ сношенія, переписка, обмѣнъ книгами, взаимными услугами ученаго характера. Наши молодые ученые ѣхали не въ чуждающую сторону, а къ своимъ, къ друзьямъ, у которыхъ въ Россіи было тоже немало искреннихъ почитателей ихъ ученыхъ заслугъ и вѣрныхъ друзей.

Съ рекомендательными письмами С. С. Уварова къ «Павлу Юсифовичу Шафарикѣ» и къ Ганкѣ, и отъ редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія Сербиновича къ Ганкѣ явился Срезневскій въ Прагу. «Онъ посылается», писалъ Сербиновичъ, «для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Ваше славянское радушіе, безъ сомнѣнія, согрѣетъ нашего любознательнаго путешественника, подобно тому какъ и многіе изъ нашихъ, имѣвъ удовольствіе познакомиться съ вами, призывались мнѣ, что они были не на чужбинѣ, а точно какъ бы дома». И нашъ путникъ дѣйствительно чувствовалъ себя въ Прагѣ уже съ первыхъ дней пребыванія, какъ бы дома, среди своихъ.

Первый визитъ по прѣѣдѣ (еще въ тотъ же день!)

былъ къ Шафарику. Срезневскій былъ имъ облагодѣнъ и въ бесѣдѣ съ нимъ провелъ два часа. Съ Шафарикомъ и семьей его Срезневскій въ тотъ же день былъ въ чешскомъ театрѣ, а изъ театра пошли опять къ Шафарику и пили чай, «приготовленный по русски». Шафарикъ позаботился даже о квартирѣ для своего русскаго гостя, поручивъ прискаты ея д-ру Славьку.

Черезъ недѣлю, привѣтливо и сердечно принятый новыми чешскими друзьями, Срезневскій писалъ матери: «Вотъ и недѣля, какъ я въ Прагѣ, — и дай Богъ, чтобы всѣ недѣли прошли въ ней для меня такъ, какъ прошла эта. Радужно, родственно принимаемый, покойный, здоровый, прилежный, и не могъ быть ничѣмъ собою недоволенъ, на тѣмъ менѣе не могъ быть недоволенъ другими».

Свои занятія въ Прагѣ Срезневскій начинаетъ съ изученія чешскаго языка, сначала подъ руководствомъ известнаго лексикографа Франты Шумавскаго, а затѣмъ беретъ уроки у художника чешскаго слова, поэта Челаковскаго. Первые шаги въ области изученія памятниковъ старой письменности и вообще древности чешской, а также современной чешской литературной и общественной жизни сдѣланы были, конечно, подъ непосредственнымъ руководствомъ учителей (Шафарика, Гавки, Челаковскаго, Шумавскаго), — то въ библиотекѣ Чешскаго Музея у Гавки, то въ частныхъ бесѣдахъ съ учеными друзьями. Съ Гавкой онъ бесѣдуетъ всегда по-русски; съ профессоромъ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ Коубкомъ по-малороссійски. Въ половинѣ марта Срезневскій однако не могъ еще похвастать передъ матушкой своими успѣхами: «Говорить по-чешски начинаю, — по крайней мѣрѣ уже понимаю, но читать до сихъ поръ я не выучился — такъ

трудно, хоть и вовсе не трудно произнести каждый звукъ отдѣльно» . . . Но въ юности онъ приводить уже чужіе отзывы о томъ, что онъ прекрасно говорить по-чешски, что даже выговоръ имѣеть чешскій. «Иное такъ и думаю по чешски».

Tem. In Sreznenskému.

Bud' sdívá v obástoni, Karajinský Druže!
 A zúžbauli na pranti jívota
 tudy v tominách twýj krok se zamotá,
 Wjazel' se z nich wšdy Tobě vonní
 rúže!

W Praze 21 Dubna 1840.

Fr. Chalakovský.

Листокъ на память П. П. Срезневскому отъ Ф. Челаловскаго.

Вліяніе уроковъ и взглядовъ Ганки сказалось особенно на тѣхъ работахъ Срезневскаго («Извлеченія изъ Краледворской рукописи, касательно религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ» въ Ж. М. Н. Пр., 1840, ч. 28, отд. II, 115—148), которыя или прямо касались пресловутыхъ открытій Ганки.

или въ частныхъ своихъ выводахъ основывались на нихъ. Такъ, Краледворская рукопись (ВК) есть для Срезневскаго общая драгоценность всѣхъ славянъ, драгоценность неоцѣнимая, какъ памятникъ старины о старинѣ, если даже и не брать во вниманіе красоту поэтическихъ, которыми столь богато ея содержаніе. «Какъ памятникъ старины о старинѣ, она драгоценна для насъ и въ отношеніи къ языку и, можетъ быть, еще болѣе въ отношеніи этнографическомъ. Какъ драгоценность, она должна быть изучаема съ ревностію всѣми, для кого не чуждо имя славянъ и ихъ былое, и слѣдовательно — не только чехами или западными славянами, но и нами русскими. . . »

По мнѣнію Срезневскаго, «въ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ Краледворская рукопись очень замѣчательна, особенно при вышедшихъ изслѣдованіяхъ о древней религіи славянъ, изслѣдовавшихъ бѣдныхъ и фактами и выводами». Въ виду этой важности ея, онъ задумалъ цѣлью выписать изъ стихотвореній рукописи всѣ мѣста, имѣющія какое-либо отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, и потому «по возможности сообразить ихъ и извлечь изъ нихъ отвѣты на вопросы, возбуждаемые этимъ предметомъ».

Въ пониманіи ВК онъ вполне слѣдуетъ Гавкѣ. Отсюда, конечно, въ статьѣ этой оказалось много фантазіи по части славянской мифологіи. Только одно положеніе, а именно, — что такими частными обзорѣніями, какое предпринялъ авторъ, «можно и должно пачать трудъ изслѣдованій о древней религіи славянъ», чтобы впоследствии переходить къ общимъ выводамъ, — слѣдуетъ признать основательнымъ и въ методологическомъ отношеніи правильнымъ. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ былъ неудаченъ и не могъ имѣть

никакого научного значения, такъ какъ основанъ былъ на матеріалѣ фальсифицированномъ, т. е. безъ всякой цѣны.

И другое изъ печальныхъ «открытій», связанныхъ съ именемъ Гавки, для Срезневскаго оставалось, послѣ всѣхъ сомнѣній и возраженій противъ подлинности его, несомнѣннымъ произведеніемъ древности.

Зеленогорская рукопись (RZ), перепечатанная и переведенная Шишковымъ въ Извѣстіяхъ Росс. Акад., доступна была у насъ небольшому кругу, и Срезневскій былъ въ сущности правъ, когда говорилъ что «у насъ на Руси она неизвестна». Помѣстивъ въ «Очеркахъ Россіи» Валдма Пассека (I, СПб., 1838) статью «Сеймы», Срезневскій напечаталъ RZ въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Въ ней онъ усматривалъ, съ одной стороны, памятникъ родной намъ западной славянской, съ другой — «матеріалъ для будущихъ соображеній о старинѣ русской, въ которой много останется необъясненнымъ, пока наши историки и филологи не примутся изучать старину другихъ славянскихъ народовъ». Последнее замѣчаніе имѣло большую цѣну, но придавать RZ значеніе источника для освѣщенія славянской древности было весьма неосмотрительно. Срезневскій, между тѣмъ, не колебался, на основаніи этого произведенія XIX ст. рисуетъ картину состоянія чешской земли время Любуши, общественнаго устройства и общественной образованности чеховъ! Статья заключивалась патетическимъ призывомъ: «Любите, храните, чехи, свои народныя драгоценности и защищайте ихъ отъ навадокъ всеразрушающей критики, если по совѣсти признаете ихъ того достойными». Сомнѣнія чешскихъ ученыхъ, конечно, уже тогда были знакомы Срезневскому, но они не поколебали его крѣпкой вѣры, и въ 1879 г. онъ еще разъ возвра-

шается (въ Р. Ф. В.) къ «былинѣ о судѣ Любуши», нимаю не сомнѣваясь въ ея подлинности даже послѣ сильныхъ, сокрушающихъ аргументовъ противъ ея древности.

Эту вѣру въ подлинность нынѣ окончательно отвергнутыхъ фальсификатовъ Срезневскій передаетъ и своимъ ученикамъ, которые изучаютъ РК и пишутъ о ней разсужденія, переводятъ ее и комментируютъ. «Краледворская рукопись разбирается у насъ подробно», пишетъ онъ Ганкѣ изъ Харькова въ октябрѣ 1844 г., «такъ, вѣсть о татарахъ составила цѣлое разсужденіе. Позвольте ли вы автору (гр. Шведову) украсить ее именемъ вашимъ? Другое разсужденіе, поданное мнѣ, касается Snağasi: молодой ученый (Н. Самногъ), начавши сравненіемъ его съ Сварогомъ и Сварожичемъ, постарался по-своему рѣшить задачу о сабензмі и шоризмі и, хоть довольно вольничалъ, но сказалъ и много дѣльного». Нѣсколько позже Срезневскій привѣтствовать обширнымъ разборомъ трудъ казанскаго молодого ученаго А. Соколова о Краледворской рукописи и о Судѣ Любуши (въ Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. 55, отд. VI, 154—170).

И другія статьи Срезневскаго, касающіяся языческаго славянства, его быта и вѣрованій, неимѣнно цитируютъ РК или RZ, какъ «свидѣтельства современныя». Таково, напримѣръ, разсужденіе: «Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ» (Ж. М. Н. Пр., 1846, ч. 51, отд. II, 36—60). Авторъ задаетъ здѣсь цѣлью прослѣдить «мѣстныя произведенія и дѣя обожанія солнца языческими славянами» и объяснить названія солнечныхъ божествъ (Хорса, Дажьбога, Волоса, Сварожича, Радагаста и пр.). Статья обнаруживаетъ основательное знакомство съ свидѣтельствами древности, съ народной поэзіей славянъ, съ обширной литературой

по ея изученію и съ первыми опытами сравнительнаго объясненія въкоторыхъ вѣрованій, пословиць и т. п.

Славянской религіозной древности посвящена была и докторская диссертація: «Святязица и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ» (Харьковъ, 1846) и небольшая статья: «О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ къ безсмертію души» (Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. 53, отд. II, 185—196). Первая работа представляла особенный интересъ какъ по новизнѣ самой темы, такъ и по тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ, доказывавшій единство главныхъ основаній и принадлежностей языческаго богослуженія у славянъ, главнымъ культомъ коихъ было поклоненіе солнцу. Какъ здѣсь, такъ и во второй работѣ Срезневскій разсматриваетъ сказанія современниковъ, привлекаетъ къ изученію обычай и преданія древнихъ славянъ, сохранившіеся до нашего времени, при чемъ во второй статьѣ на первомъ планѣ поставлены въ числѣ «свидѣтельствъ современныхъ» пѣсни РК, воспѣвающія событія языческаго времени, дагѣ струшированы всѣ свидѣтельства историческихъ памятниковъ арабскихъ, вѣмецкихъ и славянскихъ. Изъ разсмотрѣнія и разбора ихъ авторъ выводитъ «двойственное вѣрованіе славянъ въ посмертную судьбу людей», смѣшеніе въ религій славянской двухъ религій (дуализмъ), двойственность понятій о сотвореніи міра (огонь и вода создали свѣтъ, землю и все окружающее).

Отмѣтимъ также, что, вопреки общепризананному нынѣ и блестяще доказанному изслѣдованіями А. Патеры и Баума подлогу значительной части чешскихъ глоссъ въ средне-вѣковомъ словарѣ «Mater Verborum», Срезневскій рѣшился отставать подлинность этихъ глоссъ. И тутъ онъ не могъ

допустить и тени подозрѣнія относительно участія въ литературно-патріотическихъ подлогахъ Вячеслава Ганки. Вѣра въ его чистоту и моральную непорочность была слишкомъ крѣпка, а старые пражскіе уроки и внушенія не забывались. Вспомнимъ, что какъ разъ въ 1840 г. Шафарикъ и Палацкій выступили съ защитою заподозрѣнныхъ «древнихъ памятниковъ» въ специальномъ трудѣ. Отъ инаго авторитета Срезневскій не сумѣлъ освободиться еще и тогда, когда они были окончательно поколеблены.

Среди книгъ и ученыхъ занятій старинной Срезневскій не забываетъ однако о современности: его увлекаетъ пробуждающаяся чешская новая жизнь, онъ усердно посѣщаетъ чешскіе національные балы (*národní besedy*), только что зарождавшіеся (1841) въ качествѣ важнаго фактора національнаго пробужденія, знакомится съ чешской сценою и музыкой. Странно однако, что онъ не пожелалъ сблизиться съ «новыми пражскими литераторами» изъ-за того только, что они собирались въ кофейняхъ, и нѣкоторые изъ нихъ были большіе охотники до политики. Срезневскій конечно, не прикидывался «мудрымъ старцемъ», когда приближалъ литературной молодежи: осторожность эту, надо думать, внушили ему его старшіе друзья, хорошо знавшіе печальныя пражскія отношенія, а органическое отвращеніе къ политикѣ только усилило эту осторожность.

Пятидесятичное пребываніе въ Прагѣ, постоянная занятія и поучительныя бесѣды съ друзьями, общеніе съ Ганкою, Шафарикомъ, Челаковскимъ, Станькомъ, Амерлингомъ, Коубкомъ, Палацкимъ и многими другими, поездки по сѣверной Чехіи и литературныя знакомства въ провинціи, съ деканомъ Ветешникомъ въ Соботкѣ, съ поэтами-переводчиками проф. Широмъ и Махачкомъ въ Ичнѣ, съ

Jedno křeslo slunce
 Jenž nad námi koluje.
 Jeden těšj národ
 Jenž obšjrně pánuje!
 Jedno bíge srdce!
 Jenž nás všecky spoduje!

Антонинъ Марекъ.
 Дѣканъ въ Ратарь
 въ Любуни - дня 3го
 Червна 1840.

Драгому Срезневскому.

Винаржскимъ, съ Антониномъ Маркомъ къ Гибуну, дали Срезневскому, несомненно, основательныя познанія касательно чешскаго языка, литературы, исторіи, географіи и этнографіи страны.

Въ эти мѣсяцы создались и его прочная привязанность къ Ганкѣ, котораго среди своихъ пражскихъ друзей онъ особенно отличалъ. Этихъ чувствъ Срезневскаго не разделялъ никто изъ его товарищей, русскихъ славистовъ. О Ганкѣ, «кавалерѣ ордена св. Владимира», Прейсъ отзывался нѣсколько насмѣшливо, какъ осмѣивалъ его «Анну на шеѣ» и злоязычный землякъ Гавличекъ; недолюбливалъ Ганку и своенравный Осипъ Максимовичъ Бодянский, невысоко цѣнившій его ученость и особенно обижавшійся за причисленіе его къ «ученикамъ» Ганки; различно думали и говорили о Ганкѣ и сами пражане, но Срезневскій прилепнуть къ нему всю душою и неизмѣнно до послѣднихъ дней трудовой жизни Ганки поддерживать съ нимъ переписку, дѣлясь съ старымъ другомъ въ теченіе двадцати лѣтъ (съ апрѣля 1840 г. до іюня 1860 г.) всеми важнѣйшими личными, семейными, литературно-учеными и общественными новостями.

Уже первыя письма Срезневскаго къ Ганкѣ представляли такой интересъ, заключали столь много живыхъ и свѣжихъ наблюденій и данныхъ о жизни различныхъ племей славянства, что Ганка многіи изъ нихъ переводилъ на чешскій языкъ и помещалъ въ Часописи Музея, редактированной въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ Шафарикомъ (1838—1842).

Такую же цѣну имѣли для чеховъ и позднѣйшія письма его изъ Россіи, изъ Харькова и Петербурга. Ганка говорилъ о нихъ, что для читателей Часописи они были «лучшимъ

лакомством». Не получая долго от Срезневского вѣстей, Ганка (24 янв. 1851 г.) съ укоромъ напоминаетъ ему: «Вѣрите, что не только мнѣ, но и всѣмъ читателямъ Музейника скучно безъ вашихъ писемъ. Кого бы я ни встрѣтилъ, вслѣдъ спрашиваетъ, когда получимъ что-нибудь отъ Срез-

Národu nehasnan
 Dokto gazyk žige
 Magj bystros gasnan;
 Ale gako žnige
 Cizota se wige,
 Kde proji city hasnan,
 Bude i sláwa hnige.

Na památku pram
 Zmáiku Janowici Sreznewskému

W Praze dne 24 března
 1840

Wáclaw Hanke

невскаго, — этому мы всегда болѣе всего радуемся» . . . Такъ какъ Музейникъ (въ 1851 г.) печатался въ количествѣ 3.500 экз., то отсюда видно, какъ много читалось въ Чехіи письма русскаго корреспондента Ганки.

Дружескія отношенія Срезневскаго съ Ганкою были прочны съ первыхъ дней знакомства съ нимъ и до послѣднихъ. Покидая Прагу въ январѣ 1841 г., Срезневскій написалъ въ знаменитый альбомъ Ганки слѣдующія строки: «Пятимѣсячное мое пребываніе въ Прагѣ родственно сблизило насъ другъ съ другомъ. Увижу ли васъ, наслажусь ли бесѣдою съ вами еще когда-нибудь, — Богъ знаетъ; но крайней мѣрѣ, навсегда сохранию въ душѣ глубокое уваженіе къ вашимъ заслугамъ и благодарность за расположеніе ваше ко мнѣ, за помощь вашу въ моемъ изученіи вашего прекраснаго чешскаго языка». Только черезъ двадцать лѣтъ довелось старымъ друзьямъ встрѣтиться вновь, и тогда Срезневскій еще разъ въ августѣ 1860 г. написалъ въ альбомѣ Ганки: «Словами я не могу выразить уваженія и признательности моей и всей моей семьи. Увѣрить могу въ одномъ: мы всегда будемъ васъ любить и помнить». Эти искреннія увѣренія повторяются въ письмахъ Иманда Ивановича неоднократно. «Прага и чехи, какъ вы и всѣ, съ которыми свела меня такъ добрая моя судьбина, останутся для меня всегда милы, незабвенны» . . .

Срезневскій не только самъ любилъ и почиталъ Ганку, но способствовалъ много популярности имени его въ Россіи. «Чѣмъ кто болѣе васъ знаетъ, тѣмъ болѣе уважаетъ; но уважаютъ и тѣ, которые васъ не знаютъ, знаютъ ваше имя и тѣ, которые ничего другаго не знаютъ о Славянистѣ. О своей семьѣ уже не говорю: вы — родной дѣдушка моимъ дѣтямъ» . . . Въ честь Ганки Срезневскій занимаетъ второго

сына своего (въ сент. 1849 г.) Вячеславомъ и такъ объ этомъ пишетъ пражскому другу: «Вячеславъ—имя издавна для меня драгоценное. Повторя имя это, мы не можемъ не желать, чтобы и оны, вашъ ангелъ, были такимъ же, какъ тотъ Вячеславъ, котораго перваго узналъ я. Уже нѣсколько разъ мы называли его и Ганкой, и, вѣроятно, въ семейномъ кругу нашемъ имя Ганки останется да имъ навсегда». . . . Въ семьѣ Срезневскаго создавался дѣйствительно какой-то «культъ Ганки»,— даже дѣти знали хорошо имя Ганки, произносили его съ благоговѣніемъ и съ гордостью играли «въ Ганку».

Велкій изъ знакомыхъ, отправлявшійся на воды въ Чехію, неизмѣнно снабжался рекомендаціями къ Вячеславу Вячеславичу. О славистахъ и ученыхъ нечего и говорить.

Когда въ 1855 г. А. Ф. Гильфердингъ уѣзжалъ въ Чехію съ большимъ отцомъ, Срезневскій писалъ Ганкѣ: «Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я расстался съ вами, добрѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, но, вѣрно, лѣта не перемѣняютъ чувствъ, одушевленныхъ прямымъ убѣжденіемъ: мнѣ какъ-будто грустно всегда, когда приходится провожать кого-нибудь въ вашу сторону и къ вамъ». . . . И часто въ письмахъ своихъ Срезневскій мысленно переселяется «въ благословенную землю потомковъ Крока и трехъ его дочерей», часто на холодномъ сѣверѣ «съ завистью» вспоминаетъ «счастливое время», когда онъ странствовалъ по славянскимъ землямъ, часто мечтаетъ о томъ, какъ опять посѣтить Прагу и Чехію, повидаетъ старыхъ друзей, насладится ихъ бесѣдами.

Но долго ему не удавалось осуществить эту мечту. Только въ нояб. 1860 г. Срезневскій съ семьей изъ Дрездена черезъ Будшингъ собрался наконецъ въ Прагу. Но въ

Дрезденѣ до него дошла печальная вѣсть о смерти Шварика, съ которымъ онъ надѣялся еще побесѣдовать «и о глаголицѣ и о многомъ другомъ».

Съ Ганкою онъ еще разъ повидался, но переписка съ Вячеславомъ Вячеславичемъ прервалась на дрезденскомъ письмѣ отъ 3/15 июня 1860 г. Въ январѣ 1861 г. не стало и Ганки.

Русскіе друзья почтили его память сочувственными воспоминаніями: А. Н. Пынинъ, П. А. Лавровскій, П. П. Дубровскій—все они оцѣнили неоспоримыя заслуги Ганки и помнили его добрымъ словомъ, но никто изъ нихъ не почувствовалъ утрату такъ глубоко-сердечно, какъ Срезневскій въ своемъ чтеніи въ запискѣхъ II Отдѣленія Академіи 13 января 1861 года.

* * *

Въ началѣ июня 1840 г. Срезневскій покинулъ Прагу, съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь вернуться въ нее. Черезъ Беровицъ, Пльзень, посѣтивши въ недалекихъ Козоѣдахъ «одного изъ лучшихъ новеллистовъ чешскихъ» Индриха Марка (*Jana z Hvězdy*), черезъ Клатовы, Стракопины, Водняны, Будѣвицы и Лишицъ онъ (по Дунаю) прибылъ въ Вѣну. Въ концѣ июня онъ уже путешествуетъ по Моравіи, и мы встречаемся съ нимъ въ Бриѣ. Здѣсь, какъ онъ самъ рассказываетъ, — онъ получилъ отъ редактора газеты «Mogavia» Яна Огерала (*Oheral*) «много любознательныхъ свидѣній» по этнографіи Моравіи и вмѣстѣ съ нимъ совершилъ экскурсію въ недалекой Райградекій монастырь для обследованія кирилловскихъ приписокъ въ латинскомъ мартирологіи IX в. Въ Моравіи Срезневскій знакомится съ моравскими «властителями»: полтомъ и этнографомъ Фр. Сушиломъ.

Nasē služby, nasē chťenj
 Nes do žus za poždrawenj!

W Bogoděch 13/40.

Jan Lindř Marek

Jan z Hvězdy

потомъ—философомъ Фр. М. Клацеля, знатокомъ Морави Яномъ Юдлемъ, историографомъ моравскимъ Бочкомъ и ми. др. Изъ Брна онъ направляется въ Бржецлаку (Lundenburg), а оттуда къ подлужакамъ (Podlužáci).

Моравское население, какъ сохранившее болѣе самобытныхъ славянскихъ особенностей, чѣмъ чехи, привлекаетъ его вниманіе, и онъ намѣренъ вообще «походить пѣшкомъ по Морави». Дѣйствительно, какъ видно изъ отчета министру народнаго просвѣщенія, онъ сдѣлалъ небольшое путешествіе пѣшкомъ въ западные края Морави, побывалъ затѣмъ въ Оломуці, гдѣ особенно полезнымъ для него оказалось знакомство съ известнымъ знатокомъ моравской диалектологіи и этнографіи А. В. Шемберой; вмѣстѣ съ нимъ онъ обошелъ «благословенную родину» гансковъ по р. Ганѣ, вникая въ ихъ нарѣчіе, собирая пѣсни, пословицы и преданія, при чемъ доходилъ на востокъ до селеній валацкихъ (Valašsko).

Простившись въ Оломуці съ моравянами, Срезневскій (17 іюля) повернулъ на сѣверъ, въ Австрійскую Силезію, въ Опазу (Торрау). Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ, какъ и всюду на пути, изучаетъ здѣсь прежде всего народъ и въ результатъ, по его увѣренію, изучилъ слезаковъ «довольно порядочно», собравши при этомъ не менѣе 50 пѣсенъ, какъ образчиковъ ихъ нарѣчія.

По прибытіи въ Вратиславъ Срезневскій прежде всего посѣщаетъ знаменитаго профессора физиологій и искренняго славнофила Яна Ев. Пуркиню, которому рекомендованъ былъ Шафарикомъ и Ганкою. Вратиславскіе студенты-славяне, подъ руководствомъ Пуркини, организовали литературное общество и много занимались славянствомъ. Въ кружкѣ этихъ студентовъ, собиравшихся у Пуркини,

въ бесѣдахъ съ ними и съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и въ самостоятельныхъ занятіяхъ Срезневскій проволить здѣсь двѣ недѣли; въ то же время онъ готовится къ путешествію «по землѣ Горнихъ и Дольнихъ Вишовъ» и надѣется «изъ Вратислави сдѣлать нѣсколько путешествій пѣшкомъ по Силезіи Прусской между поляковъ». Онъ изучаетъ нижнедужицкое нарѣчіе у Маркуса, переписываетъ для себя какую-то старую и рѣдкую грамматку нижнедужицкаго нарѣчія и собраніе нижнедужицкихъ пѣсенъ, обозрѣваетъ замѣчательности бреславльской библиотеки и музея, по вечерамъ ходитъ на берегъ Одры болтать со славяниками дѣся изъ Ратибора «по-слезски», осматриваетъ въ окрестностяхъ древнія городища и т. д.

Въ Ополѣ (Oppeln) онъ въ своей собирательской дѣятельности потерпѣлъ неудачу, потому что плохо понималъ слезаковъ, а они не понимали его. «Всѣ мои покушенія о чемъ-нибудь разспросить, подслушать какую-либо поговорку или новое слово, записать пѣсню—оставались какъ раки на днѣ, — у слѣи были, въ слѣи не пошали». Только съ трудомъ ему удалось записать восемь пѣсенъ въ трактирѣ.

Изъ Легницъ Срезневскій сдѣлалъ прогулку въ Исполиновы горы, «все еще несовсѣмъ нѣмая для славянолюба». На этой отбѣмеченной окраинѣ онъ особенно интересуется географіей, топографической номенклатурой, народными преданіями, народной архитектурой, одеждой, образомъ жизни и обычаями жителей.—Въ началѣ сентября Срезневскій прибылъ въ Сгорѣнецъ. Здѣсь онъ работаетъ въ библиотекахъ Ученаго Общества и Миліевской, знакомится съ кандидатомъ Смоляромъ, пасторомъ Гаунтомъ и совѣтникомъ полиціи Келеромъ, любителями славяно-гер-

манских древностей, и съ известнымъ лужицкимъ литераторомъ П. I. Йорданомъ.

Въ Будиншій оны проводить нѣсколько дней, осматриваетъ здѣсь рукописи и рѣдкія книги библиотеки Ратуши и Герсдорфской, посѣщаетъ окрестныя городища и близкія горы, слушаетъ верхне-лужицкихъ проповѣдниковъ, принимаетъ участіе въ аукціонѣ библиотеки покойнаго Лубенскаго, знакомится съ Клиномъ и др. лужицкими дѣтелями. Изъ Будиншна вѣстѣ съ Смоларомъ Срезневскій пошелъ «писать мыслѣте» по Лужицамъ. Съ такимъ спутникомъ путешествіе должно было быть особенно плодотворнымъ и увлекательнымъ.

«Надо было» говоритъ Срезневскій, «и познакомиться съ народомъ лужицко-сербскимъ, до сихъ поръ еще столь мало известнымъ, надо было и обозрѣть городища и могилы, а слѣдовательно нельзя было держаться не только битой дороги, но иногда и тропинокъ». И оны исколесили съ мыльнымъ и свѣдущимъ спутникомъ Лужицкіе края. Только восточная граница Лужицъ осталась непосѣщенной нашими путниками.

Смоларъ привелъ Срезневскаго въ восторгъ. Уже тогда Срезневскій пророчески предвидѣлъ въ немъ крупнаго дѣтеля. «Этого человека я останусь вѣчнымъ должникомъ и почитателемъ. Это образецъ для называющихъ себя любителями и знатоками народности. Онъ не беретъ на себя много, хочетъ узнать только свое отечество, оставилъ на предбудущее время изученіе другихъ соотечественныхъ народовъ, и узнаеть не по верхамъ: оны сдѣлался совершенно народнымъ человекомъ; обходитъ страну всюду, какъ свой, какъ давно знакомый, какъ родной, и передаетъ замѣчаемое не памтной книжкѣ, а памяти жизни; живетъ въ

духъ и глѣбъ своей родной народности, слушая сказку, рассказываетъ другую, танцуя съ поселницей, напѣваетъ ей забытую ею пѣсню, въ старинномъ обрядѣ не зритель, а исполнитель, — и врагъ всего стараго дурного, остается китаемъ по чувству ко всему старому доброму; словомъ, проникаетъ въ жизнь народа, проникаясь самъ ею. О, если бы каждый европейскій народъ имѣлъ по одному Смолару на такое количество людей, какое въ Лужицахъ Сербскихъ, и если бы, разумѣется, они имѣли средства давать знать свѣту о своихъ наблюденіяхъ, — иное бы поприще раскрылось для исторіи, для филологіи, для философіи европейской. Завидую сербамъ и радуюсь за нихъ: если и смерть удѣли ихъ народности, она не умретъ, по крайней мѣрѣ, не отплетою, не умретъ для будущаго. Всегда я любилъ изученіе народности, почиталъ его важнымъ и умѣлъ доказать силогизмомъ: Смоларъ первый доказалъ мнѣ это жившю» . . .

Плодомъ занятій Срезневскаго лужицкими сербами явился довольно обширный «Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы» (въ Ж. М. Н. Пр., 1844, ч. 43, отд. II, 26—66), составленный весьма умѣло, съ введеніемъ о древнѣйшихъ судьбахъ лужичанъ и началахъ письменности у нихъ, обнаруживающей большое знакомство съ предметомъ: памятниками старой письменности, рукописными трудами Авр. Френцеля, Андрея Лубенскаго, прозаическими Зейлера и вообще дѣателей новаго періода, Гордина, Смолара, Бронниша, Маркуса; особенно выдвигаются здѣсь заслуги этихъ дѣателей по изученію «народности», а о национальныхъ стремленіяхъ сербовъ говорить Срезневскій съ горячей симпатіей и вѣрой въ будущій расцвѣтъ сербской народности.

Вернувшись из лужицкаго путешествія снова въ Прагу (въ началѣ ноября 1840 года), онъ остается здѣсь до половины января 1841 г. Своей пятимѣсячной поѣздкой онъ былъ, повидимому, чрезвычайно доволенъ: ему удалось познакомиться съ цѣлымъ рядомъ интереснѣйшихъ, по мало обследованныхъ въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ славянскихъ областей, матеріаловъ собрано имъ было много, впечатлѣній новыхъ и непосредственныхъ получило обиліе. «Теперь уже я могу исправить Шафарика этнографическую карту Богеміи, Моравіи, Силезіи и Лужицъ», съ гордостью заявляетъ Срезневскій. Даже лужицанинъ Йорданъ пользуется его лексикальными собраніями для своего лужицкаго словаря.

Вторичное пребываніе Срезневскаго въ Прагѣ было непродолжительно, и о его занятіяхъ въ эти два мѣсяца мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Здѣсь онъ снова встрѣтился съ Прейсомъ, съ которымъ его связала искренняя дружба: «товарищъ по трудамъ», онъ сдѣлался его «товарищемъ и въ жизни». Скоро однако друзья опять разстались: 15/27 января Срезневскій выѣхалъ изъ Праги, провожаемый Ганкой, Прейсомъ и Йорданомъ. Черезъ Королевицъ Градецъ и Литомышль онъ возвратился въ Моравію и снова остановился въ Бригѣ, а 23 января онъ былъ уже въ Вѣнѣ.

Первый визитъ здѣсь онъ дѣлаетъ Ковитару. Въ теченіе первыхъ дней пребыванія въ Вѣнѣ онъ былъ у Ковитара дважды, однако съ нимъ не могъ сойтись ближе. Онъ писалъ Ганкѣ: «Съ нимъ едва ли буду имѣть дѣло... Лучше не подходить, а то смотри и укусь!»... «У него хоть есть душа, да не по мнѣ». Очевидно, плохія отношенія Шафарика и Ганки съ Ковитаромъ оказали сильное

вліаніє на вигляд Срезневскаго на вѣнскаго слависта. Зато близько сошелся онъ съ Вукомъ и подъ его руководствомъ въ теченіе мѣсяца старательно готовился къ путешествію по югославянскимъ землямъ.

«Вукъ Стефановичъ», пишетъ Срезневскій Ганкъ въ январѣ 1841 г., «согласился мнѣ помогать въ изученіи

Стари Вук
и на ит таме
свато придути
и у макоу и варажди
Срезневскому
с любознит поздравом

Подпись В. С. Караджича на фотографическомъ портретѣ.

сербскаго языка и народа и, кромѣ того, нашелъ мнѣ молодого хорвата, у котораго беру уроки ежедневно». Этимъ вторымъ учителемъ Срезневскаго и помощникомъ Вука былъ Курелачъ (извѣстный впоследствии хорватскій дѣлатель), знавшій «сверхъ сербскаго и хорватское нарѣчіе».

Въ концѣ февраля 1841 года Срезневскій пустился изъ Вѣны въ путь на славянскій югъ: черезъ Градецъ Штирійскій, Мариборъ, Птую, Великую Педлю и Ормужъ онъ прибылъ въ Вараждинъ, куда привезъ его Дайнко. Изъ Марибора онъ ѣздилъ съ проф. Пуфомъ, нѣмцемъ, но «душою славяниномъ», говорившимъ по-словенски, въ селеніе Лембахъ къ настояру Цвѣтку, провелъ у него цѣлый день, записывая отъ его служанки штирійскія пѣсни,

учился танцевать по-штирйски и т. д.; посетил также франгеймского священника Цафа, которому преподать весьма дѣльный совѣтъ—снабдить свой словарь «словенно-штирйскаго» народного языка этнографическими примѣчаніями, какъ это сдѣлалъ Вукъ въ своемъ словарѣ.

Въ Великой Недрѣ онъ посетилъ пастора Дайма, «одного изъ плодотвѣннѣйшихъ писателей штирйскихъ». Всюду русскаго ученаго путешественника принимали съ величайшимъ радушіемъ и гостеприимствомъ. На пути онъ дѣлаетъ диалектологическія наблюденія относительно штирйскихъ говоровъ.

Въ области диалектологическихъ студій Срезневскаго на славянскомъ юго-западѣ слѣдуетъ отмѣтить замѣчательную статью его: «О нарѣчіяхъ славянскихъ» (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1844 г., ч. 31, отд. II, 133—164). Основанная на самостоятельно собранномъ матеріалѣ и для своего времени весьма детальная, она даетъ обзоръ границъ древнѣйшей области распространенія словенцевъ, определяетъ подробно современную границу между словенскимъ и иѣмецкимъ народонаселеніемъ въ Каринтіи и Штирйи, трактуетъ о западной границѣ словенцевъ съ фурланами (въ Фруль) и о восточной—хорватской, констатируетъ чрезвычайно разнообразіе мѣстныхъ нарѣчій («почти каждый приходъ отличается отъ другого или выговоромъ нѣкоторыхъ буквъ, или употребленіемъ тѣхъ или другихъ словъ») и даетъ намъ характеристику ихъ. Срезневскій самъ, повидямому, высоко цѣнилъ этотъ трудъ свой. О своей поѣздкѣ онъ писалъ: «Во время путешествія моего по землямъ словенскимъ, я старался, сколько было возможно, и самъ наблюдать и другія спрашивать касательно отличій мѣстныхъ нарѣчій словенскихъ и успѣлъ, какъ мнѣ

кажется, внести въ свои записки все главное по сему предмету». Но при этомъ онъ задавался лишь задачей общей, осуществимой для него, «старался понять характеристику главныхъ нарѣчій». «Предметъ этотъ, говоритъ Срезневскій, важенъ не только въ чисто-филологическомъ отношеніи, но и для тѣхъ, кои посвящаютъ себя изученію краинской литературы. Каждый писатель писалъ и пишетъ своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, думая только о томъ, чтобы не быть страннымъ или непонятнымъ для тѣхъ, кои говорятъ инымъ нарѣчіемъ». Вотъ почему, «кто хочетъ отчетливо понять словенскій языкъ, — тому остается изучать нарѣчія мѣстныя». . . . Эта статья прямо замѣчательна по богатству положенныхъ въ ея основаніе данныхъ, новыхъ діалектологическихъ матеріаловъ и можетъ быть призвана первымъ обстоятельнымъ и надежнымъ опытомъ характеристики словенскихъ нарѣчій, первымъ очеркомъ словенской діалектологии.

Къ половинѣ февраля 1841 г. Срезневскій былъ уже въ Загребѣ. Первое его письмо къ матери отсюда написано 17 февраля, очевидно, послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія здѣсь и нѣкоторыхъ наблюдений. Русскаго ученаго «бѣлый Загребъ» встрѣтилъ сердечно и даже восторженно. Имъ его было въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ Загреба уже извѣстно по письму Шафарика, предупреждавшего друзей о прибытіи Срезневскаго. Первое посѣщеніе Срезневскимъ Гая сразу ввело его въ кругъ хорватскихъ «родолюбовъ» — «домородцевъ». «Стоило мнѣ сказать, что я русскій и Срезневскій, какъ меня и Гай и другіе, бывшіе у него, давай цѣловать, обнимать», пишетъ Срезневскій матери. Молодой славянскій путникъ съ первыхъ дней своего пребыванія въ Загребѣ былъ въ постоянномъ восхи-

щения: онъ восторгается и самимъ городомъ и патриотическимъ настроениемъ литературной хорватской молодежи, среди коей онъ больше всего вращается, духомъ ея «домородства». Вообще, литературное направление въ Загребѣ онъ готовъ «представить за примѣръ» другимъ славянамъ.

Своими первыми загребскими печатлѣніями онъ подѣлился съ Ганкою въ обширномъ и весьма содержательномъ письмѣ. Онъ перечисляетъ здѣсь длинный рядъ «ново-иллирскихъ» писателей, отводитъ первое мѣсто среди нихъ Вразу, Вукотичовичу, Деметру, Кукулевичу, Раковцу, Штоосу и высказываетъ мнѣніе, что эти писатели, какъ «поэты съ душой», заняли бы почетное мѣсто во всякой литературѣ. Особенно ему нравится Вразъ, «какъ поэтъ,

Uli čvarstam kopnomu hodiš
 U nevječnomu morom budiš
 Sveč ostaru nama drug
 Stada mila zora svane
 U na zemlju noć t'ad stane
 Budi uvijek veselo

умѣющей понимать духъ народный». Съ нимъ его связуетъ искренная дружба, съ нимъ онъ заключаетъ побратимство.

Въ Загребѣ Срезневскій усердно занимается хорватской литературой и приобретаетъ въ результатѣ правильный, хотя едва ли самостоятельный взглядъ на характеръ этой литературы, въ особенности что касается языка, стиля и всѣхъ увлеченій повѣстями въ этой области. Какъ и другъ его и наставникъ Вразъ, Срезневскій рѣшительно возстае противъ удаленія хорватскихъ писателей отъ языка народнаго; въ то же время онъ противникъ и того «рагузанизма», съ которымъ боролся и Вразъ, ибо «ни одинъ славянинъ, знающій сербскій языкъ, не можетъ защищать въ дубровчанахъ чистоту языка». . . . Уроки Вразъ въ этихъ сужденіяхъ очевидны и несомнѣны.

Самъ тонкій цѣнитель и знатокъ «народнаго духа», собиратель и издатель народнаго творчества, Срезневскій это увлеченіе нашелъ и у Вразъ, и это единство взглядовъ и вкусовъ сблизило сразу молодыхъ людей. Срезневскій находилъ даже, что въ хорватской литературѣ недостаточно обращалось вниманія на изученіе народныхъ нравовъ и обычаевъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Срезневскій вмѣстѣ съ Вразомъ предпринимаетъ непродолжительную поѣздку (съ 20 до 27 февраля) въ близкое Загорье: черезъ Быстрицу въ Крашину, а изъ Крашины черезъ Яковле обратно въ Загребъ. Во время этой экскурсіи путники посѣщаютъ извѣстныхъ идирискихъ «родолюбовъ», идутъ въ народъ, сблизаются съ нимъ, интересуются костюмомъ загорскихъ крестьянъ, изучаютъ народныя обычаи и особенности кайкавскаго нарѣчія, записываютъ народныя преданія, пѣсни и пр. «Мы таскались», вспоминаетъ Срезнев-

скій, «по горамъ, по развалинамъ замковъ, слушали преданія, записывали пѣсни и пр.».

Срезневскій недолго пробылъ въ Загребѣ. Спусти нѣсколько дней по возвращеніи изъ Загорья онъ вновь отправляется вмѣстѣ съ Вразомъ странствовать въ Краину, Хорутанію и далѣе въ Венеціанскую область. Поѣздка задумана была Вразомъ, Срезневскій присоединился къ нему въ качествѣ сопутника. Все, что занимало Вряза, одинаково привлекало вниманіе его русскаго друга, который едва ли могъ рассчитывать найти лучшаго руководителя въ поѣздкѣ по словенскимъ областямъ. Вразъ, какъ собиратель и издатель (1839) народныхъ пѣсень, уже имѣлъ извѣстныя заслуги и опытъ въ этой области такъ же, какъ и его товарищъ.

Изъ Загреба путь ихъ лежалъ въ Карловцъ, оттуда на Метлику къ краинской границѣ; на пути, въ имѣніи гр. Николы Враншани, въ дер. Юровѣ они записываютъ народные пѣсни и обычаи. «Сегодня утромъ», пишетъ Срезневскій матери 2 апрѣля 1841 г., «забрались мы въ хату одного изъ селянъ и съ помощью «свѣдлыхъ грошей» и кусочковъ сахара успѣли записать много всякой вещицы. Дѣтей, дѣвушекъ, старухъ набралась полная хата: одни изъ-за другихъ, прятаясь другъ за друга, глядяли они на насъ, и много было съ швомъ возни, пока у нихъ развѣдались языки». Путники въ своихъ наблюденіяхъ взаимно дополняютъ другъ друга; Срезневскій видѣное часто невольно сравниваетъ съ русскимъ—костюмами, предметами домашнего обихода, выраженіями и т. п. Собираемъ пѣсень оба путника занимаются и въ вечернѣ въ Метлицѣ. «Кафедралъ, самъ любитель пѣсень, самъ краинецъ, назвавъ одѣтыхъ по-праздничному дѣвушекъ и женщинъ, стари-

ковъ, знающихъ преданія: отъ 4 до 9 то и дѣло было, что записывать да рисовать», вспоминаетъ Срезневскій.

Послѣ посѣщенія пограничныхъ Краевскихъ, или Ускоцкихъ горъ, между Самоборомъ и Метликой, путешественники черезъ Ново Мѣсто прибыли (4 апрѣля вечеромъ) въ Люблянѹ. Вѣ тутъ Срезневскій, среди научныхъ занятій въ библиотекѣ и изученія краевскаго нарѣчія подъ руководствомъ про-ф. Метелка, находитъ время съ Вразомъ наблюдать народную жизнь на улицахъ и базарахъ. Въ Люблянѣ Срезневскій знакомится съ Прешерномъ.

Gospodu Tomajlu Sreznecskimu
v spominj velkega tedna leta 861

Si slovinščina eodni.

Te ne praviš nam znanj.

Kadar boš prišel domi.

Sin nemirozhe Slave, Slave!

Spominj bratov se kroz Lavo!

D. Prešern

Слѣхотвореніе Прешерна на память И. И. Срезневскому.

Желая ближе присмотрѣться къ народной жизни во всей ея непосредственности и первобытной чистотѣ, Срезневскій съ Вразомъ по приглашенію мѣстнаго адвоката

д-ра Хорвата отпразднели въ Краинѣ (Krainburg). Здѣсь онъ впервые слушаетъ краинскую проповѣдь, отсюда съ Вразомъ отправляются «изъ города вонъ подальше, заглядываютъ въ сельскій кабачокъ, угощаютъ сельницъ виномъ и, сдѣлавши ихъ разговорчивыми, заставляютъ рассказывать сказки, бесѣдовать о ихъ житьѣ-бытьѣ, пѣть пѣсни. «Это была для меня добрая школа: вслушивался въ рѣчь сельницъ, особенно когда они хотѣли быть понятными, сами чувствовали, какъ уснѣваешь»...

Для этнографическихъ и диалектологическихъ наблюдений изъ Краина Срезневскій съ Вразомъ посѣщаетъ еще близкое село Накласъ, верстахъ въ 5 отъ Краина. Однако Срезневскій съ трудомъ могъ понимать мѣстное нарѣчье, и Вразъ съ юморомъ вспоминаетъ, какъ его спутникъ зѣвалъ, слушая сельковъ, и какъ наконецъ въ сердцахъ воскликнулъ: «Ни черта не понимаю!» Уже въ Люблянѣ Срезневскій замѣтилъ, что плохо понимаетъ живую словенскую рѣчь: «... Когда я читаю краинскую книгу, понимаю почти все, развѣ какое-нибудь слово заставитъ задуматься, а слушаю, когда говорятъ, какъ ни слушаю, какъ ни вслушиваюсь, такъ развѣ десятое слово разберу».

Изъ Краина Срезневскій и Вразъ возвратились въ Люблину. Вразъ разболѣлся и не могъ продолжать путешествіе по намѣченной программѣ. Срезневскій долженъ былъ далѣе странствовать одинъ—въ направленіи на Целовець, гдѣ познакомился съ Жупаномъ, Зильскую долину, затѣмъ въ северную Италию, въ Ревальскую долину, отсюда въ Горичу и наконецъ Триестъ, гдѣ его поджидалъ Прейсъ.

Материалъ, собранный Срезневскимъ въ Рожной и Зильской долині, въ Ревин и др. мѣстахъ, былъ чрезвычайно богатъ, и Вразъ искренно сожалѣлъ потому, что не могъ

быть участником этой экскурсии. Срезневский, в свою очередь, огорчался тем, что съ работой ему приходилось спешить и оставлять неподобранными драгоценные колосья. Онъ писалъ Вразу: «Теперь послѣдній часъ жатвы: зерно опадеть, высохнетъ, и вѣтеръ развесетъ его—пропай тогда навсегда! . . . Съ жатвой надо поторопиться. Когда станутъ съять иное зерно, нельзя будетъ болѣе собирать зерна оцавшія». Въ маѣ 1844 г. Срезневский въ длинномъ письмѣ подѣлился съ Ганкою своими интересными впечатлѣніями и учеными наблюденіями относительно резьянскихъ словенцевъ.

Изъ Рени черезъ Вещону, Джемону, Гарченко, Чивидале онъ прибылъ въ Горичу, а оттуда черезъ Винаву въ Триестъ.

Путешествіе Срезневскаго съ Прейсомъ по Истрии, славянскія области коей въ то время были весьма мало обследованы, далѣ поѣздки по нѣкоторымъ островамъ Кварнера и далматинскимъ (Крисъ, Хваръ, Корчула), по побережью Далмаціи, экскурсія въ Боку Которскую и Черную Гору дали несомнѣнно множество новыхъ впечатлѣній, но научныя пріобрѣтенія по части юго-славянскій этнографіи и диалектологіи не могли быть особенно глубокими. Путешествіе совершалось въ необыкновенно быстромъ темпѣ.

Въ Истрии онъ интересуется какъ истріанскимъ словенскимъ нарѣчіемъ (въ Копръ, Куртъ, Са. Ловречѣ), такъ и хорватскимъ. Въ Куртъ (Corte d'Isola) при содѣйствіи мѣстнаго молодого священника Паушича, знавшаго хорошо здѣшнее, «все еще краинское» нарѣчіе, Срезневскій записываетъ нѣсколько десятковъ словъ, кое-что объ обычаяхъ и нѣсколько писемъ мѣстнаго населенія. Очевидно, со словъ

этого знатока мѣстнаго «кранискаго» нарѣчія Срезневскій даетъ указаніе: «Краниское нарѣчіе простирается здѣсь до солеваренъ Пираискихъ и отъ нихъ долиною на С.-В. до Кошачича и горъ Чичскихъ». Нарѣчіе хорватское истрианское, — отмѣчаетъ Срезневскій, — всюду перемѣшано съ итальянскими словами и выраженіями: чистѣйшимъ считается то, которымъ говорятъ у Антинаны, Ловреча, Джемнио. Оно вообще можетъ быть причислено къ такъ называемому чакавскому.

Интересны замѣчанія Срезневскаго относительно Перод, гдѣ онъ открываетъ колонію черногорцевъ, переселившуюся сюда почти за двѣсти лѣтъ, но мало кому изъ этнографовъ известную. Даже Шафарикъ до сообщеній Срезневскаго ничего не зналъ о существованіи этой колоніи. Здѣсь Срезневскій записываетъ штъ юнацкихъ пѣсень, изучаетъ обычаи, смотритъ народныя пляски, слушаетъ пѣсни и сравниваетъ ихъ съ пѣснями Качича.

Черезъ Рѣку и Краљевцу Срезневскій съ Прейсомъ переправился на о. Кръкъ (Veglia). Приставши на островъ у Вола (Vos), они пошли пѣшкомъ въ Омичалѣ (Castel Muschio), отсюда на другой день пошли пѣшкомъ въ Градь Кръкъ (Veglia Città) и остались тутъ два дня, употребивши «одно послѣ обѣда» на прогулку въ монастырь Кошлонъ (Calsione); отсюда путники переправились на южный берегъ острова, въ Башку. Срезневскій съ Прейсомъ прослушали въ Омичалѣ глаголическую вечерню («пѣніе очень похоже на наше монастырское»), осмотрѣли нѣсколько глаголическихъ рукописей и нѣсколько надписей на церкви и замкѣ, впрочемъ довольно новыхъ; въ бібліотекѣ монастыря на о. Кошлонѣ они нашли только на переплетахъ «глаголическіе отрывки»; ознакомились также и съ глаголическими

надписями въ Башкѣ, очевидно—съ знаменитой надписью
Звонимира въ церкви св. Люціи (Zvonimirova ploša, 1100);
записаль Срезневскій и нѣкоторыя диалектическія особен-
ности нарѣчія о. Брка.

Керногорская женщина.

*На головѣ каплъ и шкура, на плечахъ шерсть конура, тулѣ
серая руда сукрука, а на ногахъ оленья кожа.*

Рисунокъ И. И. Срезневскаго изъ путевого альбома 1841 г.

Изъ Башки наши путники на лодкѣ переправились въ
Сень, посѣтили здѣсь епископа Ожеговича, отправились

загѣмъ въ глубь Военной границы черезъ Брлогъ, Оточачъ, Перушичъ, Госпичъ. Переваливши черезъ Велебитъ, они спустились въ Карлошгъ къ морю, переправились черезъ Морлацкій проливъ (Canale della Morlassa) на о. Пагъ и дальше двинулись черезъ Привлаку въ Нинъ (Nova) и въ Задаръ, заглянули отсюда на близлежащей о. Угланъ, а потомъ на Бенковацъ, Кистанъ, отправились внутрь страны, посетили монастырь на р. Керскъ, гдѣ осмотрѣли нѣкоторыя славянскія рукописи, болѣе, повидному, интересовавшія Прейса.

Путь ихъ шелъ далѣе на Дриницъ, Скрадиниъ (Scardona), Шибеникъ, Трогиръ (Tria), Сплитъ, потомъ на пароходѣ на о. Хваръ (Lesina), Корчулу (Cuzola), и, наконецъ, они прибыли въ Дубровникъ.

Изъ Боки Которской Срезневскій совершилъ еще поѣздку въ Цетинь, но всего лишь на одинъ день.

«Сдѣлать въ то время такое путешествие, справедливо замѣчаетъ акад. И. В. Ягичъ, это было подвигъ, достойный удивленія и уваженія». Но, несомнѣнно, что эта часть путешествія Срезневскаго была наиболее слабою по научнымъ приобретениямъ: путешествие имѣло скорѣе характеръ образовательной экскурси, совершенной быстро, безъ большихъ, внимательныхъ остановокъ и, слѣдовательно, безъ крупныхъ результатовъ.

Уже 10 августа Срезневскій вернулся изъ далматинскаго путешествія въ кругъ милыхъ хорватскихъ друзей въ Загребъ. Встрѣча Врза съ «сѣвернымъ другомъ» произошла совершенно неожиданно. «Я встрѣтился съ нимъ», вспоминалъ онъ, «въ Народной кофейнѣ». Поздъ, какъ дитя, обрадовался новому свиданію съ Срезневскимъ: «Я подошелъ къ нему слези, руками закрытъ ему глаза. Онъ

освободить голову, смотреть на меня—и вдруг бросается мнѣ на шею. И начали мы обниматься и цѣловаться, такъ что вел кофейня переволошилась и собралась вокругъ насъ, а мы едва подъ столъ не упали: онъ цѣловать меня такъ что послѣ этого четверть часа кровь у меня изъ губъ шла»...

Все время вторичнаго пребыванія Срезневскаго въ Загребѣ (съ 10 авг. по 15 сент.) друзья проводили вмѣстѣ. Срезневскій продолжаетъ здѣсь свои научныя книжныя работы, но не перестаетъ заниматься и народомъ: съ другомъ Станкомъ онъ ходитъ по базарамъ, изучаетъ народныя обычаи, слушаетъ народныя пѣсни, наблюдаетъ танцы, игры и т. п. О Срезневскомъ вообще съ полнымъ правомъ можно повторить то, что онъ сказалъ какъ-то о Смоленѣ: «Бытуалъ бытомъ народа, онъ вноситъ на листки своего бумажника все, что только можетъ занять его: и слово, и

G deß brat Slavjanu Slavjan

Johann Kollar

g. 15
Lay. 1841
Latsch

выражение, и голосъ пѣсни, и народный разсказъ, и игру дѣтей, и принадлежность народнаго убора, и условія обрада, и снимокъ стараго городища, и гаснущее припоминаніе прошедшаго». . . Все это для него чрезвычайно дорого! Съ тѣмъ же увлеченіемъ относится къ народнымъ обычаямъ и Вразъ, склонный приравнять хорватское коло къ играмъ Олимпийскимъ или Элекинскимъ.

Интересно отмѣтить, что Срезневскій сдѣлался въ эти дни сотрудникомъ ильирской Данины (1844), напечатанна въ ней описаніе бала въ Крапинѣ въ день именинъ Гая.

Въ половинѣ сентября Срезневскій покинулъ столицу Хорватіи. Прейсъ и Вразъ съ Раковнемъ проводили его до загороднаго епископскаго парка Максимира, и тутъ друзья расстались навсегда, чтобы болѣе уже никогда не встрѣчаться. «Мнѣ жаль было», пишетъ Срезневскій матери, «раставаться и съ Загребомъ и съ Кроаціей вообще: въ Загребѣ я оставилъ не только побратима, но и истиннаго друга—Враза. . . Вся прошедшая дѣйствительность сдѣлалась мечтою воспоминаній». . .

Но побратима и друга онъ вспоминаетъ часто въ дальнѣйшихъ своихъ странствованіяхъ по Славоніи, распространяетъ его «Джулябин» среди славонскихъ красавицъ «домородкинь», заботясь о славѣ поэта. Только съ пріѣздомъ въ Сербію перешелъ друзей по необходимости на нѣкоторое время прервалася: писать отсюда было затруднительно.

Едва въ ноябрѣ 1844 г. Срезневскій отъѣхнулъ изъ Пешта. Во время совѣстныхъ странствованій и въ частныхъ дружескихъ бесѣдахъ Вразъ имѣлъ случай пона-

комить побратима съ планомъ давно задуманнаго литературно-критическаго журнала. Теперь, на досугѣ, отдыхая отъ балканскаго путешествія въ Пеннѣ, Срезневскій обсуждаетъ программу Врза и въ обширномъ письмѣ даетъ ему рядъ весьма дѣльных и цѣнныхъ указаній и совѣтовъ. Особенно заботится Срезневскій о томъ, чтобы загребскій журналъ пошелъ по пути примиренія и соглашения разрозненныхъ братьевъ, сербовъ и хорватовъ. Въ бесѣдахъ съ православными сербами объ иллиризмѣ онъ неоднократно слышалъ осужденія иллирійскому движению, какъ «исключительно римско-католическому». Долгъ Врза своимъ изданиемъ внести миръ и согласіе въ это забаламученное море неразумныхъ страстей. Срезневскій совѣтуетъ Врзу вступить въ сношенія съ сербами, привлечь ихъ въ ряды сотрудниковъ: «Иллирство не должно уничтожать народное имя, а должно лишь соединить воедино члены одного организма». . . . Оно должно быть символомъ единства, единенія, а не раздоровъ.

Забываясь объ успѣхѣ моральномъ будущаго органа иллирства, Срезневскій всячески содѣйствуетъ и его матеріальной прочности: онъ собираетъ всюду подписчиковъ для Врза: цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ, наставленій касательно группировки матеріала въ каждой отдѣльной книжкѣ, объема ея, разсѣявъ въ письмахъ Срезневскаго Врзу. Въ Вѣнѣ Срезневскій старается привлечь въ число сотрудниковъ Кола и Вука Караджича, самъ при этомъ вмѣстѣ съ Прейсомъ становится въ ряды сотрудниковъ журнала Врза уже въ 1-ой книжкѣ его.

Возвращаясь въ Россію, Срезневскій еще дважды написалъ Врзу: изъ Прессбурга-Бретиславы (29 марта 1842) и изъ Познаня (16 августа). Врзъ отвѣтилъ какъ бы

прощальнымъ привѣтомъ изъ бѣлаго Загреба, иѣжизымъ письмомъ любимаго друга и послать Срезневскому два маленькихъ стихотворенія (djulabije), въ честь его написан- ныхъ въ 1841 и 1842 г.

I	II
<p> <i>Узнаю на брѣвѣ, где былъ годъ 1841. Мило, Люболюбѣ Киватъ твои грободъ, Твоимъ же кланямъ долагу Пролѣти и походъ. Тебѣ, радѣ, къ роду Гони тудѣ вѣтна, Добро на насъ до Ко вѣка пролѣтна. Зъ Крѣпѣцѣмъ.</i> </p>	<p> <i>Узнаю на брѣвѣ, где былъ годъ 1842. Мило, на годъ прогосомъ Лавѣ Лаповѣ, Ръ капламъ жуа О мнѣмъ вѣдѣ А ф. брадѣ, вѣдѣ Лавѣ на Крѣпѣцѣмъ Ръгѣ брадѣ рѣсѣмъ О Спирѣжѣмъ вѣмъ Зъ Загребѣ</i> </p>

Стихотворенія С. Врза (изъ его письма П. П. Срезневскому).

Прошелъ годъ со времени послѣдняго письма Измаила Ивановича изъ Познани. Срезневскій вернулся въ Харьковъ и, занятый приготовлениями къ новой кафедрѣ, забылъ о своемъ обѣщаніи переписываться съ Вразомъ и загребскими литераторами. Не получая писемъ отъ побратима, Вразъ, которому послѣ отъѣзда Измаила пришлось пережить немало тяжелыхъ огорченій, слышати излить свою горестъ далекому другу: «Я ждалъ, страстно ждалъ твоего дорогаго для меня отклика, но напрасно! Глубокаимъ эгегическимъ чувствомъ дышитъ это трогательно-иѣжкое обращеніе поэта: «Сѣверъ принесъ намъ снѣгъ, рѣки замерзли, а отъ тебя ни отклика, ни слѣда; снѣгъ растаялъ, лѣса зазеленѣли, загѣли соловьи, но моего украинскаго соловья все нѣтъ и

идти! Теперь середина лета, а тебя все еще идти. Что делать тебе несчастной птице, одинокой и печальной? Не могу придумать ничего иного, как на крыльях письма этого перевестись к тебе и жить у твоего окна. Но прости, дорогой мой, что являюсь к тебе не как соловей или веселый жаворонок, а как кукушка, плачущая и скорбная от страданий своих» . . .

Ответа из Харькова, повидимому, и после этого нежданого излияния огорченного Станка не было. Письмо Вразы, быть может, и не было послано: мы знаем его только из отрывка. Впоследствии Вразы с большою душевною жаловался Ганке на забывшего его друга: «Дорогой мой побратимъ Иманлъ, кажется, замолкъ для всѣхъ своихъ западныхъ друзей, исключая разве васъ одного. . . Если будете писать Срезневскому, напомните ему о моемъ забытомъ обликѣ и выберите его за грѣхъ забвенія». Добрый Вразы старается оправдать побратима: «Я не могу сказать, что онъ забылъ о тѣхъ дняхъ, которые провел со мною среди прекрасныхъ душъ,—забылъ по неблагодарности, идти! память его вся утопала въ широкомъ и глубокомъ морѣ настоящаго его счастья и блаженства, о коемъ онъ повѣствуетъ въ письмѣ къ вамъ изъ Петрограда». Когда въ 1848 г. Вразы снова собирался побывать въ Прагѣ на 500-лѣтнемъ юбилей пражскаго университета, онъ мечталъ вновь о свиданіи съ Срезневскимъ: «Хорошо было бы», писалъ онъ Ганкѣ, «чтобы сюда явился и нашъ Иманлъ. . . Я хотѣлъ бы видѣть его и обнять, какъ обнимаетъ мать единственнаго сына своего, вернувагоса изъ далекаго странствія» . . . Но желанная встрѣча не состоялась.

Черезъ Славонію (по пути онъ посетилъ Фрушкогорскіе монастыри) Срезневскій достигъ къ 1 октября 1841 г.

предложить Сербии. Путешествие его по Сербии продолжалось недолго, но оно было сделано в весьма благоприятных условиях и дало нашему путнику возможность ознакомиться с жизнью внутренних частей княжества (на юг—до Алексинца и Крушевца).

В конце октября Срезневский уже вернулся в пределы Австрии и через Земунь, Новый Садъ и Пешть, гдѣ встрѣтился съ Колларомъ и Юваномъ Субботичемъ, дѣлал непродолжительныя остановки на пути, къ концу ноября добрался въ послѣдній разъ до Вѣны.

Во время вторичнаго пребыванія въ Вѣнѣ (зимой 1841—1842 г.) Срезневский снова посѣщаетъ Вука и работаетъ вмѣстѣ съ нимъ. «По вечерамъ», говоритъ онъ, «сходимся то у меня, то у него и ловимъ на удъ материалы для втораго изданія Сербскаго Словаря». Ознакомившись, очевидно, хорошо и съ языкомъ и бытомъ сербскаго народа, онъ теперь является уже помощникомъ и сотрудникомъ Вука. «Часто и у меня запишетъ какое-нибудь слово или выраженіе. . . Признаюсь, я бы желалъ не оставить его, пока всѣ эти материалы не только будутъ собраны, но и приведены въ порядокъ, а то—кто знаетъ!—сегодня онъ живъ, а завтра, не спросивъ, придетъ смерть—и поминать какъ звали! . . . Бесѣды мои съ нимъ не менѣе драгоцѣнны и для меня».

Изъ Вѣны 15 марта 1842 г. Срезневский выѣзжаетъ въ Wiener Neustadt, а оттуда съ профессоромъ военной академіи Фалькою въ Шопронъ (Oedenburg) и къ окрестностямъ хорватамъ. Къ 19 марта онъ вернулся въ Вѣну и въ тотъ же день отправился (на пароходѣ) въ Бретиславу (Прессбургъ), провожаемый Курецкомъ.

Здѣсь онъ вновь встрѣтился съ Людевитомъ Штуромъ.

и познакомился съ Палковичемъ. Съ Штуромъ онъ познакомился еще лѣтомъ 1840 г. въ Галле. Онъ училъ тогда русскому языку Штура и сообщилъ ему статистическія свѣдѣнія объ Азіатской Россіи, необходимыя для какой-то работы, а Штуръ доставилъ ему потомъ черезъ Прейса жизнеописанія проф. Ролена (Rohlen) и Потта (Pott).

Впоследствии Штуръ обмѣнялся съ Срезневскимъ нѣсколькими письмами: такъ, онъ радостно привѣтствовалъ намѣреніе Срезневскаго издать словенскія народныя повѣсти, рассказы и пѣсни, одобрилъ его намѣреніе присоединить къ изданію разсужденіе объ особенностяхъ словенскихъ говоровъ, ибо, по словамъ Штура, никто другой для этого не имѣлъ ни столько опытности, ни столько матеріаловъ.

Въ Прессбургѣ Срезневскій прожилъ больше мѣсяца, написалъ здѣсь на чешскомъ языкѣ статейку «Několik statistických stovnanj A. Rakauského s Markr. Morawským», помѣщенную въ ж. Tatranka (1842, ч. III). Издаль отсюда въ Модру, гдѣ жилъ братъ Штура Карлъ, затѣмъ предпринялъ поѣздку въ Нитру, въ Мадунцу къ Яну Голлому, чехо-словенскому Державину, и, вернувшись въ Брети-славу, познакомился съ М. Годжей. Проманіе Срезневскаго съ прессбургскою молодежью, сербскою и словенскою, умилавшею его своими высокими идеалами, было задушевнымъ и трогательнымъ. Вечеръ онъ провелъ вмѣстѣ съ Людевитомъ Штуромъ и М. Годжей, которые съ нимъ «вобратились на жизнь». Вмѣстѣ съ Годжей онъ вернулся въ Пенгу, а отсюда черезъ нѣсколько дней вновь пустился въ длинный путь въ сѣверныя словенскія области и далѣе — на сѣверо-востокъ въ угро-русскіе края (Ни-

гварь, Мукачевь), откуда онъ въѣхалъ затѣмъ въ предѣлы Галицкіе.

Словенскіе друзья съ нѣжными чувствами вспоминали потомъ русскаго путника. «Ахъ, какъ много мы, душа моя, вспоминаемъ тебя!» писалъ ему по отъѣздѣ его Штуръ. «Каждый день ты среди насъ, ибо ты всегда въ рѣчахъ нашихъ. Ты живешь въ нашихъ Татрахъ, словно ты сейчасъ ходишь по нимъ»... «Дорогое имя твое непрестанно вспоминають въ Татрахъ съ пламенной любовью». Словенскій поэтъ посвятилъ нашему путешественнику стихотвореніе, въ коемъ вспоминаеть о томъ, какъ они вмѣстѣ на вершинѣ Кривана пѣли пѣснь воскресенія изъ мертвыхъ цвѣтущимъ словенскимъ долинамъ и размышляли о роднѣй славиства (Nitra, II, 1844, 138: *Nezabudki Krivanske... od Šajavskjeho*).

О своей ученой поѣздкѣ по Угорской Руси Срезневскій подробно разсказалъ въ письмѣ донесенія министру (изъ Кракова отъ 2 авг. 1842 г., Журналъ Мин. Нар. Пров., 1843, ч. 37, отд. IV, стр. 46 и сл.). Въ этнографическихъ вопросахъ Закарпатской Руси онъ разобрался основательно, различал «русиновъ по вѣрѣ» и «русиновъ въ полномъ смыслѣ слова», «родныхъ братьевъ малоросійскихъ», «однокровныхъ дѣтей старой Руси и по народности, и большею частью по самымъ воспоминаніямъ», отмѣтивъ въ то же время важность изученія этой вѣтви въ отношеніяхъ филологическомъ и этнографическо-историческомъ.

Въ Мукачевѣ онъ посѣтилъ епископа Василія Поповича, осмотрѣлъ библиотеки Епископскую и Семинарскую, рукописи и старопечатныя книги этихъ собраній. Изъ Мукачева Срезневскій думалъ было черезъ Сиготъ и Бескиды направиться въ Буковину, а отсюда повернуть на Львовъ, но

Роман. — Бразилья

В горах зидигов
Древни мурзгого
в горах зидигов
Древни мурзгого
Древни мурзгого
Древни мурзгого
Древни мурзгого
Древни мурзгого

Роман. — Бразилья
Древни мурзгого
Древни мурзгого
Древни мурзгого
Древни мурзгого

на границе слав. Бразилья

Александр Бразилья
1842. Римский папа

Александр Бразилья
1842. Римский папа

измѣнилъ затѣмъ свой планъ и проѣхалъ прямо въ Галичину, на Стрый и Львовъ.

Во Львовѣ онъ обозрѣваетъ библіотеки Оссолинскихъ и униатскаго монастыря св. Василя, заключаетъ знакомство съ Д. Зубрицкимъ, Як. Ф. Головацкимъ, И. Вагилевичемъ, пользуется ихъ рукописями и указаіями по части галицко-русской діалектологіи и т. п.

О своемъ путешествіи по карпатскимъ словенскимъ и русскимъ областямъ Срезневскій вспоминаетъ съ удовольствіемъ и чувствомъ полного удовлетворенія учеными результатами поѣздки. Въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ онъ говоритъ: «Въ путешествіи моемъ я былъ очень счастливъ: мое собраніе народныхъ ядотимомъ и описаній всего, что касается народной жизни и быта, если не богато, то по крайней мѣрѣ не бѣдно: всюду находилъ я помощь. Особенное вниманіе обратилъ я на нарѣчія и народность словаковъ: подъ Татрами и Бескидами наблюдатель находить еще такъ много новаго и любопытнаго, что могъ бы остаться тамъ на два, на три года, и все бы еще не вычерпалъ рудника сокровищъ, неопѣнимыхъ для филолога, этнографа, историка».

Русъ Угорской Срезневскій впоследствии (1851) посвятилъ особую статью, въ которой онъ далъ первый въ русской литературѣ научный, основанный на самостоятельномъ знакомствѣ обзоръ страны и русскаго народа въ Закарпатѣ, коснулся историческихъ судебъ этой части русской земли, представилъ характеристику угорскаго нарѣчія, изъ своихъ богатыхъ собраній далъ образцы народной словесности и въ заключеніе отмѣтилъ важнѣйшіе факты угро-русской письменности. Превосходнымъ трудомъ его по изученію географіи и этнографіи Словацшии и Угорской

Руси является и карта, составленная имъ вмѣстѣ съ П. М. Гелеоновымъ въ 1849 году (Карта Венгрии, Галиціи и прилежащихъ къ нимъ земель).

Въ октябрѣ 1842 г. Срезневскій открылъ свои чтенія въ Харьковскомъ университетѣ вступительной лекціей, въ которой далъ отвѣтъ на вопросъ: «Какъ дошли до мысли, что должно изучать Славянство, и въ самомъ ли дѣлѣ должно изучать Славянство?» Лекція эта, написанная съ большимъ подъемомъ чувства и глубокимъ убѣжденіемъ въ важности задачи славянской филологіи для науки русской, должна была произвести на слушателей сильное впечатлѣніе. Новый предметъ естественно требовалъ для себя отъ впервые вступавшаго на новосозданную кафедру профессора известной «рекомендаціи», и Срезневскій далъ блестящій отзывъ о новой наукѣ, преподавать которую ему предстояло. Онъ долженъ былъ выступить съ защитой права этой науки на существованіе, доказать права ея на жизнь и развитіе тѣмъ, кто тогда не кѣрится въ живучесть ея, кто отрицалъ самый смыслъ и значеніе изученія славянства для науки русской. Мастерски и съ глубокимъ проникновеніемъ въ характеръ и основы западно-славянскаго возрожденія, явленія весьма сложнаго, Срезневскій раскрываетъ одинъ изъ факторовъ, создавшихъ быстрый ростъ и развитіе его. «Еще недавно», говоритъ онъ, «о славянахъ или вовсе молчали, или говорили будто о племенѣ далекомъ или недостойномъ вниманія», и вдругъ «вопросъ о славянствѣ сталъ вопросомъ европейскимъ, не вопросомъ моды на нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, а предметомъ глу-

бокого размышленія и изученія». «Народность и древность славянъ, ихъ исторія и географія, ихъ умъ и языкъ, ихъ литература и музыка—все, къ чему только можно приложить имя славянское, все привлекло къ себѣ вниманіе». Создались и создаются въ университетахъ русскихъ и западно-европейскихъ (Парижъ, Бреславль) спеціальныя кафедры для изученія славянства. Такой неожиданный поворотъ совершился потому, что славяне проснулись отъ своего тяжелого сна и заставили всѣхъ оглянуться на себя. Но, чтобы это пробужденіе было возможно, надо было, чтобы народность какого-нибудь изъ славянскихъ народовъ, хоть безсознательно, но сильно дала знать о себѣ и возбудила къ себѣ сочувствіе одноплеменниковъ; нужно было, чтобы въ то же время большая часть одноплеменныхъ народовъ уже приготовилась понять свое одноплеменничество. Это было,—и выполнить это досталось на долю русскаго народа. Историческій рокъ привелъ Россію къ сближенію съ славянствомъ, вольному и невольному, и это сопрякословеніе съ нимъ имѣло великое значеніе какъ для народа русскаго, такъ и для прочаго славянства.

Отечественная война пробудила во всей массѣ русскаго народа чувство народности, она же способствовала пробужденію этого чувства и у славянъ западныхъ, даже въ болѣе сильной степени, чѣмъ у русскихъ. «1812 годъ былъ первымъ великимъ днемъ весны русской, оживившей всю славянскую природу». Уже самое существованіе великой родственной и свободной силы укрѣдило духъ и ободрало славянство, давало опору его національнымъ стремленіямъ. «Русскіе такіе же славяне, какъ и мы, и такъ сильны своею народностью, вашей общей народностью, а мы, ихъ братья, только въ сельской глуши можемъ говорить нашимъ

лькомъ». . . И славяне обращаютъ взоры свои на русскіхъ. Отмѣтивъ заслуги виднѣйшихъ дѣателей славянскаго возрожденія, привлечшихъ вниманіе къ славянству всей Европы, Срезневскій далѣ весьма подробно развиваетъ основанія, почему намъ надлежитъ изучать славянство. «Мы должны любить славянство во всемъ его объемѣ, потому что мы славяне; безъ этого мы не можемъ имѣть истинной любви, истиннаго уваженія къ самимъ себѣ: это долгъ нравственности, прямой нашъ человѣческій долгъ, долгъ любви родного къ родному, брата къ брату». Это первый его тезисъ, вытекающій болѣе изъ глубинъ сердца, чѣмъ разума. Но онъ останавливается и на другихъ, болѣе вѣскихъ и убѣдительныхъ доказательствахъ важности изученія славянскаго міра, на причинахъ частныхъ—славянскихъ и на причинахъ общаго характера, не съ точки зрѣнія славянской.

Вступительная лекція Срезневскаго, какъ свидѣльствуютъ современники, имѣла большой успѣхъ. Молодой профессоръ съ трепетомъ вступалъ на кафедру въ родномъ университетѣ. «Когда я вошелъ на кафедру», вспоминалъ онъ, «сердце у меня билось, голосъ дрожалъ, съ четверть часа я говорилъ, какъ будто осужденный къ наказанію преступникъ, которому позволено оправдываться—и нечѣмъ. За пять лѣтъ, когда я вступалъ на кафедру статистики, было вовсе не то» . . .

Опасенія лектора оказались однако напрасными. «Я не ожидалъ», писалъ Срезневскій Ганкѣ, «что на мое чтеніе обратятъ такое вниманіе, какое обратили: назначенная зала была мала для всѣхъ посѣтителей, и ихъ перевели въ другую, и та набилась биткомъ; не только студенты пришли меня слушать, но и много профессоровъ и немало

посторонних частных лиц; послѣ чтенія профессора благодарили, какъ оказалось, съ участіемъ, а другіе изъ посѣтителей приѣзжали знакомиться». Объ этомъ же общемъ вниманіи къ лектору и его чтенію рассказываетъ и современникъ, свидѣтель перваго успѣха Срезневскаго на новой кафедрѣ: «Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приращеннаго цитатами изъ Кольара, Пушкина и Мацкевича, то строго критическаго, не лишенаго юмора и ироніи,—все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобразно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской кафедрѣ».

Но естественная робость перваго дебюта прошла, и чтенія пошли дажѣ вполнѣ правильнымъ и спокойнымъ ходомъ. Срезневскій читалъ шесть часовъ въ недѣлю: студентамъ первогоднимъ два часа, а второгоднимъ четыре; изъ этихъ четырехъ часовъ одинъ удѣлялся для чтенія образцовъ славянскихъ нарѣчій. Студентамъ первогоднимъ читалось Энциклопедическое введеніе въ изученіе славянства, столь необходимое для начинающихъ изучать славянский міръ, при чемъ тутъ давались очерки исторіи, географіи, этнографіи, характеристики нарѣчій, народной словесности и письменной литературы. Всѣ эти очерки, конечно, были кратки по необходимости, и только какаинибудь одна часть излагалась подробнѣе. Специальные курсы посвящались поочередно западнымъ славянамъ южной и сѣверной отраслей: ихъ древностямъ, исторіи, литературѣ, объяснялись сербскія народныя историческія пісни, памятники дубровницкой литературы и т. д. Слушателей въ первый годъ было у Срезневскаго мало болѣе 40 человѣкъ». Во второмъ (1834) году чтеній при заня-

тияхъ чешской литературой онъ объяснялъ студентамъ Кралеворекскую рукопись и «Дочь Славы» Коллара. «Къ сожалѣнию», пишетъ онъ Ганкѣ, «не на многомъ могъ и остановиться съ подробностью, иное даже долженъ былъ пройти мелькомъ, потому что надобно было, кромѣ чеховъ и словаковъ, помнить и поляковъ и бѣдненькихъ сербовъ лужицкихъ и покойниковъ балтійскихъ славянъ, обращалъ вниманіе и на древности и исторію, и на нарѣчія»... По свидѣтельству самого Измаила Ивановича, чтенія его по древностямъ западныхъ славянъ особеннаго успѣха не имѣли, — студенты были къ нимъ «равнодушны», если это только непосредственно не касалось «нашихъ польско-русскихъ древностей». «Къ современному» въ славяновѣдѣ слушатели тоже были глухи. «На народности обращаютъ вниманіе, кажется, потому болѣе, что у насъ народности теперь въ модѣ». Не смотря на нѣкоторый пессимизмъ, Срезневскій все-таки выражалъ надежду, что «у насъ изученіе славянства станетъ почти наравнѣ съ изученіемъ Востока: немногіе посвятятъ себя ревностно, другіе останутся при общихъ мѣстахъ».

Обладалъ богатыми матеріалами по славянской этнографіи и диалектологіи и преподавая эти предметы въ университетѣ, Срезневскій по предложенію Прейса взялъ на себя трудъ разбора «Народности» Шафарика. Еще до отъѣзда за границу онъ получилъ отъ Сербиновича въ Петербургѣ этнографическую карту Австрійской имперіи, составленную Шафарикомъ, и тогда же свѣдѣлъ съ нея для себя копію. Въ Прагѣ онъ имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ работой Шафарика и слѣдить за ходомъ ея съ непрестаннымъ вниманіемъ, охотно дѣлая съ нимъ въ письмахъ къ нему и къ Ганкѣ своими пріобрѣтеніями. Съ

нетерпѣнѣе ожидалъ онъ выхода въ свѣтъ книги Шафарика. Изъ Бретиславы, собирався уже домой, Срезневскій писалъ ему (3—15 апр. 1842 г.): «Наконѣцъ изъ объ-
явленія, вамъ присланнаго Штуру, я могъ подробно узнать о книгѣ, вамъ издаваемой, и сердечно порадоваться ея изда-
нiю. Всѣ мы чувствуемъ ея необходимость и будемъ
умѣть цѣнить какъ ее, такъ и трудъ, котораго она вамъ
стоила. Тѣмъ болѣе могу сожалѣть, что не могъ быть въ
Прагѣ: можетъ быть, вы бы нашли между моими запис-
ками хоть что-нибудь, что бы было вамъ хоть сколько-
нибудь полезно». Тогда же онъ послалъ Шафарика деньги
за пять экземпляровъ «Народовиси» и просилъ по выходѣ
выслать ему книги во Львовъ.

Статья Срезневскаго появилась въ Журналѣ Мин. Нар.
Просв. 1843 г. Своей блестящей критическiй разборъ «Наро-
довиси» онъ началъ похвалою «великану современной сла-
винской учености», привлекающему къ себѣ общее распо-
ложенiе и любовь и своимъ нравственнымъ величiемъ. По-
мнѣнiю Срезневскаго, между «Народовисью» и болѣе ран-
нимъ трудомъ Шафарика—«Исторiей славянскаго языка и
литературы» (1826) существуетъ вѣстная генетическая
связь: «Народовисъ» возникла изъ нѣкоторыхъ матеріаловъ,
собранныхъ для первой работы. Содержанiе обѣихъ почти
одно и то же, только цѣль изданiя была различна и, со-
образно съ этою цѣлью, измѣнился объемъ статей. Въ
первой мы имѣли трудъ филолога-литератора, въ «Наро-
довиси» предъ нами филологъ-географъ; тамъ были въ
виду болѣе ученые и литераторы, тутъ—болѣе общаа
публика. По достоинству, по важности ученой и практи-
ческой первое сочиненiе Срезневскiй находилъ гораздо выше
второго. Онъ желалъ бы видѣть въ «Народовиси» кое-что

иначе, чѣмъ оно было: такъ, по его мнѣнію, требовала бы исправленій характеристика нарѣчій; кое въ чемъ слѣдовало бы дополнить и очерки литературы, особенно великорусской, и кое-что въ нихъ можно бы и сократить; для того, чтобы книга не напрасно называлась «Народоописаниемъ», слѣдовало бы внести въ нее хоть небольшую статью о правахъ и обычаяхъ славянъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ всякаго народоописанія.

Отмѣтивши въ первой части своей статьи недостатки предложеннаго Шафарикомъ дѣленія славянъ на отрасли по характеру нарѣчій, Срезневскій совѣтовалъ принять дѣленіе только историко-географическое; дагѣе, онъ предложилъ свою систему дѣленія славянскихъ нарѣчій, отвергнувши дѣленіе Шафарика, и, наконецъ, въ третьей главѣ своего разбора остановился на географической части «Народопися», по отзыву его, — наилучшей части книги. Замѣчанія Срезневскаго были весьма изысканны и обнаруживали большія познанія его въ той области славяновѣдѣнія, которая едва только начинала разрабатываться.

Условія жизни и ученой работы въ Харьковѣ, видимо, не удовлетворяли молодого ученаго, жаждавшаго широкой дѣятельности и между тѣмъ лишеннаго самыхъ насущныхъ условій для развитія ея: университетская бібліотека по славяновѣдѣнію была бѣдна, никакихъ рукописныхъ славянскихъ собраній здѣсь не имѣлось; приходилось довольствоваться книгами и матеріалами, вывезенными въ изобилии изъ трехлѣтняго путешествія, но этого было, конечно, мало. Харьковъ не могъ и въ будущемъ сунуть ничего лучшаго. Срезневскій начинаетъ думать объ уходѣ изъ Харькова, хотя бы только на время. Къ тому же въ научномъ отношеніи онъ чувствовалъ себя здѣсь совер-

шенно одинокимъ. Посылая (въ октябрѣ 1846 г.) Бодискому нѣкоторыя свои работы, онъ проситъ его быть цензоромъ ихъ и судьею, исправить въ нихъ ошибки и промахи: «Пиши и въ Прагѣ, а бы показывать Шафарику, а въ Россіи подобно поневоли обходиться и безъ Шафарика, и все-таки, насколько можно, и не позволяю себѣ надѣяться на самого себя, особенно въ Харьковѣ, гдѣ я одинъ занимаюсь славянствомъ, гдѣ не съ кѣмъ дѣлать мнѣ бесѣды о славянахъ». Рѣшившись, «послѣ борьбы съ самимъ собою и разсужденій съ родными», хлопотать о кафедрѣ, оставшейся въ Петербургѣ вакантною за смертью Прейса, Срезневскій обращается къ Ганскѣ съ просьбой о поддержкѣ его кандидатуры передъ гр. Уваровымъ. «Примите участіе, добрый другъ, напишите министру. Напишите, какъ намъ скажетъ ваше сердце, ваша память обо мнѣ. Если бы мнѣ удалось хоть на два, на три года переселиться въ Петербургъ, то это бы подвинуло меня далеко въ наукѣ». . . Въ Харьковѣ онъ страдалъ отъ досаднаго недостатка средствъ «для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ»: «пособій не только рукописныхъ или старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ нѣтъ почти никакихъ, кромѣ того, что принадлежитъ мнѣ лично». Университетская бібліотека славянскимъ отдѣломъ оказалась несравненно бѣднѣе собственной бібліотеки Срезневскаго, потому что до него никто здѣсь славянствомъ не занимался. «Ни одного труда не могу окончить удовлетворительно, потому что для окончанія нужна подмога, а не ожидать и даже желать было бы странно. При томъ, сокровища бібліотекъ петербургскихъ до сихъ поръ остаются мнѣ извѣстны немногимъ больше, какъ и всякому, кто знакомъ съ нашей филологической печатной литературой: и

не быть еще в Петербургѣ съ цѣлью ихъ изученія». . . . Это незнакомство съ памятниками древней славянской письменности русскихъ книгохранилищъ было весьма важнымъ препятствіемъ для успѣшной работы Срезневскаго надъ словаремъ древне-русскаго языка, его грамматикой и т. д. «По всему этому я не могъ не желать всею душою переселиться въ Петербургъ хоть на время, чтобы посвятить всего себя изученію источниковъ». Обращеніе Срезневскаго къ Ганкѣ, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ С. С. Уварова, за поддержкой его ученыхъ плановъ было естественнымъ. Нѣсколько дѣтъ тому назадъ Ганка успѣшно хлопотала предъ министромъ о продленіи Срезневскому срока путешествія по славянскимъ землямъ. Писала ли Ганка Уварову по поводу настоящей просьбы своего друга, мы не знаемъ. Какъ бы то ни было, она встрѣчена была благосклонно и увѣчалась успѣхомъ.

Переездъ Срезневскаго изъ Харькова въ Петербургъ въ концѣ декабря 1846 года на кладру, опустѣвшую со смертію Прейса, имѣлъ, несомнѣнно, большое вліяніе на характеръ дальнѣйшей ученой работы его. Послѣдствіемъ его, по мнѣнію акад. Н. В. Ягича, была рѣзкій поворотъ въ цѣломъ направленіи его дѣятельности: «Изъ бывшаго до тѣхъ поръ энографа, любителя народной поэзіи съ широкимъ фономъ бытовыхъ особенностей, вышелъ мало-по-малу литературный антикварь, любитель памятниковъ древней письменности и русско-славянской старины вообще». Эту метаморфозу акад. Ягичъ приписываетъ авторитетному вліянію Востокова, прославившагося какъ разъ въ это время своими образцовыми трудами (Описаніемъ рукописей Румицковскаго Музея и изданіемъ Остромирова Евангелія.). Пока Срезневскій, путешествуя по славянскимъ землямъ и

послѣ возвращенія въ Харьковъ, продолжалъ интимную переписку съ Ганкой и Погодинымъ, онъ будто бы не былъ въ состояннн вырваться изъ этого заколдованнаго круга этнографическихъ интересовъ. Едва ли это мнѣнне справедливо. Интересы Срезневскаго въ годы путешествія, какъ мы могли убѣдиться, нельзя назвать исключительно этнографическими. Непосредственное знакомство съ славянскимъ миромъ «собственной наглядкой» (по выраженню Срезневскаго), было не только желательнн, но и неизбежно необходимо: вѣдь до появленія Народописи Шафарика (1842) свѣдѣнн о славянствѣ въ цѣломъ были чрезвычайно скудны, несистематизированы, и самъ Шафарикъ многимъ обязанъ былъ въ своей знаменитой книжкѣ нашимъ славянскимъ путешественникамъ.

Срезневскій въ путешествіяхъ своихъ удѣлялъ много вниманія и труда чисто лингвистическимъ изученіямъ, — практическому наученно и обследованно славянскихъ диалектовъ въ ихъ разнообразнншихъ и многочисленныхъ отгѣнкахъ — нарѣчійхъ и говорахъ, и мы знаемъ, что въ области диалектологн словенской и сербо-хорватской онъ обнаружилъ основательныя и самостоятельно приобретенныя познанія. Для точныхъ диалектологическихъ записей Срезневскій намѣренъ былъ составить «стройную азбуку для всѣхъ народныхъ мѣстныхъ славянскихъ нарѣчій», находн, что если мы факсимилируемъ рукописи, то тѣмъ важнѣе «факсимилировать мѣстныя нарѣчія». Специалистомъ и знатокомъ въ этой области считалъ его Прейсъ, близко знакомый съ результатами трудовъ Ивана Ивановича. «Изъ всѣхъ славянстовъ, не исключая и Шафарика», писалъ онъ ему, «только вы можете говорить о диалектахъ славянскихъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла; я и въ подметки не

гожусь вамъ въ этомъ дѣлѣ». При этомъ однако Срезневскій не упускаетъ никогда изъ виду и памятниковъ языка, знакомясь по нимъ съ исторіей его. Въ Харьковѣ съ первыхъ моментовъ своей преподавательской дѣтельности онъ интересуется памятниками древней русской письменности, старо-славянскимъ переводомъ Свящ. Писанія, собираетъ матеріалъ для «Историческаго лексикона старо-рускаго языка», задумываетъ и Старорусскую грамматику, составляетъ болгарскій словарь, въ 1848 г. собирается его переписывать (рукопись отъ прибавокъ была перемарана) и надѣется когда-нибудь издать его («тогда, надѣюсь, сама собою распадется мечта нѣкоторыхъ ученыхъ, что болгарское нарѣчіе есть то же, что старославянское»), готовить географію западнаго славянства, составляетъ богатый дѣльми «Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1846, ч. 51), гдѣ привѣтствуетъ зачатки новой болгарской литературы и стремленіе болгаръ «выйти на стезю образованности» и т. д. Интересы его вообще были широки и разнообразны, ученые планы и начинанія его росли естественно съ развитіемъ его преподавательской дѣтельности.

Такъ, съ первыхъ шаговъ ед онъ задумываетъ весьма важное для профессора-слависта изданіе. Въ виду того, что для практическихъ занятій славянскими языками не было никакихъ пособій, Срезневскій вырабатываетъ планъ особой хрестоматіи съ образцами всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Книга предполагалась большая и широко была задумана. «Посоветуйте», проситъ онъ Ганку, «что выбрать изъ старочешкаго, листа на три печатныхъ. Можетъ быть, кое-что можете сообщить изъ непечатаннаго. Я долженъ, впрочемъ замѣтить, что для меня не такъ важно содержаніе,

как язык, особенность языка». Этим издалием он как бы собирался осуществить часть той работы, которую рекомендовал выполнить первым русским профессорам-славновѣдам Шафарикъ, Боданскому, Прейсу и Срезневскому он совѣтовалъ взяться за составленіе учебныхъ книгъ для славянскихъ кафедръ: сравнительной грамматики, хрестоматіи, исторіи литературъ славянскихъ, антологіи славянской изъ народныхъ пѣсень и т. д. «Если эти книги не будутъ составлены профессорами славянской литературы, кому ихъ составлять?» убѣждалъ Шафарикъ Боданскаго. Правда, планъ Срезневскаго не осуществился, но, можетъ быть, отчасти не по его винѣ: помощь въ этомъ дѣлѣ славянскихъ ученыхъ друзей была крайне важна, — безъ нея нельзя было выполнить задачу такъ широко, какъ ее поставилъ себѣ Срезневскій, а получить изъ славянскихъ центровъ все необходимое для этого изданія было вѣстко. Впоследствии (1853) поэтому Срезневскій возлагаетъ трудъ изданія всеславянской хрестоматіи на Ганку: «Какъ бы что ни дѣлалось вокругъ насъ славянъ, а намъ, для пользы нашей науки историко-филологической, необходимо изученіе нарѣчій и литературныхъ богатствъ каждаго изъ нихъ. Нужна, слѣдовательно, и книга, въ которой бы хоть въ небольшомъ числѣ собраны были красоты (les beautés) нашей литературы, хоть одной поэтической. Что если бы или вы сами или съ помощью кого-нибудь изъ вашихъ учениковъ сдѣлали бы такой сборникъ, въ которомъ бы каждому изъ славянскихъ нарѣчій посвященъ былъ особенный отдѣлъ вышесокъ изъ лучшихъ ихъ писателей (листовъ 30, въ концѣ словарь, съ литературными введеніями)?» Знакомство съ новыми славянскими литературными журналами, народившимися въ началѣ сороковыхъ годовъ,

вызывать въ Срезневскомъ желаніе приступить (съ 1843 г.) при участіи Бодянского къ изданію учено - литературнаго журнала, который въ своихъ двухъ главныхъ частяхъ долженъ былъ «знакомить западныхъ славянъ съ ходомъ словесности русской и русскихъ съ ходомъ словесности славянъ на западѣ», давалъ литературныя обозрѣнія, біографическія статьи, выдержки изъ лучшихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, въ подлинникѣ и въ дословномъ переводѣ на русское литературное нарѣчіе или на одно изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, переписку и выписки о послѣднихъ новостяхъ и ожиданіяхъ и т. п. Вообще, въ «Новостяхъ словесности русской и вно-славянской» (какъ называлъ Срезневскій предложенное изданіе) должно было быть обращено вниманіе на то, «что или по духу или по содержанию можетъ быть названо народнымъ славянскимъ».

Ганка (въ письмѣ отъ 15 апр. 1843 г.) вполнѣ одобрилъ мысль Срезневскаго по существу его программы. «Она словно взята изъ моей головы», писалъ онъ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему. Умный и практичный, онъ находилъ только Харьковъ весьма мало подходящимъ для такого изданія, «но тѣмъ больше будетъ ваша заслуга», ободрялъ онъ Срезневскаго, «ибо я не сомнѣваюсь, что вы одолѣете всѣ затрудненія, и не Харьковъ васъ, а вы Харьковъ прославите... За дѣло! Это будетъ неоцѣнимая польза для всего славянства. Навву увидятъ звуки, что не сивлоса отпашъ!» Въ качествѣ создателя Бодяскій предлагалъ пригласить еще и Прейса, но Срезневскій, ближе знавшій его, сомнѣвался сильно въ томъ, захочетъ ли Прейсъ издавать такой журналъ, быть его отвѣтственнымъ и редакторомъ и продавцомъ; но въ сочувствіи его изданію, поддержкѣ

его своимъ участіемъ, въ помощи совѣтами и дѣломъ сомнѣній быть не могло.

Серьезное и сложное дѣло опитъ не могло осуществиться безъ поддержки славянскихъ друзей, на сотрудничество коихъ редакторы, очевидно, рассчитывали. Шафарикъ, ознакомившись съ проектомъ Срезневскаго, отвѣтилъ: «Мысль одобряю, но совѣтовалъ бы не спѣшить. Болыескій тоже помышляетъ о журналѣ. Пановъ тоже. Дѣло имѣетъ свои трудности. Относительно полученія литературныхъ новостей изъ западно-славянскихъ земель сами отлично знаете, какое это трудное дѣло при такой отдаленности и при иныхъ неудобствахъ. Для такого журнала тамъ всегдѣ надо бы соединиться, и можетъ быть ему было бы всего лучше выходить въ Москвѣ или въ Петербургѣ». Шафарикъ полагалъ, что Срезневскій могъ бы издавать свои собранія и въ другой формѣ, тоже періодически, въ родѣ «Очерковъ Россіи» Пассека, и назвать ихъ, напр. «Очерками Славянства». Срезневскій для такихъ очерковъ обладалъ множествомъ и знаній и матеріаловъ. Въ сожалѣнію, все это были только одни планы и проекты!

Съ 50-ыхъ годовъ, съ основаніемъ «Извѣстій Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности», Срезневскій сталъ помѣщать въ нихъ многочисленныя рецензіи и замѣтки о славянскихъ кнѣгахъ, всегда чрезвычайно основательныя, изобличающія знатока и специалиста, на редкость освѣдомленнаго, доброжелательнаго къ молодымъ славянскимъ побѣгамъ, зачастую дѣйствующаго здѣсь съ читателемъ личными наблюденіями и богатыми матеріалами. Срезневскій привлекалъ къ участію въ Извѣстіяхъ много славянскихъ сотрудниковъ, напр.: Шафарика, В. Карджича, Н. Герова, Фл. Ценову, Верковича, Палаузова,

и создалъ изъ этого академическаго изданiя первый органъ нашей юной славянской филологiи.

* * *

Славянство Срезневскiй полюбить со всѣмъ увлеченiемъ романтика-народолюбца и съ юношескимъ жаромъ служилъ наукѣ славянской до конца. Въ одномъ письмѣ къ матери онъ обращается къ брату, который, повидимому, не раздѣлялъ его славянскихъ восторговъ, съ слѣдующими словами укора: «И ты, душа моя, братъ, полюбить бы ихъ (славянъ), какъ они того стоятъ, и ты бы принялъ сердечное участiе въ ихъ пробужденiи отъ сна, если бы узналъ ихъ. . . » И онъ рисуетъ планъ, издавна его занимающiй, какъ они съ матушкой втроемъ прокатятся «изъ Россiи въ Варшаву, оттуда въ Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Прагу, Мюнхенъ, потомъ въ Вiну, потомъ въ Пестъ, Лембергъ и домой», какъ онъ при этомъ былъ бы проводникомъ и информаторомъ, особенно по части славянской.

Въ маѣ 1841 г., по поводу возбужденнаго ходатайства о продленiи командировки, онъ писалъ Ганкѣ: «Возвратиться домой я уже не могу не желать: хочется увидѣть и родину, и родныхъ, но славше, знанiе ихъ для меня такъ же дороги, а годъ уже не сдѣлаетъ большой разницы. Тѣмъ съ большей радостью возвращусь домой послѣ. . . » Славянство увлекало его все сильнѣй и сильнѣй, но мѣрѣ того какъ онъ больше и глубже знакомился съ нимъ. Слѣдующимъ профессоромъ, онъ усердно насаждаетъ среди своихъ слушателей знанiе славянства, и вселѣй успѣхъ науки въ этой области, даже всякое пролаленiе вниманiя къ славновѣдѣнiю наполняетъ его радостью.

Когда въ апрѣлѣ 1844 г. издано было новое положеніе объ учебных степеняхъ, Срезневскій постигши въ подвѣтъ съ Ганкою вѣстью о томъ, что съ этого времени будутъ у насъ не только магистры славянской словесности, но и доктора славяно-русской филологіи. «Царь нашъ первый ввелъ славяно-русское въ разрядъ наукъ высшаго преподаванія, и вотъ опять первый вводитъ его въ разрядъ гѣхъ перво-классныхъ наукъ, которыхъ знаніе даетъ любителямъ наукъ ученый привилегіи. . . Нельзя также тутъ не замѣтить, что по тому же положенію знаніе русской словесности не считается достаточнымъ ни для какой ученой степени безъ знанія славянства въ филологическомъ отношеніи (напрѣчь старо-славянскаго, польскаго, чешскаго и сербскаго). Это не можетъ не распространить у насъ знанія славянства. И пусть теперь вѣщцы подраззываютъ намъ. . .» Первый докторъ славяно-русской филологіи, онъ особенно гордился этимъ высокимъ званіемъ.

Въ августѣ 1844 г. изъ Харькова онъ съ гордостью сообщаетъ Ганкѣ длинный списокъ такихъ ученыхъ работъ, кои свидѣтельствуютъ, что «изученіе славянства, любовь къ нему все болѣе выражается въ нашей литературѣ и имѣеть все сильнѣйшее вліяніе на наши филологическіе и историческіе труды; тогда же, уведомляя Ганку (въ половинѣ 1844 г.) о предстоящемъ скорѣ прѣздѣ въ Прагу новаго славянскаго ученаго путешественника В. И. Григоровича, Срезневскій подчеркиваетъ разницу между первой группой нашихъ стипендіатовъ, къ которой принадлежалъ онъ самъ, и казанскимъ профессоромъ славянской филологіи: «Сравнивалъ его съ нами въ то время, когда мы къ вамъ явились, вы увидите, что Славянство у насъ fait des progres pas en dormant». Съ особенной радостью и чувствомъ

величайшаго удовлетворенія описываетъ Срезневскій (въ июнѣ 1851 г.) экзамень по славянской филологіи къ Главному Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ у него были рядъ блестящихъ учениковъ. «Отвѣчали у меня», пишетъ онъ Ганкѣ, «всѣ безъ исключенія прекрасно, гораздо лучше, чѣмъ я могъ ожидать. . . . Всѣ, разумѣется, были готовы переводить и переводили съ разныхъ славянскихъ варіанцій. Не смотря на то, что вотъ уже скоро девять лѣтъ, какъ я преподаю славянскую филологію, экзамень этотъ былъ для меня триумфомъ, которому я радовался отъ всей души, и какъ о триумфѣ пишу вамъ, будучи увѣренъ, что это и для васъ будетъ радостно. . . .» Это испытаніе укрѣждаетъ вѣру Срезневскаго въ блестящія въ будущемъ успѣхи русской филологической науки, «оживленной сознаниемъ необходимости знать славянство». «Воображаю», радуется онъ Ганкѣ, «какъ бы весело было вашему сердцу, если бы вы могли участвовать въ испытаніи этомъ и слышать, какъ наши воспитанники знакомы со всѣмъ, что было и есть замѣчательнаго въ области науки и словесности славянской, и знакомы не по однимъ рассказамъ профессора, а лично, собственной наглядкой. Имъ ваше, разумѣется, повторилось между другими незабвенными именами довольно часто. . . .»

Изученіе славянской филологіи учениками Ивана Ивановича не стояло при этомъ обособленно, не оставалось не связаннымъ съ другими отраслями филологіи и исторіи: такъ, одинъ изъ слушателей его, занимавшійся древнимъ плѣменнымъ языкомъ и словесностью, изучалъ сравнительно древности языка и быта славянъ и германцевъ; другой изучилъ языкъ Эдды и сагъ исландскихъ и примѣнилъ свои знанія къ древностямъ родного племени; братья Лавровскіе (Петръ и Николай) пишутъ сочиненія

на темы—о завоевании Руины Вольдемаромъ, о Судѣ Любуши и Ев. отъ Іоанна, о Реймскомъ св., Скворцовъ разбираетъ (1855) глоссы *Mater Verborum* и т. д. «Что я тутъ (въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ) не забываю чеховъ», пишетъ онъ Ганкѣ, «да послужить вамъ еще однимъ свидѣтельствомъ — Разборъ древнихъ чешскихъ писемъ и Сравненіе Далмилы съ Козьмою, приготовленные двумя изъ моихъ студентокъ-педагоговъ».

Съ восторгомъ говоритъ онъ въ письмахъ къ Ганкѣ объ А. Ф. Гильфердингѣ, о блестящемъ диспутѣ В. П. Ламанскаго, о В. В. Макушевѣ и др. надеждахъ славянской филологіи. Особенно огорчнымъ представляется ему проникновеніе идеаловъ славянской взаимности въ наше общество. «Теперь», пишетъ онъ Ганкѣ въ 1860 г., «смотреть у насъ на славянство уже иначе, чѣмъ прежде: есть уже люди, которые умѣютъ дѣлать и заставлять другихъ дѣлать права и обязанности славянской взаимности, есть между ними люди молодые, пылкіе и даровитые, ведущіе дѣло куда сильнѣе, чѣмъ мы могли и умѣли въ свое время. . .» Это была уже большая награда за всѣ труды и возвышенные порывы.

Съ первыхъ дней профессорской дѣятельности ревностный проповѣдникъ высокихъ задачъ славяновѣдѣнія, Срезневскій послѣдовательно приходитъ къ мысли о необходимости введенія элементовъ славянской филологіи и въ курсъ русской средней школы. Въ специальной запискѣ, сохранившейся въ бумагахъ его, онъ разработалъ даже программу преподаванія славянскихъ нарѣчій въ филологической гимназій и находилъ возможнымъ достигать при этомъ такихъ результатовъ, чтобы ученики, окончивающіе курсъ по славянскимъ нарѣчьямъ, свободно читали книги

общелитературнаго содержанія на нарѣчіяхъ сербскомъ, чешскомъ и польскомъ.

* * *

Славянское путешествіе Срезневскаго и его товарищей составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ, поучительнѣйшихъ и по результатамъ своимъ плодотворнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія первой половины XIX вѣка. Это было, дѣйствительно, «подвигъ европейскій», по справедливому выраженію его друга. Начатое и завершенное въ славные и памятные годы жизни западнаго и южнаго славянства, только что пробуждавшася изъ національнаго небытія и приступавшаго къ осуществленію тѣхъ высокихъ идеаловъ, которые возвратили ему жизнь и обещали дальнѣйшее развитіе, оно должно было дать богатые матеріальныя и духовныя плоды. Срезневскій былъ не только свидѣтелемъ, но и участникомъ, вольнымъ или невольнымъ, напряженнѣйшей національной работы у чеховъ, лужицкихъ сербовъ, словаковъ и хорватовъ, и своимъ учебнымъ путешествіемъ по вовсе неизвѣданнымъ или мало изученнымъ славянскимъ уголкамъ въ извѣстной степени способствовалъ пробужденію и укрѣпленію національнаго самосознанія на далекомъ славянскомъ западѣ и югѣ.

Его обширный и разнообразный изученій, особенно собирательская дѣятельность, любовь къ простому народу и постоянное общеніе съ нимъ пробуждали ревность славянскихъ ученыхъ и вызвали на это благодатное поле сибіаки славянскія мѣстныя силы. Чужой человекъ, хотя и братъ изъ далекой Русской земли, съ невиданнымъ усердіемъ и любовью занялся вдругъ чехами, лужицкими сербами, сло-

венцами, хорватами, тогда как они сами как-то мало интересовались и собою и своими соседями-братьями. У Срезневского кое-где они учатся приемам собиранія бесценнаго богатства, изученія народа, его творчества и быта.

Эту заслугу нашего ученаго являть признавали и отзывались сами славяне. Получивши въ май 1841 г. письмо отъ друга Измаила изъ Липавы (Вишавы), съ словенско-италианской границы, Ганка сердечно обрадовался, узнавъ, что Срезневскій посылить «и самыя незначительныя изъ славянскихъ племень». «Вы, вѣрно», отзывалъ Ганка, «для того и созданы, чтобы обшарить всё славянскіе углы и возбудить въ нихъ новую жизнь». Другой изъ славянскихъ друзей Измаила Ивановича, лужичанинъ Смольаръ, путешествовавшій съ нимъ по Лужицамъ, въ одномъ изъ писемъ (24 окт. 1843 г.), сообщалъ ему отрадную вѣсть о ростѣ у лужичанскихъ сербовъ національной мысли, прямо заявлялъ: «... Я долженъ вамъ признаться, что вы тоже имѣете большія заслуги въ ея усиленіи».

Съ другой стороны, славянскія чтенія Срезневскаго въ Харьковѣ, а затѣмъ въ теченіе 32 лѣтъ въ Петербургѣ, въ университетѣ и отчасти въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, его многочисленныя ученныя статьи, рецензіи и замѣтки о важнѣйшихъ явленіяхъ славянской ученой литературы должны были воспитать въ русскомъ обществѣ извѣстный кругъ людей, интересовавшихся славянствомъ, и создать ту школу учениковъ, которою Измаиль Ивановичъ по праву могъ гордиться. Въ этомъ дѣлѣ его величайшія заслуги въ исторіи развитія нашей науки и нашего славянскаго самосознанія.

Когда Срезневскій передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга за границу посетилъ министра народнаго про-

свѣщенія С. С. Уварова, то на прощаніи получить отъ него слѣдующее напутствіе: «Работайте, молодой человѣкъ! Знайте, что каждый вашъ шагъ не только можетъ, но и долженъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе — вліяніе благодающее и слѣдовательно производимое строго-совѣстно». Срезневскій со всею совѣстностью и горячею любовью къ наукѣ выполнить этотъ завѣтъ.

Великій гѣвецъ славянской взаимности, словакъ Янъ Колларъ въ поэмѣ «Дочь Славы» помѣстилъ всѣхъ заслуженныхъ въ Славянствѣ мужей въ «славянскомъ небѣ»; здѣсь онъ отвелъ мѣсто и тѣмъ славянскимъ путешественникамъ, которые первые съ національными задачами путешествовали по славянскимъ землямъ — «Kteří prví silem párodům ro slavjanských putovalí krajech». . .

Въ этомъ славянскомъ небѣ, въ сонмѣ подвижниковъ славянской науки, наряду съ пионерами ея, полкомъ Андреемъ Кухарекимъ и незабвеннымъ П. П. Кеншеномъ долженъ по праву занять почетное мѣсто и Н. И. Срезневскій.

Вл. Францесъ.

ЗАСЛУГИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Я никогда не был знакомъ съ Иманомъ Ивановичемъ Срезневскимъ; я никогда не видалъ его; я только — одинъ изъ его почитателей и продолжателей. Я не могу предложить вамъ своихъ воспоминаній, своихъ личныхъ впечатлѣній; я принужденъ ограничить свое слово объ Иманѣ Ивановичѣ характеристикой и оцѣнкой его ученой дѣятельности, какъ я ее понимаю.

Не мало времени протекло между сороковыми годами прошлаго столѣтія и настоящимъ моментомъ; много сдѣлала за протекшія 70 лѣтъ русская наука; тѣмъ не менѣе объ эпохи нѣбюдь нѣчто общее.

Въ сороковыхъ годахъ въ Россіи среди образованнаго общества почти не было людей, которые бы хоть что-нибудь знали о славянахъ, кромѣ, конечно, полковъ; и интереса къ славянству, можно сказать, не существовало. Ученый славновѣдъ долженъ былъ работать почти что въ пустынѣ, такъ какъ его аудиторія совпадала съ скромной въ высшей степени аудиторіей историко-филологическаго факультета. Онъ долженъ былъ начинать съ азоевъ славновѣдѣній и сообщать, что за народы — чехи, хорваты, лужичане, сколько ихъ, гдѣ они живутъ и т. п. Несмотря на это, ему приходилось вести борьбу; уже тогда народились въ русскомъ образованномъ обществѣ враги славянства. Они то усматривали страшную политическую опас-

ность къ панславизмѣ и славянофильствѣ; то признавали всѣхъ славянъ, кромѣ развѣ полковъ, за ничтожныя величины, недостойныя вниманія великой Россіи.

Въ сущности то же видимъ мы и теперь, что тогда. Много ли знаетъ нынѣшнее русское общество о славянахъ? Велика ли аудиторія у нынѣшняго славяновѣда? Если у одной части русскаго общества сильны симпатіи къ славянамъ, то другая часть относится къ славянамъ и съ недолюбіемъ, и съ разнообразными опасеніями. Нельзя не отмѣтить, что эта вторая часть, очень слабая, можетъ быть, по числу, — оказывать большое вліяніе на наши отношенія къ славянамъ, хотя и имѣетъ объ нихъ болѣе чѣмъ ограниченныя свѣдѣнія.

Но семьдесятъ лѣтъ, протекшія между сороковыми годами и настоящимъ днемъ, не прошли даромъ. Мы кое-что сдѣлали; наше знакомство со славянствомъ нѣсколько подвинулось впередъ; уже блеститъ надежда на установленіе живыхъ культурныхъ, научныхъ, литературныхъ сношеній между славянами.

Этимъ мы много обязаны Измаилу Ивановичу.

Измаилъ Ивановичъ готовилъ себя къ кафедрѣ политической экономіи. Онъ сталъ славяновѣдомъ неожиданно для самого себя, не имѣя ни руководителей, ни руководства.

Кто могъ руководить занятіями въ области славяновѣдѣнія въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ?

Русское министерство народнаго просвѣщенія? Но бывший министр, почтенный Александръ Семеновичъ Шишковъ, былъ только ревностнымъ покровителемъ славянства и энтузіастомъ своего рода, который внушилъ императору Николаю I мысль основать въ русскихъ университетахъ кафедры славяновѣдѣнія. Его преемникъ,

Уваровъ, былъ лишь исполнителемъ Высочайшей воли. Могъ дать начинающему славновѣду нѣсколько хорошихъ совѣтовъ Александръ Христофоровичъ Востоковъ; но онъ былъ скромный кабинетный ученый, никогда не бывавшій у славянъ. Могъ дать нѣсколько общихъ указаній Каченовскій, составитель инструкціи для первыхъ нашихъ славновѣдцовъ.

Болѣе, чѣмъ Россія, сильна была въ области славновѣдѣнія возрождавшаяся Чехія.

Добровскій уже умеръ. Гавла, при всѣхъ его заслугахъ, не былъ человѣкомъ науки и не могъ указывать другимъ дороги. Одинъ Шафарикъ въ тогдашнемъ учебномъ мѣрѣ могъ быть полезенъ Измаилу Ивановичу. Онъ, дѣйствительно, былъ ему полезенъ. Онъ былъ единственнымъ тогда знаткомъ славянской этнографіи; онъ былъ ученый съ широкимъ историческимъ образованіемъ и обширнымъ кругозоромъ. Отъ него Измаилъ Ивановичъ могъ пользоваться и совѣтами, и даже матеріаломъ. Шафарикъ, несомнѣнно, оказалъ вліяніе. Первые шаги Измаила Ивановича на поприщѣ славновѣдѣнія связаны съ знаменитыми «Славянскими Древностями» Шафарика. Они также направлены къ славянскимъ древностямъ. Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, диссертцію Измаила Ивановича «Святѣиша и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ», 1846 г., доставившую ему, первому въ Россіи, ученую степень доктора славянской филологіи.

Но затѣмъ Измаилъ Ивановичъ быстро пошелъ по своей дорогѣ.

Эта дорога была болѣе естественною.

Русскій народъ долгое время былъ въ тѣсномъ литературномъ общеніи съ другими славянскими народами и

сумѣлъ сохранить въ своихъ старыхъ книгахъ многочисленныя и разнообразныя свидѣтельства о культурной, литературной и религіозной жизни славянства. Какъ ни слаба была русская наука, но къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка она уже успѣла заглянуть въ эти книги. Изъ немногихъ трудовъ Востокова и Калайдовича было видно, какое въ нихъ богатство научнаго матеріала. Свѣдѣнія о святыхъ солунскихъ братьяхъ — въ старой русской письменности; обильная даныя о блестящемъ вѣкѣ болгарскаго царя IX — X вѣка Симеона — въ ней же; произведенія сербскихъ книжныхъ людей XIII — XV вѣковъ — въ ней же; древнѣйшій трудъ на славянскомъ языкѣ, вышедшій изъ подъ пера чеха пач. XI в., — въ ней же; одна изъ статей загадочнаго Фрейзингенскаго памятника тѣсно связана съ однимъ изъ многочисленныхъ поученій стараго русскаго Пролога. Было ясно, что судьбы славянскихъ народовъ на пространствѣ вѣковъ безпрестанно сцѣплялись и что узелъ славянскихъ сцѣпленій сохранился въ старыхъ русскихъ книгахъ.

Важнымъ казалось то, что было уже найдено: еще болѣе важнаго можно было ожидать отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, когда старая русская письменность будетъ приведена въ полную извѣстность.

Отсюда естественная задача для славяноубы, если они не хотятъ ограничиваться сообщеніемъ свѣдѣній о современныхъ ему славянахъ, но желаютъ проникнуть въ глубь вѣковъ и показать, какъ близки были некогда другъ къ другу и какъ тѣсно были связаны между собою тѣ народы, которые въ половинѣ XIX в. такъ разобщены, которые такъ мало знаютъ другъ о другѣ.

Измаиль Ивановичъ началъ свою ученую дѣятельность.

въ области славяновѣдѣнія въ скромномъ Харьковѣ, бѣдномъ ученымъ матеріаломъ. Ему было бы трудно тамъ работать въ томъ направленіи, въ какомъ онъ началъ. Вѣроятно, онъ сумѣлъ бы приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ, какъ сумѣлъ приспособиться въ Казани Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Но судьба улыбулась Ивану Ивановичу: онъ перешелъ въ Петербургскій университетъ.

Петербургъ сороковыхъ годовъ уже имѣлъ Имп. Публичную Библиотеку, хранилищу Остромирова Евангелия. Кромѣ этого драгоценнаго памятника, значеніе котораго было уже определено Востоковымъ, Публичная Библиотека владела собраніемъ русскихъ рукописей графа Ѳ. А. Толстого, южно-славянскими и русскими рукописями Дубровскаго и Фролова. Вскорѣ, въ 1852 г., къ этому рукописному матеріалу прибавилось огромное и цѣнное Погодинское собраніе. Кромѣ Публичной Библиотеки, Петербургъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ могъ пользоваться Румянцевскимъ музеемъ, рукописи котораго тогда были уже описаны и мастерски определены Востоковымъ. Наконецъ, въ 1859 г., въ Петербургскую Духовную Академію поступили собранія Новгородскаго Софійскаго собора и Бариллова Введенскаго монастыря.

Иванъ Ивановичъ, по переселеніи въ Петербургъ, погрузился въ разсмотрѣніе огромнаго рукописнаго матеріала, который былъ ему здѣсь доступенъ. Этотъ матеріалъ пополнился небольшимъ, но своеобразнымъ собраніемъ спертника Иванъ Ивановичъ и собрата по занятіямъ славяновѣдѣніемъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ, въвезеннымъ имъ съ Афона, изъ Охриды и другихъ мѣстностей Балканскаго полуострова. Григоровичъ охотно дѣлился съ другими своимъ ученымъ достояніемъ.

Конечно, Имамъ Ивановичъ не забывалъ современнаго славянства. Онъ знакомилъ своихъ слушателей съ дѣятельностью Станка Врза, Коллара и другихъ писателей новыхъ славянскихъ литературъ, внимательно слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что появлялось въ этихъ литературахъ; но центромъ его заботъ сдѣлались русскія библиотеки.

Что онъ долженъ былъ дѣлать? Ему необходимо было — прежде всего — привести въ извѣстность, что находится въ русскихъ библиотекахъ, что сохранилось намъ отъ старой Россіи и отъ древняго славянства.

Легко сказать: привести въ извѣстность. Даже механически пересматривать сотни рукописныхъ книгъ, одну за другой, дѣло не такое простое, какъ кажется. Но при помощи простаго пересмотра трудно что-нибудь получить; нужно больше или меньше разсмотрѣть книгу, прочесть, изучить.

Вслѣдъ за петербургскими рукописными собраніями передъ Имамъ Ивановичемъ выступили собранія Москвы, Троицкой Лавры и Новаго Иерусалима. Описание Московской Синодальной библиотеки было пачато Горскимъ и Невоструевымъ и съ перваго же своего выпуска оказалось важнымъ и цѣннымъ. Затѣмъ Имамъ Ивановичъ побывалъ въ Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Кіевѣ и т. д., осматривалъ библиотеки монастырей, церкви, учебныхъ заведеній.

Почти вездѣ, кромѣ рукописей, собранныхъ въ Россіи, Имамъ Ивановичу пришлось встрѣтиться съ рукописями, привезенными съ славянскаго юга — съ собраніями Гильфердинга, Севастьянова, архим. Порфирія и др.

Къ году смерти Имамъ Ивановича, къ 1880 году, рукописный матеріалъ доступныхъ ему рукописныхъ со-

браній представлялъ уже цѣлую громаду, гдѣ однихъ древнѣйшихъ книгъ и грамотъ, до XV вѣка, можно было насчитать не менѣе 700, а болѣе позднія книги, до конца XVII вѣка, приходилось считать тысячами. Какъ извѣстно, въ позднѣйшихъ книгахъ сохранилось очень много древнѣйшихъ текстовъ и нѣкоторые изъ нихъ представляютъ выдающуюся цѣнность.

Тѣ изъ насъ, кто идетъ по пути Ивана Ивановича, кто пользуется и его трудами, и вѣрнѣе тѣмъ, что сдѣлано при немъ и послѣ него въ наукѣ славяновѣдѣнія, — иногда останавливаются въ недоумѣніи передъ громадою сырого матеріала, не зная, за что браться и съ чего начинать. Послѣ цѣлаго ряда годовъ работы приходится сознаваться въ бессиліи. Но послѣ 1880 года сколько вышло описаній рукописныхъ собраній, сколько издано текстовъ, исследованийъ, снимковъ!

Иванъ Ивановичъ занялся приведеніемъ въ извѣстность памятниковъ славянской и русской старины. Его работа была скромная и черная: онъ пересматривалъ огромное число рукописей. Можетъ быть, всѣ рукописи, какія были ему доступны, одна за другой, побывали у него въ рукахъ; но всѣ онъ заглянуть, многія перелистывать, на нѣкоторыхъ болѣе подробно остановился. Обзоръ его былъ бѣглый: онъ работалъ одинъ; сотрудниковъ у него было немного, да и на тѣхъ, кто быть, не всегда можно было полагаться.

Однимъ изъ помощниковъ быть большой почитатель Ивана Ивановича, Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. Его имя мало кому теперь извѣстно. Но онъ въ свое время много сдѣлалъ для московскихъ библиотекъ. Ему принадлежить первое рукописное описание московской Типограф-

своей библиотеки; онъ издалъ описание части рукописнаго собранія Ундольскаго, поступившаго въ Румянцевскій Музей; оно было составлено самимъ Ундольскимъ, но Викторовъ присоединилъ къ нему цѣлое дополненіе. Викторову принадлежитъ рядъ другихъ бібліографическихъ работъ. Онъ былъ человекъ талантливый, въ области научной — свѣдущій и опытный. Если вы возьмете составленное имъ описание Типографской бібліотеки, вы найдете въ немъ упоминаніе о цѣломъ рядѣ русскихъ списковъ Евангелія, Апостола и другихъ богослужебныхъ книгъ XIV в. Нигдѣ нѣтъ намека, что между этими списками есть хоть одинъ чѣмъ-нибудь выдѣлюющійся, по чѣму-нибудь особенно интересный.

А Памалъ Ивановичъ открылъ среди нихъ Саввину книгу, памятникъ, какъ извѣстно, древняго церковно-славянскаго языка, не моложе XI вѣка, важный и по своему языку, и по своимъ палеографическимъ особенностямъ. Текстъ этого памятника начинается съ 25 листа книги; первые 24 листа книги и послѣдніе 12 — позднѣйшія дополненія, слѣдствіе, такъ сказать, починки книги. Обыкновенно, разсматривая рукопись, изслѣдователь прежде всего смотритъ ея начало и ея конецъ; эти части рукописи имѣютъ въ себѣ наиболѣе цѣнный матеріалъ для ея характеристики. Чтобы открыть Саввину книгу, нужно было — прежде всего — просмотрѣть всѣ Евангелія XIV в. Типографской бібліотеки, затѣмъ, взявъ въ руки Евангеліе подл. № 15, не только заглянуть въ его начальные и послѣдніе листы, но внимательно перелистовать всю середину книги. Памалъ Ивановичъ открылъ Саввину книгу. Очевидно, онъ пересмотрѣлъ все собраніе Типографской бібліотеки, не обращая вниманія на ея описание.

а пересматривал номеръ за номеромъ, книгу за книгой. Работа не веселая и въ своемъ родѣ не легкая. Понятны слова Ивана Ивановича въ введеніи къ «Древнихъ славянскихъ памятникамъ юсоваго писма» (1868 г.): «всякій пойметъ, какъ должно было образовать меня неожиданное открытіе въ Типографской библиотекѣ» (стр. 3). Дѣйствительно, это было событіе въ исторіи славяновѣдѣнія.

Но это открытіе, крупное изъ крупныхъ, далеко не единственное открытіе Ивана Ивановича. Онъ не имѣлъ привычки хвалиться и трубить о томъ, что сдѣлалъ; его скромность была скромностью ученаго, радующагося за науку и совершенно забывающаго о себѣ.

Всегда за Саввиною книгою Иванъ Ивановичъ открывалъ другой меншиій по величинѣ и только поэтому менѣе важный памятникъ древняго церковно-славянскаго языка. Его владѣлецъ, упомянутый уже выше Ундольскій, не только любитель древнихъ рукописей и ревностный ихъ собиратель, но также недурной знатокъ нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи литературы, очень интересовавшійся и древнѣйшею церковно-славянскою письменностію, не увидѣвъ въ принадлежащихъ ему двухъ пергаменныхъ листкахъ евангельскаго текста ничего важнаго и ограничился постановкою на нихъ № 961. Онъ обратилъ вниманіе только на ихъ странный косой почеркъ. А Иванъ Ивановичъ нашелъ возможнымъ потратить нѣсколько минутъ на прочтеніе этихъ двухъ ничтожныхъ съ виду листовъ и сразу оцѣнилъ ихъ значеніе: «мнѣ удалось отмѣтить еще одинъ памятникъ, не менѣе древній», чѣмъ Саввина книга». Такъ охарактеризовалъ онъ Листки Ундольскаго въ «Древнихъ славянскихъ памятникахъ юсоваго писма», стр. 3.

Вслед за Листками Ундольскаго последовало открытіе не менше, если не болѣе важныхъ Киевскихъ глаголическихъ Отрывковъ. Измаилъ Ивановичъ, по случаю археологическаго съезда, 3-го по счету, посѣтить Киевъ и заглянулъ въ бібліотеку Киевской Духовной Академіи. Здѣсь оказалось семь небольшихъ пергаменныхъ листковъ, писанныхъ глаголицею, привезенныхъ архим. Антоновичемъ изъ Іерусалима и подаренныхъ Академіи. Измаилъ Ивановичъ прочелъ и немедленно сообщилъ съезду объ открытіи большой важности. «Еще недавно, говоритъ онъ, не было на виду никакихъ данныхъ, по которымъ бы можно было судить, что за богослуженіе было у тѣхъ славянъ, которые употребляли въ древнѣйшее время глаголицу для своихъ книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старо-славянской языкъ юсоваго отгѣнка. . . Новое открытіе служитъ доказательствомъ, что къ нимъ проникали и богослужебные образы церкви западной» (Свѣдѣнія и замѣтки. № LXXVII, 1875 г.). Вновь открытый памятникъ былъ имъ охарактеризованъ какъ римско-католическій миссалъ на древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ.

Я упомянулъ о трехъ открытіяхъ Измаила Ивановича. Это — наиболѣе важные открытія. Открытіи меньшаго значенія было сдѣлано Измаиломъ Ивановичемъ такое множество, что ихъ трудно перечислить. Онъ первый обратилъ вниманіе на переводы съ греческаго, сдѣланные въ Россіи до-монгольскаго періода; онъ первый оцѣнилъ важность такъ называемыхъ средне-болгарскихъ текстовъ; ему же принадлежитъ честь открытія въ русскихъ спискахъ, иногда позднихъ, ряда древнѣйшихъ церковно-славянскихъ переводовъ.

Выдающееся значеніе русскихъ рукописей для Измаила

Ивановича было вполне ясно. Онъ видѣлъ, что въ нихъ заключаются данныя для исторіи всѣхъ славянскихъ народовъ, для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній, для опредѣленія степени ихъ образованности. Отсюда особенное вниманіе Павла Ивановича къ русскимъ рукописямъ, къ ихъ письму, къ ихъ словарю, къ ихъ художественнымъ миниатюрамъ.

Не имѣя возможности сдѣлать что-либо для приведенія въ извѣстность всей массы русскихъ рукописей, Павелъ Ивановичъ составилъ списокъ древнѣйшей ихъ части — съ XI по XIV вѣкъ включительно. Этотъ трудъ вышелъ въ свѣтъ подъ именемъ «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка» (1863 г.). По второму изданію, 1882 г., нельзя судить о первомъ. Тексты и снимки, присоединенные къ списку въ первомъ изданіи и отсутствующіе во второмъ, дѣлаютъ первое изданіе несравненно болѣе цѣннымъ, чѣмъ второе. Тексты, иногда извлеченія изъ большихъ текстовъ, иногда самостоятельныя литературныя произведенія или грамоты, по большей части сохраняютъ свое значеніе и по-нынѣ, служа матеріаломъ для изученія и литературы, и языка.

Но недостаточно читать древніе тексты; надо ихъ и понимать.

Павелъ Ивановичъ, усердно помогавшій старику Востокову при изданіи его словаря древняго церковно-славянскаго языка, ясно видѣлъ съ одной стороны значеніе такого словаря, съ другой — недостаточность труда Востокова. По способу составленія словарь Востокова (какъ, кстати сказать, всѣ работы Востокова) могъ служить прекраснымъ образцомъ: Востоковъ не опредѣлялъ самъ, по своимъ соображеніямъ, значенія церковно-славянскихъ

словъ, а старался опредѣлить значеніе ихъ посредствомъ сопоставленія переводныхъ церковно-славянскихъ текстовъ съ ихъ греческими оригиналами. Словарь Востокова вошелъ дѣломъ въ словарь Миклошича. Последний пополнилъ его многочисленными выписками Горскаго и Невоструева (въ ихъ описаніи московской Синодальной библиотеки), извлеченіями сдѣланными Гильбершингомъ и своими собственными, въ общемъ незначительнымъ и малопригоднымъ матеріаломъ. Повидно, словарь Миклошича не могъ удовлетворить Измаила Ивановича. Отсюда его попытка составить свой словарь древняго церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, такъ какъ раздѣлить два эти языка представлялось невозможнымъ. Способъ составленія былъ Измаиломъ Ивановичемъ принятъ Востоковскій, хотя и трудный, требовавшій постоянного слѣженія переводныхъ текстовъ съ греческими оригиналами, но дающій важные результаты. Измаилъ Ивановичъ не успѣлъ довести его до желанной полноты; собраныя имъ «Матеріалы», около того времени, когда исполнялось сто лѣтъ со дня его рожденія, были закончены печатаніемъ благодаря подвижническому усердію Ольги Измайловны и Всеволода Измайловича Срезневскихъ. Они составляютъ три большихъ тома.

Кромѣ словарныхъ данныхъ, при изученіи рукописнаго матеріала нужны и данныя палеографическія. Измаилъ Ивановичъ потрудился и надъ палеографіей рукописей древнѣйшаго періода, какъ писанныхъ глаголицею, такъ особенно писанныхъ кириллицею, русскихъ XI—XIV вѣковъ. Но и здѣсь ему не удалось исполнить все, что онъ хотѣлъ. Его сборникъ кирилловскихъ снимковъ съ русскихъ рукописей, съ русскихъ грамотъ и надписей, за исключеніемъ

немногих, присоединенных къ 1-му изданію «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка», не увидѣть свѣта. Вѣстѣ съ нимъ не увидѣли свѣта и палеографическія наблюденія Иманна Ивановича, сообщавшіяся имъ слушателямъ его университетскихъ лекцій, по нимъ не изданы; ихъ нѣтъ въ печатномъ, посмертномъ изданіи этихъ лекцій.

Исследователь русской старины часто встрѣчается съ искусствомъ — очень часто съ орнаментомъ, рѣже съ миниатюрою.

Иманнъ Ивановичъ, конечно, не оставилъ безъ вниманія искусства, остановившись на наиболѣе выдающихся по древности рисункахъ — на иллюстраціяхъ къ житію св. Бориса и Глѣба въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV вѣка, на изображеніи правнука Мономаха князя Ярослава въ Нередицкой церкви (XII в.), на изображеніи князя (по его мнѣнію, св. Всеволода-Галицкаго) въ сочиненіи папы Иннокентія объ антихристѣ (XII — XIII в.), на изображеніяхъ св. Владимира и Ольги.

Я долженъ бы сказать еще многое — объ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», объ «Древнихъ глаголическихъ памятникахъ» и др., — но боюсь утомлять ваше вниманіе.

Перехожу къ заключенію.

Иманнъ Ивановичъ обыкновенно уклонялся отъ рѣшенія большихъ вопросовъ, не давалъ выводовъ. Не думаю, чтобы мы имѣли право за это осуждать его или порицать. Иска передъ собою подавляющее обиліе сырого, не тронутаго, не только не изученнаго матеріала, развѣ могъ онъ рѣшаться на подведеніе какихъ-либо итоговъ, на какое-либо утвержденіе или отрицаніе въ спорномъ вопросѣ

науки? Ведь вполне возможно было, ему ли самому, или кому другому, взявшись за одну из многочисленных рукописей XVI в., вдруг найти в ней что-нибудь такое, что должно было поколебать утверждение или уничтожить отрицание. Даже теперь—когда послѣ кончины Измаила Ивановича прошло уже почти 35 лѣтъ, находки слѣдуютъ одна за другою, иногда важныя для рѣшенія большихъ вопросовъ. А мы за эти 35 лѣтъ въ дѣлѣ приведенія въ извѣстность научнаго матеріала, несомнѣнно, подвинулись впередъ и можемъ уже говорить смѣлѣе, чѣмъ Измаиль Ивановичъ.

Отсюда понятно, почему Измаиль Ивановичъ не желалъ издать новымъ изданіемъ своихъ «Мыслей объ исторіи русскаго языка», 1849 г., хотя при своемъ появленіи въ свѣтъ этотъ его трудъ былъ встрѣченъ общимъ одобреніемъ и потому всегда считался дѣльнымъ. Измаиль Ивановичъ видѣлъ, какъ много матеріала для исторіи русскаго языка и какъ много нужно положить труда, чтобы хоть что-нибудь добыть. . .

Измаиль Ивановичъ сдѣлалъ много для русской науки. Мы обязаны принести глубокую благодарность неутомимому труженнику и почтить добрымъ словомъ его дѣятельность.

Вѣчная память, Измаилу Ивановичу Срезневскому!

А. Соболевскій.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

и его отношеніе къ поэзии вообще.

I.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Духовный облик Измаила Ивановича Срезневскаго не можетъ быть полонъ, если мы не обратимъ вниманія на то, какое большое значеніе имѣла въ его внутренней жизни любовь къ поэзии. Она не была въ немъ только увлеченіемъ юности, какъ у многихъ; она была его душевной потребностью, не прекращавшейся до конца жизни. Ученыя работы, которымъ онъ предавался съ такимъ рвеніемъ и съ такою усидчивостью, не заглушили въ немъ этой любви, годы не ослабили ея. Напротивъ, можно сказать, что съ годами она все возрастала и становилась болѣе глубокой и болѣе чистой.

Слово «поэзія» И. И. понималъ въ чрезвычайно широкую мысль. Съ этимъ понятіемъ для него соединилось представленіе и обо всемъ прекрасномъ, возвышающемъ мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ о той силѣ человеческого духа, которая воспринимаетъ это прекрасное и вноситъ его въ свои собственныя созданія. Девятнадцатилѣтнимъ юношей записываетъ онъ такое замѣчаніе: «Поэзія — одна, и есть три поэзіи. Поэзія — духъ, поэзія — чувство, оживлен-

ное духомъ, поэзія — выраженіе чувства, оживленнаго духомъ». Позднѣе, въ 1870-хъ годахъ, уже не за много лѣтъ до смерти, онъ пишетъ: «Для меня поэзія — сила чистая, святая, очищающая и освещающая человѣка»...

Прекрасное, разлитое въ природѣ, должно, по словамъ И. П-ча, породить въ человѣкѣ стремленіе къ поэтическому творчеству. «Не недостатокъ изощреннаго въ природѣ произвелъ поэзію и поэтическое творчество», читаемъ мы въ одной изъ его замѣтокъ, — «а напротивъ, изобиліе изощреннаго, и тотъ инстинктъ человѣка, который заставляетъ его высказывать всѣ свои внутренніе впечатлѣнія, и соединилъ съ какого-то рода болѣзью, что другой можетъ не замѣтить красоты, имъ замѣченныхъ». Эта мысль, записанная Маманомъ Ивановичемъ какъ общее наблюденіе, не можетъ ли быть понята и какъ наблюденіе надъ самимъ собою?

Потребность поэтического творчества рано проявляется у И. П-ча. Въ самые молодые годы, еще въ пансіонѣ, 9-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже писалъ стихи, которыми однажды привелъ въ изумленіе своихъ воспитателей. Некоторые изъ его повѣстей, разсказовъ, стихотвореній, относящихся къ 1830-мъ годамъ, были помѣщены въ «Украинскомъ Альманахѣ», въ «Московскомъ Наблюдателѣ», въ «Галагѣ», «Утренней Звѣздѣ», «Невскомъ Альманахѣ», «Атенѣ» и другихъ изданіяхъ; но многое осталось ненапечатаннымъ.

Развившееся въ 30-хъ годахъ во всей Россіи, какъ и повсюду въ Европѣ, увлеченіе народною поэзіей и стариною было по душѣ И. П-чу и онъ отдавался ему со всею своею пылкостью. Во время своихъ путешествій по Украинѣ онъ постоянно всматривался въ жизнь народа, записывалъ преданія и пѣсни, часто съ голоса самихъ пѣвцовъ-бандури-

ство». Ему удавалось записывать песни не только малорусские: в Екатеринославской губернии, где онъ провёл некоторое время въ качествѣ учителя въ одной помещичьей семьѣ¹⁾, онъ познакомился и съ поэзіей молдавскихъ поселеній. Это углубленіе въ жизнь и творчество народа естественно отразилось на его собственномъ поэтическомъ настроеніи. Поэтому стихотворенія, написанныя имъ въ то время, представляютъ не только отголоски впечатлѣній его личной жизни, но и подражанія народной поэзіи, иногда прямо переводы на великорусское нарѣчіе. Таково одно изъ неизданныхъ стихотвореній «Подражаніе молдавской народной поэзіи», написанное въ 1832 г.:

Красавица ласточка,
 Півунья касаточка, —
 Уже мы не свидимся,
 Забудемъ другъ друга мы.
 Не мнѣ твой пѣсенки!
 Не мнѣ тебѣ слушаться!
 Бывало, чуть солнышко, —
 Летитъ ко мнѣ ласточка,
 Півунья касаточка, —
 Въ окошце свѣтелочки
 Стучитъ своимъ носкомъ,
 Я встану, умоюсь,
 Умоюсь, одѣнусь,
 Подседу къ окошечку, —
 А добрая ласточка,
 Півунья касаточка
 Въ подарокъ мнѣ пѣсенку.

1) Въ семьѣ Подольской, къ ея имѣнію Ворзаровкѣ на берегу Днѣпра.

Такъ утромъ, такъ вечеромъ,
 Такъ въ полдень, такъ полночью, —
 И радостно, сладостно
 Жила я съ касаточкой!
 А нынѣ забыто все:
 Что радости убыли,
 Что съ горемъ пошаталась,
 Что замузъ я выдана.

Красавица ласточка,
 Пѣвушья касаточка,
 Уже мы не свидимся,
 Забудемъ другъ друга мы!
 Не мнѣ твои пѣсенки,
 Не мнѣ тебя слушаться!

Есть рѣчка, за рѣченькой
 Слободка стоитъ.
 Слободка, что дѣвушка,
 Въ ту рѣчку гладить.
 Красны тамъ хижинны,
 Всѣхъ краше одна;
 А въ хижинѣ дѣвушка
 Пригожа, умна.
 Бѣ пригожей той дѣвушкѣ
 Лети ты скорѣй!
 Покири, съ нею слюбисься,
 Сестрой будешь ей.

И утромъ, и вечеромъ,
 И въ полдень пой пѣсни ей
 Про счастье дѣвичье, —
 А въ полночь несчастную
 Про злую сторонушку.

Про эту сибирячку —
 Какъ худо мнѣ съ мужемъ жить,
 Какъ трудно мнѣ слезы лить,
 Какъ горько жизнь презиною,
 Былую, дѣвичью,
 Мнѣ помнить въ замужествѣ!

Поздѣе И. П. перевелъ пѣсню «Внотъ вѣтры» изъ
 «Наташки Полтавки» Котляревскаго¹⁾.

Дуютъ вѣтры, дуютъ буйно, и деревья гнутся,
 О, какъ болитъ мое сердце, — и слезы не льются!
 Трачу дѣта въ потомъ горѣ, и нѣтъ конца горю, —
 Тогда только станеть легче, какъ нащачусь явлено.
 Слезы-жъ — имъ помочь ли счастьемъ? На мигъ легче будетъ!
 Кто былъ счастливъ хоть часочекъ, по смерти не забудеть.
 Есть же люди... Завидуютъ и моей неволѣ!
 Развѣ-жъ счастлива былинка, выросшая въ полѣ...
 Въ полѣ томъ, песчаномъ полѣ, въ жару, безъ росынки?..
 Тяжко жить безъ милаго — и не сиротникѣ.
 Гдѣ-жъ ты, милай, чернобровый! гдѣ ты, озовишься!
 Я-ль бѣдняжка не горюю! Приди и взгляди.
 Я сама-бъ я полетѣла, еслибъ крылья были;
 Ты-бъ увидѣлъ, другъ мой милай, какъ я тутъ изныла.
 И къ кому я приголублюсь, и кто приголубитъ.
 Когда нѣтъ того у сердца, кто бѣдняжку любить!

Въ бытность за границей въ 1840-мъ г. И. П. съ особымъ
 вниманіемъ вслушивался въ народныя славянскія пѣсни.
 Въ нѣкоторыхъ сербо-хрунцкихъ пѣсняхъ онъ находилъ
 «удивительное сходство съ русскими». Свой переводъ

¹⁾ Впервые напечатана въ журналѣ Галлеа 1839 г. ч. 6. № 49, стр. 321—324.

одной из таких писем он прислал в письме своей матери вместе с записанными им же нотами ел пайва:

Онъ дѣлѣ ей перстень золотой,
 И руку бѣлую пожать,
 И въ испы очи цѣловать.
 «Прости и не забудь меня!»
 Такъ молвилъ онъ, — и на коня...
 «Черезъ три года жди меня!»
 Прошли три года, и домой
 Всѣ сербы молодцы идутъ
 И пѣсни весело поютъ.
 И вышла Гальжа ихъ встрѣчать.
 «Гдѣ жъ милый мой?» — Га, милый твой —
 Въ землѣ остался онъ чужой.
 Тамъ, Гальжа, весело ему:
 Нашель другую Гальжу онъ,
 А Гальжѣ нашей шлетъ поклонъ...
 Въ могилѣ Гальжа; розы кустъ
 На той могилѣ тамъ цвѣтеть
 И соловей въ тѣни поеть.

Стихотворенія П. И-ча, въ которыхъ отразились впечатлѣнія его жизни и отголоски его мыслей, сохранились въ большемъ количествѣ. П. И. не придавалъ имъ никогда значенія и потому ни одно изъ нихъ не было напечатано. Вообще онъ считалъ что «стихи ему не даются» (это его собственныя слова). Но если они и не могутъ быть отмѣчены какъ технически совершенныя произведенія, они важны для насъ и какъ выраженіе его мыслей и чувствъ, и какъ проявленіе того, что эти мысли и чувства стремились выразиться именно въ поэтической формѣ.

Отправивсь въ заграничное путешествие въ 1839 г., изъ Москвы посылаетъ И. П. своей матери — хорошей пианисткѣ и любительницѣ музыки — ноты Листовскаго переложенія «Странника (der Wanderer)» Шуберта и на обложкѣ пишетъ стихи:

Все, чѣмъ душа его живетъ,
Оставитъ странникъ одинокій
И въ миръ чужой, съ тоской, далеко
Отъ милыхъ сердцу повеситъ
Судьбу свою
. Мечтанье
Одушевить надеждой онъ,
Что за разлукою свиданье
Его утѣшитъ, и какъ сонъ
Пройдутъ години испытанья, —
И снова счастливъ будетъ онъ.

Въ томъ же году пишетъ онъ:

Давно тебя, отчизна, я оставилъ,
И грустно мнѣ, и тяжело въ дали чужой.
Кругомъ толпы, но межъ толпами сиротой
Брожу одинъ съ печальною душой. . .
Въ чужой дали — и рѣдко годось мнѣ
Осиротѣлое мнѣ сердце оживить,
И то на мигъ, и вновь кругомъ меня звучитъ
Чужая мысль, чужой дьякъ. Молчитъ
Душа мол, и душой вольнокрылой
Она къ тебѣ, съ тоской къ тебѣ летитъ.
Она твоя, твой духъ ее издегидь,
Къ себѣ ее навѣкъ всецѣльно приковать,

Твоей рабыней быть Творецъ ее создать,
Тебя любить святое право дать. . .

Между стихотвореніями П. И-ча обращаетъ на себя вниманіе «Молитва», полная горячей любви къ родинѣ. Она напоминаетъ свою основною мыслію главную идею поэзіи Хомякова. П. И. чтитъ Хомякова какъ поэта и глубоко сочувствовалъ ему. Въ 1839 г. онъ посылаетъ своей матери въ письмѣ изъ Петербурга списокъ стихотворенія «Орелъ», тогда не дозволенного къ печати. «Какъ же вамъ нравятся, милая маменька, эти стихи?» пишетъ онъ. «Не правда ли, хороши? Они—Хомякова, и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ. Царю не угодно было этого позволить. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будетъ помнить; а иначе—«вѣроломные Тевтоны»¹⁾ и Богъ знаетъ что подумаютъ».

Позднѣе П. И. собиралъ въ спискахъ всѣ появившіяся стихотворенія Хомякова, еще не вышедшія въ свѣтъ.

Въ «Молитвѣ» замѣчаемъ мы не только тѣ же мысли, но иногда и тѣ же образы, что у Хомякова: въ ней есть сравненіе Россіи съ орломъ (у Хомякова: «Высоко ты гнѣздо поставилъ, Славилъ полунощныхъ Орелъ»); въ ней говорится о великомъ достоинствѣ смиренія, какъ и у Хомякова во многихъ стихотвореніяхъ; есть указаніе и на высокій подвигъ, назначенный Россіи (у Хомякова: «Хранить племя святое братство, любви. . . и вѣры пламенной богатство, и правду, и безкровный судъ»). Вотъ нѣсколько строкъ изъ «Молитвы»:

О Боже великій, Творецъ милосердный,
Дай силу душою къ Тебѣ вознестись,

¹⁾ Выраженіе, взятое изъ стихотворенія «Орелъ».

Ее оскѣти Ты мольбою усердной,
 Къ молящейся милости взоромъ склонись!

Подай, Благодатель, Ты дочери славы —
 Отчизнѣ — надежду, и крѣпость подай
 Великой и правдою грозной державы,
 И свѣтохъ Своихъ Ты ей путь озарай!

О вѣримъ, кто избранцамъ будетъ Тобою,
 На подвигъ того самъ Ты въ путь позовешь.
 О вѣримъ, что волей Своею благою

И насъ Ты на подвигъ великій ведешь.
 Любовью и вѣрой святой примиреше
 Враждебныхъ великихъ и малыхъ племена,
 Смятешъ, и буйству, и кривоту разрушенье —
 Вотъ подвигъ нашъ славный, великій, вотъ онъ!

Его указалъ Ты сынамъ вѣрнымъ славы,
 Смирался, терпѣли Ты имъ долго вѣдѣть.
 Смирался, терпѣли, и вотъ нашъ двуглавый,
 Тобой окрыленный, уже мощно взлетѣлъ.

Взлетѣлъ — и взгремѣло священное слово
 «Да любимъ другъ друга!» Взгремѣло оно,
 Гордыни и злобы какъ смерти, и готово
 Ихъ мнѣше любви и добру за одно.

О Боже всесильный, открой Ты строптивымъ
 Ихъ очи и къ правдѣ души имъ любви!
 Гнѣсти себя страхомъ не дай боязливымъ,
 Не дай, чтобъ лилася неповинная кровь!

Ужель не настала година святая
 Сознанія немощи съ правдой борьбы?

Ужели вражда, против насъ занятая
 Не смолкнетъ еще передъ словомъ судьбы?
 Нѣтъ, вижу . . . : восходить надъ бурюю черной
 Закона, и правды, и славы зари
 И мирно народы душою покорной
 Услышать вѣдѣше вселенной Царя.

Любовь къ народу, любовь къ человѣчеству вызывала
 всегда въ П. П.-чѣ горячее сочувствіе и глубокое почитаніе.
 Мы видимъ эти чувства въ стихотвореніяхъ, написанныхъ
 въ память Квитки-Основьяненка. Въ нихъ выражаются
 тѣ же мысли, что и въ одушевленной рѣчи, произнесенной
 П. П.-чемъ у гроба Квитки (о ней будетъ сказано ниже). Онъ
 изображаетъ въ нихъ глубокочеловѣчскія черты Квитки:

Въ немъ невинный заступу, страдаецъ отраду,
 Бѣднѣй помощь всегда находить . . .

Особенно останавливаетъ П. П. свое вниманіе и
 сочувствіе на живой и дѣлательной любви Квитки къ украин-
 скому народу. Въ слѣдующихъ восьми строкахъ сжато и
 полно изображенъ обликъ Квитки, какъ «друга народа»:

Народа другъ неизмѣнимый,
 Всю жизнь ему онъ посвятить;
 Его судьбѣ несоблазимый
 Его жъ защитникомъ онъ быть;
 Его любить и звать онъ правы
 Его же рѣчью заставлять
 Другихъ любить ихъ, — и отдасть
 Ему же въ даръ вѣнокъ свой — славы.

Любовью къ человѣчеству, состраданіемъ къ обездолен-
 ному вызвано и слѣдующее стихотвореніе, озаглавленное
 «Богъ дастъ»:

Батюшка! Матушка! Ради Христа
 Старцу калѣкъ дайте даьше!
 Буду молиться я Богу за васъ,
 Дастъ онъ сторицею вамъ воздаьше.
 Дайте калѣкъ, слѣдцу старику!
 Богъ не оставитъ васъ, добрые люди!..
 Батюшка! Матушка! — Богъ дастъ, старикъ!
 — Богъ дастъ.. спасибо!.. Господь васъ помилуй!..
 Такъ-то богатые люди: знаютъ они
 Милость Всевышняго, Богъ имъ дастъ, —
 Къ Богу они и меня посылають.

Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отражаются иныя
 стороны характера И. И-ча. Онъ былъ, особенно въ
 молодости, нрава живого, общительнаго и легко сходившаго
 людьми всякаго возраста и положенія; веселый, остроумный
 и изобрѣтательный, онъ становился вездѣ душою общества
 и привлекалъ расположеніе всѣхъ. Нерѣдко приходилось ему,
 по обычаю того времени, писать стихи въ альбомы. Между
 прочимъ сохранилось два его экспромта, написанныхъ во
 время путешествія по славянскимъ землямъ въ 1840 г.:
 одинъ — въ альбомъ молодой дѣвушки-лужичанки, знавшей
 по русски только одно слово «прошу»:

Прошу,
 Своихъ друзей старинныхъ вспоминаю,
 И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить кой-когда —
 Хотя такъ: «Изъ дальняго былъ страшникъ края!»
 Хотя такъ: «Бывалъ намъ страницъ страшенъ иногда».
 Изъ памяти жъ все злое выметалъ,
 Забыть и обо мнѣ все злое навсегда
 Прошу.

Прощу

Своим друзьям стариннымъ исполнилъ,
 Кто мнѣ, Срезневскому, велѣлъ бытъ въ чуждѣхъ —
 Дѣла факт. Мнѣ давалъ бытъ страшный страхъ,
 Тотъ факт. «Виванъ» какъ страшно страшно шло.
 Мнѣ паша факт. въ званъ Виванъ,
 Занѣмъ «Лобъ» мнѣ въ званъ Виванъ
 Прощу.

Изъ письма И. И. Срезневскаго къ матери изъ Сербіица.

Другой экземпль написанъ 12-тильницей Теодоръ,
 дочери Л. Гаупта¹⁾:

Теодора, Теодора!
 Сохранишь ли мой листокъ?
 Изъ, какъ дикаго для взора,
 Изъ альбомнаго узора
 Вырвешь вонъ ты мой листокъ?
 Теодора, Теодора,
 Мой листокъ?
 Теодора!

«Этотъ пустякъ», пишетъ И. И. въ своемъ письмѣ къ матери, «поправился все́мъ такъ, что Гауптъ сѣлъ за фортепьяно, сдѣлалъ для этого музыку, — и всё стали пѣть по русски, приговаривая, что русскій языкъ очень изъясненъ и звученъ».

И. И. писалъ не только по русски; сохранилось нѣсколько стихотвореній его и на другихъ славянскихъ нарѣчійхъ.

¹⁾ Л. Гауптъ — одинъ изъ дѣятелей сербо-хуштинскаго возрожденія.

Одно из его украинских стихотворений, подписанное псевдонимом «Антонъ Майко Келеберда зъ Почаѣва, поло-марь Богородицькой зношниця», было напечатано въ «Молитъ» въ 1836 г. Это «Думка» о казакѣ Оварѣ — подражаніе балладѣ Жуковского «Громобой». Содержаніе ея то же, что у Жуковского, но всей обстановкѣ и облику героя приданъ малорусскій характеръ: прибавлены и подробности, которыя могутъ имѣть мѣсто только въ Малороссіи. Въ печатный текстъ вошла первая половина баллады, до подписанія договора съ дьяволомъ; въ подлинникѣ же, сохранившемся въ бумагахъ П. П-ча, есть продолженіе, еще восемь строкъ — описаніе богатой жизни Овары послѣ договора, подробности, которой нѣтъ у Жуковского.

И шо жь! Овара килемъ ставъ

Де шо въ его дому беретъся.

Усе, шо бѣ вѣнъ не забажавъ

Такъ до Овары дымомъ дметъся.

.....
Овару славить и паньы.

Чи мясойдъ, чи шѣтъ — справляе

Имъ бенкеты. И пьють вони,

Йдять вони. Музыка грае,

А паньачи й паньанки вразъ

Всю пѣчъ до свѣту хадандрують,

И паньы, хто во шо гарадъ

Про тее-то соби мирнують.

Овара задалачейхъ всѣхъ

Якъ ридненькихъ удовольяле,

Иде вѣнъ зъ думой до старѣхъ

Павидломъ молодухъ займае. . .

Кончается «думка» строфой, которая и заключает ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто и заставляетъ ждать продолженія разсказа:

И шо то буде!.. Чашъ иде,
 Пройдуць и десять зѣтъ небозѣ...
 Чи загремѣть, чи загуде
 Дидѣкъ въ Овары на порози?..

Во время своего путешествія въ 1839 г. И. И. познакомился въ Галле съ Рещелемъ, бывшимъ въ то время приватъ-доцентомъ университета, впоследствии известнымъ профессоромъ-историкомъ. Увѣжая, онъ написалъ ему на память трехстишіе:

Ой пинповъ козакъ межъ чужинъ люди,
 Чи не лучше на чужинѣ якъ межъ своими буде.
 Ой шо буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

Послѣ они больше не встрѣчались, но у Рещеля сохранилось живое воспоминаніе объ И. И.-чѣ. Онъ всегда берегъ листокъ съ его стихами и въ 1880 г. съ удовольствіемъ разсказывалъ посѣтившему его г. Любовичу о впечатлѣніи, которое произвелъ на него И. И.¹⁾

Освоившись съ чешскимъ языкомъ, И. И. сталъ пробовать писать стихи по чешски. Такъ онъ перевелъ на чешскій малорусскую пѣсню Наталки изъ Наталки Полтавки Котляревскаго — ту же, которую онъ перевелъ и на русскій. Переводъ этотъ не былъ напечатанъ. Въ бумагахъ И. И.-ча сохранился черновикъ его, гдѣ вслѣдъ за пѣсней переведено и начало послѣдующей сцены:

¹⁾ Р. Старина, 1882, болѣе.

Wěg' wětry, wěg' bugně, až se stromy klátj.
 O, tak mne srdce bolj, že slzy ne kanau.
 Trawjm leta w ljtém hoři, a konce newidjm.
 Tehdaž genom lehčeg bude, když tagmo poplačí.
 Ne opravj slza štěstj, . . . srdci lehčeg bude.
 Kdo byl šťastným gen hodinu, nikdy nezapomene.
 Gsou pak lidé, genž zawidj osudu mému:
 Zdaliž šťastná ta bylinka co rostě na poli,
 Co na poli, co na pisku bez rosy na slunci.
 Težko žiti bez mileho i we vlastnjm kragi
 Kde's ty, milý, černohrwý, kde's ty? Ozwi se.
 Gak zde bjdna hořekugi, přidiž podiwj se.
 Letěla bych sama k tobě, ale křjdel ne mám,
 Abys' widěl, gak bez tebe hořem ga usychám.
 Ke komu ga se přichvljm, a kdo poholubj
 Gelikož mi toho nej, kdo mne miluge.

Въ бумагахъ И. П-ча сохранилось одно его позднее стихотвореніе, написанное по сербски. Это — привѣтъ князю черногорскому, по всей вѣроятности, во время его посѣщенія Россіи въ 1868 г. Оно чрезвычайно интересно по выраженнымъ въ немъ мыслямъ:

Бог те живи, господине княже,
 Сјајна главо, огријано сунце
 Црногорскихъ храбријехъ јунака!
 Бог те живи — дома и на путу.
 Међу нама као би и дома!
 Ти нас позна, драги господине,
 Ти оцјени срцемъ племенитомъ,
 Што и как' смо; ти знаш, свјетли княже,
 Што мислимо код себе за себе.

Не позна нас, ко не види, да је
 Бог и правда за нас више свега,
 Да је нама свака правда света,
 Да је нама свако добро драго,
 Што ј' од Бога и по Богу благо; —
 Да не ћемо учинит' неvjере.

Не позна нас, ко не види, да су
 Наша браћа нашем срцу мила
 Само за то, да смо родна браћа,
 Једне мајке — једне дојилнице,
 Једног' оца — једног' благослова; —
 Да не ћемо учинит' неvjере.

Не позна нас, ко не види, да смо
 Вјером стални, да стојимо тврдо
 Срцем врућим и разумом будним
 За све што је нама одвећ драго;
 За част нашу и за вјеру нашу —
 Да не ћемо учинит' неvjере.

Је л' то тако, или тако није,
 Нек ти срце на то одговори.
 И вјерујем, оно одговори:
 Је то тако — за Црногараца!
 Је то тако — за свије Србова!
 Је то тако — за свије Славна,
 Ђено влада прави дух Славански!
 Је то тако — за свак' частин народ
 И за сваку душу племениту!

И ће так' је, тамо правда Божија,
 Нек та правда на свијету влада
 И на кривду нек осветом пада!
 Бог те живи и твој слави народ!

Вместѣ съ этимъ стихотвореніемъ сохранился и переводъ его на русскій языкъ.

Изъ художественныхъ произведеній П. П-ча, написанныхъ прозой, особое вниманіе обращаютъ на себя двѣ повѣсти. Одна изъ нихъ носитъ названіе «Rhapsodia sonatina»¹⁾. Ея основная мысль—задача, смыслъ и могущество искусства; и для выраженія этой мысли авторъ создалъ особое сочетаніе трехъ искусствъ—художества слова, живописи и музыки. Образы, въ которыхъ воплотилась идея, взяты имъ изъ міра живописи; форма же—дѣленіе на части, повтореніе частей, повторяемость образовъ, спелъ, выраженій—все это даетъ впечатлѣніе музыкальной рѣчи; самое заглавіе—Rhapsodia sonatina—напоминаетъ названія музыкальных формъ. Заглавіе это взято не безъ основанія: «Рансодія», дѣйствительно, есть разсказъ, въ которомъ повтореніе и разработка мыслей-образовъ имѣетъ сходство съ повтореніемъ и разработкой темъ въ сонатной формѣ.

Небольшое вступленіе, подъ названіемъ «Introduzione», также заимствованное изъ музыкальных формъ, начинается двумя эпиграфами—изъ Мандзонни «Graz segreto è la vita e noi comprende che l'ora estrema» и изъ Кальдерона «Pues así llegue a saber, que toda la dicha humana en fin para como sueño»²⁾. Въ этомъ вступленіи подъ видомъ бесѣды двухъ и размышленія третьяго, ихъ слушающаго, развивается основная идея. Выражается мысль, что художники

¹⁾ Напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1877 г. ч. XI, стр. 21—75.

²⁾ П. П. постоянно изучалъ иностранныя языки. Въ продолженіе времени, проведеннаго имъ въ Варшавѣ, съ помощью книгъ, взятыхъ съ собою изъ Харькова, онъ изучилъ не только польскій и по испанскіи и для упражненія въ послѣднемъ языкѣ переводилъ стихами драмы Кальдерона. Эти переводы не сохранились.

редко бывают счастливы, ремесленники же почти всегда: потому что въ сердцѣ художника есть всегда хоть одно желаніе неисполнимое, а у ремесленника или нѣтъ никакихъ, или всѣ исполнимы. Художникъ можетъ быть счастливымъ иногда только въ забытіи, его недостойномъ, «въ привольѣ ремесленныхъ удачъ и успѣховъ. Жить хорошо—душа и заснула, какъ покинутая сиротка. Погоди, проснется: что-то скажетъ художникъ тогда? Плоть мѣрлетъ время днями, а душа вѣчностью; что-то скажетъ художникъ тогда, когда душа замолчитъ слово о вѣчности, а у него впереди только дни, только дни — и тѣхъ мало?»... «Если... печально, нежданно отлетающая душа остановитъ твой легкій путь и желѣзнымъ перстомъ укажетъ на пройденную дорогу, и потребуетъ рѣшенія вопроса о жизни! Что будетъ тогда съ тобою, бѣдный человѣкъ?... А ты считаешь себя самымъ счастливымъ, самымъ лучшимъ изъ людей, и свою жизнь самою счастливою и самою лучшею; и живя такъ, чувствовать въ себѣ великое призваніе, и жить такъ, будто исполняа это призваніе!»...

Послѣ вступленія, оканчивающагося, какъ въ музыкальной формѣ, словомъ Fine, идетъ разсказъ.

Болонскій ювелиръ Франческо Франча знаменитъ по всей Италіи. Всѣ прославляютъ его искусство и онъ гордится своею славой. Мисель Анджело, получивъ отъ него заказанную имъ раму для картины, пишетъ ему: Диплосто моему гению, если только попадетъ онъ на дорогу, ему предназначена. Эти слова великаго художника зарождаютъ въ душѣ Франчи мысль бросить мастерство ювелира и сдѣлаться живописцемъ. Въ короткое время ему удается вполне овладѣть техникой живописи. Онъ уже пишетъ портреты, образа, его осаждаютъ заказы, онъ становится

известнымъ въ мірѣ художниковъ. Знаменитые живописцы относятся къ нему съ уваженіемъ, Рафаель проситъ его совѣта относительно картины, заказанной ему Болоней, проситъ его исправить недостатки ея. Франчя славенъ, гордъ и счастливъ. Но въ глубинѣ души его лежитъ, хотя почти заглушенное, сознание своего безсилія въ достиженіи идеала. Это сознание пробудилось въ немъ однажды, когда онъ увидѣлъ картину молодого живописца Леньяни, слабаго въ дѣлѣ искусства и изнемогающаго отъ чувства своей слабости. На картинѣ былъ изображенъ художникъ, упавшій замертво передъ образомъ, произведеніемъ гениальнаго мастера. Франчя внезапно угадалъ мысль, которую хотѣлъ выразить Леньяни.

«Онъ мертвъ! онъ мертвъ! — вскричалъ наконецъ Франчя, указывая на распростертаго живописца и судорожно сжимая руку Джульи. — Онъ умеръ отъ сознанія слабости своей души, своихъ дарованій предъ всемірнымъ величіемъ гениа живописца; онъ умеръ, убитый своей собственною славой, которою столько гордился, не понимая, что есть слава высшая. Одинъ взглядъ на святой ликъ поразилъ его. Онъ мертвъ!» . .

И вотъ снова пробуждается это сознание. Получена картина Рафаеля, — написанный имъ по заказу города Болоня образъ святой Чечиліи; его приносятъ Франчѣ. Жена Франчи, ища мужа, идетъ въ мастерскую.

«Чего же такъ испугалась Катарина? Она бѣжитъ въ мастерскую, вглядывается. . . Образъ святой Чечиліи. . . тогда испуганныхъ учениковъ. . . Она. . . бросилась въ голпу, поднявши руки къ небу. . . Ея Франческо лежалъ мертвый передъ образомъ святой Чечиліи. Онъ лежалъ мертвый. Одинъ взглядъ на святой ликъ поразилъ его:

одним мигъ возвратить въ его душу сознание слабости своей, своихъ дарований перель всецѣльнымъ величьемъ гевія живописи, — и онъ палъ подъ бременемъ своего безсилія, убитый собственной своей славой, которою столько гордился, не понимая, что есть слава высшая» . . .

Слова «*da sarò al fine*» показываютъ, что для заключенія разсказа должно возвратиться опять къ вступленію, выражающему основную мысль.

Замѣчательно, что когда И. П. писалъ эту повѣсть, онъ еще не былъ знакомъ съ знаменитыми произведеніями живописи; знать о Рафаелѣ и о Франччи только по книгамъ; читалъ, конечно, что есть преданіе, будто Франччи умеръ, пораженный образомъ св. Мечилія, и что нѣкоторые объясняютъ это завистью его къ Рафаелю. И. П. понялъ Франччи иначе. Онъ почувствовалъ, что были высоки и чисты стремленія Франччи, сознававшего все ничтожество своего таланта перель могуществомъ духовной силы Рафаеля. Когда много лѣтъ спустя И. П. ознакомился съ подлинными художественными произведеніями многихъ странъ и вѣковъ, когда онъ вдумался въ картины Франччи и Рафаеля, ему пріятно было возвратиться мыслію къ своимъ молодымъ годамъ и вспоминать, какъ тогда чуть подсказало ему, что именно въ образахъ этихъ двухъ художниковъ можетъ воплотиться дорогая ему идея о высокомъ значеніи и могуществѣ искусства.

Другая повѣсть И. П.-ча «Майоръ, майоръ!» совершенно иного характера¹⁾. Она относится къ жизни Григорія Савича Сквороды. Образъ этого украинскаго философа всегда привлекалъ къ себѣ вниманіе И. П.-ча. Въ «Утренней

¹⁾ Впечатана къ «Московскому Наблюстителю» 1836 г. ч. 6, стр. 203—238, 435—468, 721—736.

звѣдѣ» 1833 г. были напечатаны его «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ». Въ бумагахъ его есть нѣсколько относящихся къ 1834 г. отрывочныхъ разсказовъ, описывающихъ жизнь и характеръ Сковороды: «Воспоминанія стариковъ и старушекъ о Григоріи Савачѣ Сковородѣ» и «Разсказы шюка Симеона Азарійскаго». Последняя рукопись была приготовлена къ печати и одобрена цензурой — цензоромъ Мих. Каченовскимъ. Просмотрѣнный и подписанный цензоромъ списокъ ея, къ сожалѣнію не весь сохранившійся — изъ восьми разсказовъ осталось только три — находится въ архивѣ И. И-ча. Въ сохранившейся части есть и зачеркнутая цензоромъ, не допущенная къ печати глава о чудѣ съ иконой.

Повѣсть «Майоръ, майоръ» начинается вступленіемъ, въ которомъ въ немногихъ чертахъ дается изображеніе Сковороды.

«Странный человѣкъ былъ Григорій Савачъ. Былъ онъ когда-то сиротой и бѣжалъ отъ родныхъ; то былъ первый его побѣгъ, первая попытка страсти странствовать, попытка малютки. Былъ онъ потомъ придворнымъ пѣвчимъ, облаканъ милостію императрицы Елисаветы; но испросилъ себѣ отставку отъ этого званія въ надеждѣ на свободу учиться. Учился; но когда задумали его склонять къ монашеской жизни и расѣ, онъ сумѣлъ тогда притвориться сумасшедшимъ и пересталъ учиться. Отказавшись отъ расы, съ поспоргомъ надѣлъ онъ стихарь дячка грекороссійской церкви въ Офченѣ, и только для того, чтобъ убѣжать изъ Офчена и постранствовать на свободѣ по Европѣ. Бѣглымъ дячкомъ неходилъ онъ Венгрію, Австрію, Сѣверную Италію и Грецію; былъ же въ половинѣ XVIII вѣка, былъ на Руси дячкомъ бѣглымъ и нищимъ, желавшимъ узнать Европу

Полнолюбивей.

В ражасашъ ваашо Триодіа Савина
Скорогдѣ вако приполнишь. Оченъ не
мудрено, что много и забвѣшь: вѣнчанъ
въ свое время.

Будь я ваашъ не пакушишь своимъ бездѣ-
льемъ, то милости просишь ко мнѣ въ
Аларкѣ и опякъ. Дадръ роскиши. А
теперъ прощай те. Миръ ваашъ.

~~Симонъ~~ Симонъ.
Аларкѣи.

Аларкѣи въ 1834 году.

Аларкѣи.

Пареновский

и европеецъ, и случилось же быть имя Григорію Савичу. Потомъ пришелъ Григорій Савичъ въ Харьковъ—насегда, и убѣжалъ изъ Харькова, куда глаза глядишь, послѣ первой проповѣди. Въ сѣрой свиткѣ, въ чоботахъ, съ котомкою на плечѣ, съ палкою-журавлемъ въ рукѣ, съ флейтою-самодѣлкой въ другой, началъ онъ бродить. Бродить любилъ Григорій Савичъ, а котомка не тяжесть плечу, когда въ ней патенты на авторскую славу: въ котомкѣ же Григорія Савича бывало ихъ не мало и богословскихъ, и философскихъ, и поэтическихъ, и музыкальныхъ. Странный человекъ былъ Григорій Савичъ!

«И посмотрѣли-бы вы на этого странника. Сухой, блѣдный, длинный; губы изжелкли, будто истерлись; глаза блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, разбѣренная; но тутъ же, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и чудная гримаса, и чудный ужимка. И послушали-бы вы его. Началъ онъ говорить,—говорить умѣть и побить, и говорить иногда какъ добрый украинецъ; за то умѣть и подурочить другихъ. . . Но онъ добръ, и честенъ, и примодушенъ.

«И бродить онъ, не зная крайнихъ нуждъ, не понимая другихъ, бродить — переходомъ откуда нибудь, куда нибудь».

Далѣе идетъ разсказъ о томъ, какъ однажды этотъ странникъ, поселившись на нѣкоторое время въ одномъ мѣстечкѣ и заслуживъ общую любовь и своими разсказами и своимъ умѣньемъ лечить больныхъ, чуть не женился на молодой дѣвушкѣ, которая его полюбила и къ которой онъ самъ почувствовалъ нѣжную привязанность. Отецъ молодой дѣвушки, майоръ Павелъ Леонтьевичъ, котораго

всѣ въ окологдѣ называли просто майоромъ, хотѣлъ устроить судьбу дочери и радовался, что она полюбила такого хорошаго человѣка. Онъ всякими способами старался привести дѣло къ свадьбѣ. Скворода, хоть и чувствовалъ себя только Божьямъ слугою и слугою всего человѣчества, вѣчнымъ странникомъ и «старцемъ» какъ онъ себя называлъ, хоть не мечталъ о другой радости, какъ о томъ, чтобы вникать въ тайны природы и человѣческаго существа, и не допускалъ возможности связать свою свободу семейными обязанностями, все же наконецъ далъ уговорить себя. Свадьба была назначена, женихъ и невеста уже въ церкви... Но когда священникъ обратился къ нимъ съ обычнымъ вопросомъ: По доброй-ли волѣ соединяете вы руки свои?

«Григорій Савичъ издрогнулъ и вырвалъ свою руку изъ рукъ священника.

«Онъ бѣжать къ алтарю, онъ преклоняетъ колѣна предъ царскими вратами. Слышны слова его:

«Господи! Я, азъ грѣшникъ предъ лицемъ твоимъ! Помилуй мя! И стоны вырывались изъ воздымающейся груди его.

«А Лѣни? А майоръ?

«Невеста должна была упасть въ обморокъ: такъ по крайней мѣрѣ кажется; майоръ долженъ былъ выйти изъ себя: такъ по крайней мѣрѣ кажется. И, можетъ быть, такъ это бы было; но все это можетъ быть, а вѣрнаго никто не знаетъ».

«Вѣрно только то, что Григорій Савичъ скрылся изъ храма — и никто никогда не видалъ его въ тѣхъ мѣстахъ».

Судьба Лѣни все таки потому устроилась: она вышла за мужъ за хорошаго, добраго и богатаго человѣка. Свадьба

праздновалась в Харьковѣ. Григорій Савичъ былъ тогда также в Харьковѣ и присутствовалъ при вѣнчальномъ обрядѣ. Онъ молился о счастья Лѣни и молитва его была услышана. Но майоръ никогда не могъ простить его.

«Майоръ почиталъ въ себѣ достоинствомъ бранить Григорія Савича, какъ человѣка, у котораго нѣтъ и не бывало не только сердечнаго желанья, но и умѣнья хранить данное слово; онъ никакъ не хотѣлъ видѣть въ поступкѣ Григорія Савича души возвышенной, сердца чувствительнаго, благородства и мужества. Майоръ, майоръ!»

Изъ этихъ послѣднихъ словъ понятно, что оригинальное названіе повѣсти есть полное грустнаго упрека восклицаніе, обращенное къ майору.

Какъ видно по этимъ выпискамъ, рассказъ ведется въ тонѣ то простодушно-шутливомъ, то задумчивомъ, который такъ подходитъ къ малорусскому характеру и который впоследствии былъ такъ удачно примененъ въ сказахъ Марка Вовчка и Кохановской.

Въ зрѣлые годы П. П., поглощенный научными трудами, не отдавалъ своего времени писанію художественныхъ произведеній. И все же иногда душевныя переживанія его отражались въ поэтическихъ формахъ и образахъ. Но это было не для другихъ, а только для самого себя. Никто даже изъ близкихъ не зналъ, что его мысли и чувства изливались въ поэзи, и только послѣ его смерти при разборѣ бумагъ его нашлось нѣсколько его импровизаций въ стихахъ и прозѣ. Эти чувства и мысли лежали можетъ быть слишкомъ глубоко въ душѣ, слишкомъ дороги были образы, въ которыхъ они проявлялись, чтобъ раскрывать ихъ передъ кѣмъ бы то ни было...

Въ одномъ изъ этихъ стихотвореній, относившемся, какъ кажется, къ 1850-мъ годамъ, отражается глубокая горестъ при мысли о разладѣ въ духовной жизни Россіи:

Болеа ты, Русь! Твои страданья
 Я вижу изъ очей твоихъ:
 Полны отвата и желанья,
 Но гдѣ же блескъ бывалый ихъ!
 И грудь твоа крѣпка; высоко
 И гордо поднималась она,
 Но дышеть трудно и глубоко,
 Недугомъ злымъ оягчена.
 И мышцы буйныя могучи, —
 Выдать, чѣмъ въ силахъ ты владѣть,
 Но въ жилахъ будто ледъ кинучій...

 Не въ силахъ ты владѣть собою,
 Не въ силахъ подавить недугъ,
 И на призывъ судьбы — мольбою
 «Да мимондетъ» мучишь духъ.
 Была врагамъ, друзьямъ грозна ты,
 И вотъ — грозна себѣ самой,
 Боишься силъ своихъ растраты
 Въ борьбѣ святой и роковой.
 Болеа ты, Русь! Какимъ недугомъ?
 Заражена? Отравлена?
 Врагомъ ли лютымъ? или другомъ?
 Друзьями жь ты окружена,
 И вѣришь имъ такъ простодушно,
 Такъ полносердо, что предати
 Себя готова благодушно
 Ихъ волѣ, будто дѣтямъ мать... .

Божественны, дѣл'ъ - аскетическимъ?
 Зерою? Вспротиву?
 Пространство и время? Или думаетъ?
 Проблемы?
 Милосердіе? Или
 Убожество иль прѣдъуманъ,
 прѣдъуманъ, или прѣдъуманъ
 судитъ? Или прѣдъуманъ
 или вѣра, дѣла? Или прѣдъуманъ.
~~или вѣра...~~

Автографъ И. П. Срезневскаго.

Горькую проною возбуждасть въ немъ пустота, формализмъ, бездушность и самоишіе общества:

Не страшны намъ идей заразы,
 Не отравить намъ нашихъ думъ:
 Мы вѣримъ крѣпко въ силу фразы
 И ужь отвыкли вѣрить въ умъ.
 На что намъ умъ? На что стѣна
 Въ душѣ и въ дѣлѣ правота?
 На что идеи? формы знаа,
 Мы знаемъ, что онѣ мечта,
 Мечта не формы, а идеи,
 Мечта зловредная полъ часть,
 Ума разслабшаго затѣла...

Въ слѣдующемъ отрывкѣ слышится печальное чувство живой души, стѣсненной въ сухой, безстрастной средѣ:

Не вѣсть судьбы одиѣ даны, . . .
 Вы простиупно равнодушны,
 Приличій прихотдѣ послушны,
 Безстрастны, мирны и умны,
 Безъ удивленій и волненій,
 Безъ суевѣрій и сомнѣній,
 Вы жить счастливо рождены.
 А вотъ иной съ душой тревожной,
 Все недовольный самъ собой,
 Какъ нищій съ бѣдною сумой
 За милостынею ничтожной,
 Молчитъ по свѣту весь вѣкъ
 За чувствовъ сердца не подложнымъ, —
 И остается вѣкъ ничтожнымъ,
 Между людьми не человекъ.
 Найдеть ли, гдѣ бы приютили
 Его бѣдлаго сироту,
 И жизни мертвенной мечту
 Въ живую жизнь преобразили?

Это стихотвореніе сохранилось въ двухъ вариантахъ. Характеръ второго варианта болѣе спокойный: въ немъ отсутствуютъ послѣднія четыре строки, начало же велено въ третьемъ лицѣ.

А вотъ глубоко-трогательный отрывокъ, отголосокъ дорогой ему семейной жизни:

«Вѣдь ужъ поздно, очень поздно, милое мое дитя!
 Отчего же не спишь ты? Надо спать. Ну мы походимъ съ тобою. Пришли ко мнѣ покрѣче, обними мнѣ шею своею ручкой. Вотъ такъ. И не плачь, не пиши. Мамочка ваша спитъ. Ей надо заснуть, чтобы къ утру быть здоровою, веселою. И тебѣ заснуть надо, чтобы къ утру быть здоро-

вымъ, веселымъ, чтобы насъ порадовать собою. Спи же, дружокъ мой! а я тебѣ стану рассказывать сказочку про маленькую козочку и про маленькаго мальчика. Козочка по полю гуляла, травку шпала, а маленькій мальчикъ смотрѣлъ за нею, чтобы она не далеко зашла, чтобы не заблудилась, чтобы ее никто не обидѣлъ. Насталъ вечеръ: козочка съ мальчикомъ домой пришла. Мальчикъ постлалъ ей постельку, уложилъ ее, приласкалъ ее, заиѣлъ ей кисенку: О-о-о, моя миленькая козочка. Спи да думай, гдѣ бѣгала гуляла, гдѣ травку шпала, какъ домой пришла, на постельку легла. О-о-о, моя козочка, о-о-о, моя милая. И я засну, о-о-о засну, къ тебѣ прилгну, не тронуся. . .

«И онъ ходилъ съ своимъ сокровищемъ, обнявъ и поддерживая его обѣими руками, прильнувъ щекой къ его щецѣ, ходилъ и шагивалъ, прислушивался къ дыханью дитяти. А когда оно стало засыпать, онъ сталъ по немногу спускать его на лѣвую руку ниже и ниже, поддерживая правую. И спустилъ его такъ, что дитя легло у него на рукѣ. И все ходилъ еще, но все тише и тише. И съѣлъ. И сказочка все продолжалась, только все тише и тише. Дитя уже крѣпко спало, можно бы его было и на постель отнести; но ему хорошо было съ дитяткомъ своимъ, ему жаль было расстаться съ нимъ, и онъ уиѣралъ себя: «Какъ же отнести его на постель, не равно влрнуть проснется и разбудитъ свою мамочку-кормилицу, а ей нужно спать, чтобы быть здоровою, веселою. Она вѣритъ мнѣ, какъ и я ей вѣрю: она не будетъ беспокоиться, что дитя ея на рукахъ у меня, и будетъ покойно спать, и проснется утромъ какъ свѣтлое утро». Онъ былъ счастливъ, и какъ еще счастливъ. Былъ счастливъ долго, долго, безъ конца».

Въ 1869 г. судьба свела П. П-ча съ однимъ изъ его университетскихъ товарищей, А. А. Макаровымъ, съ которымъ онъ не видался съ самой студенческой скамьи. Въ университетѣ они, кажется, не были особенно близки, но воспоминанія юности были дороги имъ обоимъ и между ними завязалась дружеская задушевная переписка. Понятно ей даютъ письма Макарова, сохранившіеся въ архивѣ П. П-ча. Макаровъ былъ большимъ любителемъ поэзіи и въ письмахъ часто пересылалъ свою рѣчь и цитатами и стихами собственного сочиненія. Повидимому П. П. также нерѣдко отвѣчалъ ему стихами, вспоминалъ обычай юношескихъ дѣтъ. Въ его бумагахъ уцѣлѣлъ одинъ черновикъ маленькаго полу-шутливаго стихотворенія, обозначеннаго 28 апр. 1872 г. Стихотвореніе это интересно тѣмъ, что во всѣхъ его двѣнадцати строкахъ повторяются тѣ же самыя двѣ рифмы.

Ты ли, мой другъ это? Милый мой, ты-ли?
 Да и мастеръ какой! ну, шивать!
 Ну такъ созвучія, знать, и тебя полонили!
 И тебѣ они духъ князятъ!
 Мы ли съ тобой это? Боже мой, мы ли?
 Вѣдь и мнѣ и тебѣ шестьдесятъ.

.....

Къ сожалѣнію судьба писемъ П. П-ча къ Макарову совершенно неизвестна. А они могли бы быть важнымъ матеріаломъ для его характеристики, такъ какъ, судя по отвѣтамъ Макарова, П. П. писалъ ему откровенно о многомъ...

Глубокимъ чувствомъ и поэтическимъ настроеніемъ проникнуты рѣчи, которыя П. П. произносилъ при многихъ торжественныхъ случаяхъ. Отвѣтимъ его рѣчи надъ мо-

гилой Г. Ф. Квитки-Основьяненка, надъ гробомъ гр. Головкина, надъ могилой А. Х. Востокова, на торжествѣ празднованія пятидесятилѣтія Харьковского университета, при открытіи археологическаго съѣзда и особенно замѣчательную рѣчь въ день столѣтія смерти Ломоносова.

Рѣчь въ память Квитки была напечатана много лѣтъ спустя послѣ смерти П. И-ча въ Русской Старинѣ (1893, т. 79, № 8, стр. 388—390). Все же, кажется, не лишне будетъ привести здѣсь отрывокъ изъ нея.

... «Подумаемъ ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истиннѣйшей и науки, правилъ мысли и жизни, — и вспомнимъ, что онъ одинъ изъ первыхъ въ Украинѣ сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовать въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовать и трудомъ, и имуществомъ для заведенія народной библіотеки, самъ брался за перо и писалъ для народа живыми народными языкомъ такъ, что заставлялъ и глубоко чувствовать, и глубоко задумываться самаго простаго селянина, не понимавшаго дотогѣ силы слова.

... «Взойдемъ ли въ одно изъ нашихъ святилищъ закона и правосудія, — и вспомнимъ, что и онъ прежде предѣлалъ тамъ, оживленный любовью къ отечеству, любовью къ людямъ, любовью къ правдѣ, — ни разу не обвинилъ виновнаго, не разъ облегчалъ судьбу виновнаго, или хоть пролилъ надъ нимъ слезу сожалѣнія, — судилъ, возносился душою къ Подателю святыхъ софійъ.

«Не забудемъ ни о сиротахъ, имъ призрѣнныхъ, ни о бѣдныхъ, имъ облагодѣтельными, ни о страдальцахъ, имъ утѣшенныхъ. . . Жизнь его вся была служеніемъ Богу и огнищю.

«Этого ли мало, чтобы помнить покойнаго, чтобы чтить и благословить его память, чтобы преклониться передъ могилкой его, этимъ обнимъ нашимъ достояніемъ, къ которому сходиться будемъ, какъ сходились къ живому за мыслью и утѣшеіемъ. . .».

Этотъ отрывокъ рѣчи, сказанной въ 1843 г. надъ гробомъ Квитки, можно дополнить словами изъ письма И. И-ча И. И. Костомарову, прочитаннаго на торжественномъ обѣдѣ въ день столѣтней годовщины рожденія Квитки, въ ноябрѣ 1878 г.

«Жизнь Квитки Основьяненка, какъ человека и какъ писателя, была однимъ русломъ и тою же чистой волной любви къ человеку, къ родинѣ и къ отечеству, къ просвѣщенію, правдѣ и всякому добру. Если бы изъ среды такихъ общественныхъ дѣателей, какимъ былъ онъ, являлось у насъ болѣе писателей, и если бы изъ среды такихъ писателей являлось у насъ болѣе общественныхъ дѣателей, то всѣмъ бы жилось лучше, покойнѣе и полнѣе¹⁾».

Въ 1855 г. праздновалось пятидесятилѣтіе Харьковскаго университета. И въ Петербургѣ, гдѣ жило много бывшихъ харьковскихъ студентовъ, было по этому случаю торжественное собраніе и обѣдъ, на которомъ И. И. сказалъ одушевленную рѣчь.

«Конечно, мы ни себя, ни другимъ», говоритъ онъ въ этой рѣчи, «не простимъ вераданія къ добру, — но тѣмъ глубже въ сердцѣ нашемъ память добра, та память добра, которая, не гоняся за блудными огнями, за блестящими, за эффектами, защищаетъ отъ забвенія все истинно-честное, благотворное. Правда о дѣлѣ необходима,

¹⁾ Р. Старина 1893 т. 79, № 8, стр. 390—392.

но ея одной мало: она еще не влечетъ къ добру, Богъ вѣсть—истребляетъ ли и зло. А *правдивая память добра*—о, она навѣрно влечетъ только къ добру, живить общую любовь къ нему, возбуждаетъ соревнованіе, развиваетъ силы, вызываетъ на жертвы. Дай Богъ намъ побольше памяти добра. Вспомнимъ ею и мы, что сдѣлано нашимъ университетомъ.

... «Можетъ быть и многія искры священнаго пламени знанія и мысли потухали въ немъ самомъ безъ передачи, и многія были тушими, или гасли въ рукахъ принимающихъ. Но гасли только случайно отдѣльныя искры его, а не пламя. Покоління наставниковъ и питомцевъ одно другому завѣщало беречь его, и оно, святое, горѣло чисто, непомеряемо. Гасли искры, но многія изъ нихъ, казалось, потухшая, изъ подъ пепла выбивали свой огонь, и онъ вновь разгорался.

«Горитъ оно, это святое пламя, въ каждомъ изъ насъ своею теплою, свѣтлою искрой. Не оно ли соединило насъ и теперь въ одну братскую семью?

«Въ сіяніи свѣта нельзя видѣть ничего кромѣ свѣта. Въ свѣтѣ добра—одно добро. И въ нашемъ прошломъ его много, много!»

Богатая по содержанию и сжатая по выраженію мыслей рѣчь надъ гробомъ Востокова проникнута глубокимъ чувствомъ почитанія и любви къ усопшему, которымъ было полно сердце П. И-ча. Вотъ она въ нѣсколькихъ отрывкахъ:

«Давно уже не раскрывалась въ землѣ русской могила для принятія останковъ такого дѣятеля науки, какимъ былъ намъ теперь утраченный Востоковъ. Мы у гроба вожатая науки слова въ славыствѣ, у гроба основателя,

патриарха славянской филологии. Въ начальных трудахъ его тотъ, кто до него сосредоточивалъ въ себѣ всю эту область знаний, незабвенный Добровскій, увидѣлъ зарю новаго свѣта, затмившую то, что прежде казалось ему свѣтомъ. Высшіе представители славянской научной дѣятельности послѣ Добровскаго... признавъ себя учениками Востокова, дорожили каждымъ его словомъ... И могло ли быть иначе, когда онъ, Востоковъ, первый вскрылъ законы древняго строя и состава языка славянъ, первый далъ этой отрасли знаний твердое научное значеніе... Не такъ замѣтна для большинства, но не менѣ важна его другая заслуга, заслуга для тѣхъ, кто хотѣтъ трудиться на нивѣ науки и ищутъ образцовъ для предпринимаемыхъ ими работъ: каждый трудъ Востокова есть такой образецъ...

... Чувство признательности къ великимъ заслугамъ усопшаго само изъ себя вырождаетъ чувство скорби объ утратѣ его, и слеза невольно падаетъ на этотъ прахъ, какъ будто бы съ нимъ должно сойти въ могилу все, что дала намъ сила духа, его оживлявшаго. Многого, конечно, мы лишившись, мы, его товарищи, читавшіе его какъ дѣти отца, какъ ученики наставника, имъ направляемые, имъ поддерживаемые въ нашихъ послѣднихъ трудахъ. Не будетъ для насъ его слова совѣта, добра и правды, какъ не будетъ передъ нами его простодушно-величаваго взгляда мудреца, вызывающаго только истину, отбрасывающаго только добро, мирнаго въ правотѣ своей и праваго въ своемъ миролюбіи. Но въ самой скорби о такой утратѣ есть что-то возвышающее душу, успокаивающее. Востоковъ сдѣлалъ все, чего достигалъ: не осталось у него желаній неисполненнаго, не осталось труда неоконченнаго. И эти

труды его, уже произведшіе сильное вліяніе на науку и на образованіе, только начали приносить плоды. Лучшее будущее для нихъ еще впереди. Они будутъ дѣйствовать, какъ силы не слабѣющія, а возрастающія, будутъ дѣйствовать и сами собою, и тѣмъ, что вызовутъ собою, что выступившіи и за ними послѣдующія поколѣнія поведутъ дѣло, начатое первымъ вождяемъ, дагѣ по указанному имъ пути.

«Счастливы, кто могъ такъ прожить и оставить такое наследство потомству и отечеству».

Невозможно не привести хоть отрывокъ изъ рѣчи въ день столѣтія смерти Ломоносова 4 апр. 1865 г.

... «И вотъ его образъ, его дѣла, его слово и душа оныя передъ нами. Оныя передъ нами, и въ новомъ свѣтѣ. Для насъ онъ не просто гениальный человекъ, ученый, писатель; для насъ онъ гражданинъ, подвижникъ, совѣтникъ народа. Не будетъ онъ восторгать своими одами и рѣчами, не будетъ объяснять истинъ науки своими изслѣдованіями, своей физикой, металлургіей, грамматикой, риторикой, исторіей; а будетъ учить, какъ жить, думать, чувствовать.

«Жизнь его будетъ намъ указывать, какъ намъ жить, чтобъ не напрасно называться русскими.

«Трудъ постоянный, вызываемый мыслью и на нее наводившій, трудъ и для отдыха, и постоянная забота о томъ, что нужно намъ русскимъ: вотъ въ чемъ прошла вся жизнь его. Путеводныя правила такой жизни просты:

«Трудись настойчиво, отчетливо, честно — чтобы послужить отечеству по силамъ.

«Люби отечество, живи для него.

«Люби его, люби науку. Она намъ необходима — строга

въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судьей всѣхъ нашихъ успѣховъ, душой порядка, возглаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всѣми, царемъ и народомъ, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ, отъ небѣдства и безопасности, чванства, своекорыстія, суемудрія и суесловія.

«Люби науку не въ себя одному, а во всѣхъ ей преданныхъ, ведѣ и во всемъ, и тепли любовь эту въ юношахъ».

Сила поэтического творчества прорывалась иногда и въ серьезныхъ трудахъ П. И-ча. Когда предметъ, о которомъ онъ говорилъ, затрагивалъ глубоко его душу, рѣчь его проходила горячимъ чувствомъ и оживлялась поэтическою образностью. Некоторые страницы «Мыслей объ исторіи Русскаго языка», воспоминаній о почившихъ дѣтеляхъ, бесѣды «Объ изученіи родного языка» даютъ примѣры такого одушевленія. Въ первой бесѣдѣ «Объ изученіи родного языка» такъ строки, въ которыхъ выражается мысль о великомъ значеніи матери въ дѣтѣ развитія дитяти:

«При заботливомъ наблюденіи этихъ правилъ цѣль, достигаемая въ первую пору обученія дѣтей родному языку, легко достижима; дай Богъ, чтобы такъ же легко достигались другія цѣли, достигаемыя позже. Легко достижима она, если только дитя идетъ къ ней подъ крыломъ любви материнской, любви ли самой матери или кого другого, заступающаго ея мѣсто, но все-таки любви материнской, той чистой, безкорыстно-заботливой и никогда не слабящей, святой любви, съ которою никакая другая сравниться не можетъ. О еслибы только помнили одинаково всѣ матери, что значить жить на свѣтѣ безъ этой любви и самой матери,

и дитяти, узнавая хоть отъ наимасемыхъ имя или вѣ-
ставницъ, какъ нуждается дитя въ этой любви, какъ вы-
зывается ея и въ нихъ, случайно къ нему призванныхъ, и
какими радостями наполняетъ душу. О еслибы всѣ матери
одинаково понимали, что отъ этой любви зависитъ все
будущее человѣка!».

II.

ВЗГЛЯДЫ НА ПОЭЗІЮ. — ОТНОШЕНІЯ КЪ ПИСАТЕЛЯМЪ.

Съ молодости знакомый со всѣми литературами Европы,
П. П. постоянно поддерживалъ и расширялъ въ себѣ эти
знанія: перечитывать давно известное, любимое, знако-
мился съ новымъ. Чтеніе художественныхъ произведеній
было для него необходимою потребностью. «Не совсѣмъ
доволенъ я днемъ», писалъ онъ одному знакомому, «если
не кончу его какимъ нибудь умнымъ легкимъ чтеніемъ». Часто по вечерамъ онъ читалъ вслухъ въ семейномъ
кругу или слушалъ кого нибудь изъ своихъ дѣтей; всегда
читалъ передъ сномъ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ шуточно:
«Пренесенные Misérables: они виноваты, что и
письмо мое хуже, чѣмъ бы смѣло быть. Голова занята ими,
не только время»¹⁾. Даже въ самые послѣдніе дни своей
жизни, уже совсѣмъ больной и слабый физически, онъ
перечитывать одну изъ своихъ любимыхъ книгъ, «Войну
и Миръ».

Его душевная чистота, строгая нравственность и вы-
сокое почитаніе семейныхъ началъ дали особое направле-

¹⁾ Къ А. Ф. Вельтману, июль 1862 г.

его требованиямъ. Бывало, что онъ относился холодно къ знаменитымъ произведеніямъ литературы, въ которыхъ не находилъ пищи для своей души, и наоборотъ, если находилъ эту пищу, то забывалъ о внѣшнихъ недостаткахъ — видѣть ихъ, но не придавалъ имъ первенствующаго значенія. Замѣчательно одно изъ его писемъ къ Н. А. Чаеву, въ которомъ онъ высказываетъ свои взгляды на поэзію.

Н. А. Чаевъ, ставшій въ то время известнымъ своими романами «Подспудныя силы» и «Богатыри» и нѣсколькими драматическими произведеніями, былъ, какъ писатель и какъ человекъ, очень близокъ И. И-чу по духу. Между ними велась переписка, правда, не очень частая, но душевная и полная взаимнаго довѣрія. Въ одномъ письмѣ И. И. пишетъ Чаеву, что ему хотѣлось бы говорить съ нимъ, «высказаться живымъ словомъ, которое всегда или по крайней мѣрѣ считается такимъ, и потому очень часто пренебрегаемое сердцемъ». . . «Если не съ перваго разу», говоритъ онъ, «то по немногу вы сочтете не совершенно ненужнымъ слушать повѣдь старика не злого, не желающаго сердить». . .

Чаевъ высоко цѣнилъ и читалъ И. И-ча и нѣрѣдко обращался къ нему за совѣтомъ. Посылая ему новое свое произведеніе «Надю», онъ пишетъ: «Снисходительное, теплое вниманіе ваше къ трудамъ моимъ, къ моему личному, замораживающему робкіе побѣги родного творчества время, грѣло, грѣетъ меня и будетъ грѣть: стало быть вамъ, какъ участнику моего дѣла, и обязанъ большае чѣмъ на половину тѣмъ, что не бросаю его и работаю». . . Хотѣлось мнѣ лично представить вамъ мою

погудку . . . Если не удастся, то позвольте мнѣ попросить совѣта вашего письменно. Ваше теплое слово, запавшее глубоко въ сердце мое, дасть мнѣ смѣлость на это и нѣкоторое право».

Въ другихъ письмахъ пишеть онъ: «Такіе читатели какъ вы, соединившіе въ себѣ и просвѣщенный взглядъ и тепло душевное . . . и поощрять къ труду, и заставляють держать ухо востро писателя» . . . «Ваше слово ободряеть меня и живить; иначе работаешь, когда по временамъ слышишь „Помогай Богъ“ такихъ людей, теплыхъ, юныхъ при зрѣлости, какъ вы».

Послѣднія слова служатъ отвѣтомъ именно на то письмо, которое упомянуто выше. Оно настолько ярко выражаетъ Ивана Ивановича, что его нельзя не привести цѣлкомъ:

«За нелѣзю переть этимъ, 6-го апр. я началъ писать къ вамъ письмо, едва только освободившись отъ обязательныхъ занятій; написалъ три страницы — и не кончивъ, пошелъ на почной покой. Утромъ перечелъ — и рѣшился бросить написанное: такъ оно мнѣ не понравилось. Не рѣдко приходится мнѣ это дѣлать съ тѣмъ, что должно идти въ печать, и почти никогда съ письмами; но за то очень рѣдко приходится мнѣ и писать такія письма, какое хотѣлъ написать вамъ. Бросивъ написанное, я сталъ думать, какъ же написать вамъ то, что хочется вамъ высказать. Думаю каждый день, почти за каждою работою — и все-таки не додумался. А между тѣмъ надо исповѣдаться въ постылые дни: надо написать вамъ письмо сегодня или непременно завтра. Вотъ я и ввязался за листокъ. Какъ что напишется, не знаю; одно знаю: еслибы я не уважалъ васъ и не былъ бы глубоко благодаренъ за душевныя наслажденія, мнѣ

вами данный, если бы вместе съ тѣмъ не было увѣренъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ убѣжденных обонмъ намъ общи, то я бы не сталъ вамъ писать о томъ и такъ, о чемъ и какъ рѣшаюсь.

«Отмѣчу прежде всего нѣкоторые изъ убѣжденных, намъ обонмъ — какъ я полагаю — обонмъ.

«— Мы вѣримъ къ жизни добра во всякомъ человѣкѣ: какими бы тяжелыми и толстыми слоями ни покрывало его все недоброе, добро въ душѣ человѣка не пропадетъ, и, можетъ случиться, выбьется изъ подъ гнета, разнесетъ его — силою сочувствія къ добру, для него вышнему, вызывающему.

«— Мы вѣримъ въ необходимость задшевности, чистой и теплой искренности въ отношеніяхъ съ себѣ подобными, хотя съ немногими, если нельзя со многими, въ необходимость дѣлаться мыслно и чувствомъ, радостью и горемъ, и даже не дѣлаться, однимъ довраться, отъ другихъ ждать доврѣнности, быть ея достойнымъ.

«— Мы вѣримъ высокому значенію достоинства въ человѣкѣ, и чѣмъ глѣ видимъ его болѣе освобожденнымъ отъ чего бы то ни было его унижающаго, тѣмъ болѣе невольно почитаемъ человѣка, имъ овладѣвшаго.

«— Мы вѣримъ потребности искать истины посредствомъ правды и правды посредствомъ добытой истины, какъ бы мелочная опытность ни обольщала насъ увѣреніями, что выгодно искать истины и правды посредствомъ лжи и обмана.

«— Мы вѣримъ необходимости художества — или лучше сказать — поэзіи, какое художество ни взяла бы она какъ орудіе, вѣримъ необходимости поэзіи, какъ силы, могущей вызвать къ жизни всякую другую внутреннюю силу; бѣдѣтъ

и жаюкъ человекъ, который никогда не нуждается и не понуждается къ этой силѣ. Очень, очень многие чувствуютъ ее и не умѣютъ назвать, даже не нуждаются въ отвѣченіи названіемъ; многие чувствуютъ и умѣютъ назвать, но не то что чувствуютъ, а что принято называть, чувство само по себѣ, имя само по себѣ; очень немногіе къ счастью знаютъ только имя, какъ слѣпой названіе цвѣта. Изъ этихъ трехъ отдѣловъ людей самые властные и самые прихотливые тѣ многіе, которые къ себѣ чувствуютъ силу поэзіи и независимо отъ этого умѣютъ владѣть именемъ поэзіи, а равно и именами художества, искусства, мастерства и всего подобнаго . . .

«Я бы желалъ принадлежать и кажется принадлежу не къ этому отдѣлу людей, а къ обширному первому, хотя и употреблю и по своему осмысленно слова: поэзія, художество и пр. Желалъ бы, чтобы и вы принадлежали къ этому же отдѣлу . . . И тутъ-то начинается моя исповѣдь. Каюсь, грѣшный, каюсь искренно, чистосердечно, каюсь и — не покаюсь, грѣшнымъ и останусь, ошарашанъ ихъ убѣжденіяхъ, выше высказанныхъ, принимаемыхъ мною за наши общія.

«Для меня никакіе подборы и сочетанія красота, лирич., звуковъ, словъ, образовъ, восклицаній, тѣлодвиженій — не поэзія; никакая завѣдомая ложь, никакая поддѣлка, какъ и никакое отсутствіе живого человеческого смысла — не поэзія; никакое озлобленіе, никакая насмѣшка — не поэзія. Для меня поэзія — сила чистая, святая, очищающая и освѣщающая человека, освѣщающая невидное, освѣтляющая зрѣніе слѣплого, умудряющая немудраго, вызывающая къ жизни омертвившаго, къ надеждѣ безнадежнаго, къ вѣрѣ безвѣрнаго, къ добру его забывшаго, къ достоинству имя

пренебрегаемого — сила задушевной правды, передуманной и перечувствованной, заставляющей чувствовать и думать всю душою. Она может преобразоваться въ вѣру, но не въ безвѣріе, въ покаяніе, но не въ проклинаніе, въ слово, но не въ злослово. Всякое художество можетъ быть ея орудіемъ, но всякое само по себѣ, только потому что можетъ быть ея орудіемъ, не непременно должно быть движимо только ею. Подлинный царь остается царемъ и не въ царской одеждѣ; а царское платье видятъ чаще всего на актерахъ, а не на царяхъ. И что бываетъ съ царскимъ платьемъ актеровъ, то бываетъ и съ художествомъ: это не настоящее царское платье, а поддѣлка, не художество, а мастерство, мастерство подобострастное, прищипанное, мелко угодливое — и вмѣстѣ съ тѣмъ чванное, самоуверенное, властительное, что-то въ родѣ молитки, повинующейся модной картинкѣ и никакому живому самостоятельному вкусу, смѣло защищающей всякое безобразіе, пока оно не смѣнится другимъ безобразіемъ, и не желающей понять красоты; или же иногда что-то въ родѣ паяца, продѣлывающаго разные невозможные фокусы, но не просто фокусника, а калюстра, движущагося и движущаго силою, простому смертному недоступною. Можно быть обманутымъ, конечно, можно принять и мастерство за художество, и художество не за орудіе только поэзіи, а за самую поэзію; но нельзя стараться быть обманутымъ и довольствоваться обманомъ какъ правдою. Мнѣ случалось видѣть молящихся подъ звуки голоса поющихъ молитву: какаѣ молитва, о чемъ она — молящихся не знаетъ, и голоса поющихъ не благообразны; но молящихся молитъ всю душою, самъ себѣ создавая молитву, и паѣваетъ ее про себя голосомъ сердца. Такимъ молящимся можетъ быть всякій человѣкъ, дви-

живил внутреннею силою поэзии, при содѣйствіи всакаго художества — совершенно помимо вліянія художника. Можно вѣдь молиться и передъ образомъ, котораго не видишь, молиться и ничего не вида и не слыша, ничего видимаго не представляя, можно молиться и передъ образомъ видѣнія дюжиннаго богомаза, и тепло молиться — не по силѣ творческаго дѣйствія этого богомаза, а по внутренней только силѣ. Тутъ даже и обмана нѣтъ: тутъ душевная жажда сама по себѣ, а все другое само по себѣ.

«Но если поэтъ почувалъ въ себѣ не только душевную жажду задушевной правды, а еще и дѣятельную силу удовлетворять этой жаднѣ другихъ, не долженъ ли онъ стараться сознательно овладѣть этой силой, именно тою ея долей, какую онъ чувствуетъ въ себѣ про себя болѣе всякой другой, не подчинился никакому внѣшнему давленію, а его подчиняла себѣ? Онъ долженъ подѣлиться съ другими своею милою, дорогою, ничѣмъ не замѣняемою задушевною правдою, много разъ переживавшею и передуманною; но ею только, а ничѣмъ другимъ вмѣсто нея или вмѣстѣ съ нею.

«И вы, Чаевъ, владеете этою силой задушевной правды, вы, какъ сказать, можете управлять посредствомъ нея другими, сами того не замѣчая. Она пробивается тамъ, гдѣ вы не ждали, и вызываетъ сочувствіе въ тѣхъ, о комъ не думали. Назойливо повторю, о чемъ писалъ вамъ когда то: «Подслушныя силы» ваши были читаемы и перечитываемы мною и нами не для наполненія чѣмъ нибудь пустого времени, а для утоленія жажды душевной, и утоляли ее въ цѣлой семьѣ, въ семьѣ не неразборчивой въ этомъ отношеніи, утоляли ее задушевно правдивымъ чутьемъ добра къ человѣкѣ, чутьемъ его собственнаго чутья этого добра,

сочувствием ко всему человеческому. Я душевно благодарен вам за «Подспудная сила», как член семьи и как отец ее, чувствуя, что они в нас вызвали наши подспудная сила. Подспудная сила, Конперфильд, Чадлинг, Дитство и Отрочество, Война и Мирь — и еще очень немногое в том же роде люблю я не как любовник, а как любящий, не влюбленный, а вѣрный привязанности. По дороге «Подспудныхъ силъ» лежить путь вашей силы, могъ я сказать, не зная васъ лично. Еще смѣле могу это повторить теперь, проведши съ вами нѣсколько долгихъ вечеровъ. Вы можете всѣмъ увлечься, такъ что самое дорогое останется на днѣ души; но пока не поднимется на верхъ это дорогое, увлеченіе ваше будетъ скорѣе забыть, чѣмъ сознательное увлеченіе. Во многомъ вы можете быть мастеромъ и художникомъ; но поэтому — именно въ томъ, въ чемъ и въ «Подспудныхъ силахъ».

«И въ этомъ то мы, жаждущіе, всего болѣе нуждаемся. За недостаткомъ чистой воды изъ источника приходится вѣшать — и многимъ — пить всякую грязь, и привыкая къ ней, а не къ ней, такъ къ горькой, доходить до того, что чистая вода для утоленія жажды не годится, а годится развѣ какъ лѣкарство. Это ли не горе?.. Не горе ли, что и поэты Войны и Мира пустился утолить жажду читателей и почтателей грязью и горькой!»

«Ночь заставляетъ окончить исповѣдь. Скверно, но искренно высказалъ я. Жаль будетъ, если вы скажете на это: искренно, но скверно».

Последнія строки этого письма относятся къ «Ангѣ Карениной». Признавая всю глубину и красоту этого произведенія, И. И. не могъ любить его: художественные образы его были ему не по душѣ и не были по его мнѣнію

способны давать чистое наслаждение въ семейномъ кругу. Можно припомнить, что появившіяся въ Русскомъ Вѣстникѣ первая главы «Анны Карениной», И. И. тотчасъ же началъ читать вслухъ своимъ, епіска подѣлится съ ними радостью, которую онъ ждалъ отъ новаго произведенія Толстого; но слѣдующія книжки онъ читалъ уже одинъ.

Замѣчательно, что И. И. говоритъ Чаеву только о его «Подспудныхъ силахъ», между тѣмъ какъ письмо его писано уже послѣ выхода въ свѣтъ «Богатырей». Раньше И. И. высказывалъ Чаеву удовольствіе, которое доставило ему чтеніе «Богатырей», но хвалилъ въ нихъ болѣе внѣшнія достоинства. «Ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія» писалъ онъ ему. «Любуемся и простотою, задушевною разсказа, и вѣрностью подробностей (которыя по крайней мѣрѣ, какъ напр. барскій домъ прошлаго вѣка, мнѣ известны близко), и мѣткою очерченности характеровъ, и художническому умѣнію ихъ сопоставлять какъ звуки въ аккордѣ. Особенно это послѣднее падаетъ мнѣ на душу всего сильнѣе. Когда то эту силу искусства я чувствовалъ только, не понимая, отчего она такъ могущественна. Теперь, появивши ее, я тѣмъ болѣе подпаюсь ей, чѣмъ она болѣе безыскусственна, и не могу не дорожить ею въ писателѣ. И уже не говорю о занимательности вашего разсказа, не зависящей вовсе отъ желанія знать, что будетъ далѣе. Да, вы — мастеръ, и слава Богу. Мастера намъ нужны. О, какъ это нужны! Если бы для всего были у насъ мастера — хотъ бы даже и не такіе, какъ вы въ своемъ дѣлѣ, только съ тою же любовью къ своему дѣлу, какою дышетъ въ васъ!».

Въ другой разъ, тоже въ письмѣ къ Чаеву, И. И. высказываетъ свои взгляды по поводу послѣднихъ произведеній Тургенева и Майкова.

«Не совсемъ пріятно провести я время и съ «Вешними водами». Въ сопоставленіи и обрисовкѣ характеровъ, въ некоторыхъ подробностяхъ содержания, въ легкости и выразительности изложенія и языка Тургеневъ и тутъ мнѣ показался мастеромъ; но когда я кончилъ чтеніе (я впрочемъ дочелъ до выѣзда Полозовыхъ изъ Висбадена — и затѣмъ перебросился къ послѣднимъ страницамъ), мнѣ стало грустно, что и Тургеневъ не можетъ не подчиняться напускнымъ убѣжденіямъ недорослыхъ своевольниковъ и какъ будто любитъ рисоваться недорослемъ, не думая о своемъ долгѣ писателя или не понимая этого святого долга. Какъ затянуть одну пѣсенку съ голосу юныхъ безсмертныхъ брезгуновъ, что у насъ людей пѣть, такъ и танецъ, и танецъ. Удивляюсь, какъ ему самому не наскучить, если ужъ не въ силахъ подумать, что это можетъ наскучить другимъ, и что это пристрастіе его къ одной и той же пѣсенкѣ можетъ быть принято и за неумѣнье пропѣть другую. А между тѣмъ пѣсня другая намъ нужна; ее ждутъ многіе добрые люди, многія добрыя семьи и отъ него, чтобы не лаять себѣ права обходить его, пѣсня не лжи, а правды. . . Пойте ее, пойте, чтобы веселье было на душѣ и вамъ самимъ, и всѣмъ, кто васъ слышитъ.

«Невольно вспомнилась прошедшая суббота. У насъ былъ А. Н. Майковъ и читать свое новое произведеніе «Смерть Люция». Люцій тутъ и тотъ, котораго знаемъ по прежде написанному, и не тотъ, — живѣе, яснѣе, самобытнѣе, — и окруженъ такимъ разнообразнымъ множествомъ лицъ живыхъ, ясныхъ, самостоятельныхъ, что невольно увлекаешься, а въ некоторыхъ мѣстахъ и болѣе чѣмъ увлекаешься. Не говорю уже о языкѣ и стихѣ. Мнѣ кажется, что если бы устранили были некоторые патлуности по-

ложений, то это было бы не только лучшее из произведений Майкова, но и одно из лучших новых произведений нашего поэтического творчества и вообще из произведений новой поэзии христианской, т. е. той, которая вдохновляется и вдохновляет образами христианского круга, еще сакратого иввнн лзычествомъ. Жду съ нетерпнвнемъ случая еще хоть разъ прослушать прежде нежели оно пойдетъ въ печати, и вмстѣ хотѣлось бы, чтобъ Майковъ не спѣшилъ печатать, а еще бы выдѣлалъ то и другое».

Здѣсь идетъ рѣчь о переработкѣ драматической поэмы А. Н. Майкова, которая впоследствии получила названіе «Два мира». Она была напечатана въ томъ же 1872 г., когда писано это письмо, но желаніе П. П. всетаки исполнилось: Майковъ продолжалъ обдумывать свое произведеніе и отдѣлывать его и окончательная обработка его появилась въ свѣтъ только въ 1881 г.

Чтенія, подобныя тому, о которомъ П. П. разсказываетъ Чаеву, бывали въ его домѣ нерѣдко.

Съ А. Н. Майковымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ издавна, почти со времени своего переселенія изъ Харькова въ Петербургъ. Ихъ сблизила общность взглядовъ, одинаковость требованій, одинаково чистая любовь къ поэзіи.

Майковъ нашелъ въ П. П.-чѣ сочувствующаго и вмстѣ съ тѣмъ строгаго дѣнителя, внимательнаго и вдумчиваго совѣтника. Онъ сталъ иногда прочитывать ему свои произведенія, прежде чѣмъ отдавать ихъ въ печать и принималъ во вниманіе его замѣчанія; случалось, что дѣлать и значительныя исправленія по его указаніямъ. Особенно оживленны были эти поэтическія бесѣды въ 1854 г., когда рядъ стихотвореній Майкова печатался въ Извѣстіяхъ,

которыхъ редакторомъ былъ Срезневскій. На этомъ эпизодѣ жизни И. И-ча интересно остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ еще съ новой стороны рисуетъ его отношеніе къ поэзіи.

Въ архивѣ И. И-ча сохранилось нѣсколько относившихся къ тому времени писемъ и корректурныхъ листовъ съ поправками его и Майкова. Писемъ, къ сожалѣнію, немного: Майковъ и Срезневскій жили близко другъ отъ друга и сообщались устными бесѣдами имъ было можетъ быть даже удобнѣе, чѣмъ письменными. Кромѣ того А. Н. очевидно остерегался отнимать много времени у И. И-ча. Въ одномъ письмѣ онъ высказываетъ это прямо: «Совѣстно получать отъ васъ такіа длинная письма... вѣдь украсть у васъ время». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Уваженіе къ вашему времени и трудамъ обуздываетъ мои порывы». Но все же сохранившіяся письма и корректуры даютъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ чертъ къ исторіи духовной жизни и дѣятельности этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ числѣ стихотвореній, которыя должны были быть напечатаны въ Вѣстникѣхъ, былъ «Клермонтскій соборъ». Эта поэма, написанная въ 1853 г., въ началѣ давала только яркую картину собора въ Клермонть, когда одушевленное воззваніе странника подняло все рыцарство и повело его въ крестовый походъ. Въ 1854 г. подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго Крымскою войною, А. Н. присоединилъ къ своей поэмѣ заключеніе, въ которомъ противопоставилъ одушевленію средневѣковаго запада, шедшаго войною противъ невѣрныхъ за христіанство, — то сочувствіе, съ которымъ Европа XIX вѣка помогала туркамъ противъ христіанской Россіи. Въ этомъ видѣ «Клермонтскій соборъ» былъ

напечатанъ въ «Отечественныхъ запискахъ». Приготовилъ нѣсколько патриотическихъ стихотвореній для «Извѣстій», Майковъ присоединилъ къ нимъ и «Клермонтскій соборъ» съ новыми добавленіями и передѣлками въ этой второй закъпочительной части. Въ архивѣ П. И-ча хранится оттискъ изъ «Отеч. Зап.» съ карандашными поправками А. И-ча и переписанныя его же рукой поправки на отдѣльномъ листкѣ. Перечитывая напечатанное въ «Отеч. Зап.», П. И. обратилъ вниманіе на строки, въ которыхъ изображалась Русь современная крестовымъ походамъ:

«Тогда, отставшая отъ братій,
 Россія дѣтскою рукой
 Училась пробовать въ набѣгахъ
 Свой мечъ на дѣтскихъ печенѣгахъ;
 Тогда крещенія вода
 Едва чело ей окропила
 И къ жизни сердце пробудила;
 Едва рубила города
 Она по дебримъ одичалымъ;
 Чужда высокимъ идеаламъ,
 И міру цѣлому чужда,
 Одной съ нимъ жизнью не дышала,
 Одной съ нимъ чаши не пила.
 Теперь чреда ея пришла,
 Ей двигать міръ пора настала
 И въ недоконченный походъ
 За гробъ Христа она идетъ».

П. И. замѣтилъ Майкову, что изображеніе Руси здѣсь не вѣрно, такъ какъ она еще больше западала въ тѣ времена должна была бороться съ врагами, нападавшими на Европу

изъ Азии. Это замѣчаніе вызвало, по всей вѣроятности, продолжительный разговоръ. А. Н. возражалъ, какъ онъ самъ указываетъ въ слѣдующемъ письмѣ; но доводы П. П.-ча убѣдили его и Русь представала передъ нимъ въ новомъ видѣ. Возвратившись домой, онъ пишетъ Срезневскому:

«Почтеннѣйшій и глубокоуважаемый и любимый мною Памалъ Ивановичъ! Вы — причина великаго для меня огорченія! Зачѣмъ меня судьба свела съ вами! Зачѣмъ я не зналъ того прежде, что отъ васъ узналъ! Вѣдь выходитъ, что Клермонтскій соборъ никуда не годится, чѣмъ я болѣе вдумываюсь въ ваши слова! Я до васъ имѣлъ именно то понятіе объ XI вѣкѣ въ Россіи, какъ его очертилъ въ Клерм. соб., и какъ васъ учили въ университетахъ, и какъ его представляла ваша наука, не занявшись еще тщательнымъ разборкомъ памятниковъ. Оттого то и я брыкался какъ упрямая лошадь на ваши замѣчанія. По тому же что вы открыли мнѣ, оказывается, что Россія была тогда гораздо образованнѣе тогдашняго Запада. — Я радуюсь за Россію, но скорблю за себя, ибо пьеса моя должна пасть отъ неврѣности историческихъ основаній. Перестроить же ее невозможно: лопнетъ весь силлогизмъ пьесы. Лучше ее бросить. Для того чтобъ нарисовать новую картину — надобно годъ жизни по крайней мѣрѣ, чтобъ брать черты не наобумъ, а чтобъ онѣ вышли сами собою; тогда только онѣ не будутъ казаться поддѣльными. Лучше ее бросить, — а если ужъ печатать, то только потому, что она имѣла въ свое время вліяніе и значеніе. Но опять повторю — виновать не я, а наши историки, и то еще, что наши ученые трудились еще пока другъ для друга, печатаютъ памятники на непонятномъ языкѣ и ероглядическими буквами. Вообще еще между нихъ мученическаго вѣща достойными подвигами и

нами, публикой, стоять стѣна неборимая. Нашъ братъ посмотреть на эти буквы, да и скажетъ — *Lasciate ogni speranza*. . . А все таки спасибо вамъ — если шеса в упала, я за то выигралъ и впередъ буду умиѣ. Пишу вамъ это письмо во свидѣтельство того, что я отрекъся отъ картины Руси XI столѣтїа, начертанной мною въ Кв. Соборѣ, и что еще не имѣю силъ и образонъ перестроить ее. Когда нибудь заглажу вину передъ Кію, — особенно если судьба накинеть меня на трудъ по этой части: охъ, какъ бы жарко пришлось».

На слѣдующій день на томъ же письмѣ Майковъ приписываетъ:

«Это писано вчера, а сегодня пишу: Ура! ура! Измаилъ Пшавовичъ! честь вамъ и спасибо: передѣлать концы Клерм. собора; только ради Создателя, примните рѣчи Иларіона — я отъ нея не спалъ ночь — нужно.

«Простите, что докучаю собою. Но, ради Бога, говорите со мной всегда о русской исторїи, сообщайте, указывайте всѣ новыя мысли, кои выходить изъ подъ пера нашихъ ученыхъ! Не поскучайте!»

П. Н. тотчасъ же отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Опираюсь на пословицу «долгъ платежемъ красенъ», я рѣшаюсь отвѣчать на ваше письмо, добрыйшій Аполлонъ Николаевичъ, такимъ же письмомъ, но на скоро, чтобы только высказаться и этимъ хоть сколько нибудь оправдать свою рѣшимость въ извѣстномъ разговорѣ съ вами.

«Христіанину не приходится безъ сочувствїа вспоминать о храбрцахъ Запада 1096—1099 годовъ, о тѣхъ храбрцахъ, которые въ силу своей рѣшимости успѣли вырвать Иерусалимъ изъ когтей невѣрныхъ. Но что ихъ вооружило этой великодушной рѣшимостью? Духъ ли христіанской

№. Это писал Вера, а младше пишу.
 Чра! чра! Урмиши Клавовая! амт
 Вам и спашо: перелюван Кашеф
 Килри Сабара, ташно ради
 Савдатеке, приимити рочет
 Шидаріана - а амт не не
 спашо каро - нушо.

Простите ми дехуро
 сабаре но, ради того, вобаре
 со таше Вердео рудини! Шидри,
 амбурини, ~~не што~~ у Кудришине
 амт карош мекет, как васа
 дах ир паш таше мимит
 чремит! не пакурини!

Из писма А. Н. Майкова къ Н. В. Срезневскому.

Василий А. Майков

Подпись А. Н. Майкова въ томъ же письмѣ.

образованности, требованія которой они взяли исполнить,
 или что другое? Отвѣтъ ясенъ изъ послѣдующихъ событій.
 И ста лѣтъ не прошло, какъ Иерусалимъ былъ вновь въ
 рукахъ невѣрныхъ. Спустя сорокъ лѣтъ еще, Фридриху II

опять удалось вернуть потерянное, но только на десять летъ. Походы продолжались; но «Иерусалимъ, Иерусалимъ!» вторилось все глуше и глуше, и наконецъ совѣтъ замолкло. Съ 1239 до 1855-го прошло слишкомъ 600 летъ, довольно времени для того чтобъ исполнить начатое, если только начатое было начато съ тѣмъ чтобъ исполнить. А если не исполнено, слѣдовательно силы не хватало; а если силы Запада, какъ и было въ самомъ дѣлѣ, все возрастали, стало быть духъ, оживлявшій эти силы, былъ не тотъ духъ христіанства, который бы гнушался равнодушіемъ къ власти невѣрныхъ надъ Иерусалимомъ и къ силѣ всякаго беззаконнаго ига, — не духъ христіанской образованности, а какойнибудь другой духъ, менѣе или болѣе своекорыстный. Въ 1453 году тѣ же невѣрные овладѣли и Царьградомъ, овладѣли слишкомъ 10,000,000 христіанъ въ самой Европѣ, — и Европа не подвиглась противъ нихъ, а напротивъ преклонилась передъ ихъ могуществомъ. Нынѣшнія обстоятельства возбудили самые народы Запада и вѣщаютъ ихъ образованнаго класса за турокъ, а христіанскій вопросъ въ тѣни, если даже только онъ есть.

Что же дѣлали во все это время мы Русскіе? На насъ, людяхъ европейскаго Востока, налегъ съ незапамятныхъ временъ Востокъ азіатскій всей своею тяжестью. До водворенія христіанства Русь не была въ силахъ справиться съ нимъ и падала подъ его гнетомъ: авары, болгары, хозары, печенѣги справлялись съ нами какъ хотѣли. Первые лучи христіанства освѣтили переть Русью ея призваніе, и она пошла по своему пути. Болгары смиренны, хозары обезсилены, печенѣги скрылись. Съ XI вѣка мы начали борьбы съ половцами, которыхъ кочевья отрывали насъ отъ Чернаго моря и остального православія, и умѣли

ихъ передѣлывать въ христіанъ. Не развѣйся у насъ удѣльная система, мы бы стерли и ихъ, и татаръ, появившихся въ XIII в. Но и удѣльное разноразіе не затуманило передъ нами нашего долга: на югѣ Галичь, на сѣверѣ Новгородъ, поддерживали постоянно свѣтъ идеи о независимости христіанства. Боренье продолжалось непрерывно, и тѣмъ удачнѣе, чѣмъ болѣе сдѣлались разорванными части Руси въ одно цѣлое: въ XIV вѣкѣ мы уже могли прямо вооружиться противъ нихъ, въ XV объявить гласно свое первенство надъ ними, въ XVI начать ихъ покореніе, ихъ одомашненіе, и овладѣть частью побережья Чернаго моря. А чуть только овладѣли берегомъ, вступили и въ борьбу съ турками: въ XVII вѣкѣ мы уже заставили ихъ себя уважать, въ XVIII смириться передъ нами, въ XIX обезсиляли ихъ чуть не окончательно, — и если бы не «образованный» Западъ, сумѣли бы уже сказать имъ послѣднее слово. Но несказанное сегодня скажется завтра, — и мы въ это вѣримъ, и турки этого ждутъ — вѣроятно, не напрасно. А люди Запада... ожидая того же,

Можетъ быть, они предвидятъ,
 Что изъ Россіи молодой¹⁾
 Еще не виданное выйдетъ
 Гигантовъ племя къ нимъ грозой,

гигантовъ, которые своей общенародной силой заставятъ ихъ содрогнуться, припоминая имъ ихъ прошедшее, столько богатое прекрасными личностями, столь жалкое въ отношеніи къ отъѣту на восточный вопросъ, жалкое, потому что нельзя же безъ жалости представлять себѣ всего, что

¹⁾ «Молодой» поправка И. П.-42; въ текстѣ Майкова стоитъ: «изъ Россіи молодой».

до сих пор было для этого отъѣта потрачено совершенно напрасно — для славы и пользы лишь и для общаго безславя и вреда, потрачено безъ зазора совѣсти чуть не въ продолженіи восьми сотъ лѣтъ.

«Хочу быть пророкомъ: въ 1096 году на западѣ задумали поднять восточный вопросъ; въ 1896-му году онъ рѣшится, но не на западѣ, а на востокѣ, — и не лшанами, а народомъ, и не тѣми, у которыхъ его задумали поднять, а тѣми, которые, не думая поднимать, подняли, и поднявъ, не опускали его ни на мгновение, не мороча себя никакими сомнѣніями».

«Тутъ пока кончу. Впрочемъ я такъ написалъ, что хочу просить жену, чтобы она переписала, иначе вы не разберете ничего».

«Цѣлую васъ братски, не думалъ поднимать никакой перчатки, потому что не принадлежу къ благородному сословію рыцарей Креста. Я просто высказалъ, что думаю теперь, что думать, мнѣ кажется, всегда, что думать и тогда, когда читалъ и перечитывалъ со слезами вашу Клермонтскій соборъ».

Это письмо Н. Н-ча вызвало немедленный горячій откликъ А. Н-ча:

«Неоцѣненнѣйшій мой Измалъ Ивановичъ! Стократно благодарю васъ за вашу настойчивость; благодарю васъ, что вы, не смотря на мои кислые рожи, все таки твердили мнѣ о негодности конца Клерм. собора! Я написалъ его вновь, и изъ вновь написаннаго три строфы принадлежатъ вамъ. О, какъ я счастливъ, что получить отъ васъ ваше письмо. Жаль, что у васъ мало времени, или что мы не въ разныхъ городахъ живемъ, — совѣстно получать отъ васъ такіа длинная письма, — ну, добро бы въ

другомъ городѣ, это въ порядкѣ вещей. А то вѣдь украсть у васъ время! Да еще супругѣ даете переписывать! Цѣлую ей ручки за это. Въ непродолжительномъ времени доставлю мой трудъ, а теперь (полагая, что не застаю васъ дома) пишу письменно поблагодарить васъ. Нѣтъ поэзи безъ науки.

«NB. Не сердитесь ради Бога, что я иногда выражусь рѣзко — у меня всегда минутѣ творчества предшествуетъ депрессія или пелѣля отчаянія — тогда я точно выражаюсь рѣзко, а потомъ уже и забуду, такъ и вы забывайте. Вѣдь на меня немножко полюбили (иначе не стали бы писать), такъ уже не сердитесь, что иногда покапризничаю. Это въ натурѣ вещей (или людей) — посмотрите на женщины: вѣдь капризничаютъ только тѣ, которыхъ любилъ. Въ женщинахъ природа высказывается яснѣе. До свиданья».

При этомъ письмѣ былъ присланъ листокъ, на которомъ рукою А. Н. была вновь написана вся вторая часть «Клермонтскаго собора». Листокъ этотъ съ замѣтками рукою П. П-ча хранится въ его архивѣ. Три строфы, которыя А. Н. признаетъ принадлежащими вѣжливо П. П-ча, отмѣчены въ немъ карандашемъ. Вотъ онѣ:

Тогда въ ряды священной рати
 Не подымались мы войной;
 Отдѣльно, далеко отъ братій,
 Вели мы свой крестовый бой.
 Уже вѣдра Азій бездонной,
 Какъ разгоравшійся вулканъ,
 Къ намъ слани чадъ своихъ миллионы;
 Дулъ съ степи жаркій ураганъ,
 Металась степь какъ океанъ —
 Востокъ чреватъ былъ Чингисханомъ!

И ваша Русь тогда одна
 Сторожевымъ Европы становъ
 Столпа — грозная поганымъ
 П слову Божьему вѣрна! . . .

Но и въ слѣдующихъ строкахъ также нельзя не видѣть
 вліянія И. И-ча:

Не долго рыцарей глубоко
 Такъ трогать кликъ: «Ерусалимъ!»
 Столпъ христіанскаго востока
 Все глуше становился имъ!
 Россія гнила: къ христіанамъ
 Вывала воцлени она, —
 Но какъ Юсефъ агарлнамъ
 Была отъ братьевъ продана!
 Упала съ громомъ Византія!
 Семья славянскихъ царствъ за ней;
 Столпы сложились костяные
 Изъ череповъ богатырей.
 За честь Евангелія Христова
 Сыны Людовика Сятого
 Уже выручать не шли Царьградъ —
 Отъ брата отшатнулся братъ! . . .
 Мы — Крестоносцы отъ начала!
 Сломивъ враговъ, пожавши плодъ
 Наука, днесь Россія встала —
 И въ недоконченный походъ
 За гробъ Христа она идетъ.

Послѣднія строки тутъ же, въ рукописи А. И-ча пере-
 дѣланы рукою И. И-ча слѣдующимъ образомъ:

Сыны Людовика Святого
 Не шли Царьградъ ужъ выручать . . .
 Мы — Крестоносцы отъ начала!
 Сломивъ своихъ враговъ, карать
 Враговъ Христовыхъ Русь возстала
 И въ недоконченный походъ
 За гробъ Христа она идетъ.

Эта поправка была очевидно принята Майковымъ, потому что въ слѣдующемъ письмѣ, присылая поправку къ другому стихотворенію, онъ выписываетъ и эту.

Но черезъ нѣсколько времени, когда стихотвореніе уже было набрано въ типографіи, А. Н. присылаетъ новую передѣлку:

Мы — Крестоносцы отъ начала!
 Въ Орду насъ рвали по клочкамъ,
 Насъ жгли, но . . . легче смерть, чѣмъ срамъ! . . .
 Въ крови страдальцевъ возрастала
 И крѣпла Русь; какъ метель встала,
 И вновь въ неконченный походъ
 За крестъ Христовъ она идетъ.

Здѣсь въ рукописи А. Н-ча тоже есть поправки рукою Н. И-ча: вмѣсто выраженія «въ крови страдальцевъ» — «страдальцевъ кровью», и вмѣсто послѣднихъ двухъ строкъ —

И, вѣрная себѣ, идетъ
 Въ обѣтованный свой походъ.

Эта передѣлка съ измѣненіями Н. И-ча нанесена рукою Майкова на корректурный листъ, который также находится въ архивѣ Н. И-ча. Такъ стихотвореніе и было напечатано

что возмущает не имя Царский,
 а имя братья отеческая братья!...
 Мил Крайносуго, оны партия!
 Мн Орда наш рвали на Клок Каша,
 ... а что сыртъ наш сыртъ!
 Нашъ жини, но ~~мысль~~ ~~всесуд~~ ~~дана~~
~~и на Каша~~ ~~Арава~~ ~~Арава~~ ~~Арава~~
~~Вн Крава~~ ~~Арава~~ ~~Арава~~ ~~Арава~~
 и Кротава Руд; Каша, мило, мило
 и ~~на~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~на~~ ~~на~~
 За Кротава Кротава, ~~мысль~~ ~~мысль~~ ~~мысль~~

Убогубелъ себѣ и дѣла
 Мобилъ вѣстѣхъ болъ тобою

Авторомъ А. Н. Майкова съ поправками Н. Н. Срезневскаго.

въ Пивѣстѣхъ съ нѣсколькими еще небольшими замѣненіями противъ рукописи.

Кромѣ «Клермонтскаго собора» въ Пивѣстѣхъ были напечатаны: Памяти Державина, Отставной солдаты Перфильевъ, Посланіе въ лагерь, Пастухъ, Молитва и стихотвореніе, начинающееся словами «Бывало, узловить нѣтъ жизни мигъ случайный». Это послѣднее должно было быть напечатано впереди другихъ и служить имъ введеніемъ. Вотъ что пишеть по этому поводу А. Н.

«Слѣбу сообщить вамъ, любезнѣйшіи Измаиль Пивновичъ, стихотвореніе, долженствующее служить введеніемъ.

Да кстати, что вы думаете обь Одѣ? Я бы хотѣлъ ее напечатать тутъ же, для полноты. Предложите пожалуйста и отдайте въ типографію, если Академія одобритъ. Ради Христа, ускорите дѣло: вѣдь мнѣ дороже всего то чувство, которое должны поддержать и поощрять эти стихи въ русскихъ людяхъ. Ради этого и вы похлопочите; а вѣдь считаю это дѣяніе службой отечеству».

Присланное стихотвореніе, дѣйствительно, должно было служить вступленіемъ къ остальнымъ, такъ какъ въ немъ выразилось зарожденіе того настроенія, которымъ они все проникнуты. Вотъ оно въ первоначальномъ своемъ видѣ:

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь — блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣнили тайны
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя,
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстями пересыпал
Какъ бы невѣдомымъ внимающъ голосамъ.
Теперь не то. Мой стихъ не служитъ мнѣ забавой.
Я міра мелкаго литературной славы
Стряхаю прахъ отъ ногъ. Я слышу зовъ иной.
Широкій горизонтъ открытъ передо мной.
Увѣренной рукой берусь теперь за лиру
И, обношенная, звучащій гремитъ она.
Намъ новый вѣкъ насталъ: ударила война.
Россия вызвана на созерцанье міру.
На судъ Исторіи, да явить въ свой чередъ
Ту силу, ту красу, ту доблесть нашъ народъ.

Которым мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ,
 Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спар-
 Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю, [танцахъ.
 Что я лжемудрости не скованъ цѣпью узкой:
 Что съ гордостью и всѣмъ сказать могу: я русскій!
 Что пламенемъ однимъ съ Россіей я горю!
 Что слезная объ ней въ душѣ моей забота,
 Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
 Которымъ движима, неслся подъ грозой
 Громады кораблей Нахимовскаго флота!

Интересно прослѣдить по письмамъ и корректурнымъ
 листамъ, какъ постепенно измѣнялась средняя часть этого
 стихотворенія. Первая строфа и послѣдняя остались почти
 безъ перемѣнъ. Въ средней же въ рукописи А. Н-ча слѣдана
 сначала одна поправка рукою И. П-ча: слова «увѣренной
 рукою» переставлены — «рукою увѣренной»; потомъ они
 зачеркнуты и сбоку его же рукою написано: «рукою вѣрною».
 А. Н. прислалъ эту поправку. Вслѣдъ за тѣмъ онъ пере-
 дѣлалъ и слѣдующія пять строкъ.

Рукою вѣрною берусь теперь за перо,
 И, обновленная, приветствуетъ она
 Намъ новыхъ дней зарю. . . Ударилъ война,
 Россія вызвана на созерцанье міру,
 На судъ Исторіи: да самъ въ себѣ пойметъ
 Ту силу, ту красу, ту доблесть нашъ народъ,
 Которымъ онъ чтить умѣетъ въ иностранцахъ. . .

Эту передѣлку А. Н. прислалъ И. П-чу при слѣдую-
 щемъ письмѣ: «Я знаю, что ничего нѣтъ несправедливѣе, какъ
 когда человѣкъ все говоритъ о себѣ и суется съ своимъ
 дѣломъ. Исключается ли изъ этого авторъ, котораго сочи-

неше печатается? Не знаю. Потому, не распространялся на словах, представляю на ваше благоусмотрѣніе мои передѣлки — здѣсь въ выпискѣ и на корректурныхъ листахъ. Надѣюсь, что теперь такъ. Ничего нѣтъ хуже времени печатанія стиховъ: тутъ хоть тресни, а давай поправку сейчасъ, не выжидала благоприятной минуты. Ажно голова разболѣлась. Посмотрите, батюшка Имантъ Ивановичъ — такъ ли? . . .

«Въ Одѣ — какъ вы думаете, шчего, что сказано: въ древней Вѣѣ? Пожалуй для цензуры можно погрѣшить и сказать въ древней Вѣѣ. Норозъ въ прошломъ годѣ затруднялся».

Въ это время стихотвореніе уже было набрано и поправки А. Н-ча были нанесены на корректурный листъ рукою П. П-ча. Черезъ нѣсколько дней А. Н. прислалъ новое измѣненіе:

Россія вызвана на созерцанье міру,
На судъ Исторіи: міръ гордый да пойметъ,
Что крѣпость духа въ насъ и доблесть та жъ живетъ,
Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ,
Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартацахъ.

П. П. нанесъ эту передѣлку на корректуру, но съ своимъ собственнымъ измѣненіемъ:

міръ гордый да пойметъ
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ...

На томъ же корректурномъ листѣ А. Н. передѣлалъ и первую строку этой строфы и она получила совсѣмъ иной характеръ, не похожій на тотъ, съ которымъ появилась въ началѣ изъ подъ пера поэта:

Теперь не служить стихъ мнѣ праздной забавой.
 Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
 На зовъ торжественный отечественной славы.
 Широкий горизонтъ открыть передо мной.
 Рукою вѣрно берусь теперь за лиру,
 И, обновленная, приветствуетъ она
 Намъ новыхъ дней зарю. . . Ударилъ война,
 Россія вызвана на созерцанье міру,
 На судъ Исторіи: да гордый міръ пойметъ,
 Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
 Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ —
 Въ защитникахъ Креста, въ римлянахъ и спартанцахъ!

На томъ же корректурномъ листѣ рукою И. П. сдѣлана поправка и во второй строкѣ послѣдней строфы: вмѣсто словъ

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
 Что я лжемудрости не скованъ пѣнью узкой

Онъ написалъ

Что мы не скованы лжемудростию узкой.

Въ такомъ видѣ стихотвореніе и было напечатано.

Посылалъ И. И-чу оду «Памяти Державина», А. П. пишетъ:

«Вотъ отпискъ Оды—но предупреждаю: она была въ цензурѣ, и цензура вотъ что вычеркнула (карандашемъ отмѣчено). Если ее нельзя напечатать пѣнникомъ, то лучше не печатать. Не забудьте, о многотерпецъ, показать и поправку Клерм. собора Академіи».

Въ присланномъ печатномъ отпискѣ оды карандашемъ слегка зачеркнуты слѣдующія строки:

Не полны воинские лавры
Безъ звона неподкушенныхъ лиръ.

Вѣроятно это и было то, что вычеркнула цензура. Ода была напечатана съ восстановленіемъ вычеркнутыхъ строкъ.

Стихотвореніе, напечатанное подъ названіемъ «Посланіе къ лагерю», въ спискѣ, присланномъ Майковымъ, заглавія не имѣетъ и нѣсколько отличается отъ напечатаннаго. Вотъ оно въ первоначальномъ видѣ:

Межъ тѣмъ какъ вы, друзья, въ рѣдахъ родныхъ
Идете Божіею грозою на враговъ, [полковъ
О какъ хотѣлось бы хотъ знакъ подать вамъ, братья!
Чтобъ видѣли вы къ вамъ простертыя объятя,
Чтобъ знали чувства вы, бушующія въ насъ,
Чтобъ мощь оставшихся всѣхъ въ насъ перелилась.
Мой стихъ есть тоже мечъ — и съ вашими мечами
Ужели не блеснетъ за Русь оныя подъ грозой?
Ужели должны оны молчать передъ врагами?
Я знаю, съ нимъ въ устахъ свѣтлѣй пойдешь ты въ бой,
Съ нимъ вся моя душа съ тобой помчится къ битвѣ!
Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ;
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водителіной звѣздой,
Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
Любовно нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
Все ослзательнѣй и дрче въ тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

На этомъ спискѣ рукою Срезневскаго сдѣлано карандашомъ нѣсколько предположительныхъ поправокъ, которыя слѣдующимъ образомъ измѣняютъ среднюю часть стихотворенія:

Ужели может онъ молчать передъ врагами?
 Я знаю, съ нимъ въ устахъ иду я смѣло въ бои,
 Съ нимъ вся моя душа летитъ отважно къ битвѣ.
 Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ,
 И свѣтитъ мнѣ она водительной звѣздой.
 Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
 Тотъ гордый идеалъ, который, окрыляя
 Любовію нашъ духъ къ годину горькихъ бѣдъ
 Все осязательнѣй и арче (въ) тридцать лѣтъ
 Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

Изъ всѣхъ этихъ поправокъ Майковъ согласился только съ двумя: во первыхъ:

Ужели может онъ молчать передъ врагами?
 при чемъ слѣдующія двѣ строки онъ измѣнилъ такъ:

Къ вамъ шлю его, друзья, въ вашъ лагерь боевой,
 Въ немъ вся моя душа помчится съ вами къ битвѣ.

Во вторыхъ, въ предпоследней строкѣ стихотворенія онъ выпустилъ предлогъ въ.

Кромѣ названныхъ стихотвореній А. Н. предполагалъ напечатать въ Известіяхъ еще три: «Арлекинъ», «Москвѣ въ день столѣтій Московскаго университета» и «Ода вторая на Турецкую войну», въ другомъ спискѣ названная «Обѣтъ Россіи».

Эти стихотворенія не были напечатаны въ Известіяхъ. Предполагалось присоединить ихъ къ напечатаннымъ, когда они вышли отдельнымъ оттискомъ подъ названіемъ «1854-й годъ». Но въ этотъ сборникъ вошли только «Москвѣ» и «Арлекинъ»; «Обѣтъ Россіи» совсѣмъ не была напечатана.

Стихотвореніе «Москвѣ» не сохранилось въ автографѣ Майкова. Есть только печатный оттискъ его, на которомъ

рукою И. И-ча сделано карандашом несколько предположительных изменений. Независимо, были ли эти изменения предложены Майкову; во всяком случае из печатный текст стихотворения они не вошли. Но они характеризуют Срезневского и потому интересно на них обратить внимание. В стихотворении Майкова написано так:

Связавъ минувшее съ грядущимъ,
Забывъ съ предковъ ты сняла
И покольникамъ нынѣ сущимъ
Ты мысль отечества дала.
Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужъ много славы,
И больше будетъ впереди;
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родникъ мой трудъ.
И что дѣла мои — потомки
Благословятъ или проклянутъ. . .

Съ поправками И. И-ча эти стихи должны были быть изменены такъ:

Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ у насъ въ груди,
Что есть за нами много славы,
И больше будетъ впереди,
Что въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родникъ нашъ трудъ,
Что насъ за каждый шагъ потомки
Благословятъ или проклянутъ.

Какъ сказано выше, все эти замѣтки остались только на корректурномъ листкѣ.

Въ архивѣ Н. И-ча есть и еще нѣсколько писемъ Майкова и корректурныхъ поправокъ подобныхъ приведеннымъ; но мы ограничимся здѣсь этими наиболее интересными выписками.

Въ послѣдующіе годы А. И. продолжалъ обращаться къ Н. И-чу за совѣтами и указаніями. «Емшанъ», «Бальдуръ», «Путьчель», «Слово о полку Игоревѣ», «Два мира» и другія произведенія читались имъ не по одному разу у Н. И-ча, прежде чѣмъ стали извѣстны обществу. Сколько помнится, на поэтическое сказаніе о емшанѣ въ Ипатьевской лѣтописи именно Срезневскій обратилъ вниманіе Майкова.

Биографъ Майкова, г. Златковскій, рассказываетъ, что когда А. И. занялся переводомъ «Слова о полку Игоревѣ», онъ повесилъ свой первый набросокъ къ Н. И-чу, чтобы показать его и попросить объясненія темныхъ мѣстъ. Н. И. побудилъ его заняться самостоятельно этимъ памятникомъ и, удивленный имъ, А. И. сталъ изучать не только лѣтописи, историковъ и всю литературу «Слова», но также и древніе памятники другихъ народовъ, съ которыми «Слово» могло быть сравнено или которые могли служить пособіемъ для его пониманія¹⁾. Во все время своей многолѣтней работы онъ часто приходилъ къ Срезневскому за совѣтомъ: во многихъ случаяхъ соглашался съ его указаніями, но иногда имъ приходилось и спорить. Окончивъ свой трудъ, Майковъ представилъ его въ Академію Наукъ для присужденія Уваровской преміи. Разсмотрѣніе его было поручено Академіей Н. И-чу и онъ написалъ объ ней подробный отчетъ, въ которомъ признаетъ за переводомъ А. И-ча

¹⁾ Авдолько Николай Ивановичъ Майковъ. Биографическій очеркъ, составленный ко дню юбилея его . . . М. А. Златковскій. Сиб. 1888, стр. 56.

очень большія достоинства, но указывает также и недостатки его¹⁾.

Для сравненія съ переводомъ Майкова П. И. приводитъ начало «Слова» въ переводахъ Гербеля и Мея и отдаетъ преимущество Майкову. Недостатокъ Майкова онъ видитъ въ томъ, что некоторыя мѣста по его мнѣнію передавы слишкомъ свободно и съ большими прибавками. «Было бы вѣрнѣе и лучше безъ прибавокъ», говоритъ онъ и приводитъ одно изъ такихъ мѣстъ въ другомъ переводѣ, не называя его автора. По всей вѣроятности этотъ переводъ принадлежитъ ему самому:

Выглянулъ Игорь на свѣтлое солнце —
 Видитъ: тьмой войска его прикрыты.
 И сказалъ онъ: «Братья и дружина,
 Лучше быть убиту, чѣмъ въ плѣну остаться.
 Всядемъ, братья, на коней ретивыхъ,
 Чтoby добраться до снлаго Дону».
 Въ умъ его желанье это спало
 И за рвешемъ покуситься къ Дону
 Онъ не видитъ знаменья на небѣ.
 «Преломить кони свое о поле
 Половешкое хочу я съ вами,
 Русичи: лечь головой хочу я,
 Или же испить шеломомъ Дону».

Этотъ коротенькій отрывокъ, сохранившійся только въ отчетѣ, можетъ быть и былъ написанъ именно тогда, подъ влияніемъ работы надъ разборомъ перевода Майкова; по крайней мѣрѣ кромя него въ бумагахъ П. И.-ча нѣтъ стихотворныхъ переводовъ изъ «Слова о полку Игоревѣ». Есть

¹⁾ Отчетъ этотъ не былъ виденъ нами.

только переводъ въ прозу, неполный, недоведенный до конца воззванія Святослава, написанный, судя по почерку, въ концѣ 1840-ыхъ годовъ.

III.

ЛЮБОВЬ КЪ ПРИРОДѢ И КЪ ИСКУССТВАМЪ.

Вспоминая о томъ, какое значеніе въ жизни И. П. Срезневскаго имѣла его любовь къ поэзіи, нельзя забыть, что не только искусство слова, но и всѣ другія искусства, всѣ другія «орудія поэзіи» (по его выраженію) были близки его душѣ. Самъ онъ не вкладѣлъ ими только по случайности. Но, если онъ не могъ выражать свои мысли и чувства черезъ ихъ посредство, онъ тѣмъ не менѣе любилъ и понималъ ихъ и нуждался въ нихъ для полноты своей духовной жизни.

Принимая замѣтку его, приведенную въ началѣ этого очерка. «Не недостатокъ изящнаго въ природѣ произвелъ поэзію и поэтическое творчество, а напротивъ, избытокъ изящнаго, и тотъ инстинктъ челоѣка, который заставляетъ его высказывать всѣ свои внутреннія впечатлѣнія».

Не вѣдѣя лано видѣть и чувствовать красоту въ природѣ. У И. П.-ча была эта способность въ высокой степени. Прекрасное въ природѣ и въ жизни съ юныхъ лѣтъ до старости вызывало въ немъ всегда радостное чувство: оно соединялось съ грустью, когда онъ бывалъ одинъ, когда не могъ дѣлиться имъ со своими близкими. И когда не могъ онъ испытывать наслажденіе вмѣстѣ съ ними, онъ дѣлился имъ письменно. Въ началѣ 1830-ыхъ годовъ онъ пишетъ своей матери изъ Варшавки, съ восхищеніемъ

описывал Дибровские пороги, стеной пожаръ, ураганъ на Дибрѣ и послѣдовавшую за нимъ тишину: . . . «Вы не видали, мамешка, этой картины — вы бы занобовались!» Во время перваго заграничнаго путешествія онъ описываетъ горы, восхищается моремъ, съ восторгомъ говоритъ о впечатлѣніяхъ, которыя производитъ на него природа: «Видъ, которымъ я наслаждался, былъ для меня такъ новъ, такъ поразителенъ, что и быть вѣ себя. . . . до сихъ поръ передъ глазами все онъ»¹). «Окрестность горитъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца, и глаза горятъ радостью, глядя на дивную картину»²). Въ 1860-мъ г., рассказывая о своемъ путешествіи по озерамъ Швеціи, онъ любитъ природой этой страны. И такъ изъ каждаго своего странствія онъ присылаетъ письма, въ которыхъ дѣлится своими впечатлѣніями.

Во время одной изъ послѣднихъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ, въ 1871 г., онъ описываетъ замѣчательное по красотѣ мѣстечко Таормину въ Сициліи, гдѣ онъ остановился, чтобы осмотрѣть развалины древняго греко-римскаго театра, устроеннаго на уступѣ горы. Интересно привести отрывки изъ его писемъ отсюда:

«Прекрасны сами развалины — тѣмъ болѣе, что по нимъ можно составить себѣ довольно левое представленіе о древнемъ театрѣ; еще прекраснѣе ихъ положеніе, всѣ мѣстности, ихъ окружающая. . . Театръ стоитъ на скалѣ, на которую подыматься можно только съ одной стороны, южной; съ сѣвера она опускается круто, съ двухъ другихъ сторонъ скалы подымаются значительно выше того мѣста, гдѣ построены были театр. . . . Вся вмѣстѣ эта гора мысомъ

¹ Путевыя письма И. И. Срезневскаго, стр. 99.

² Тамъ-же, стр. 133.

выступать въ море — такъ, что стол на южной сторонѣ, видишь Этну съ побережьемъ, то равнинамъ, то выступающимъ въ море пологими мысами до Катанья; а стол на сѣверной сторонѣ, видишь побережье къ Мессинѣ и горы Калабрія. Поднявшись выше театра и смотря на югъ, видишь обширное высокое море. Сегодня было оно особенно хорошо. Дулъ сирокко; море изволнованное блистало сквозь туманъ и дождь серебрястыми вершинами волнъ, и вдали слышалось съ воздухомъ. Кое гдѣ не далеко отъ берега видѣлись лодочки, какъ маленькія черныя пятнышки. Вотъ одна изъ нихъ подняла свой парусъ, захватила имъ часть вѣтра, и будто поплыла скорѣе, но всетаки очень тихо — какъ маленькая мушка». . . «Мы встали сегодня въ 5¹/₂ ч., — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, — и одѣвшись, поспѣшили на гору театра, чтобы видѣть восхождение солнца надъ моремъ. Мы успѣли придти какъ разъ во время: едва только сѣли на одномъ изъ остатковъ верхней галлерей, откуда можно было хорошо видѣть и море, и Этну, какъ верхушка Этны со своимъ дымкомъ покрылась легкимъ розоватымъ блескомъ: оглянувшись на море, и вотъ изъ за моря, на лѣво отъ береговъ Калабрія показался золотисто-оранжеватый край солнца, и затѣмъ почти мгновенно всплыть и весь шаръ, — будто зажгется. Мало по малу Этна стала краснѣть, свѣтлѣть. . . Какъ была она хороша въ это время, не покрытая ни облачкомъ, ни туманомъ. Мы не видали еще ее такъ ясно, такъ полно». . . «Стояло ююдати выше изъ за вида», пишетъ онъ про восхождение на Замковую гору надъ Таорминой. «Этны будто итъ, — такъ окутали ее облака. Другія горы стоятъ или ровень, или ниже, гораало ниже. Деревни, городки, домики, сады, дороги, берегъ моря съ бухтами и мысами — подъ нами,

а само море, туманно-голубое, хоть и ниже насъ, но такъ широко, огромно. Горы Калабрии чуть видны, какъ легкія облака, но и за ними съ боку видно море. Мы стоимъ у провала стѣны или у ея кончика, видя ближе всего подъ собою дикую кручу, боимся другъ за друга, но не за себя, потому что стоимъ безопасно, и не хочется сойти съ мѣста. Переходимъ на другое мѣсто, не менѣе покойное и безопасное, видимъ еще что нибудь новое, и опять хочется стоять и смотреть». . . «Послѣ обѣда опять мы были въ театрѣ и на скалѣ ближе къ морю, и остались тамъ до фонарей. Глядя на прекрасныя развалины и Этну сквозь нихъ, на берега моря, глядя на открытое море, которое отъ Калабрии до Катаньи нельзя обозрѣть разомъ, не поворачивая головы, на заходящее правѣ отъ Этны солнце, и когда оно зашло, опять на море, покрывшееся разноцвѣтными красками отъ темнаго до яркаго светло-розоваго». . . «Видъ съ нашего балкона впрочемъ не много хуже: не видно горы Кастель и другихъ окружныхъ, мало видна Этна, но зато видно горное сѣдло, на которомъ стоитъ театр». . . «Я хоть и пишу, а всетаки оборачиваю голову къ двери балкона и засматриваюсь на море, сегодня голубое съ бѣловатыми иѣжными полосками, тихое, чудесное». . . «И грустно расставаться съ этимъ восхитительнымъ мѣстомъ — грустиѣ, чѣмъ когда-то было грустно расставаться съ Швейцей, когда я былъ тамъ въ первый разъ, одинокъ. . . Милыя дѣти, . . . учитесь рисовать все, что попадется подъ глаза, съ природы, наблюдая правильность размѣровъ. Мы испытали много разъ грусть о томъ, что не можемъ срисовать того, что видимъ. Память не можетъ удерживать подробностей безъ общаго, ни общаго безъ какихъ подробностей: ей очень поможетъ очеркъ вида,

сдѣланный карандашемъ, — а сдѣлавши такой очеркъ или, лучше сказать, надѣлавши такихъ очерковъ, растеаешься съ мѣстомъ безъ той грусти, съ какою мы теперь смотримъ на здѣшніе виды. Еще если бы мы были здѣсь всѣ вмѣстѣ, если бы могли всѣ другъ другу и глаза и въ воспоминаіи подсказывать, что стоитъ припомнить! А то мы здѣсь двое, а вы всѣ далеко, и будетъ ли еще кто изъ васъ здѣсь, — отъ мысли объ этомъ становится еще грустнѣе. . .

И. И. выражаетъ въ этомъ письмѣ свое горе о томъ, что не умѣетъ рисовать. Но онъ несправедливъ къ себѣ въ этомъ случаѣ. Можетъ быть, въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ и отвыкъ отъ этого умѣнья, но въ молодости онъ рисовалъ много и хорошо. Въ его бумагахъ есть замѣчательно тонкіе рисунки перомъ и карандашемъ, исполненные имъ въ 1826 — 1827 гг. Позже онъ всегда рисовалъ все, что интересовало его и что ему хотѣлось сохранить на память; изъ Варваровки (въ 1832 г.) онъ пишетъ матери, что каждый день ходитъ рисовать виды окружающей мѣстности, и обѣщается привезти съ собою толстый портфель рисунковъ. Во время путешествія по славянскимъ землямъ въ 1839 — 1842 гг. онъ зарисовывалъ и виды, и типы, и народы, и утварь; въ его архивѣ сохранилось множество этихъ набросковъ — карандашемъ, ирѣдка акварелью. Кромѣ того и въ его письмахъ къ матери попадаются часто рисунки перомъ; ему хотѣлось даже передавать ей свои впечатлѣнія, ближе знакомить ее съ тѣмъ, что онъ видѣлъ. Сохранилось нѣсколько рисунковъ его работы и отъ болѣе позднего времени; въ томъ числѣ портреты его матери, нарисованный имъ съ нея, уже умершей.

Открытая къ чувству прекраснаго въ природѣ, душа И. И-ча была открыта и перелъ той красотой, которая

рождается въ мысли, чувствіи и воображеніи человѣка. Еще въ разсказѣ его «Rhapsodia sonatina», о которомъ упомянуто выше, выразилось его пониманіе и чутье въ области изобразительныхъ искусствъ. Тогда уже было видно въ немъ то направленіе мысли, которое впоследствии опредѣлилось ясно. Для него произведеніе великаго художества можетъ быть только тогда проявленіемъ поэзіи, когда оно возвышаетъ мысль и облагораживаетъ чувство, когда оно исполнено чистоты, достоинства и простоты.

Во время своего путешествія 1839 — 1842 гг. И. И. ознакомился съ многими произведеніями искусства.

Интересно описаніе перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него Сикстинской Мадонной. Онъ пишетъ своей матери изъ Дрездена въ октябрѣ 1840 г.:

«Утромъ и вчера и сегодня ходить въ картинную галлерей. Что за галлерей! Слишкомъ 2000 картинъ, и какія есть! — Прежде всего о препрославленной Рафаэлевой Мадоннѣ. Рафаели такъ хвалятъ и Рафаель такъ мало удовлетворяетъ моему ожиданію, что я прежде всего пошелъ отыскивать эту Мадонну, чтобы или увѣриться, что для живописи должна еще наступить эпоха, или пасть передъ доселѣ непопавшимъ мною гениемъ Рафаеля. Отыскать было не трудно: около нея всегда много зрителей. . . Дѣва на правой рукѣ Спасителя, она шаритъ на облакахъ; св. Варвара на лѣво у ногъ ея опустила глаза въ землю, папа Сикстъ на право молится — оба тонуть въ облакахъ: въ самомъ низу, облокотившись на доску, два ангельчика смотрятъ на пубанку; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Дѣвы и Спасителя; въ небѣ, вверху, какъ сквозь туманъ видны тысячи ангельскихъ головокъ. Я сѣлъ, и съ полчаса смотрѣлъ, не сводя глазъ. . . Если для Богоматери довольно

одной чистой невинности, то Рафаэль достиг своей цели: лучше выразить и отгнать невинность невозможно. Чем больше глядишь, тем больше понимаешь святости невинности, тем больше проникаешься чувством, что никакая красота не может быть сравнена с невинностью. . . . Но . . . и тут и вѣрно показался бы смѣшнымъ для многихъ живописцевъ. Между картинами Венеціанской школы я замѣтилъ одну — Петра Ротари — Ночь бѣгства св. семейства: Божія Матерь держитъ на лѣвой рукѣ Спасителя, а правую приподняла немного, и мысленно несется къ Богу, ему поручаетъ судьбу свою и Младенца. Сади смотреть Юсифъ на Младенца; въ одномъ углу оселъ пить воду, въ другомъ какой-то дѣвъ женщины, наверху ангелы въ разныхъ положеніяхъ. Ночь: все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Младенца. Обстановка и слова; но сколько величій въ выраженіи лица Божіей Матери: та же невинность, и тутъ-же святое чувство преданности Богу и надежды на Его помощь. Божія Матерь Ротари мнѣ нравилась больше нежели Рафаелева, больше меня одушевляла. Всѣ другія Мадонны мнѣ не нравятся, ни даже Мадонна моего стараго пріятеля Франческа Франчинъ. Въ слѣдующемъ письмѣ Н. П. дополняетъ свое описаніе Сикстинской Мадонны: «Лице Св. Дѣвы — красота и невинность, темъ больше поразительная, что ее не видишь ни на одномъ изъ другихъ лицъ: лице Младенца выражаетъ какую то буйность, разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; св. Барбара немножко кокетка; папа лице портретное: ангельчики — жирныя дѣти. — Теперь спрашиваю васъ: понравилась-ли бы вамъ такая Мадонна? И спрашиваю себя: ужель я не могу восхищаться только потому, что другие восхищались, и что самъ я не могу написать ни такъ, ни въ тысячу разъ хуже? Я не говорю о такъ называемой

правильности, о которой судить может только тотъ, кто изучилъ анатомію и перспективу: но мысль . . . она всякому преступна. Мысли — я не вижу въ этой картинѣ. Папа молится, но Святая Дѣва не обращаетъ на него никакого вниманія, а Младенецъ занятъ совершенно другимъ; ангельчики смотрятъ на публику, а св. Варвара на нихъ: что-же тутъ цѣлаго? Если бы я былъ Рафаелемъ и долженъ былъ писать картину въ такихъ предѣлахъ, я бы сдѣлалъ такъ: вмѣсто ангельчиковъ поставилъ бы людей молившихся, лице Варвары выражало бы «молитесь», а ликъ Святой Дѣвы долженъ былъ бы выражать не только невинность, но и упованіе на Бога и на Того, кого матерью быть избрана Богомъ. . . Впрочемъ невинность Святой Дѣвы — такая невинность, какая можетъ быть только у Святой Дѣвы и какую написать могъ одинъ Рафаель. Еще два слова: мнѣ кажется, — или я гдѣ-то читалъ, — что картина эта не до чиста отдѣлана, и думается, что если бы Рафаель совершенно докончилъ ее, то на лицѣ Святой Дѣвы увидѣли бы не только невинность, но и вѣру. Невинность и вѣра — это все, что можетъ небесно утѣшать, возносить къ небу земное. — Въ той же комнатѣ есть три Малонны Корреджіо и нѣсколько другихъ: гляди на нихъ, понимаешь величіе Рафаеля, отворачиваешься отъ нихъ. Только въ Свѣтой Ночи Корреджіо поражаетъ мысль: вся картина освѣщена свѣтомъ, исходящимъ отъ родившагося Младенца, и одни папи передъ нимъ, другіе же не могутъ сносить своими преступными глазами чистоты божественнаго свѣта. За то сама Богоматерь — обыкновенная женщина»¹⁾.

Любимыми картинками И. И-ча изъ произведеній старин-

¹⁾ Путевыя письма П. И. Срезневскаго, стр. 167.

ных мастеровъ были Мадонна della sedia Рафаэля во Флорентинской галлерей Питти и Вознесение Божией Матери Мурильо въ Эрмитажѣ (иначе называющаеся Зачатіемъ). По поводу Мадонны Рафаэля любопытно вспомнить одну эпизодъ. И. П. въ первый разъ увидѣлъ эту картину въ 1860-мъ г. и былъ до глубины души тронутъ выраженіемъ лица Божіей Матери. Когда онъ во второй разъ прѣіхалъ во Флоренцію въ 1871-мъ г., впечатлѣніе было сначала совсѣмъ иное. Это его изумило и сильно огорчило; онъ готовъ былъ приписать причину этого себѣ самому, тому, что онъ съ годами сталъ суше, что пронаведенія художества дѣйствуютъ на него меньше. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ своей женѣ:

«Боже мой. . . какъ я очерствѣлъ! Мы пошли прямо къ Мадоннѣ Рафаэля. Я готовъ былъ бѣжать, чтобы скорѣе ее увидѣть. И что же! Точно все вышло изъ этого изображенія, которое когда-то дало душѣ моей столько наслажденія и закрѣпило его, казалось, въ ней навсегда. Я вглядывался, искалъ того, что находилъ прежде, и готовъ былъ плакать, но не такъ, какъ прежде—отъ благоговѣйной радости, а скорѣе отъ горя по утратѣ. Мы воротились нѣсколько разъ къ этому образу, нельзя было не найти, что онъ лучше всѣхъ, но не того мнѣ бы надо было. Мнѣ не надо было видѣть ни припухлыхъ губъ, ни измѣнившей, какъ будто поддѣланной нежности кожи. . . Надобно будетъ воротиться опять къ ней. Авось либо я найду оныи то, чего не могъ найти сегодня. Ужасъ и во всемъ, во всемъ слабость глазъ моихъ не допустить находить меня того, что прежде я видѣлъ. . . Не дай, Боже».

На слѣдующій день И. П. опять пишетъ:

«. . . И опять я всматривался въ Мадонну Рафаэля, три

раза ворочался къ ней, и наконецъ какъ будто всмотрѣлся. Мнѣ подобно было то, что свѣтитъ изъ за глаза, а припухлыя губы гнули мои глаза къ себѣ. Точь въ точь какъ и въ дѣйствительной жизни, когда всматриваешься въ людей: въ душѣ ихъ нашлось бы многое, можетъ быть, что бы должно было заставить насъ видѣть въ нихъ доброе, да мѣшаютъ какія нибудь странности или ничего не значащее недосытки или излишества. Какъ быть я радъ, что нашеть въ Мадоннѣ хоть часть утраченного. Значить, я еще не совершенно изсохъ. За тѣмъ я уже ни на что не хотѣлъ смотрѣть, какъ будто боялся потерять найденное сокровище».

И на другой день онъ снова нашеть:

«Мы сегодня опять были въ Uffici и у Пигги, и опять три раза подходили къ сидящей Мадоннѣ, и опять на мгновеніе ворочалось ко мнѣ то чувство, которымъ я когда то въ дѣйствительности жилъ такъ полно и потому и въ воспоминаніи. Мы приведемъ, Богъ дастъ, фотографію этого чуднаго образа».

Въ Мурилневскомъ «Зачатіи Божьей Матери», которое такъ любилъ П. П., удивительно слезась дѣвственная чистота Святой Дѣвы съ восторженнымъ возношеніемъ ея мысли къ Богу. Это какъ бы воплощеніе ея словъ: «Величить душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ, Спасѣ моемъ». Въ ней П. П., вѣроятно, хоть отчасти находилъ то, что ему такъ хотѣлось видѣть въ Сикстинской Мадоннѣ — соединеніе невинности и вѣры.

Въ 1875 г. П. П. посѣтилъ въ Брюсселѣ музей бельгійскаго живописца Вирца (1806 — 1865 гг.), и былъ пораженъ и самобытностью его мысли, и смѣлостью выбора предмета, и удивительнымъ разнообразіемъ харак-

тера его работы. Онъ пишетъ въ письмѣ домой, что Виртъ «заставляетъ страшиться, плакать, хохотать, и приковыпаться глазами къ тому, что онъ написалъ, или смѣяться, какъ надъ острымъ словомъ». . . «Что до величины картинъ, то есть нѣсколько длиною около $4\frac{1}{2}$ сажней. . . ; одна при ширинѣ въ 4 саж. поднимается въ верхъ почти до 6 сажней. . . Эти величины не мѣшали художнику дѣлать свои лица очень выразительными, а лица прекрасными, только конечно не для глаза, стоящаго у самаго полотна. Некоторые изъ картинъ естественнаго размѣра, напротивъ того, поражаютъ нѣжностью накладки красокъ: глядя на нихъ вблизи, видишь не краски, а тѣло, ткань, кожу и т. д.»

Изъ произведеній русскаго искусства И. И. особенно цѣнилъ картину Иванова «Явленіе Христа народу», хоть и не все находилъ въ ней безукоризненнымъ. Къ числу его любимыхъ произведеній принадлежали также картины Бруни «Моленіе о чашѣ», Флавицкаго «Христіанскіе мученики въ Колнаѣ», Чистякова «Собыя Витовтовна» и нѣкоторыя другія.

Скульптура, какъ кажется, не производила на И. И. ча впечатлѣнія настолько же сильнаго, какъ живопись, и въ его письмахъ рѣдко встрѣчаются описанія произведеній ваянія. Но онъ цѣнилъ многія изъ нихъ и не пропускалъ случая видѣть какъ то, что что сохранилось отъ древности, такъ и то, что создавалось вновь. Онъ признавалъ значеніе этого искусства и какъ воспитатель: знакомилъ своихъ дѣтей съ лучшими произведеніями скульптуры, всегда стремясь къ тому, чтобъ имъ было открытъ и этотъ путь къ познаванію духовной красоты.

Любя искусства, И. И. дорожилъ и сношеніями съ художниками. Въ бытность свою въ Римѣ въ 1871 г. онъ пишетъ:

«Совѣстно было оставаться въ Римѣ, не увидя никого изъ художниковъ русскихъ, въ немъ работающих; и вотъ я пошелъ сегодня ихъ отыскивать. Очень близко отъ насъ есть одна кофейня, Cafe greco, въ которой бывають художники. Я пошелъ къ нее, и у хозяина узналъ адресъ того изъ русскихъ художниковъ, который, какъ онъ сказалъ, всего ближе здѣсь... Это Мих. Боткинъ. Я поѣхалъ къ нему на берегъ Тибра и нашелъ его въ его студии, т. е. въ комнатѣ, гдѣ онъ работаетъ. Это довольно большая, высокая, сѣрая и вмѣстѣ свѣтлая комната, обставленная старинной мебелью, разными старинными вещами, бюстами, торедами, мольбертами, и между всѣмъ этимъ за картиной нашелъ красиваго молодого человѣка, одного изъ братьевъ Боткиныхъ, занимающагося живописью и вмѣстѣ археологіей. Я провелъ съ нимъ нѣсколько времени очень пріятно. Пришелъ и другой русскій художникъ, Постниковъ, работающій въ своей студии въ томъ же домѣ. Послѣ полудня мы пошли вмѣстѣ съ ними завтракать русскія щи (supra gussa) и тутъ нашли еще нѣсколько русскихъ художниковъ, а потомъ въ Кафе Греко, гдѣ нашли еще двухъ. Все это бравые ребята, скромные, но самостоятельныя и умныя, а Боткинъ, сколько я могъ замѣтить, и очень образованъ».

Въ числѣ художниковъ, съ которыми познакомился И. П. въ Римѣ, былъ и скульпторъ Чижовъ. И. П. замѣчаетъ объ немъ, что «будетъ онъ славный ваятель».

Въ 1875-мъ г. И. П. посѣтилъ въ Парижѣ мастерскую В. Д. Подинова, котораго любилъ не только какъ художника. Съ его отцомъ и матерью онъ былъ близокъ издавна, семьи ихъ были дружны между собою, дѣтей ихъ сближали и общія игры и поездки, совместныя особаго рода занятія, «литературныя вечера», руководителемъ которыхъ былъ

И. П. Сердечно радовался И. П. постепенному развитию юности Подгюнова, радовался, что он, несмотря на то, что рѣшилъ посвятить всѣ свои силы и время любимому искусству, все-таки нашелъ возможность обогатить себя и обширнѣе университетскимъ образованіемъ. Горячо приветствовалъ онъ его картину-программу «Воскрешеніе дочери Іаира», за которую В. Д. получилъ большую золотую медаль и право на заграничную поѣздку. По благородству концепціи и красотѣ исполненія И. П. считалъ эту картину лучшею изъ всѣхъ конкурировавшихъ съ нею, также получившихъ золотыя медали. Не суждено было И. П.-чу дожить до полнаго развитія художественной силы Подгюнова: онъ зналъ только его «Герцогиню Кольбихъ» и «Право сивьора»; послѣднюю видѣлъ въ его мастерской въ Парижѣ. Тамъ же въ Парижѣ В. Д. показывалъ ему эскизъ картины «Будущій сынъ», которую онъ тогда задумалъ: какъ кажется, картина эта не была исполнена. Можно себѣ представить, какую радость доставили бы И. П.-чу «Грѣшница» и шкелъ «Изъ жизни Христа».

Изъ художниковъ И. П. былъ особенно близокъ съ П. П. Чистяковымъ, впоследствии профессоромъ Академіи Художествъ, знаменитымъ учителемъ Подгюнова, Рѣпина Стрѣла, Врубеля и многихъ другихъ. Знакомство ихъ началось, когда И. П. былъ еще молодымъ человѣкомъ. И. П. очень цѣнилъ его какъ художника, любилъ его картины, уважалъ его свѣтлый умъ, его самостоятельныя и безпристрастныя сужденія, выражавшіяся ярко, оригинально и мѣтко. И до своей заграничной поѣздки, и по возвращеніи изъ нея П. П. давалъ уроки рисованія въ семьѣ Срезневскихъ, и И. П. почти каждый разъ приходилъ на урокъ, чтобы воспользоваться случаемъ побесѣдовать съ П. П.-мъ

объ искусствѣ и дать возможность своей учащейся молодежи ознакомиться съ его взглядами и проникать въ его мысли. Случалось даже, что онъ иногда нарочно какъ бы не соглашался съ нимъ, чтобъ вызвать его на болѣе сильныя доказательства своихъ мнѣнй.

Изъ всѣхъ искусствъ И. И. особенно любилъ музыку. Онъ всегда жалѣлъ, что въ дѣтствѣ не подчинился желанію матери и не сталъ учиться играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Но Елена Ивановна и безъ того сумѣла развить въ немъ музыкальное чутье и вкусъ. Не овладѣвъ музыкой, какъ техникой, онъ вдумался въ нее и понять въ ней языкъ поэзіи. Самъ не умѣя играть, онъ любилъ слушать игру другихъ и слушалъ такъ, что играющему было удовольствіемъ и радостью играть для него; его замѣчанія, его сужденія давали исполнителю новыя, болѣе ясныя мысли, возбуждали въ немъ болѣе живыя чувства, вызывали болѣе яркое ихъ выраженіе.

Врожденная музыкальность его проявлялась между прочимъ особымъ образомъ. Въ молодости, какъ рассказывалъ онъ, у него бывало ибъ что въ родѣ галлюцинацій слуха; въ минуты покоя, передъ сномъ, или просто во время отдыха, онъ иногда слышалъ музыку, болѣею частью оркестровую. Этой музыкой онъ могъ управлять по своему желанію: стоило ему захотѣть — и измѣнялся ея характеръ, инструменты замѣнялись одни другими, звуки выражали то, что онъ желалъ выразить. Эти минуты доставляли ему высокое наслажденіе. Онъ говорилъ, что никогда не слышалъ музыки, болѣе прекрасной.

Въ исполненій музыкальныхъ произведеній И. И. цѣнить не столько виртуозность, сколько выразительность. И музыка, проникнутая выраженіемъ, способна была

производить на него чрезвычайно сильное действие: она могла трогать его до слез, могла успокаивать въ немъ волнение и тревогу, могла смягчать удрученное состояние духа.

Съ юности И. И. вслушивался въ народные пѣсни во время своихъ поѣздокъ по Украинѣ; не удовлетворяясь записываньемъ ихъ текста, онъ изучался записывать и пѣть и составилъ у себя ихъ собраніе. Это видно изъ одного письма его изъ Петербурга къ матери, въ которомъ онъ рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ кн. В. О. Оловескимъ, известнымъ писателемъ и музыкантомъ. Оловескій излагаетъ, «что я не запаса свѣдѣніями музыкальными», пишетъ онъ, «что этого рода свѣдѣнія не вошли у насъ въ обычай; просить сообщить ему мое собраніе малороссійскихъ голосовъ, проиграть и исправить ошибки переписки»¹⁾.

Украинскія народныя пѣсни, особенно думы, произвели на И. И-ча въ молодости сильное впечатлѣніе: много лѣтъ спустя, оно живо вспомнилось ему и воскресло въ немъ, когда, уже почти старикомъ, ему пришлось снова услышать бандуриста. Это было въ 1874 г. въ Кіевѣ, во время археологическаго съѣзда. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ домой:

«Вечеромъ надо было быть въ засѣданіи, чтобы слушать бандуриста. И въ самомъ дѣлѣ было что послушать. Старикъ лѣтъ 70-ти подъ бандуру пѣлъ разныя думы — о бурѣ на Черномъ морѣ, о плѣнномъ казацкѣ, о трехъ братьяхъ въ плѣну турецкомъ, о смерти казака на битвѣ и др. Слишкомъ за сорокъ лѣтъ я слышалъ и запи-

¹⁾ Путевыя письма И. И. Срезневскаго, стр. 28.

сывала эти думы отъ подобныхъ бандуристовъ. Слушая ихъ вновь, я припоминала иногда выраженія и стихи, запечатлѣвшіеся къ памяти, — и точно жилъ жизнью давно прожитою. Не поразила меня какъ другихъ, между прочимъ и О. Э. Миллера, выразительность выпѣванья некоторыхъ словъ и ихъ концовъ: она была мнѣ знакома; но слушать равнодушно я не могъ: и готовъ былъ плакать, какъ плакалъ когда-то, записывая эти думы съ голоса. Не жаль мнѣ было, что это прошедшее мое минуло такъ давно, а было даже приятно, что я и до сихъ поръ не очерствѣлъ къ тому, что было дорого мнѣ, юношѣ. Жаль мнѣ было только, что нѣтъ здѣсь васъ, мои милые, что не слышитъ ни бандуры, ни голоса старика, поющаго думу, Боря: я увѣренъ, что впечатлѣніе это не прошло бы безслѣдно».

Во время своего путешествія по Славянскимъ землямъ къ 1839 — 1842 гг. И. И. нѣрѣдко записывалъ народные напѣвы, какъ это было уже упомянуто выше. Вездѣ, гдѣ было можно, онъ посѣщалъ концерты и оперу. Онъ говорить объ этомъ въ письмахъ къ матери; между прочимъ рассказываетъ содержаніе «Сотворенія мира» Гайдна, которое ему удалось слышать въ Вѣнѣ:

«Впечатлѣній передать вамъ не могу: скажу только, что я плакалъ, не могъ удержаться, сколько ни старался. — А вотъ содержаніе ораторіи: — Вступленіе громовито: только иногда громы смолкають, и нѣжный, стройный, тихій, но могущественный голосъ отъ скрипки къ скрипкѣ, отъ виолончели къ флейтѣ, и — опять громъ и трескъ. Далѣе архангелъ Рафаэль (Штаудигль — басъ) поетъ: «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, и земля была безъ образа и пуста, и тьма лежала надъ глубиною». Хоръ ангеловъ: «И духъ Божій носился надъ водами, и Богъ молвилъ: Будь

свѣтъ, и сталъ свѣтъ». Архангелъ Уриилъ (Иосъ — теноръ): «И Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы», — и далѣ поетъ пѣсню о первомъ днѣ и паденіи демоновъ. Хоръ: «Съ отчлннемъ, яростью, ужасомъ пали они — и новый свѣтъ возсталъ по Божью слову». Архангелъ Рафаилъ: о сотвореніи тверди и пѣсно о воздушныхъ льзенияхъ. Архангелъ Гавриилъ (Гассель-Бартъ — дискантъ) — пѣсно хвалы Творцу. Хоръ повторяетъ. Рафаилъ: объ отдѣленіи суши отъ воды и пѣсно о морѣ и рожденіи скалъ, потоковъ, рѣкъ. Гавриилъ: «Да будетъ зелень, деревья, плоды» — и пѣсня. Уриилъ съ хоромъ поетъ хвалу Богу, и потомъ: о звездахъ, солнцѣ и мѣсяцѣ. Далѣ трио (три архангела): «День дню и ночь ночи повѣдаютъ славу Его, — и слово Его идетъ по свѣту, звучное для великаго слуха, и ничему слуху не чуждое». Хоръ повторяетъ. Финаль оканчивается первое отдѣленіе. Вотъ мѣста, гдѣ я не могъ удержаться отъ слезъ: «И сталъ свѣтъ», «Кольшетелъ море», «И мѣсяць восходитъ» (это неподражаемо: начинаютъ итакіе инструменты — контрабасы, барабаны, но едва слышно, потомъ пристають пиолончели, далѣ альти, а между [тѣмъ] контрабасы и барабаны уже едва слышны, далѣ скрипки — и все тихо, и медленно, и все скорѣе, все громче); послѣдній хоръ и конецъ трио «ничему голосу не чуждое, ничему!.. ничему? — ничему!» 2-ое отдѣленіе. Гавриилъ: «И Богъ молвилъ: да будутъ живыя творенія и птицы», и пѣсно: «На можемъ крылѣ парить гордо орелъ, и мчится къ солнцу; жаворопокъ веселой пѣсно встрѣчаетъ утро, и о любви воркуетъ (ditt) пара голубковъ, а по рошамъ раздаются соловьи — еще не тосковали они». Я опять въ слезы; а мѣсто о парѣ голубковъ было выше слезъ. Рафаилъ: о создании рыбъ. Трио. Рафаилъ: «И Богъ рекъ: да будутъ звѣри», и потомъ пѣсно. Уриилъ:

«И Богъ создалъ человѣка по образу своему, и далъ ему душу». Общая пѣсня о человѣкѣ—простая, но достойная человѣка. Трио. Хоръ. Аллилуя. Въ третьемъ отдѣленіи остается одинъ Уриэль, и являютъ Адамъ и Ева (Штаудигль и Гассель-Бартъ). Они поютъ пѣсню хвалы Богу, и еще одинъ дуэтъ (превосходный) о своей любви. Хоръ. Финаль. — Музыка исполнила свое дѣло чудесно; пѣвчіе было мало чѣмъ хуже нашихъ (дишканты плохи—это были ученики). Штаудигль пѣлъ съ чувствомъ, но это не протодляконскій басъ. Гассель-Бартъ была превосходна: ея партія чрезвычайно трудна и разнообразна, но слушатель не могъ замѣтить ни въ ея голосѣ, ни въ движеніяхъ, гдѣ ей трудно. О согласіи пѣлаго я не говорю. — Давно я не наслаждался такъ, — и никогда не жалѣлъ болѣе, что васъ нѣтъ: мы бы забрались въ уголокъ ложи и вдоволь бы заплакались. Въ одиночку меньше чувствуешь¹⁾.

Въ Берлинѣ въ 1839 г. И. И. слышалъ Дрейшока, «родомъ чеха, и считающагося теперь членомъ триумvirата, гдѣ два другіе члена — Гальбергъ и Листъ». «И этого Листа, Юлія Цезаря въ этомъ триумvirатѣ», пишетъ онъ, «я слышалъ въ то же утро... Такъ мягко, дьяволъ, играетъ, что когда уже слухъ отказывается слушать, все еще есть что слышать; такое *molle*, такое *piano*, такое *sotto voce*, и тутъ же такіе пассажи и лѣвой и правой, такое выраженіе, что мнѣ — даже стало завидно, даже перестало быть завидно. Хлопали ему такъ, что ушамъ больно было. За то онъ сыгралъ еще двѣ пьесы на прибавокъ, и сыгралъ лучше, нежели то, что сыгралъ по обѣщанію... Ну Листъ!»²⁾.

1) Путевая записка, стр. 266.

2) Путевая записка, стр. 70.

В одном из следующих писем Н. И. пишет, что Листа его «не восхищала, а только изумляла»¹⁾.

В Праге П. И. познакомился с знаменитым чешским композитором Томашком. Он пишет об нем:

«Глубоко ученый теоретик, превосходно знает историю музыки, большой пурист; но играет без большого чувства, хоть и фантазирует чудо-мастерски. В буважнике случилась у меня одна слезаская пьеска. Он взглянул на нее, сѣлъ, взял нѣсколько дожных аккордовъ, сыгралъ два раза тему, потомъ опять нѣсколько аккордовъ, — и затянулъ маршь, дагѣ польскій, дагѣ мазурику, дагѣ казачка, дагѣ чешскій рейдовакъ, между ними нѣсколько вариаций простыхъ, — я думалъ конца не будетъ... онъ раскраснѣлся, какъ ракъ... Выбившись изъ силъ, онъ перешелъ опять въ польскій, въ которомъ нельзя было не слышать, какъ толпа расходится въ разные стороны, тамъ болтаютъ, тутъ смѣются, уходить все дагѣ, пѣся слышна все менѣе, — и фантазія кончилась ауканьемъ. Черезъ четверть часа онъ принялся за другую. Видно, что подъ его рукою клавиши, что буквы подъ перомъ. Онъ уже старъ за 60, но здоровъ, толстъ, жиренъ, какъ быкъ, и достомъ не менѣе быка. Веселый человекъ; очень милъ, когда слышитъ себя похвалы; бравитъ Листа за галиматью, гордится Дрейшомъ, какъ ученикомъ, живетъ прекрасно»²⁾.

Вослѣдствіи, занятый всегда своими учеными работами, П. И. не часто посѣщаетъ концерты; но все же онъ постоянно со вниманіемъ слѣдитъ и за успѣхами родной музыки и за всѣмъ, что появлялось интереснаго въ этой области

¹⁾ Путевые письма, стр. 143.

²⁾ Путевые письма, стр. 183.

въ чужихъ краяхъ. Между прочимъ онъ повезъ своихъ дѣтей на тотъ концертъ, гдѣ въ первый разъ выступилъ съ своимъ музыкальнымъ произведеніемъ — 1-й симфоніей — юноша Римскій Корсаковъ, только что окончившій Морскую корпусъ. Вагнеромъ И. И. очень интересовался, хотя и не все въ немъ ему нравилось и не всё его нововведенія были ему по душе. Когда Вагнеръ прѣѣзжалъ въ Петербургъ, онъ не упустилъ возможности быть на его концертѣ. Тогда между прочимъ былъ исполненъ «Полетъ Валкирій», поразившій И. И.-ча своею силой и яркостью.

Глинка былъ, конечно, однимъ изъ его любимцевъ. Онъ слушалъ съ удовольствіемъ не только его оперы, но и рѣдко тогда исполнявшіяся увертюры—Арагонскую хоту и Ночи въ Мадридѣ. Отправляясь въ заграничныя поѣздки въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ, онъ бралъ съ собою эти увертюры и также музыку къ Князю Холмскому, чтобы при случаѣ знакомить съ этими произведеніями своихъ пріятелей-иностранцевъ. Его любимымъ исполнителемъ вокальной музыки былъ знаменитый басы О. А. Петровъ.

Въ числѣ современныхъ музыкантовъ, которыхъ онъ цѣнилъ, надобно упомянуть В. И. Глазача. Глазачъ, прѣѣзжавшій въ Россію еще юношей, былъ принятъ въ семьѣ Срезневскихъ съ радушіемъ и лаской, какъ и многіе изъ славянъ, прѣѣзжавшихъ сюда. И. И. всегда старался всѣмъ имъ помочь. Первые уроки, которые получилъ Глазачъ, были доставлены ему И. И.-чемъ, въ его семьѣ.

Въ семейномъ кругу И. И.-ча всегда бывало много музыки. Кромѣ матери его, рано, впрочемъ, переставшей играть по слабости здоровья, въ семьѣ его былъ музыкантъ, братъ его жены, А. Ѳ. Тюрищъ, превосходный пианистъ и композиторъ, любитель и собиратель народныхъ пѣсенъ.

Жена А. Ф.-ча, урожденная Грюнбергеръ, была также известная пѣвица, дававшая концерты съ восьмилѣтняго возраста; ея сестра, И. .Г. Грюнбергеръ (впоследствии по мужу Ласковъ), прекрасная пѣвица, известная во всемъ музыкальномъ мѣрѣ Петербурга, пѣвавшая съ Глинкой, Даргомыжскимъ, по въ аккомпаниментъ Рубинштейна, нередко доставляла Стрезневскимъ удовольствіе своимъ пѣніемъ.

И. И. старался развивать любовь къ музыкѣ и въ своихъ дѣтяхъ. По его желанію всѣ они учились играть: тѣ, которыя были способнѣе, занимались серьезно. Самъ онъ приучилъ ихъ съ малолѣтства пѣть вмѣстѣ и часто подбиралъ для этого къ любимымъ стихотвореніямъ подходящую музыку — всегда или изъ народныхъ пѣсень, или изъ произведеній лучшихъ композиторовъ. Такъ, стихотвореніе Дельвига «Сегодня я съ вами ширую, друзья!» пѣлось подъ одну изъ мелодій Бетховена. Когда дѣти подросли, онъ приохотилъ ихъ устраивать совмѣстную игру на разныхъ инструментахъ и для него было большою радостью, когда они это полюбили и стали самостоятельно приписывать пѣснь для исполненія вмѣстѣ. Въ выборѣ пѣснь онъ самъ принималъ участіе. Съ сердечной отрадой слѣдилъ онъ за музыкальными успѣхами двухъ изъ своихъ дѣтей — сына и младшей дочери. Въ то время уже не была въ живыхъ его мать, любившая музыку, какъ и онъ. Для нея, какъ и для него, были бы радостью успѣхи его дѣтей, и ему доставало ея, когда онъ ихъ слушалъ. Случалось, что у него вырывались слова: «Еслибъ маменька могла это слышать!».

Въ 1870-хъ годахъ большое удовольствіе доставлялъ И. И.-чу своимъ пѣніемъ Т. И. Филипповъ, любитель, собиратель и замѣчательный исполнитель народной музыки.

Никто не умѣлъ такъ пѣть народныя пѣсни, какъ Т. И., никто не умѣлъ передавать ихъ характеръ съ такою тонкостью и красотой. Видя, какъ всѣмъ у И. И-ча нравятся пѣсни, Т. И. набралъ изъ слушающей его тамъ молодежи хоръ, который могъ бы сопровождать его пѣніе, обучить его и сталъ устраивать настоящіе хороводы. Главной его помощницей, исполнявшей и партію соло, была его молоденькая дочь Н. Т., наследовавшая отъ отца способность передавать народный характеръ пѣсни. Не разъ Т. И. привозилъ съ собою къ И. И-чу П. О. Горбунова, также большого мастера пѣть русскія пѣсни, и тогда они въ сопровожденіи хора, всѣ въ народныхъ костюмахъ, импровизировали цѣлыя представленія.

О томъ, какое впечатлѣніе производило на И. И-ча драматическое искусство, даютъ понятіе два его письма 1839 г. изъ Петербурга—объ игрѣ Асенковой и знаменитой танцовщицы Тальони, которая поражала выразительностью, драматизмомъ своей мимики, своихъ позъ и движеній. «Я не воображалъ», пишетъ онъ, «чтобы баяетъ могъ имѣть на меня какое-нибудь сильное вліяніе, кромѣ развѣ самаго непріятнаго, не воображалъ, потому что не могъ себѣ представить, чтобы мнѣ могла поправиться искусственность, почти совершенно отрѣшенная отъ естественности, — и . . . Запавѣсь поднимается, великолѣпная музыка отдаетъ звуки за звуками, душа сотрясается, — передо мною комиата нѣмецкаго рыцаря, съ очагомъ, въ которомъ чуть тлѣетъ огонь. Оруженосецъ у дверей, рыцарь спитъ ближе на креслѣ. У ногъ рыцаря, на колымажѣ, оперши руку о ручку кресла и головку о руку, и устремивши глаза на рыцаря, стоитъ что-то недвижно-прекрасное. Музыка развертывается, сгущается, волнуется, — недвижимо-прекрасное

остается без движения, как мраморная статуя, чувствуешь жизнь только в глазах, все всматривающихся в рыцаря. Идешь, наслаждаешься, теряешь понятие о времени. И вдруг Сильфида вспархивает как тень и начинает облаком витая около спящего рыцаря, вьется, обходит, отходить, приходит, облетает раз, другой, третий, становится на колени перед рыцарем, взлетает сзади и, сложивши ручки, опустивши головку, снова недвижимо всматривается в рыцаря, недвижимо стоя в воздухе, опять летит, опять прилетает, целует рыцаря в лоб, летит прочь. . . «Эта первая сцена, наслаждалась которою и любилась вместе с Сильфидой, и грустивши о Сильфиде за рыцаря, так очаровала меня, что я готов был себя проклинать, как могъ я не постигать возможности выразить в балете все, что можетъ быть изящнаго и высокаго въ чувствѣ. Впрочемъ слѣдующія сцены гораздо хуже; кромѣ послѣдней, гдѣ Сильфида, уже лишенная неживности, умираетъ какъ человекъ»¹⁾.

Впечатлѣніе, произведенное игрою Тальони въ описанной сценѣ, было такъ сильно, что П. П. вспоминалъ о немъ больше, чѣмъ тридцать лѣтъ спустя и, говоря о значеніи и могуществѣ мимики въ драматическомъ искусствѣ, приводилъ Тальони, какъ образецъ. Надо сказать впрочемъ, что любителемъ балета онъ не сдѣлался.

Въ другомъ письмѣ П. П. рассказываетъ объ игрѣ знаменитой въ то время актрисы Асенковой, которая тронула его особенно потому, что выражала чувство, болѣе другихъ близкое его душѣ: «. . . Нѣкоторые изъ актеровъ, если не всегда, то во многихъ сценахъ, исполняли роли свои

¹⁾ Путевыя письма, стр. 31.

прекрасно. Каратыгина 1-й въ роли Велисарія былъ почти всегда превосходенъ; Каратыгина, въ роли жены, также; Брянскій — Юстиніанъ — также; Елену, дочь Велисарія, играла Асенкова, милочка собою и актриса съ высокимъ дарованіемъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ дочернему чувству, — и какая милочка! . . . Не подумайте, маменька, что я къ нее влюбился; но, право, она такъ мила — переодѣтая въ мальчика, такъ любить отца, такъ понимаетъ его, такъ угадываетъ всякое чувство его, всякое желаніе, что, взглянувши на нее, не хочешь вспомнить о Тальони, а все бы на нее смотрѣть. Вся душа моя наслаждалась чувствомъ низшаго и высокаго, небснаго. Не женщину видѣлъ я въ ней, а дочь, которой и въ раѣ не будетъ лучшей. Я плакалъ, я забывалъ и присутствіе толпы людей вокругъ меня, и содержаніе драмы, и игру Каратыгиной, Брянскаго и другихъ, и самого себя наконецъ, — все глядѣлъ на отца и на дочь, на дочь и на отца. Миѣ наконецъ совѣстно стало, что я сижу въ креслѣ между 500 подобныхъ и подъ 5-ю лрусамъ ложь, будто у себя въ одиночку, и я закрыть глаза лорнетомъ; стало совѣстно, не надолго однако; скорѣе совѣститься долженъ тотъ, которому не понятно чувство, возбуждаемое этою драмою, кто можетъ смотрѣть на Асенкову, какъ на красавицу, забывалъ, что она дочь Велисарія. Не могу пересказать всѣхъ сценъ, меня поражавшихъ, но вотъ иѣкоторыя: Велисарія выводятъ за городъ, снимаютъ цѣли съ него, говорятъ, что есть юноша, готовый быть его возжаемъ; поодаль стоятъ мальчикъ, сердце его сильно бьется, онъ жметъ его руками, и то молится, то глядитъ на старца-свѣнца, а слезы градомъ по лицу. Велисарій начинаетъ спрашивать юношу (онъ могъ не узнавать голоса, потому что долго былъ въ походахъ

и только вчера возвратился съ них); юности не хотѣлось бы раскрыть свою тайну, но чувство побѣждаетъ . . . Елена падаетъ къ ногамъ отца, цѣлуетъ полу его тоги, его саадаию, изъ глубины сердца восклицаетъ: родитель! — Публика захопала — я зарыдалъ»¹⁾).

И. И. всегда, до конца жизни, высоко цѣнилъ драматическое искусство, но именно искусство, а не вообще театр. Поэтому онъ не часто посѣщалъ театральныя представленія. Только когда появлялись такіе замѣчательные художники, какъ Рашель, Ристори, Олриджъ, Росси, — онъ непременно по многу разъ слушалъ ихъ. И въ этомъ искусствѣ, какъ во всѣхъ другихъ, онъ цѣнилъ простоту и естественность выраженія несравненно выше, чѣмъ искусственную придуманность: признавалъ Рашель замѣчательною артисткой, но любилъ Ристори больше. Росси доставлялъ ему огромное наслажденіе и игрой своей, и выборомъ пьесъ, большею частью Шекспировскихъ, въ которыхъ было надъ чѣмъ подумать, во что углубиться душой, было гдѣ развернуться и таланту и чувству художника. Къ представленіямъ Росси онъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми «готовилъ», перечитывая драмы Шекспира, запоминая всѣ частности ихъ, чтобы лучше судить о томъ, какъ что будетъ исполнено.

Развивая въ своихъ дѣтахъ любовь къ поэзіи и пониманіе ея, И. И. нерѣдко устраивалъ въ своемъ семейномъ кругу совмѣстное чтеніе драматическихъ произведеній по ролямъ, причемъ и самъ всегда бралъ на себя какую нибудь роль. Иногда вмѣсто чтенія устраивалось и спичическое исполненіе, или изображеніе отдѣльных сценъ въ живыхъ

¹⁾ Путешья въскза, стр. 35.

картинахъ. Въ этомъ принималъ участіе и А. И. Майковъ съ своею семьей. Считками, репетиціями и приготовленіями большою частью руководили сами И. И. и А. И. Они внушали молодымъ исполнителямъ необходимость вдумываться въ характеръ изображаемаго лица и на пониманіи его основывать свою игру. Это требованіе относилось и къ живымъ картинамъ, также какъ къ драматическимъ представленіямъ. Они обращали вниманіе не только на правильность, естественность и выразительность чтенія и игры, но и на мельчайшія подробности: на кѣрность костюмовъ и обстановки, на соответствие грима; случалось, что для представленія А. И. самъ гримировалъ исполнителей. Игравсь такія пьесы, какъ «Каменный гость», сцены изъ «Бориса Годунова», «Гѣсъ» Островскаго, «Донъ Карлосъ» Шиллера, «Les femmes savantes» Мольера.

И. И. обладалъ въ высокой степени тѣмъ талантомъ, который такъ необходимъ для драматическаго художества — онъ превосходно читалъ, съ разнообразіемъ оттѣнковъ голоса и выразительности, съ простотою и естественностію, съ живымъ одушевленіемъ и съ глубокимъ чувствомъ. Этимъ дарованіемъ своимъ онъ больше всего дѣлился дома, въ своемъ семейномъ кругу, читалъ вмѣстѣ и перечитывалъ любимыхъ писателей.

Глубокое впечатлѣніе производила въ его чтеніи, между прочимъ, сцена изъ «Короля Лира», когда Лиръ приходитъ въ себя въ палатѣ Корделии и узнаетъ свою дочь; также стражныя изъ «Войны и мира» — первое свиданіе Наташи съ раненымъ княземъ Андреемъ. . . А когда онъ читалъ отрывокъ изъ Полтавы «Тиха украинская ночь» и особенно строки:

И вспомнил онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей —

казалось, что изъ всего, созданнаго поэтами, не можетъ быть ничего лучше.

Въ заключение этого очерка хотѣлось бы привести два стихотворенія, относящихся къ самому Паману Пшавовичу.

Въ числѣ его знакомыхъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни былъ С. А. Николаевскій, который удивительно хорошо говорилъ стихи — именно говорилъ, а не читалъ, такъ какъ всегда говорилъ на память. Красота его передачи заключалась не только въ тонкой выразительности, но и въ какой то особенной какъ бы — музыкѣ чтенія, всегда подходившей къ роду стихотворенія и ярче выражавшей его характеръ и настроеніе. И. И. любилъ его чтеніе, всегда просилъ его прочесть что нибудь и перѣдко, слушая его, бывалъ тронутъ до слезъ. Особенно трогалъ его «Царкосельскій лебедь» Жуковского. Николаевскій не былъ самъ поэтомъ-писателемъ, но у него была способность къ экспромтамъ, которые часто выходили очень удачными. Въ разговорѣ съ нимъ И. И. какъ то высказалъ, вѣроятно, что ему самому стихи не удавались, особенно не давалась рима. Въ отвѣтъ на это Николаевскій сказалъ экспромтъ, который послѣ записалъ:

Сказали вы, вамъ рима не дается, —
Пожьрите мнѣ, что рима даръ напрасный:
И безъ нел вся ваша жизнь сплается
Въ строй гимна полный, звучный и прекрасный,
Съ гармоніей души всегда согласный,

И свѣтомъ счастья ярко облилась.

Какъ блескомъ солнца лѣтній вечеръ ясный.

Другой экспромтъ сказанъ былъ Николаевскимъ Измаилу Ивановичу въ день его именинъ 17 июня 1873 г. И. И. рассказывалъ собравшимся у него друзьямъ о томъ, что отецъ его непремѣнно хотѣлъ назвать его Измаиломъ, несмотря на то, что родные были противъ этого необычнаго имени. Иванъ Евсѣевича привлекало значеніе имени Измаилъ — «устроить Богъ». Въ отвѣтъ на этотъ рассказъ Николаевскій сказалъ:

Въ пору великаго дѣизидатаго года,
 Когда Россія звать себя дала врагамъ,
 Родился гражданинъ средь русскаго народа
 Отчизнѣ въ честь и на отраду намъ.
 И, торжествуя праздникъ Измаила,
 Мы за него не вѣдаемъ тревогъ,
 И вѣримъ, что его не оскудѣетъ долго сила
 И что во всемъ его устроитъ Богъ.

О. Срезневская.

ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІИ

ОБЪ

И. И. СРЕЗНЕВСКОМЪ.

Люби отечество, люби науку. Она намъ необходима — строгая въ изслѣдованіяхъ, откровенная передъ цѣльми свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку... Люби науку не въ себя одного, а во всѣхъ ей преданныхъ, вслѣдъ и во всемъ, и теплая любовь ему въ концыхъ.

(Речь И. И. Срезневскаго за два года до смерти Леванова 7 апр. 1865 г.)

Цѣль 43-й годъ съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ студенты-филологи Петербургскаго университета, выпуска 1870 года, прощались съ своимъ профессоромъ и деканомъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ. На жизненномъ пути у насъ были послѣ свои большія радости: надобно думать, каждому судьба подарила свои лучезарныя дни, — но этотъ свѣтлый праздникъ въ домѣ профессора и академика И. И. Срезневскаго, длившійся съ вечера и до полного разсвѣта, остался въ нашемъ воспоминаніи однимъ изъ несравненныхъ по яркости мгновеній, котораго не заткнули Флеромъ никакія впечатлѣнія послѣдующихъ лѣтъ.

Это было въ началѣ 20-хъ чиселъ мая и происходило въ верхнемъ этажѣ дома на 14-й линіи Васильевскаго Острова. Насъ, товаришей по курсу, было шестнадцать человѣкъ, да студента четыре другихъ, филологовъ и юристовъ.

Въ эту ночь мы праздновали окончаніе своего школьнаго періода, продолжавшагося, самое малое, у кого 11, у кого 16 и болѣе лѣтъ, періода, далеко не для всѣхъ полнаго лишь однихъ свѣтлыхъ воспоминаній. Добрая половина изъ насъ были прежними семинаристами, а духовная школа, низшая и средняя, продолжалась тогда, по меньшей мѣрѣ, 12 лѣтъ, — и строй жизни, при обшей нашей матеріальной бѣдности, царилъ тамъ, въ 50-хъ годахъ, такой суровый, что рассказы о тѣхъ порядкахъ нынѣшнимъ поколѣніямъ показались бы и легендарными и непонятными.

Эта ночь открывала намъ завѣсу предъ завтрашней свободой, которая молодому воображенію каждаго изъ насъ сулила, разумѣется, только одні радости, только успѣхи въ свѣтлой перспективѣ будущаго. . . . Какъ же намъ было не веселиться на этомъ праздникѣ, устроенномъ нашимъ деканомъ и его милой семьей, радушнымъ гостеприимствомъ которыхъ мы имѣли особенное счастье пользоваться въ теченіе всего университетскаго курса! Вместе съ нами оканчивали университетъ два старшіе сына этой семьи, Владимиръ и Вячеславъ Измайловичи, — и мы, ихъ товарищи, съ перваго же года студенчества получили приглашеніе бывать на еженедѣльныхъ субботнихъ собраніяхъ Ивана Ивановича. Слѣхавшіеся въ Петербургѣ изъ бѣдныхъ захолустій отдаленныхъ провинцій, мы здѣсь впервые увидѣли изящныя формы жизни, о которыхъ и слабой тѣни представленія, до тѣхъ поръ, имѣть мы не могли.

Къ радости, охватившей насъ всѣхъ въ этотъ вечеръ, пригнѣшивалось и сознаніе предстоящей за порогомъ этого дома товарищеской разлуки, — а это еще болѣе усиливало желаніе «провести эту ночь веселій!»

Въ исключительно музыкальной и художественной

семь Срезневскихъ эта ночь пролетѣла въ музыкѣ, пѣніи, отгадываніи шарадъ и танцахъ для тѣхъ, кому это хореографическое искусство было доступно. Много было тутъ оживленныхъ и задорныхъ рѣчей о будущемъ, о планахъ, которые каждый изъ насъ успѣлъ для себя составить на ближайшіе годы. Личный составъ нашего курса наши профессора считали, но тѣмъ временамъ, и значительнымъ по числу (!!), и достаточно приготовленнымъ для научной дѣятельности. Шестеро изъ насъ мечтали о магистерствѣ и профессорскомъ поприщѣ. Иныхъ напередъ мы знали директорами гимназій, въ ту пору не зная другихъ, высшихъ служебныхъ для педагога мѣстъ; нѣкоторые изъ насъ собирались быть писателями-педагогами. Обо всемъ этомъ разсуждалось здѣсь откровенно и смѣло.

Но вотъ среди этихъ рѣчей совершенно неожиданно раздался густой, бархатистый, отлично вышкolenный баритонъ, выразительно выволившій:

«Во Францію два гренадера,
Изъ русскаго плѣна брели . . .»

Все замолкло и изъ разныхъ комнатъ всѣ, и гости, и хозяева, и старъ и младъ, всѣ спѣшили въ даль узнать, кто этотъ новоявленный артистъ, существованія котораго нѣмѣ и не подозрѣвали. И чуть-ли не стремительнѣе всѣхъ вышелъ сюда самъ Измаиль Ивановичъ, передъ тѣмъ бесѣдовавшій съ кучкой студентовъ въ своемъ кабинетѣ. Пѣлъ, увѣренно и какъ настоящий артистъ, А. И. Соловьевъ, бывшій ярославскій семинаристъ, этотъ особенно скромный и застѣчивый филологъ, какъ-то особлякомъ и медленно проходившій университетскій курсъ, который у него значительно затянулся. Онъ съ нами лишь держалъ выпускной

экзаменъ, а по времени вступленія въ университетъ быть старше насъ. Какъ оказалось, онъ, въ студенческіе годы, специально занимался въ Петербургѣ пѣніемъ и музыкой. Пѣніе онъ страстно любилъ и въ теченіе всей послѣдующей жизни—и петербургскимъ учителемъ, и на высокихъ ступеняхъ бюрократической лѣстницы. Состоя вполнѣдствіи директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода при К. П. Побѣдовосцевѣ, онъ пропагандировалъ мысль о лучшей постановкѣ пѣнія въ школахъ духовнаго вѣдомства. Въ ту ночь мастерство Соловьева въ этомъ искусствѣ было для насъ огромнымъ удовольствіемъ; и Иванъ Ивановичъ, и всѣ другіе засыпали пѣвца аплодисментами и похвалами. Обрадованный такимъ восторженнымъ приемомъ, нашъ артистъ отвѣтилъ «Сномъ» Лермонтова, свѣтлымъ еще съ большимъ спокойствіемъ исполнителемъ, увѣреннаго въ себя:

Въ полдневный жаръ, въ долині Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я.
Глубокая еще дымилась рана
По каплѣ кровь точилася моя... и т. д.

Молодежь послѣ того не давала ему, конечно, ни отдыха, ни сроку своими ненасытными просьбами пѣть еще и еще, пока этотъ сильный и склонный къ тучности лѣтина не запроситъ пощады.

Если талантъ Соловьева былъ неожиданнымъ для многихъ изъ участниковъ того незабвеннаго вечера, то музыкальное искусство другого нашего товарища по курсу было давно извѣстно всѣмъ намъ. Этотъ товарищъ нашъ былъ особаго рода. Аристократъ по происхожденію и исключительно даровитый отъ природы, онъ получалъ

равне университета в Дерпте и за-границей прекрасное образование; не говоря о трех новых языках, которыми он владел в совершенстве также и практически, он уже на I-м курсе историко-филологического факультета обнаружил такое знание греческого языка, что наш доверчивый профессор-эллинист К. Я. Любевиль говорил нам: «из него может выйти отличный филолог». С лингвистическими познаниями этот товарищ соединял и художественную натуру даровитого музыканта. Он был пианистом, скрипачем и композитором. Но это-то обилие дарований да богатство и слишком ранняя свобода от контроля в домашней жизни не дали развиться ни одному из них до полного расцвета. Со второго года он запустил свои занятия факультетскими предметами и еле окончил курс. В тот вечер, радуясь тому, что он получает диплом, хотя и последней степени, он был в узаре и играл много и с увлечением, точно в предчувствии, что это — уже его «лебединая пьеса» в среде, за пределами которой его ждала тревожная жизнь, между прочим, и странствующего музыканта, каким, вместе с набранными или пестрыми оркестром, можно было его видеть по улицам и площадям в городах Италии и Швейцарии. . .

Майская ночь среди этих быстро смывавшихся впечатлений для нас пролетела быстро и занялась розовая заря. Уже совсем рассвело, а банкет наш все продолжался. Свечи и лампы были больше не нужны. Наступало утро, пробуждался город, а неутомимая молодежь, значительная часть которой окружала Иманна Ивановича, все не оставляла гостеприимной семьи, словно каждый из нас боялся, что, с закрытием двери этого дома, окончится

его студенчество и сейчас же начнется новая полоса жизни. Измайлъ Ивановичъ былъ особенно оживленъ и бесѣдовалъ съ нами, не зная усталости. Онъ говорилъ намъ и на этотъ разъ о серьезности въ трудѣ, о подлежащей научной работѣ, каковою онъ признавалъ только приобретене знаний путемъ изученія источниковъ и основъ каждой науки. Тутъ И. И. повторялъ свою излюбленную мысль, что вмѣсто большихъ диссертацийъ лучше бы печатать болѣе *краткія по объему* сочиненія, куда входило бы только необходимое, главное и строго проверенное. «Съ размноженіемъ пишущихъ», говорилъ И. И., «не будетъ доставать времени внимательно перечитывать толстыя книги съ ихъ длинными разсужденіями. Пусть научныя изслѣдованія плзуть своимъ чередомъ, но изложене ихъ результатовъ должно быть возможно краткое и ясное, такъ чтобы для установившихся научныхъ открытій послѣ находилось мѣсто на страницахъ научныхъ словарей». Словарямъ по каждой историко-филологической дисциплинѣ И. И. придавалъ исключительное значеніе, какъ хранилищу научныхъ истинъ, болѣе доступному для каждаго, чѣмъ разбросанная монографическая и журнальная литература.

Уже ночь смѣнилась свѣтлымъ солнечнымъ утромъ, когда мы наконецъ сообразили, что «ударилъ часъ и намъ разстаться». И Измайлъ Ивановичъ, написавши каждому по своей фотографической карточкѣ и одѣявши насъ ими, въ отвѣтъ на нашу общую, поднесенную ему, грушу, съ яснымъ отблескомъ грусти на лицѣ, провожалъ насъ на верхней площадкѣ лѣстницы. «Прощайте, господа», — говорилъ онъ здѣсь, — «вмѣстѣ съ вами уходитъ отъ меня и моя молодость, воскресшая было для меня въ моихъ дѣлахъ-студентахъ. И они, какъ вы, переставая быть

студентами, перешагнуть черту юности, а я уже безоговорочно становлюсь теперь старикомъ. Будьте же счастливы и не поминайте меня вихомъ».

Вотъ послѣднія слова Исмала Ивановича, которыми мы—студенты слышали, стоя уже на лѣстницѣ. Молча и низко поклонившись мы нашему старому учителю, молча и медленно спустились мы внизъ. Отъ подъѣзда, сказавъ вѣжливости жестами послѣднее *прости* дорогому пріюту нашихъ студенческихъ лѣтъ, мы прошли на набережную Невы и здѣсь, у красавицы-рѣки, осененной солнечнымъ блескомъ прекраснаго майскаго утра, въ виду блиставшаго золотомъ купола Исакии, мы перецѣловались и простившись, чтобы къ вечеру того же дня навсегда разойтись въ разные стороны Россіи. Тамъ, по отдаленнымъ другъ отъ друга мѣстамъ, въ послѣдовавшіе годы три четверти нашего курса давно сложили свои кости, оставивши по себѣ добрую память добросовѣстныхъ труженниковъ, каждый въ своемъ дѣлѣ, на которое поставила его судьба. Они нашли себѣ мѣсто вѣчнаго покоя въ Одессѣ, въ Кіевѣ, въ Новгородѣ, въ Петербургѣ, въ Польшѣ и на Кавказѣ.

II.

Выше я сказалъ, что мы студенты-провинціалы увидѣли изысканнѣя формы жизни высоко-культурной среды—впервые въ домѣ Н. Н. Срезневскаго. Это было дѣйствительно такъ, потому что сюда мы приглашены были раньше, чѣмъ получили доступъ въ другія профессорскія семьи. Послѣднее счастье выпало нѣкоторымъ изъ насъ уже въ слѣдующіе годы, когда опредѣлялись наши специальныя научныя на-

клонности и когда мы выбирали себя руководителями между профессорами. И мы сами были в эту пору уже несколько другими.

Но Пиманъ Ивановичъ и по должности декана, и какъ отецъ двоихъ студентовъ нашего курса, сталъ къ намъ въ близкія отношенія съ первыхъ же недѣль нашего студенчества. Какъ деканъ, онъ первый узналъ крайнюю бѣдность большинства изъ насъ. Съ первыхъ же недѣль онъ принялъ на себя заботу объ освобожденіи насъ отъ платы за слушаніе лекцій: 50 рублей тогдашняго годичнаго взноса были суммой для нашихъ тонкихъ кошелечковъ непосильной. Пиманъ Ивановичъ всѣхъ насъ отъ такой платы освободилъ на всѣ 4 года. Эти хлопоты онъ долженъ былъ вести передъ правленіемъ университета, вѣдавшимъ хозяйственныя интересы учрежденія. Прошли три первые мѣсяца и наши финансовыя запасы, полученные изъ дому, совсѣмъ истощились, хотя мы и были очень экономны, занимал комнату вдвоемъ и даже втроемъ за 7 руб. и плата за обѣдъ по 5 руб. въ мѣсяць. На Пимана Ивановича пала кручина добыть нуждающимся *денежныя пособія* изъ университета, а достигъ этого ему было совсѣмъ не легко. Специальныя средства университета состояли только изъ платы за слушаніе лекцій, которая, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, не могла быть сколько нибудь значительной, при тогдашней сравнительной малочисленности студентовъ. Если нынѣ такіе факультеты, какъ историко-филологическій и физико-математическій, считаютъ своихъ студентовъ многими сотнями, то въ наше время здѣсь были только десятки студентовъ, да и то ничего не платившихъ. При крайне стѣсненныхъ денежныхъ средствахъ, правленіе университета должно было жаться въ своихъ ассигно-

ваниях. — и нужны были особая энергия и авторитетная речь Исматилла Ивановича среди его коллег-декановъ, чтобы вывести насъ изъ безвыходнаго положенія. Гордчаго его заступничества при этомъ было мало, ему нужны были для правленія документальныя свидѣтельства трудолюбия просителей. И Исматилъ Ивановичъ съ самаго же начала совѣтовалъ намъ прилежно посѣщать лекцій, записывать ихъ послѣ дома, проверять свои записи и дѣлать конспекты, а также непременно участвовать въ практическихъ упражненіяхъ. Чтобы добыть намъ матеріальную помощь, онъ собиралъ свидѣнія о нашихъ занятіяхъ между членами факультета и заставлялъ насъ самихъ доставлять ему письменныя отзывы профессоровъ, вниманіе которыхъ мы успѣли своимъ прилежаніемъ заслужить. И старшій профессоръ, который никогда не позволялъ себѣ читать лекцій по старымъ тетрадямъ, деканъ и академикъ, который не только управлялъ дѣльми отлѣженіемъ Академіи, но и ежегодно, вмѣстѣ съ Я. К. Гротомъ, удивлялъ многочисленностью своихъ научныхъ изслѣдованій и печатныхъ работъ (а писалъ онъ ихъ всегда въ тишинѣ позднихъ часовъ ночи), этотъ ученый колоссальнаго авторитета, носился, бывало, по темнымъ коридорамъ университетскихъ канцелярій съ нашими бумагами, выуживая оттуда аргументы для предстоящихъ ему рѣчей въ правленіи. И я не помню случая, когда бы эти хлопоты и старанія В. И-ча не увѣщались желаннымъ для насъ усѣхомъ. Слѣдуя своему неизмѣнному обычаю, онъ студентовъ-первокурсниковъ особенно берегъ, какъ родныхъ ему молодыхъ людей, зная по профессорскому опыту многихъ лѣтъ, что эти бѣдники со 2-го курса стануть на собственныя ноги и, крайне умѣренные въ своихъ потребностяхъ, не будутъ

терпеть материальной нужды. Такъ это было съ длиннымъ рядомъ видѣнныхъ имъ факультетскихъ поколѣний; такъ это было и съ нами.

Уже съ ливаря Иманлъ Ивановичъ заботился о нашихъ майскихъ экзаменахъ. Врагъ фразы и студенческаго многознайства, онъ проводилъ въ факультетѣ только минимальное количество экзаменационныхъ предметовъ, чтобы сосредоточить на этомъ немногѣ наши силы. Но говоря съ нами объ экзаменахъ, онъ заранѣ нарочно въ нашихъ глазахъ усиливалъ ихъ строгость и трудность, зная, что послѣднее обстоятельство заставитъ насъ напрячь наши молодыя и стойкія силы во-всю. Старый профессоръ, перелъ глазами котораго прошло столько университетскихъ поколѣний, здѣсь ошибиться не могъ. Пишущій эти строки такъ выдобралъ стихотворную скалдвку, текстъ *Ars Poëtica* Горация и профессорскій къ нему комментарий, что послѣ многие годы онъ читалъ вѣзду мѣста, доставшіяся ему на этомъ первомъ университетскомъ экзаменѣ. За то одолѣть чешскій текстъ Крадеворской рукописи, тогда еще сохранившей позицію подлинности, мы своей группой никакъ не могли. Словаря чешско-русскаго у насъ не было, да и лекціи Вл. И. Ламанскаго по этому предмету мы посѣщали несправно. Оттого нашъ даровитѣйшій товарищъ, покойный П. И. Аландскій, со свойственной ему большою смѣлостью, переводилъ на экзаменѣ слово *рѣспу* словомъ *печеный*, почему мы послѣ, нѣкоторое время, и дразнили его: «эхъ, ты — печеный!», не деликатно намекая ему на его красное лицо и на рыжеватые волосы.

Не лучше отличился на чешскомъ экзаменѣ и пишущій эти строки, да къ тому же въ присутствіи попечителя учебнаго округа и сопровождавшаго его декана Иманла

Ивановича. Досталось ему переводить стихотворение

Ah ty růže, krásná růže!
 Čemus raně rozkvetla?
 rozkvetavši pomrzla?
 pomrzavši usvědla?
 usvědevši opadla и т. д.

Ни чтение чешского текста, ни перевод его не были удачны. Вообразивши, что слово *rože* значить «рожа» и *rozkvetla* — «увяла», экзаменовавшийся предположил ахъсь рѣчь о красномъ личикѣ дѣвушки, почему-то рано увянемъ. . . . Студентъ совсѣмъ тонулъ, но П. И. постарался въ это время, зашитъ разговоромъ попечителя-иѣмца, происходившаго изъ острейскихъ губерній, а В. И. Ламанскій, быстро поправляя фальшивое чтение и невозможный переводъ, не давалъ студенту осрамиться. И какъ ни легкомысленна бываетъ юность, но и тогда нельзя было не видѣть, что и декабрь, и профессоръ старательно выводили несчастнаго юношу изъ экзаменской бѣды. Дѣлая это очень деликатно, они поставили такой милостивый баллъ, что наши товарищи, занятыя каждымъ ожиданіемъ своего экзамена, могли бы и ничего не замѣтить, если бы самъ спасенный не разболталъ изъ послѣ эти пріятныя для него подробности.

Кстати объ экзаменахъ П. И. Срезневскаго. Читая курсъ Энциклопедій славяновѣдѣнія и Славяно-русскихъ древностей, образцовый по полнотѣ содержанія и по точности изложенія, краткаго, чуждаго всякихъ ораторскихъ прикрасъ, онъ зналъ, что студенты памятью взять ихъ могутъ, хотя такая краткость и необычайная точность этого, какъ бы стального, его языка, и заставлятъ ихъ напрягать свои силы до крайнихъ предѣловъ. Но менѣе

онъ полагать надежды на усвоение студентами, не специалистами славяновѣдѣнія, фонетическихъ особенностей славянскихъ языковъ, чешскаго, сербскаго и польскаго. Мы все могли убедиться, что онъ былъ необычайно добръ и снисходителенъ къ тѣмъ изъ студентовъ, которые избрали себѣ другія факультетскія дисциплины и пристражно занимались ими. Требуя основательныхъ отчетовъ отъ специалиста славяновѣдѣнія, онъ былъ въ отношеніи другихъ студентовъ неизмѣнно снисходителенъ, при всемъ своемъ, какъ бы постоянно озабоченномъ и строгомъ видѣ в этой улыбкѣ, носившей въ себѣ признаки скрытаго юмора, въ нужномъ случаѣ принимавшаго мѣткую и изящную форму выраженія. Вѣчная ему память за это гуманное къ нашимъ слабостямъ отношеніе!

III.

Сами собой возникаютъ воспоминанія о практическихъ занятіяхъ И. И. Срезневскаго. Одно слушаніе и систематическое записываніе лекцій И. И. считать недостаточнымъ для студентовъ. Въ связи съ этимъ ближайшей ихъ обязанностью онъ ставилъ практическія занятія. Далекій отъ мысли стѣснять здѣсь свободу выбора предметовъ для такихъ занятій и навязывать всемъ и каждому имъ самимъ преподаваемыя дисциплины, И. И. открывать практическое руководство для желающихъ съ перваго же курса, по истеченіи 2—3 первыхъ мѣсяцевъ пребыванія ихъ въ университетѣ. Эти занятія происходили въ его квартирѣ. На нашемъ курсѣ предметомъ ихъ служили сначала русская палеографія и изученіе рукописныхъ памятниковъ древней русской литературы. Для этого, къ установлен-

ному часу определеннаго дня, залу и гостиную И. И-ча уставляли стульями и отдѣльными столиками съ разными, разложенными на нихъ, палеографическими листами избранныхъ текстовъ, съ навошенной бумагой и съ очиненными карандашами. Все это было заботливо изготовляемо заранее, чтобы не терять студентамъ короткаго зимой въ Петербургѣ свѣтлаго времени. Стоя въ кругу помочковъ, И. И. сначала объяснялъ техническіе приемы палеографическаго копирования рукописей, при этомъ для наглядности, первую строку избраннаго памятника онъ снималъ тутъ же, на виду у всѣхъ, самъ. Онъ рекомендовалъ намъ спокойствіе и возможную внимательность ко всѣмъ подробностямъ начертанія и при этомъ не указывалъ никакой количественной задачи на дневной срокъ. Требовалась только послышавъ точность снимка, все равно будетъ ли онъ сдѣланъ въ одинъ или въ два приема. Когда снимокъ былъ оконченъ, И. И. давалъ объясненія предложеннаго памятника со стороны хронологіи, исторіи, палеографіи и грамматики. Выставляя положенія, онъ рекомендовалъ студентамъ тутъ же самимъ подбирать примѣры и доказательства въ скопированномъ текстѣ. Такимъ способомъ студенты приучались къ внимательному изученію произведеній древне-русской письменности, къ усвоенію особенностей ихъ начертанія и къ различенію ихъ по эпохамъ. Въ виду того, что палеографическія дѣла въ здѣсь играли главную роль, то, чтобы приучить руководимыхъ имъ къ болѣе близкому знакомству съ формами графики даннаго времени, И. И. совѣтовалъ составлять палеографическіе указатели алфавита скопированнаго памятника, не упуская изъ вида здѣсь никакой подробности, хотя бы и самаго малаго варианта въ начертаніи ихъ.

Въ подборѣ памятникѣ соблюдалась строгая постепенность. Сначала студенты сидѣли надъ листами памятникѣ XI, XII ст., потомъ XIII, XIV и т. д. Группы предлагался одинъ и тотъ же текстъ, чтобы всестороннее изученіе его шло, при общей работѣ, оживленіи и чтобы болѣе способные студенты помогали въ аналитическомъ разборѣ своимъ медлительнымъ товарищамъ.

Предметы своихъ практическихъ занятій И. И. измѣлъ обычай разнообразить. Въ другой годъ онъ приучалъ желающихъ къ составленію специальныхъ словарей къ русскимъ писателямъ—и для болѣе яркаго образца того, какъ различаются въ значеніяхъ одинъ и тѣ же слова въ зависимости отъ среды ихъ употребленія или отъ связи словосочиненія, избралъ для насъ Басня Крылова. И помню, съ какимъ живымъ интересомъ взялись за это подробное изученіе Крыловскаго гениа даже студенты, специальностью которыхъ не была одна русская литература!

Ученый широкаго кругозора и разнообразныхъ научныхъ интересовъ, И. И. хотѣлъ, чтобы студенты сразу не заширлись каждый въ очень узкія рамки специальности. Онъ желалъ, чтобы мы приобщались къ болѣе виднымъ проявленіямъ научной мысли нашего времени. Такъ, во второй половинѣ 60-хъ годовъ этнографы на Западѣ особенно оживленно занимались вопросомъ о свайныхъ постройкахъ доисторическаго періода; тогда вышло сочиненіе Келлера *Die Pfahlbauten*. Увлеченный открытіями этого ученаго, И. И. пожелалъ, чтобы и желающие изъ насъ ознакомились съ этимъ, тогда какъ бы очереднымъ, вопросомъ. Онъ далъ намъ свой экземпляръ этой книги и посоветовалъ выбрать изъ нашей среды товарища, который представлялъ бы подробное резюме этого сочиненія. Среди

пать быть одинъ студентъ — исключительныхъ дарований и образованаго трудолюбія. Сынъ сельскаго священника Петербургской губ., питомецъ духовной семинаріи, онъ самъ себя былъ обязанъ знаніемъ языковъ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго и съ 19 лѣтъ жаль переводами сочиненій Спенсера, тогда пользовавшагося особымъ вниманіемъ и спросомъ въ нашемъ образованномъ обществѣ. Широко для студента начитанный въ западно-европейскихъ литературахъ, онъ сосредоточивалъ свои занятія на греческихъ писателяхъ и готовилъ изъ себя эллиниста-профессора. Но, обладая превосходствомъ исключительныхъ дарований, онъ былъ и очень склоненъ къ поспѣшной критикѣ того, что занимало и увлекало другихъ. Оттого его сужденія часто совсѣмъ расходились съ понятіями другихъ, и иногда его выраженія принимали при этомъ рѣзкую форму. Жилъ на окраинѣ города одиноко и лишь въ мирѣ книгъ, какъ-то не обладая онъ способностью угадывать время и среду, въ которой ему приходилось говорить и дѣйствовать. Это сказалося и на его рефератахъ о выше названномъ сочиненіи Келлера. Задача его состояла только въ добросовѣстной передачѣ намъ, глава за главой, содержанія этой книги: свои же сужденія онъ, при доброй волѣ, могъ-бы изложить въ заключеніи. Но это былъ такой гиперкритическій умъ, что стоило ему, будь то какой угодно авторитетный совѣтникъ, подать указаніе и совѣтъ, чтобы онъ сдѣлалъ рѣшительно противоположное. И въ этихъ чтеніяхъ критику книги нашъ товарищъ поставилъ на первомъ мѣстѣ и съ перваго же вечера реферлируемый авторъ, котораго мы хотѣли и должны были узнать, оказался на второмъ планѣ. П. П. Срезневскій, не ожидавшій этого, сдѣлалъ тутъ же замѣчаніе, что мы сюда собрались главнымъ образомъ для ознаком-

ления съ результатами этой интересной книги, и посоветовать, чтобы въ слѣдующій разѣ референтъ ближе держался текста данного сочиненія. Сойти этотъ имѣлъ обратное дѣйствіе. Черезъ недѣлю мы слушали словенную субъективную критику нашего товарища, но не результаты изслѣдованія Келлера. И. И. повторилъ то же замѣчаніе, но въ формѣ уже болѣе категорической и съ ноткой раздраженія въ голосѣ, которую мы другіе должны были замѣтить и которой, къ сожалѣнію, не разслышавъ и не примѣтивъ нашъ товарищъ. Собрались мы въ квартирѣ И. И-ча въ третій разѣ для слушанія этого реферата. Но характеръ его былъ еще болѣе субъективный, чѣмъ въ два первыхъ чтенія. Выступали передъ нами только референтъ и его какъ бы придирчивое отношеніе къ книгѣ, но не сама книга съ ея фактическимъ содержаніемъ. Къ тому же самое изложеніе своимъ догматическимъ тономъ рѣзало ухо И. И-ча; онъ не выдержалъ, всплылъ — и дальнѣйшія чтенія по этому вопросу болѣе не продолжались. Этотъ инцидентъ стоялъ послѣ безсонной ночи старому профессору, котораго, конечно, вѣдь только доброе сердце заставляло такъ заниматься съ нами; но едва ли этотъ случай охладилъ гиперкритическую манеру сужденій нашего товарища. Это свойство его ума повело впоследствии къ тому, что магистерская его диссертация прошла въ факультетѣ съ большимъ трудомъ; публичный его диспутъ, благодаря рѣзкости диспутанта, сопровождался тяжелой сценой раздраженія въ профессорской средѣ. А когда нашъ товарищъ послѣ представить новую книгу на степень доктора греческой словесности, наполнивши ее болѣе философскимъ содержаніемъ, чѣмъ филологическимъ матеріаломъ, то философы наши, что этотъ философскій элементъ мало само-

стоятелей и научно-цѣнителей, а филологи указали на недостаточность собственно филологических фактов. Книга была забракована въ петербургскомъ университетѣ, не прошла она и въ другомъ, гдѣ филологи-эллинисты сказали, что это сочиненіе болѣе философскаго характера. . . Эта неудача глубоко огорчила нашего несговорчиваго молодого ученаго и имѣла роковое вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Онъ перво заболѣлъ, дѣлался, но возвратиться къ составленію докторской диссертации уже не могъ, оставшись навсегда доцентомъ. Подъ конецъ своей, рано прервавшейся жизни, онъ обратился къ составленію курса лекцій по древне-греческой исторіи. Это былъ блестящій курсъ, созывавшій въ его большую аудиторію не однихъ студентовъ историко-филологическаго факультета, но и юристовъ, и естественниковъ. Изъ этихъ лекцій составившаяся и напечатанная книга послѣ рекомендовалась профессорами другихъ университетовъ студентамъ историкамъ въ качествѣ авторитетнаго пособия. Эти лекціи заставляли говорить покойнаго нашего общаго друга по петербургскому университету, профессора-историка и ректора кіевскаго университета Ѳ. И. Фортинскаго, что нашъ товарищъ въ этихъ историческихъ занятіяхъ, наконецъ-то, нашелъ свою настоящую дорогу. Но смерть какъ бы караулила того и другаго — и оба они рано ушли изъ жизни, не успѣвши развернуть всей полноты дарованій, отърешныхъ имъ природой.

П. П. Срезневскій заботился также и о нашемъ литературно-эстетическомъ образованіи. Предостерегая насъ отъ траты времени на чтеніе модныхъ французскихъ романовъ, онъ въ своихъ домашнихъ субботнихъ бесѣдахъ рекомендовалъ намъ читать Вальтера-Скотта и Диккенса; отъ него перваго мы слышали восторженный отзывъ о только-что

появившемся тогда въ печати романѣ гр. Л. Н. Толстого «Война и Миръ». Читавшій эти строки помнитъ, что, подъ вліяніемъ этихъ рѣчей нашего стараго профессора, нѣкоторые изъ насъ начали составлять на Апраксиномъ рынкѣ, у букинистовъ, коллекцію произведеній англійскихъ романистовъ въ переводахъ Пришарха Введенскаго; и послѣ, особенно Диккенсомъ, мы сильно увлекались. А книги «Войны и Мира» увезены нами были на святки въ глухую деревню Владимирской губерши и тамъ были прочитаны съ восторгомъ, не забытымъ и на протяженіи 45 слѣдовавшихъ лѣтъ.

Покойный Н. И. Срезневскій могъ съ полнымъ правомъ считать себя учителемъ цѣлой плеяды блестящихъ профессоровъ, ученыхъ, педагоговъ и дѣятелей литературы: его слушателями и учениками были М. И. Сухомлиновъ, Н. С. Тихомировъ, братья Петръ и Николай Лавровскіе, Пшенигъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, В. И. Ламанскій, Л. Н. Майковъ, Макушевъ, Будиловичъ, Т. Д. Флоринскій, Р. Э. Брандтъ и др. О необыкновенной даровитости Чернышевскаго и Добролюбова Н. И. въ нашемъ обществѣ вспоминать и въ ту пору, когда направленіе ихъ публицистической дѣятельности ихъ старшій учитель одобритъ уже никакъ не могъ.

IV.

Мы само собою подошли къ тому, что Н. И. Срезневскій слѣдилъ за своими бывшими учениками и спустя много лѣтъ послѣ ихъ студенчества, когда судьба заставляла ихъ жить и дѣйствовать далеко отъ его непосредственнаго круга и далеко отъ Петербурга. Этимъ вниманіемъ Иммануэль

Ивановичъ даритъ не только своихъ ближайшихъ учениковъ и продолжателей научной разработки имъ преподаваемыхъ дисциплинъ славяно-русской филологіи. Яркій примѣръ отеческаго отношенія его къ успѣхамъ бывшаго студента-филолога совершенно другой специальности, сохранился въ памяти всѣхъ здравствующихъ товарищей нашего курса.

Одинъ изъ насъ, отиравшійся на казенный счетъ за границу для приготовления къ профессорскому званію по кафедрѣ римской словесности и получившій совѣтъ отъ своего ближайшаго профессора-руководителя заняться тамъ, на свободѣ отъ служебныхъ обязанностей, обработкой какой либо *живой* и болѣе для *русскаго* читателя *новѣйшей* темы историко-литературнаго или историческаго (изъ круга бытовыхъ римскихъ древностей) характера, въ Италиі, однако, остановился на эпиграфической и эпиграфической задачѣ, совсѣмъ до тѣхъ поръ не входившей въ кругъ русскаго университетскаго преподаванія и нашего отечественнаго научнаго изслѣдованія. Эта работа по первоисточникамъ, открывшимся для него на протяженіи Южной Италиі и Сициліи, стала у него спориться и самая задача, сначала задуманная въ скромныхъ размѣрахъ и только въ смыслѣ докторской диссертации, разрослась до академическаго изданія, въ появленіи котораго заинтересовались тогдашній министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой, доставившій на папечатаніе его казенныя средства, и иностранные спеціалисты. Этотъ неожиданный успѣхъ естественно вскружилъ голову молодого человѣка: для окончанія своего распирившагося предпріятія онъ смѣло, не къбѣнвъ послѣдствій своего поступка, оставилъ свою доцентскую службу въ одномъ изъ окраинныхъ университетовъ и

остался за-границей. Такой поступок начинающего ученаго, не имѣвшего никакихъ личныхъ матеріальныхъ средствъ, возбудить неодобреніе и въ оф-фициальномъ мірѣ, увидѣ-шемъ въ этомъ пустую браваду, и въ большинствѣ его друзей и знакомыхъ.

Но совершенно иначе взглянулъ на это дѣло И. И. Срезневскій. Когда, спустя два года, тогдашній доцентъ Московскаго университета представилъ къ Петербургскіи университету свою докторскую диссертацию на тему о надписяхъ одного изъ древнихъ италійскихъ варѣчій, то Измаилъ Ивановичъ отнесся и къ смѣлому автору и къ этой, очень специальной, книгѣ съ исключительно благо-склоннымъ вниманіемъ. Онъ осматривалъ книгу комплиментами, сдѣлать, какъ деканъ факультета, все зависящее, чтобы скорѣе назначить день диспута, и самъ лично принявши въ преніяхъ живое участіе, высказалъ пожеланія автору, чтобы онъ не останавливался только на начертаніяхъ словъ, на звукахъ и формахъ изучаемаго варѣчія, а постарался, по данному языку, нарисовать образъ того народа, который когда-то говоритъ этимъ языкомъ, его религіозныя вѣро-ванія, формы его юридическаго и административнаго уклада, его бытовыя особенности, но все это сдѣлать бы научно и осторожно, насколько это позволяютъ наиболее надежныя данныя изучаемаго языка.

Въ этихъ словахъ и дружественныхъ совѣтахъ Измаила Ивановича виденъ былъ широкій кругозоръ ученаго наслѣ-дователя и слышалось доброе сердце стараго профессора въ отношеніи пресвятаго студента его факультета. Этихъ знаковъ его исключительнаго вниманія было совершенно довольно для нововспеченнаго доктора: всѣмъ этимъ онъ былъ польщенъ и почтенъ свыше мѣры. Но Измаилъ

Ивановичъ снова какъ бы помолодѣть и пожелать созвать къ себѣ въ домъ всѣхъ прежнихъ его товарищей по университету, какіе тогда (это было въ 1877 году) находились въ Петербургѣ. Онъ пригласилъ ихъ къ обѣду, а тѣхъ, кто успѣлъ obavестись къ тому времени семьей, просилъ прѣхать и съ женами.

И вотъ мы, хотя уже теперь и далеко не всѣ, сошлись снова къ этой семьѣ, гдѣ мы учились, гдѣ бывали гостями и гдѣ, въ маѣ 1870 года, прошировали цѣлую ночь. И. И. къ тому времени замѣтно постарѣлъ наружнымъ видомъ; но въ тотъ, на всю жизнь намъ милый, вечеръ онъ снова оживился и, чуждый любви къ эффектнымъ рѣчамъ и ко всякой выставочности, за столомъ, когда подали вино, поднялся и сказалъ сердечное прѣлѣтствіе новому доктору, одобряя его самостоятельность къ выборѣ такой необычайной темы для диссертации и стойкость, проявленную имъ въ защитѣ ея отъ порицацій, которыя прежде слышались на него по этому поводу. Его сошлѣ быть при этомъ — въ научныхъ занятіяхъ и въ практической дѣятельности — слушаться главнымъ образомъ *отутреннюю голову* и идти туда, куда *влечется свободный умъ*, не боясь никого и ничего, кромѣ лжи передъ собой и другими.

Это была едва-ли не послѣдняя бесѣда Ивана Ивановича въ своемъ домѣ въ студенческой средѣ. Слѣдовали затѣмъ два заочительные года его жизни, съ немощами и печальми. Въ февралѣ 1880 года его не стало. Черезъ нѣсколько дней студенты и профессора историко-филологическаго факультета Московскаго университета на Николаевскомъ вокзалѣ съ чувствомъ глубокаго почтенія встрѣчали и провожали на Рязанскій вокзалъ брѣнные

остатки И. И. Срезневского во время слѣдованій ихъ изъ Петербурга въ родное ему село Срезнево Спасскаго уѣзда Рязанской губ., гдѣ некогда его дѣдъ о. Евсеій Ивановичъ былъ бѣднымъ священникомъ-земледѣльцемъ.

Истекаетъ 43-й годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали быть студентами И. И.-ча. Оставшіеся въ живыхъ, мы сами давно посѣдѣли и для молодыхъ людей настоящаго времени уже слѣзались далеко не во всемъ понятными стариками. На нашемъ жизненномъ пути суждено было намъ видѣть много почтенныхъ людей, — даровитыхъ, широко образованныхъ, ученыхъ, энергичныхъ, честныхъ, людей сильной воли: но когда мы вспоминаемъ величавый образъ И. И. Срезневскаго, то изъ дали нашихъ студенческихъ лѣтъ онъ встаетъ передъ нами со всею привлекательностью воплощенія тѣхъ жизненныхъ правдъ Ломоносова, которые самъ Измаиль Ивановичъ передъ почитателями великой памяти этого славнаго русскаго генія, собравшимися со всей Россіи¹, «формулировалъ столь точно и изящно въ этихъ замѣчательныхъ выраженіяхъ:

«Нутеодныя правила... жизни (Ломоносова) просты», — говорилъ онъ въ томъ собраніи:

«Трудись настойчиво, отчетливо, честно, — чтобы послужить отечеству по силамъ.

«Люби отечество, живи для него.

«Любя его, люби науку. Она намъ необходима—строгая въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ нѣмымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судіей всѣхъ нашихъ усилій, душой

¹ П. Мельниковъ, Описание праздника, бывшаго въ С.-Петербургѣ 6—9 апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова. П. 1865, стр. 26.

порядка, возжатаемъ промышленности, сѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всеми, паремъ и пародомъ, отъ праговъ явныхъ и тайныхъ, отъ нечестивости и безпечности, чванства, свескорыстїя, суемудрїя и суесловія.

«Люби науку не въ себя одному, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и теплѣ любовь эту въ иношазѣ». . . .

Эти слова у П. П. Срезневскаго явились въ столь привлекательной формѣ, потому что они составляли исповѣданіе *его собственнаго Credo*, выражали силу и значеніе всей профессорской его дѣятельности. Это онъ — самъ *любилъ науку во всѣхъ ей преданныхъ* студентахъ, какую бы научную специальность они, по внутреннему влеченію, ни избрали; это — самъ Иамагъ Ивановичъ неустанно *тепелѣ любовь къ науцѣ въ насъ, петербургскихъ филологовъ*. Вѣчная ему память и благодарность за эти прекрасныя свойства его благородной души!

Иванъ Цонтасовъ.

16 мая 1913 г.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ
ОБЪ
И. И. СРЕЗНЕВСКОМЪ.

Память Ивана Ивановича Срезневскаго останется для меня всегда священной; до конца жизни я не перестану вспоминать его имя съ благоговѣніемъ, съ чувствомъ глубочайшей благодарности. Вся вторая половина моей жизни и дѣятельности сложилась въ неожиданномъ для меня самомъ видѣ и направленіи подъ рѣшающимъ вліяніемъ его доброжелательства, его сочувствія ко мнѣ, явившихся во время и намѣтившихъ мнѣ новыя, непредвидѣныя цѣли.

Мои сношенія съ Иваномъ Ивановичемъ начались путемъ переписки гораздо раньше, чѣмъ я имѣлъ удовольствіе лично его видѣть. Всѣхъ подробностей я теперь уже не припомню, у меня нѣтъ ни моихъ писемъ къ нему, ни его отвѣтовъ. Наша переписка, довольно обширная, завязалась подъ знаменемъ славянской науки. То, о чемъ я намѣренъ написать нѣсколько словъ, относится къ шестидесятымъ и началу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, значитъ, происходило полстолѣтія тому назадъ; я не смѣю вообразить себѣ, чтобы въ разсказѣ моемъ заключалось что нибудь важное для славянской науки или же интересное для современниковъ; я исполню лишь долгъ благодарности къ знаменитому и незабвенному представителю русско-славян-

ской науки, если въ день чествованія столѣтней годовщины его рожденія и съ моей стороны будутъ услышаны слова въ подражаніе Горацию: *ave anima, qualem neque candidiorum terra tulit neque cui me sit devinctior alter!*

Изъ жизни и трудовъ Измаила Ивановича хорошо извѣстно, съ какой любовью и сердечной преданностью онъ всегда относился къ двумъ виднымъ представителямъ славяновѣдѣнія въ Прагѣ, къ П. П. Шафарику и В. В. Гаякѣ. Въ 1861 году смерть похитила этихъ старыхъ его друзей. Его привязанность къ русско-славянской наукѣ желала и искала, думается, новыхъ связей, которыя, хотя и не могли ему замѣнить потерю Шафарика и Гаяки, все же сулили новую пищу его любознательному уму и любящей душѣ. Какъ разъ въ тѣ годы возникло отрадное движеніе въ области славянской науки въ средѣ хорватовъ, въ Загребѣ. Это было въ некоторомъ смыслѣ откликъ южныхъ славянъ на дѣятельность, процвѣтавшую въ Прагѣ подъ эгидой Шафарика и Палацкаго. Рядомъ съ главнымъ представителемъ старшаго, ильирскаго поколѣнія, южно-славянскимъ историографомъ Иваномъ Кукудевичемъ-Сакцинскимъ, выступилъ молодой, талантливый и энергичный, поддерживаемый могущественнымъ покровительствомъ епископа Штросмайера—историкъ Францъ Рачкѣй. Съ обновленіемъ конституціонной жизни епископъ Штросмайеръ поднималъ голосъ объ учрежденіи югославянской академіи и югославянскаго университета въ Загребѣ. Предвѣстникомъ будущей серьезной ученой дѣятельности и какъ бы пробнымъ камнемъ назрѣвшей квалификаціи для такихъ учреждений, было начатый Рачкѣемъ при поддержкѣ Штросмайера журналъ «Книжевникъ», въ редакціоннѣи котораго я взялъ на себя славянскую филологію,

Рачий славянскую историю, естественные же науки Торбаря. Этот журнал, скромный по внешнему объему (четыре выпуска в год, каждый по десяти листов), но серьезно разрабатывавший все вопросы южно-славянской истории и филологии, обратил на себя внимание Измаила Ивановича и вызвал его сочувствие. Помимо того значение нашей деятельности возросло в его глазах благодаря изданию, предпринятому совсем в духе покойного Шафарика: это был знаменитый древне-славянский памятник слаголического письма — Ассеманово или Ватиканское евангелие, изданное Рачимъ на средства Штротмайера в 1865 году, с своим обширным филологическим введением. Таким образом, как мне кажется, Измаилъ Ивановичъ могъ надѣяться, что наша южно-славянская деятельность дастъ его душѣ, алчущей новыхъ познаний, и которое вознаграждение за потерю, понесенную имъ в Прагѣ, и онъ и перенесъ на насъ все свое сердечное участие. Не знаю, в какомъ году это было, помню только, что я первый обратился къ нему съ письмомъ, написанномъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, в которомъ просилъ его оказать содействие нашимъ скромнымъ ученымъ стремлениямъ указаниями и сообщениемъ литературныхъ пособий и академическихъ изданий. Съ обычной своей сердечностью онъ откликнулся на голосъ молодого, ему лично даже и по имени совсемъ незнакомаго человѣка, занимавшаго мѣсто преподавателя классическихъ языковъ въ гимназій въ Загребѣ. Завязалась переписка, касавшаяся не только вопросовъ славяновѣдѣнія, но измѣвшая для меня много поучительнаго также въ другихъ отношеніяхъ: Передо мною развертывалась картина многихъ любопытныхъ явленій русской жизни, Измаилъ Ивановичъ знакомилъ меня

сть Россією. Не забуду никогда одного письма его, въ которомъ онъ съ восхищеніемъ передавалъ мнѣ свои веззатѣлныя о трагическомъ движеніи русской жизни на Волгѣ, видѣнной, кажется, и имъ тогда впервые. Эта переписка, сохранила всю серьезность научнаго содержанія, вносила для меня и некоторую романтическую прелесть въ славянскую филологию.

Съ тѣхъ поръ Иванъ Ивановичъ не переставалъ снабжать меня письми своими изданіями, которыя въ то время для насъ представляли большую библиографическую рѣдкость. Съ какимъ недостаткомъ книжныхъ пособій намъ приходилось тогда бороться, доказываетъ тотъ фактъ, что у насъ не нашлось изданія Остромирова евангелія Востокова, когда я собирался писать введѣніе къ Ассеманову евангелію, и я долженъ былъ довольствоваться неудовлетворительной перепечаткой его въ Прагѣ. Не знаю, благодаря чьему почину единственное литературное общество, существовавшее тогда въ Загребѣ, «Матица Иллирская» получала время отъ времени и некоторые русскіе журналы, которые валялись въ одной комнаткѣ подъ крышею «Народнаго Дома», гдѣ помещалась «Матица». Исполняя обязанности секретаря «Матицы Иллирской», я заглядывалъ иногда въ комнатку, наполненную преимущественно русскими книгами. Тутъ я случайно наткнулся на изданіе сочиненій В. Бѣлинскаго; не зная еще, что представляетъ собою Бѣлинскій для русской критики, я прочелъ кое что изъ его обзорннхъ русской литературы за 1840-ые и слѣдующіе годы; статьи его произвели на меня такое впечатлѣніе, что я увлекся желаніемъ, подражая ему, написать и что подобное для сербско-хорватской литературы. Такъ появился мой «Kratak priegled hrvatsko-srbske

književnosti od posljednje dvie-tri godine», напечатанный въ III томѣ «Книжевника».

По этому можно судить, сколько поучительнаго для меня въ научномъ отношеніи представляли изданія Измаила Ивановича въ родѣ его «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка» (II. 1863) — отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій, которыхъ у насъ тогда еще не было, — или же его «Древнихъ глаголическихъ памятниковъ» (II. 1866) — тоже отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Археологическаго общества, нѣсколько томовъ которыхъ я потомъ выписалъ изъ Будишина.

Съ учрежденіемъ и открытіемъ Югославянскаго Академіи въ 1866 году обстоятельства измѣнились къ лучшему: у насъ получился научный центръ, давшій намъ возможность завязать прямыя сношенія съ другими славянскими учеными обществами и академіями. Югославянская Академія почла своимъ долгомъ избрать Измаила Ивановича въ свои почетные члены уже въ первомъ своемъ засѣданіи, назначенномъ для выборовъ въ 1867 г. Вмѣстѣ съ нимъ были выбраны М. П. Погодинъ въ Москвѣ, Палацкий въ Прагѣ, Миклошичъ въ Вѣнѣ и Шлейхеръ въ Лейп. Это избраніе, повидимому, очень обрадовало Измаила Ивановича. Онъ не только отзывался съ теплымъ сочувствіемъ о первыхъ научныхъ трудахъ юной академіи, но доставилъ даже одну свою статью «Описаніе кормчей сербскаго письма» для напечатанія въ академическомъ «Stacine» (напечат. въ III томѣ). Понятное дѣло, что Измаила Ивановича интересовали наши филологическія изслѣдованія по древне-славянской письменности: Такъ еще въ 1867 году къ одному изъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ онъ сообщилъ по дашнему,

полученнымъ отъ меня, объ одномъ замѣчательномъ отрывкѣ Апостола глаголическаго письма, изданномъ мною въ II томѣ академическаго Раѣа, а въ II томѣ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности напечаталъ статью «Труды Югославинской Академіи наукъ и художествъ», въ которой говорится и о «Книжевишкѣ», и о «Раѣ», и о моей исторіи литературы: Сочувствіе его къ нашей дѣятельности выразилось также и въ томъ, что по предложенію его въ 1868 году состоялось мое избраніе въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. По состоять членомъ Югославинской Академіи, потомъ членомъ-корреспондентомъ Ученаго общества въ Бѣградѣ и теперь членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ — значило навлечь на себя подозрѣніе хорватскаго правительства, находившагося подъ давленіемъ Венгріи. И не занималъ нисколько политическими дѣлами, не трудно было попасть въ число опасныхъ людей. Надо мною разразилась катастрофа: въ 1870 году подъ пустячнымъ предлогомъ я былъ уволенъ отъ службы безъ содержанія и безъ права на пенсію. И тутъ выказалась сердечность Измаила Ивановича по отношенію ко мнѣ. По его предложенію мнѣ была присуждена за мои труды въ области славянской филологіи степень почетнаго доктора славянской филологіи Петербургскаго университета и такимъ образомъ дана возможность Новороссійскому университету въ Одессѣ избрать меня въ экстраординарные, и потомъ въ ordinарные профессора по сравнительному языковеденію. Правда, и Югославинская Академія сдѣлала попытку обезпечить мое положеніе въ своей средѣ избраніемъ меня вскорѣ послѣ состоявшагося увольненія на мѣсто втораго секретаря академіи, но это избраніе такъ не понравилось прави-

тельству, считавшему его демонстрацией, что благоразумно было уступить и удалиться.

Въ промежутокъ между состоявшимся избраніемъ въ Одессѣ и моимъ отъѣздомъ въ командировку въ Германию и Россію для лучшаго приготовленія къ новой кафедрѣ, я имѣлъ удовольствіе впервые видѣть лично Измаила Ивановича въ Загребѣ. Это было лѣтомъ 1871 года, когда онъ, проѣздомъ, если не ошибаюсь, въ Италию, сопровождаемый своей дочерью Ольгой Измаиловной, остановился на сутки въ Загребѣ. Для меня было невыразимой радостью увидѣть своего благодѣтеля, да еще у себя на родинѣ, въ скромномъ семейномъ кругу. Измаилъ Ивановичъ могъ возобновить въ своей памяти старыя воспоминанія о своемъ пребываніи въ Загребѣ, въ молодые годы, въ самый разгаръ классицизма. Не знаю, пашель ли онъ городъ измѣнившимся въ сравненіи съ тѣми временами; но чего онъ не пашель — это были его старыя друзья сороковыхъ годовъ; всѣ почти они сошли со сцены, ихъ замѣнило новое поколѣніе, къ которому принадлежалъ тогда и я. Югославянская Академія тогда еще не имѣла своего нынѣшняго помѣщенія — красиваго маленькаго дворца; она помѣщалась въ «Народномъ Домѣ», но уже тогда обогатилась между прочимъ замѣчательнымъ собраніемъ древне-славянскихъ рукописей Литова Михайловича, послужившихъ, какъ извѣстно, главнѣйшимъ матеріаломъ для церковно-славянскаго словаря Миклошича. Онѣ за безплатно были уступлены Югославянской Академіи по просьбѣ Штросмайера и Рачкаго хорватскимъ помѣщикомъ Бриглевичемъ, получившимъ ихъ по наследству послѣ смерти Михайловича. Это собраніе рукописей разсматривали мы съ Измаиломъ Ивановичемъ въ до-полуденныя часы, и по просьбѣ его я обѣщался списать для

него изъ Иловницкой кормчей текстъ градскаго закона вмѣстѣ съ описаніемъ содержанія рукописи. Я думаю, въ Измаилѣ Ивановичъ не могло не вызвать разочарованіе мое плохое владѣніе живымъ русскимъ языкомъ, особенно послѣ моихъ довольно многочисленныхъ писемъ: я усердно изучалъ русскій языкъ и могъ при нѣкоторомъ стараніи составить, хотя и не безошибочное, но сносное русское письмо, но у меня не доставало практики для разговора: я, правда, видалъ время отъ времени заѣзжавшихъ въ Загребъ русскихъ путешественниковъ, по большей части изъ числа славяноговъ, напр. Никола Попова, Влад. Ив. Ламаискаго, В. В. Макушева, П. А. Ровинскаго, но ихъ пребываніе въ Загребѣ было очень непродолжительно. Теперь, говорятъ, имѣется уже и въ Загребѣ кружокъ любителей русскаго языка, но я вижу, судя по газетамъ, что знаніе русскаго языка еще не пустило глубокихъ корней. Кажется, мышь соотечамъ внушаетъ особое уваженіе окончаніе прилагательныхъ на *ая* и *ея*, и они, опасаясь какъ бы не уменьшить склоненія прилагательныхъ, постоянно пишутъ «у Ново~~е~~мъ времену», изъ «Ясна~~е~~ Поляне» и т. д. Дѣлалъ ли и я тогда такія ошибки, не знаю; кажется, что нѣтъ.

Появленіе такой знаменитости, какъ русскій ученый, притомъ тайный совѣтникъ, въ Загребѣ, и даже съ нарочной цѣлью повидаться съ скромнымъ труженникомъ, недавно только уволеннымъ безъ чина и жалованья, — произошло въ городѣ сенсацию, пошли разные толки, однихъ неглише и сдѣлалъ другого; конечно, безъ «катающагося рубля» не обошлось!

Мы простились съ Измаиломъ Ивановичемъ и его спутницей, чтобы черезъ полгода увидѣться опять съ ними и со всѣми членами семейства Срезневскихъ въ Петербургѣ.

Прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинѣ, гдѣ я работалъ у профессора Вебера надъ Санскритскимъ языкомъ и гдѣ впервые познакомился съ дорогимъ сочленомъ и другомъ Филиппомъ Федоровичемъ Фортунатовымъ, я приѣхалъ въ началѣ февраля съ женою и дѣтьми въ Петербургъ. О незабываемыхъ первыхъ впечатлѣнiяхъ на русской почвѣ и въ Петербургѣ, я разсказалъ сербскимъ читателямъ въ «Книжевомъ Гласникѣ» (1912 г.) и здѣсь повторяться не буду. Достаточно сказать, что всѣ мы встрѣтили въ семьѣ Срезневскихъ такой радушный прiемъ, какъ будто бы мы вошли въ родной домъ. Нечего и говорить о томъ, что Иванъ Ивановичъ познакомилъ меня съ многими изъ профессоровъ университета, съ членами Отдѣленiя, между ними съ Аванасiемъ Федоровичемъ Бычковымъ, при содѣйствiи котораго я скорѣе началъ списывать текстъ Зографскаго евангелiя въ Публичной библиотекѣ. На еженедѣльныхъ вечерахъ у Измаида Ивановича я имѣлъ случай видѣть многихъ его посѣтителей изъ литературнаго мiра; помню, какъ я наслаждался чтенiемъ Аполлона Майкова изъ его «Двухъ Мiровъ», какъ много неизвѣстнаго о сибирской жизни узналъ изъ разсказовъ приѣхавшаго изъ Барнаула Гуздева, вспоминаю споръ съ покойнымъ Будиловичемъ о судьбахъ славянскаго мiра, затнувшiйся далеко за полночь...

Срезневскiй любилъ славянство, желалъ весьма славянамъ счастливаго и успѣшнаго политическаго и культурнаго развитiя, но никогда не былъ тѣмъ, что принято называть славянофиломъ. И эта любовь къ славянству вмѣстѣ съ неизмѣнной любовью къ наукѣ являлась связующимъ звеномъ между мною и незабвеннымъ Измаиломъ Ивановичемъ.

И. Яковъ.

ОПИСАНІЕ ВЫСТАВКИ
ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ
И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

[Выпущено въ свѣтъ отдѣльной брошюрой ко дню юбилейнаго собранія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ память И. И. Срезневскаго 20 января 1913 года].

Предметы, собранные на выставкѣ, по преимуществу относятся къ первому періоду жизни И. И. Срезневскаго—до переѣзда въ Петербургъ въ 1846 г. Это — этнографическая и литературная дѣятельность до 1839 г. и путешествіе по западно-славянскимъ землямъ въ 1839—1842 гг. Дальнѣйшее время представлено эпизодически и кратко: дѣятельность университетская въ Харьковѣ и Петербургѣ, Академіи Наукъ, труды по русскому языку, работы по палеографіи и археологіи.

Въ отдѣльной—первой витринѣ собрано то, что касается происхожденія И. И. Срезневскаго, его отца, матери, восходившихъ родственниковъ и жены.

Во-первыхъ здѣсь лежитъ родословная Срезневскихъ, написанная И. И. С.—мъ, виды с. Срезнева (Спаскаго уѣзда Рязанской губ.), откуда происходитъ И. И. Срезневскій (старый домъ священника, рѣка Ока, р. Неолома, церковь, теперь уже упраздненная, могила И. И. Срезневскаго въ 1880 г.), дагѣ портретъ (пастель) отца И. И.—ча—Ивана Евфимича Срезневскаго, профессора Демидовскаго Ярослав-

скаго высшихъ наукъ училища и затѣмъ Харьковскаго университета (р. 1770 † 1819), относящейся къ 1810-мъ гг., портретъ матери И. П-ча Елены Ивановны Срезневской (р. 1792 † 1856), въ гробу, рисованный самимъ И. П-чемъ, портретъ его дѣла по матери П. А. Кускова, и три портрета его жены Екатерины Ѳедоровны Срезневской, рожд. Турниной (р. 1825 † 1912).

Изъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ И. Е. Срезневскому, здѣсь находится краткая біографія, написанная незнакомымъ лицомъ вскоре послѣ его смерти, выписки изъ его формулярнаго списка, сдѣланныя рукою П. И. С.—го, біографическій очеркъ его, составленный П. И. С.—имъ, печатный «Catalogus lectionum et exercitationum, in Athenaeo litterarum Demidowiano Iaroslaviensi . . . habendarum», съ свидѣніями о читанныхъ имъ курсахъ; оффиціальныя его бумаги: аттестатъ объ окончаніи курса Рязанской семинаріи 1791 г., съ первымъ упоминаніемъ фамилии «Срезневскій», аттестатъ объ окончаніи университетскаго курса въ Московскомъ университетѣ 1796 г. и дипломъ отъ Харьковскаго университета на званіе доктора (doctoris litterarum et artium humaniorum) 1813 г. Далѣе его рукописи — книжка стиховъ «Моя зира», открытая на стихотвореніи «Ахъ, почто ты рокъ злощастный . . .», замѣтка его объ Овсени и письмо къ матери жены о крещеніи П. И. Срезневскаго; нѣкоторыя изданія его произведеній: «Ода пчелиной матки отъ вѣрной подданной ея молодой пчелы С. . .» (М. 1794), «Плачь Публия Овидія Назона» (М. 1795), «Рѣчь о любви къ отечеству» (изъ «Утренней Зари» 1800 г.), «Побѣдная пѣснь Россіи на пораженіе безчисленныхъ силъ мечтательнаго завоевателя свѣта, сочиненная для музыки . . .» (Харьковъ, 1812), «Горациева

ода XXXII» (из Украинского Вѣстника 1819 г.) и напечатанное въ 1910 г. въ книгѣ «Любовная лирика XVIII в.» стихотвореніе «Роданъ».

Изъ рукописей, относящихся къ Е. И. Срезневской, здѣсь находится нѣсколько ея писемъ и стихотвореніе Н. И. С.—го, ей посланное, написанное въ 1839 или 1840 г., во время его перваго заграничнаго путешествія.

Отъ Иосифа Евсеѣвича Срезневскаго, доктора философіи, профессора Казанскаго университета и затѣмъ преподавателя петербургскаго Артиллерійскаго училища, кончившаго жизнь монахомъ въ одномъ изъ монастырей кадулжской епархіи, сохранилось всего три письма — 1819, 1825 и 1828 гг., которыя и выставлены въ этой витринѣ. Кромѣ того тутъ же находится «Обзорніе публичныхъ преподаваній въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ» 1813—1814 гг. и «Catalogus praelectionum in universitate litterarum Caesarea Casanensi... habendarum» 1815—1816 гг., въ которыхъ говорится о его университетскихъ курсахъ. Одно изъ его сочиненій «О разныхъ системахъ правоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ» представлено здѣсь въ изданіи («Вѣстникъ Европы» 1817 г.).

Во второй витринѣ собрано то, что относится къ первому, харьковскому періоду жизни И. И. Срезневскаго. Здѣсь мы видимъ подлинную метрическую записку о рожденіи его, изображеніе Харьковскаго университета 1820—1830-хъ гг., виды Харькова того же времени, автографы и портреты университетскихъ профессоровъ, влияние которыхъ было особенно цѣнимо И. И. С.—мъ, — И. Н. Даниловича, П. П. Гулака-Артемовскаго. Далѣе видимъ письмо Н. И. С.—го къ матери изъ перваго путешествія въ Москву, письмо въ Ярославль къ бабушкѣ

Ек. Ант. Кусковой 1830 г. (съ описаніемъ мѣръ противъ холеры), автографы друзей его, въ кругу которыхъ началась его литературно-этнографическая дѣятельность — письмо П. В. Росковшенка 1831 г. (съ разсказомъ о встрѣчѣ съ Пушкинымъ), письма Ав. Г. Шингоцкаго 1831 г., Ореста и Феодора Степановичей Евсѣихъ, книжку «Украинскаго альманаха» (Харьковъ, 1831), изданнаго И. И. С.—имъ совместно съ Росковшенкомъ, книжку «Словацкія пѣсни», письмо И. Лисавицкаго, помогавшаго И. И. С.—му въ собраніи памятниковъ народной словесности, письма и стихотворенія украинскаго поэта Льва Боровиковскаго, переводы съ румынскаго и сербскаго А. Хиждеу.

Далѣе, извлеченія изъ того, что П. И. называлъ своей украинской «скарбицей», украинской «скриней», — записки пѣсенъ, поговорокъ, обрядовъ, повѣрій малорусскихъ, выписки изъ дѣтописей и пр.: «Абевега малороссійскихъ суевѣрій и преданій», Сборникъ заговоровъ (собранный О. С. Евсѣимъ), «Меморіалъ гетмановъ войска запорожскаго», «Пѣсни, записанныя студентомъ Зонарою», «Южно-русскія купальныя пѣсни», «Чумацкія пѣсни», «Петривочки», «Думы и пѣсни украинскія» — сборникъ, переписанный И. И. С.—мъ, переписанное имъ же «Собраніе памятниковъ народной украинской словесности», съ спискомъ лицъ, принимавшихъ участіе въ собраніи, «Червоная могила» (изложеніе думы рукою И. И. С.—го), «Вѣрша Великодня» (рукою неизвестнаго), «Стихи или вѣрша Черноморская» записанная неизвестнымъ, «Вирша на Воскресеніе Христова», большая тетрадь подъ заглавіемъ «Выписки и записки библиографическія и историческія касательно исторіи Украины и Польши», «Чтевія Сказаній Вильгельма де Вассера де Боцлана объ Украинѣ» (рукою

И. И. С—го), «Надгробное слово» (сатира). Далѣе, нѣсколько писемъ И. И—ча къ матери изъ помѣстья Варваровки на Днѣпрѣ 1832 — 1833 гг., гдѣ онъ работалъ надъ собраніемъ этнографическихъ матеріаловъ, «Планъ нынѣшняго Варваровскаго помѣстья въ XVI столѣтіи», рисованный И. И. С—имъ, картинка семей — «Видъ Варваровскаго деревенскаго дома и Днѣпра, снятый съ набережныхъ скалы Ненасытенца», и большая записная тетрадь, относившаяся къ тому же времени. Тутъ же книжечка «Запорожской старины» съ образцомъ билета для подписки на нее (рукою И. И. С—го) и изслѣдованіе И. И. С—го «Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины» (Харьковъ, 1839). Далѣе, письма Н. В. Гоголя, П. М. Свистрева. Затѣмъ представлены литературныя произведенія И. И—ча: рукопись «Разказы внока Симеона Азарянскаго», съ разрѣшеніемъ печатать (за рядомъ исключеній), съ подписью М. Т. Каченовскаго, напечатанныя въ передлѣткѣ въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» (Харьковъ, 1834) подъ заглавіемъ «Отрывки изъ записокъ о старей Гр. Сковородѣ», рукописи: «Овара, сѣмъ думокъ» за подписью «Антошъ Майко Келеберда зъ Почаѣва Поломарь Богородицькой Звонницъ», «Воспоминанія стариковъ и старушекъ о Григоріи Савичѣ Сковородѣ» (при этомъ рѣдкій портретъ Сковороды и автографъ его письма къ свщ. Правницкому), разказъ «Маіоръ, Маіоръ» (напечатанный въ Московскомъ Наблюдателѣ 1836 г.), «Varrodia sonatina» (тамъ же, 1837), рукопись воспоминаній о посѣщеніи И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ (тутъ же автографъ И. П. Котляревскаго «Москвѣ Чариникъ» и старинный портретъ его семей). Далѣе, письма В. В. Пассека, А. .І. Мелгннскаго, Н. П. Костомарова, содержащія драмы Костомарова «Савва Чалый» (рукою

автора), письмо И. И. С.—го къ Костомарову съ отвѣтомъ Костомарова на томъ же листкѣ, письма къ И. И. С.—му В. Н. Каразина, В. Г. Анастасевича, А. О. Вельтмана, автографъ Г. О. Квитки (пѣсня «Гришо, Гришо...»), автографированный портретъ его и рѣчь И. И. С.—го надъ его гробомъ (автографъ).

Далѣе, отдельную группу составляютъ труды И. И. Срезневскаго по статистикѣ и политической экономіи — печатный экземпляръ его магистерской диссертации «Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ» (Харьковъ, 1837), «Вступительное чтеніе въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи» (П. 1838), рукопись «Компендіумъ статистическаго описанія Россійскаго государства въ современномъ состояніи», печатный экземпляръ докторской диссертации «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно» (Харьковъ, 1839).

Третья витрина заключаетъ въ себѣ документы, относящіяся къ путешествію И. И. Срезневскаго въ западно-славянскія страны 1839—1842 г. Это — попытка наглядно изобразить дѣятельность И. И.—ча въ этотъ періодъ, охарактеризовать при помощи рукописей, книгъ, портретовъ, рисунковъ и другихъ предметовъ его стремленія, цѣли, преслѣдуемыя имъ въ его работѣ, его связи съ дѣятелями науки и общественной жизни.

Мы начинаемъ слѣдить за путешественникомъ съ его отъѣзда изъ Харькова. Тутъ во-первыхъ видимъ напутственныя привѣтствія ему отъ его харьковскихъ наставниковъ и друзей — П. П. Гулака-Артемовскаго, И. П. Даниловича, И. И. Костомарова (стихотвореніе, нач.: «Хай мило-

сердѣй Бѣгъ та считалъ Дѣва Марія тебе боронить...», отъ лица, съ которыми онъ встрѣтился или познакомился въ Москвѣ—А. О. Вельтмана (стихотвореніе «Свершая жизни трудный путь...» и портретъ), М. Т. Каченовскаго, М. С. Щенкина, Н. В. Гоголя, М. П. Погодина, П. М. Строева, С. Е. Раича (стихотвореніе, нач.: «Вы ѣдете въ страну Торквато...»). Далѣе, его рисунки—наброски видовъ Бѣлгорода, Мценска, Орла, Тулы, замѣтки о древне-славянскихъ рукописяхъ собранія М. П. Погодина (1839).

Затѣмъ, съ отъѣздомъ за предѣлы Россіи, жизнь П. И. Срезневскаго представлена въ его путевыхъ замѣткахъ о путешествіи по Пруссіи, въ замѣткахъ о Канубахъ, о ихъ нарѣчій; здѣсь же старинныя литографіи—виды Тильзита, Кенигсберга, Берлина.

Сююенія съ ученыхъ міромъ представлены въ памятныхъ запискахъ дѣмецкихъ профессоровъ—Ф. Боппа, подъ руководствомъ котораго П. И. изучалъ санскритскій языкъ (санскритская записъ), А. Потта (отрывокъ автобіографіи), Розенкранца.

Дѣтельность въ Прагѣ, гдѣ П. И. работалъ надъ чешскимъ и другими славянскими языками подъ руководствомъ Шумавскаго, Ганки, Шафарика, представлена частью въ его письмахъ, частью въ работахъ надъ изученіемъ чешской народной литературы. Здѣсь же находится старинная гравюра, изображающая пражскій соборъ св. Вита; затѣмъ, автографы лица, съ которыми сблизился П. И.: стихотвореніе на память отъ Г. Ф. Шумавскаго, письма Ганки, одно изъ нихъ совмѣстно П. И. С—му и спутнику его въ дальнѣйшемъ пути П. И. Прейсу, автобіографія Ганки, написанная имъ позже, визитная карточка его, напечатанная славянскою вязью, стихотвореніе «Národu ne

basnau, dokud gazyk žige» на память отъ В. Ганки 1840 г., портреты Ганки (гравюра, литографія и фотографія), письмо къ нему И. П. С.—го изъ Дрездена и замѣтка его о немъ, относящаяся къ концу 1840-хъ гг.; письмо И. П. С.—го къ матери изъ Праги; портреты Юнгмана (гравюра), Шафарика (литографія), Челяковского (литографія), Палацкаго (фотографія); листокъ на память отъ чешскаго литератора В. Сташка 1840 г.; стихи, обращенные къ И. П. С.—му «Bud' zdráv a štásten, Ukraginský družo...» на память отъ Ф. Л. Челяковского 1840 г. и замѣтка И. П. С.—го о его сочиненіяхъ; письмо П. Шафарика и замѣтка И. П. С.—го о немъ, написанная значительно позже, въ 1861 г., по поводу его смерти; записка Снегирева съ порученіями Срезневскому къ Шафарику и къ польскому писателю Кухарскому; стихотвореніе на память отъ К. Виваржickaго «Když gsi, milý rautniče Slowenský...» 1840 г.; стихотвореніе на память «Драгому Срезневскому» отъ писателя-богослова Антоинва Марка «Jedno hřege slunce...» 1840 г. и литографическій портретъ его; двусторонніе И. П. С.—му отъ романиста Яна Марка (писавшаго подъ псевдонимомъ Jan z Hvězdy), листокъ на память отъ Я. Коллара, относящійся къ 1841 г., написанный въ Загребѣ, гдѣ онъ познакомился съ И. П. С.—мъ, и его портреты-гравюра; четверосторонніе отъ К. Я. Ербена 1841 г. и литографированный портретъ его (болѣе поздній); стихотвореніе на память отъ чешскаго литератора Запа, написанное въ 1842 г. во Львовѣ, гдѣ они встрѣтились; листокъ на память отъ профессора Я. П. Коубка, пѣсня, записанная чешскимъ ученымъ Вацлавомъ Кромьмусомъ. Далѣе, работы И. П. С.—го о корняхъ чешскаго языка, записъ колодокъ чешскихъ; пѣсня гуситовъ (списокъ рукою И. П. С.—го на-

чала шессы Листа для Фортешано и текста пѣсни, съ замѣткой передъ текстомъ о вѣроятной принадлежности этой пѣсни Гавкѣ) и печатный отчетъ министру народнаго просвѣщенія (открытъ на страницѣ съ сообщеніемъ о Прагѣ).

Дальнѣйшій путь И. И. Срезневскаго шелъ по Моравіи: къ этому времени относятся путевыя замѣтки И. И-ча о Райградскомъ монастырѣ и о рукописи Martirologiura Odoni (1840), о Брюннскомъ музеѣ, «Пѣсни изъ Моравскихъ краевъ», «Пѣсни моравскихъ слезаковъ», листки на память отъ А. Шемберы (двустипніе), отъ моравскаго поэта Фр. Сушила и ихъ литографированные портреты, листокъ отъ писателя Клацеля, виды Брна—Брюнна (раскрашенная гравюра) и Вѣны (литографія) того времени.

Съ жизнью И. И. Срезневскаго въ Вратислава (Бреславль), куда онъ проѣхалъ изъ Моравіи, и работами надъ изученіемъ слезаковъ знакомать насъ рукописи И. И. С—го: «Прусскіе слезаки, Слова и разговоры», «Записки о нарѣчіяхъ слезскихъ», «Народные srjewki горныхъ слезаковъ» (два списка — русскимъ и латинскимъ шрифтомъ); о сближеніи съ чешскимъ патриотомъ профессоромъ Вратиславскаго университета И. Пуркиней напоминають письма его къ С—му, его портретъ (литографія) и стихотвореніе «Chrám Wšeslawský» (1840 г.). Сюда же относятся два вида Вратислава и два — Легницъ того времени (литографія).

Изъ Вратислава путь Срезневскаго лежалъ въ Горнолукишную землю и далѣе къ Дольня Лукицы: передъ нами рукописи И. И. С—го «Путешествіе по Серболукишской землѣ (изъ писемъ домой)», «Свадебные обряды годиль», «Дольно-лукицкія пѣсни», «Записка о нарѣчіяхъ и народной словесности лукицкихъ сербовъ», «Рукописи

Герсдорфской библиотеки въ Будимпештѣ» (1840 г.), пѣсенъ съ музыкой изъ его сборника Горно-лукицкихъ пѣсенъ, листокъ на память отъ І. Е. Смолера, известнаго дѣлателя сербо-лукицкаго возрожденія, фотографическій портретъ его (болѣе поздняго времени), письмо отъ него И. И. С.—му и рукопись его «Socha anebo Wlastenci Bohdaněstj...»: тутъ же раскрашенные гравюры — виды Сгорѣльца и Будимина, видъ Хочебуза (гравюра), записная книжка изъ путешествія со Смолеромъ по Лукицамъ (рисунки городищъ) и статья «Городища и могилы, осмотрѣнныя мною въ Лукицахъ». Далѣе, листокъ съ стихотвореніемъ на память отъ лукицкаго дѣлателя А. Зейлера, листокъ отъ І. П. Юрдана, письмо И. И. С.—го къ матери изъ Сгорѣльца съ стихотвореніями, которыя онъ написалъ членамъ семьи дѣлателя сербо-лукицкаго возрожденія Гаунта: «Прошу—своихъ друзей старинныхъ вспомянуть...» и «Теодора, Теодора, сохранишь ли мой листокъ...».

Послѣ зимы 1840—1841 гт., проведенной въ Прагѣ и въ Винѣ, гдѣ подъ руководствомъ В. Караджича И. И. Срепенскій изучалъ сербскій и хорватскій языки, онъ двинулся въ Штирію, къ Хорватамъ, въ Крашну, Хорутанію, Резню и далѣе на югъ: мы видимъ путевыя записи И. И. С.—го о Вараждинѣ, карандашные его рисунки Крапины, записную книжку, «Пѣсни, пословицы и сказки хорутанскихъ словенцевъ, собранныя во время путешествія».

Все это путешествіе обильно представлено кромѣ рукописныхъ замітокъ и записныхъ книжекъ еще массою рисунковъ карандашемъ, перомъ и акварелью, изображающихъ одежды, типы и мѣстности. Это: хорватка въ Карловцѣ, хорватка изъ Юрова, хорватъ изъ Загреба, хорватскій пастухъ, бурманъ изъ Быстрицы (рисунки перомъ съ

перечнем на полѣ названій частей его одежды), резинка, наконецъ, рисунокъ перомъ съ видомъ мѣстности въ Редіи. Изъ рукописей, относящихся къ Хорватской землѣ, представлены слѣдующія: большая тетрадь, названная «Разныя разности хорватскія», съ образами хорватскаго нарѣчія (пѣсни, переводы изъ евангелія, отдѣльные слова); «Отличія нарѣчія хорватскаго безъацкаго отъ словенскихъ», чернивал рукопись И. И. Срезневскаго (1841 г.), Отчетъ министру народнаго просвѣщенія о путешествіи по землямъ хорватовъ и сербовъ въ 1841 г. (начало было напечатано), чернивал рукопись И. И. Срезневскаго. Къ путешествію по Редійской землѣ относятся отрывки изъ путевыхъ записокъ: Дунаѣ—Редіи (1841). Тутъ же помѣщены автографы слѣдующихъ лицъ: письмо Ст. Врза (и портретъ его), памятная записка проф. Жулана (въ Цѣловцѣ), капеллана Майера (въ Хорутани), штирійскаго писателя П. Дайнка, Метелька (въ Люблянѣ), стихотвореніе и литографированный портретъ Ив. Кризанчича (въ Быстрицѣ), К. Кваса, Курельца, Кукудевича-Саклинскаго (и портретъ его), стихотвореніе словенскаго поэта Прешерна (съ приложеніемъ изданія этого стихотворенія въ книгѣ «Prešernov Album», 1900 г. и портрета Прешерна), портреты-литографіи Зденчал и Людевита Гая, письмо къ послѣднему И. И. С.—го и печатный текстъ стиховъ, которые пѣлись на обѣдѣ въ честь его 25 авг. 1841 г.

О путешествіи по Петрии, Далмаціи и Черногоріи, совершеномъ И. И. Срезневскимъ совместно съ И. И. Прейсомъ въ май—юль 1841 г., даютъ понятіе: рукопись отчета И. И. С.—го министру народнаго просвѣщенія, рукописные путевыя маршруты, отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С.—го [Далмація, Дубровникъ, путь къ

Петвиш), рукопись И. И. Срезневского — глени, записанные в Карловаго, «Кое что из рукописей, виданных в монастырѣ Беркскомѣ» (изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. Срезневского), замѣтки о рукописяхъ того же монастыря, принадлежащія И. И. Прейсу (тутъ же портретъ Прейса). Затѣмъ многочисленные рисунки И. И. Срезневского — виды иѣстностей и типы: Карловъ Пагъ со спуска съ Велебита, изгладъ на Крку выше водопада, монастырь Крка, сѣверная истрианка, чичъ въ Рѣкъ продаеть угли, далматинская дѣвушка изъ подъ Скрадина, далматинскій попъ, головной уборъ дѣвушки — obluk, черногорецъ, черногорка изъ Нѣгущей.

Послѣ новаго посѣщенія Загреба и Хорватской земли въ сентябрѣ 1844 г. И. И. Срезневскій направился на востокъ въ Славонію; сюда относятся рисунки акварелью и перомъ: славонки, славонская дѣвушка-козарша надъ буеракомъ, попы славонскіе; записная книжка (перебѣдъ въ Славонію).

Сербскую землю посѣтъвъ И. И. Срезневскій въ октябрѣ 1844 г. Къ посѣщенію ея относятся: «Объявленіе», выданное ему отъ сербскаго правительства для свободнаго передвиженія по княжеству, записная книжка, рисунокъ креста, видѣннаго въ стѣну одной изъ 19-ти крѣпостныхъ башенъ въ Смедеревѣ, затѣмъ многочисленные рисунки перомъ, карандашомъ и акварелью: сербка изъ подъ Авалы, сербки изъ подъ Крагуевца, сербка изъ подъ Смедерева, сербская дѣвушка селянка, срѣмецъ въ опаклѣ, срѣмецъ, сербскій попъ («подъ расой турецкая одежда»), невеста изъ Чупринъ, варошанинъ сербскій («такъ ходять . . . и прежде ходили всѣ чиновники въ малыхъ городахъ»), турецкій солдатъ на стражѣ въ развалинахъ Биоградской крѣпости,

варошанка сербская («такъ одѣваются и всѣ знатныя сербскія дамы, которыя еще не приняли европейскаго костюма»), турецкій жидъ, болгаринъ, перешедшій границу въ Сербію, съ куклой, домикъ сербскаго мужика, монастырь Раваница, кулы Милоша Обилича и ки. Лазара въ монастырь Раваницы въ Сербіи. Далѣе автографъ В. Караджича— письмо И. И. Срезневскому— книга съ прашской на обложкѣ, портреты его— одинъ современная литография, другой болѣе поздній, фотографическій, съ надписью на оборотѣ, — биографическій очеркъ его, принадлежащій И. И. С.—му, листокъ на память И. И. С.—му отъ Д. Тирола и гравированный портретъ его.

Путешествіе по землѣ словаковъ, осуществленное И. И. Срезневскимъ весной и лѣтомъ 1842 г., представлено двумя путевыми записными книжками И. И. С.—го, воспоминаніями о свиданіи съ Яномъ Гольмъ, листкомъ, полученнымъ имъ на память отъ Я. Гольма (на томъ же листкѣ автографъ М. Голаки); тутъ же три листка съ стихотвореніями, списанными рукою Я. Гольма, литографированный портретъ его, стихотвореніе на память отъ Сама Хадунки, листокъ на память отъ К. Кузмани (и два литографированныхъ портрета), листокъ отъ I. Гюта и стихотвореніе И. И. Срезневскому отъ Людевита Штура (на бумагѣ печатное изображеніе Бретислава— Пресбурга).

Какъ и предыдущее путешествіе по землямъ южныхъ славянъ, и это богато иллюстрировано рисунками. Изъ видовъ мѣстностей находимъ карандашныя изображенія Нитры, Тренчанскаго замка съ башни монастыря шаристовъ (подъ горою городъ Тренчинъ); тутъ же одежды мужская и женская; затѣмъ рисунки одежды и уборовъ: сытинская дѣвушка, гроенецъ, шаринская парта, дѣвушка изъ Турчан-

ской столицы въ свадебномъ вѣнцѣ, оравецъ изъ Еленовой, оравка (тутъ же рисунки жилищъ), женскіе уборы и одежды жителей Мураванской, Гровецкой и Ревуцкой долинъ.

Путешествіе по Галиціи (юль 1842 г.): записная книжка, рисунки — одежда и головной уборъ женскій и мужской въ Стрыйскомъ округѣ, изображеніе дома въ горахъ Бешади, въ Венгріи и въ Галиціи, стрыйская дѣвушка и головной уборъ ея, одежды и утварь въ Галиціи; листки на память отъ И. Вагилевича и Я. О. Головацкаго (и портреты). Къ этому путешествію относится современная граюра, изображающая Львовскую ратушу.

Съ путешествіемъ по Польшѣ, которую И. П. посѣтитъ проѣздомъ въ Россію, знакомятъ: собраніе польско-силезскихъ пѣсень (выписки), памятный листокъ отъ В. А. Маньевскаго и литографическій портретъ его, листокъ на память отъ А. Э. Одынца (стихотвореніе «Panicz i dzieweczyna» и нѣсколько строкъ по поводу его) и литографія Познани того времени.

Четвертая витрина иллюстрируетъ университетскую дѣятельность И. П. Срезневскаго сначала въ Харьковскомъ университетѣ съ 1843 по 1846 г., затѣмъ въ С.-Петербургскомъ — съ 1847 по 1880 г.

Впередѣ всего лежатъ листки съ замѣтками, относившимися еще ко времени путешествія И. П. Срезневскаго, въ которыхъ занесены мысли о будущихъ университетскихъ чтеніяхъ, о планахъ занятій и проч. Затѣмъ автографы первыхъ лекцій: въ Харьковскомъ университетѣ 16 октября 1843 г., въ Петербургскомъ — 28 января 1847 г., съ вступительнымъ словомъ о П. И. Прейсѣ, предшественникѣ И. П. С.—го, и въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Далѣе въ витринѣ находится часть въ автографахъ, частью въ

записяхъ слушателей, частью въ изданіяхъ курсы И. И. Срезневскаго: «Введеніе въ Славянскую филологію» или «Общее филологическое обозрѣніе славянъ» (печатная программа), впоследствии получившее названіе «Энциклопедическое введеніе въ Славянскую филологію» (изданіе 1870-хъ гг. по конспективнѣмъ записямъ студентовъ), «Славянскія древности» (рукописный конспектъ 1850-хъ гг. и литографированное изданіе 1860-хъ гг.), «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» (рукописная программа и записки студентовъ 1851 — 1853 гг.), «Древности русскаго языка» (автографъ), «Славяно-русская палеографія» (автографъ и печатное изданіе 1885 г.), «Чтенія по исторіи славянскаго языка» (литографированное изданіе 1870-хъ гг.), «Славянская грамматика» (литографированное изданіе).

На стѣнѣ помѣщены: видъ С.-Петербургскаго университета 1854 г. и литографированные портреты профессоровъ — И. М. Благовѣнскаго, С. С. Кустурги, Б. А. Певолна, А. В. Никитенца и И. И. Срезневскаго съ подписями факсимиле (изъ альбома «Императорскій С.-Петербургскій университетъ», изд. въ 1854 г.) и портретъ И. И. С.—го, печат. въ литографіи Эргота.

Далѣ въ витринѣ автографы учениковъ И. И. Срезневскаго по Харьковскому и Петербургскому университетамъ и по Педагогическому институту, а также портреты илюстрированныхъ изъ нихъ: работы харьковскихъ слушателей С.—го — М. И. Сухомина (замѣтка о Сумароковѣ) и М. О. Де-Пуле («Отче нашъ» въ переводѣ на великорусскій и на малорусскій языкъ и на тамбовскій говоръ); работа студента Педагогическаго института Н. С. Тихонравова (и портретъ его), курсы «Исторія русскаго языка» И. И. С.—го, составленный Н. Г. Чернышевскимъ (и портретъ его), студенческая работа П. А.

Лавровского (и портретъ), статьи Н. А. Лавровскаго, статьи А. Н. Пышина «Старинныя сказки о царѣ Соломонѣ» (и портретъ), письменный отвѣтъ на экзаменѣ Н. А. Добролюбова «Употребленіе звуковъ въ древнемъ славянскомъ народномъ языкѣ», замѣтка о древнемъ русскомъ стихѣ В. И. Ламбскаго (и портретъ), студенческая работа В. И. Модестова, группа студентовъ выпуска 1860 г. — Н. А. Трескинъ, Л. Н. Майковъ, А. М. Скабичевскій, В. В. Макушевъ, П. Н. Полевой, Е. Е. Замысловскій, Ф. Ф. Ординъ; письменный отвѣтъ и curriculum vitae Л. Н. Майкова, отчетъ В. В. Макушева, относящійся къ позднѣйшему времени; студенческая работа В. А. Бильбасова, кандидатская диссертация В. И. Острогорскаго; группа выпуска 1863 г. — М. В. Праховъ и В. В. Ѳedorовъ; студенческая работа А. И. Неделенова, В. Д. Синовскаго, И. В. Помидловскаго, А. С. Будиловича, М. А. Веневитинова (и портретъ); группа студентовъ выпуска 1869 г. — Н. М. Авичковъ, И. А. Галактионовъ, В. С. Куторга, К. К. Маакъ, И. И. Михайловскій, Н. И. Ювшкій; группа студентовъ выпуска 1870 г. съ автографами-подписями; письменныя работы студентовъ Ѳ. П. Успенскаго, И. Н. Жданова, Е. Ѳ. Шмурло, С. Л. Пташникаго, С. Ѳ. Платонова, И. Ѳ. Анненскаго, и въ заключеніе адресъ Н. И. Срезневскому къ его 50-лѣтнему юбилею, составленный студентами выпуска 1879 г.

Въ пятой витринѣ и на стѣнѣ надъ нею собрано то, что относится къ дѣятельности И. И. Срезневскаго въ Императорской Академіи Наукъ.

Здѣсь видимъ изображеніе Академіи Наукъ — гравюра 1850-хъ гг., литографированные портреты членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности того времени — А. Х. Востокова, П. А. Плетнева, П. Г. Буткова, Я. И. Бердин-

кова, И. И. Давыдова, В. А. Полѣнова и автографы ихъ въ статьяхъ и письмахъ къ И. И. Срезневскому.

Издание *Извѣстій Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности*, предпринятое И. И. Срезневскимъ въ 1851 г., представлено автографомъ его доклада Отдѣленію о необходимости періодическаго изданія въ Отдѣленіи (1849 г.), затѣмъ первыми листами «*Извѣстій*», первыми выпусками приложений къ нимъ («Памятники и образцы народнаго языка и словесности» и «Матеріалы для сравнительнаго словаря и грамматики») и послѣднимъ (X-мъ) томомъ «*Извѣстій*». Тутъ же лежатъ первый томъ находившихся въ неразрывной связи съ «*Извѣстіями*» «Ученыхъ записокъ второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ», въ тѣ же годы выходившихъ подъ редакціею И. И. Срезневскаго. Далѣе помѣщены автографы статей и письма нѣкоторыхъ сотрудниковъ «*Извѣстій*» и «Ученыхъ записокъ»: В. И. Григоровича (и портретъ), В. И. Дала, В. М. Ундольскаго (и портретъ), И. Д. Бѣльева, І. Базарова, А. С. Ловицкаго-Чужбинскаго, А. Н. Майкова (и портретъ), К. И. Вепоструева, С. М. Соловьева, С. П. Шевырева (и портретъ), И. И. Носовича, Ф. Цейкова, Г. С. Дестуниса (и портретъ), А. Ф. Гильбердинга.

Далѣе, письма ученыхъ и писателей, связи съ которыми начались у И. И. Срезневскаго въ тѣ же годы, — О. М. Бодянскаго, П. А. Безсонова, Ф. И. Буслыева, А. В. Горскаго (и портретъ), В. В. Григорьева (и портретъ), Н. И. Надеждина, Г. П. Данилевскаго, Ю. Даничича (и портретъ), Н. В. Калачева, П. И. Кетцева, И. М. Марьинова (и портретъ), Ф. С. Морачевскаго (и отзывъ И. И. Срезневскаго о его переводѣ сватскаго на малорусскій языкъ), Д. В. Полѣнова (и портретъ).

Далѣ представлены портреты и автографы членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, вступившихъ въ Академію въ 1850-хъ, 1860-хъ и 1870-хъ гг.: А. В. Никитенка, П. С. Биларскаго, П. П. Дубровскаго, П. П. Пекарскаго, Я. К. Грота, М. И. Сухомлинова, А. Ѳ. Бычкова. Тутъ же находятся автографы замѣтокъ и воспоминаній П. И. Срезневскаго о сочленяхъ его по Академіи, а также принадлежащія ему очерки ихъ дѣятельности: Рѣчь надъ гробомъ А. Х. Востокова (рукопись), «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова» (изд. 1864 г.), Записка объ ученыхъ трудахъ А. В. Никитенка (рукопись), о трудахъ П. П. Пекарскаго (рукопись), объ ученыхъ трудахъ М. И. Сухомлинова (рукопись), о трудахъ П. П. Дубровскаго (рукопись), объ ученыхъ трудахъ А. Ѳ. Бычкова при предложеніи избранія его въ члены Академіи Наукъ (рукопись), записка о трудахъ А. Н. Веселовскаго (рукопись). Тутъ же находятся портреты П. И. Срезневскаго изъ послѣдняго времени (1870-хъ гг.) и списокъ сочиненій, составленный къ его пятидесятилѣтнему юбилею по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности А. Ѳ. Бычковымъ (1879 г.).

Въ шестой витринѣ представлены нѣкоторые изъ трудовъ П. И. Срезневскаго по русскому языку.

На первомъ мѣстѣ находится книга П. И. Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка» — первое изданіе, съ собственноручными поправками и дополненіями автора, и послѣднее изданіе 1887 г.

Далѣ, статьи его по географіи русскаго языка — «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка» (1851), «Русь Угорская» (1852); затѣмъ бесѣды: «Объ изученіи родного языка» (рукопись и 1-ое изданіе 1860 —

1861 г.), три статьи въ рукописи по вопросу о преподаваніи русскаго языка, «Замѣчанія о первоначальности курсъ русскаго языка», «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (1871), «Чтеніе о языкѣ Крылова» (1869), «Замѣчанія объ образованіи словъ изъ выраженій» (1873), рукописи словаря языка оцены съ нѣмецкимъ переводомъ словъ, составленнаго для Пюгга, Сибирскій словарь, отдѣльныя карточки дополненій къ Областному словарю и для словаря новаго русскаго языка.

Наконецъ, тутъ находится рукопись, относящаяся къ словарю древне-русскаго языка: записка о немъ, представленная въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, первая обработка его, первый опытъ изданія (собственноручная тетрадь съ вложенными корректурными листами), рядъ замѣненій заглавія въ корректурныхъ листахъ, корректурные листы, между прочимъ, съ замѣчаніями А. О. Бычкова и П. И. Саввантова, отдѣльныя карточки словаря, мелкіе частные словари (изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, изъ Ипатьевской лѣтописи, изъ Новгородскихъ грамотъ, изъ Актовъ юридическихъ, изъ Сборника Владимира Мономаха, изъ Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ, изъ списка пророковъ Ушаря) и послѣдній томъ «Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка» къ изданію 1912 г.

Въ архивѣ П. И. Срезневскаго сохранился богатый матеріалъ къ его работамъ по русской, юго-славянской и греческой палеографіи: это снимки съ рукописей, надписей на вещахъ, слѣпки цѣлыхъ предметовъ, снимки съ цѣлыхъ рукописей и изображенія отдѣльныхъ буквъ (сводный азбуки) для сравнительныхъ таблицъ по звкамъ. Этими работамъ посвящена послѣдняя витрина выставки.

Въ ней во-первыхъ видимъ образы приемовъ и техники сниманія изъ обширнаго систематическаго собранія снимковъ съ памятниковъ XI—XV вв. русскаго письма; здѣсь представлены снимки: изъ Патерика Синайскаго XI в., съ Черниговской гривны XI в., съ Тмутараканскаго камня XI в., изъ Ефремовской кормчей XI в., Триоди XI—XII в., Триоди XIII в., Новгородской кормчей 1280 гт., Книги евангельскихъ чтеній Синодальной типографской б-ки д. 1359 г., Книги евангельскихъ чтеній той же б-ки 1399 г., съ надписи на крестѣ 1359 г., Чиновника XIV в., принадлежавшаго гр. Мусину-Пушкину, книги пророчествъ 1488 г., Октоиха Троицкой лавры 1497 г. Тутъ же представлено изданіе извѣщеній изъ этого собранія, напечатанное въ приложеніи къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка» (1866), и первое изданіе текста этой книги (1863), а также два изданія Сильвестровскаго сборника («Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ» 1860), изъ которыхъ одно въ свѣтъ выпущено не было.

Къ собранію снимковъ съ русскихъ памятниковъ относятся не входящія въ составъ систематическаго обзоранія отдѣльные снимки съ надписей на вещахъ и съ самихъ вещей на гипсѣ, гуттаперчѣ, бумагѣ; образки, найденныя въ Казанской губерніи (формы и оттиски), икона свв. Бориса и Глѣба, снимокъ съ креста, найденнаго въ Новоладожскомъ уѣздѣ, съ надписи на Корсуновскихъ вратахъ въ Новгородѣ, съ оклада евангелия XV в., съ миниатюрь изъ Временника Георгія Амартола XIV в., изъ Чудовскаго сборника № 22, съ надписи въ Кирилловской церкви въ Кіевѣ и съ Хутынской грамоты 1192 г.

Далѣе представлено нѣсколько снимковъ изъ собранія

снимков юго-славянских памятников: снимки съ Стужицкой псалтыри XI в. (теперь исчезнувшей съ горизонта), фотографической снимокъ Болонской псалтыри XII в., снимки съ Сабиченскаго апостола XII в., съ книги Евангельскихъ чтеній XIII в., сводная азбука XIII в. Здѣсь же находится литографія нѣкоторыхъ изъ этихъ снимковъ (изданіе въ свѣтъ не выпущенное) и труды Н. П. С.—го «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864) и «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма» (1868).

Далѣе видимъ образцы изъ собранія снимковъ съ глаголическихъ памятниковъ: изъ Ватиканскаго евангелія, изъ Зографскаго евангелія и изъ Пражскихъ отрывковъ. Тутъ же находится изданіе извлеченій изъ этого собранія, напечатанное въ качествѣ приложеній къ труду Н. П. Срезневскаго «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы» (1866).

Отдѣльную группу составляютъ снимки съ памятниковъ греческой письменности IV—IX вв., принадлежащихъ Парижской, Ватиканской, Александрійской и др. библиотекамъ; тутъ же статья «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма» (1876).

Кромѣ того здѣсь помѣщено нѣсколько образцовъ описаній отдѣльныхъ памятниковъ, а также цѣлыхъ собраній рукописей, сдѣланныхъ Н. П. Срезневскимъ и оставшихся не напечатанными: таковы описанія Болгарскаго сборника XIV в. Синодальной библи., Коляцкаго Успенскаго собора въ Москвѣ 1207 г., Соловецкаго служебника XIV в., описаніе рукописей Чудовской, Троицкой и Типографской Синодальной библиотекъ, замѣтки о рукописяхъ Парижской Национальной библиотеки и Лейденской библиотеки. Сюда же отнесено изданіе Н. П. Срезневскаго

«Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» въ корректурныхъ оттискахъ и оригиналахъ, а также печатный экземпляръ его 1-го тома (1867).

Здѣсь же помѣщены фотографіи лицъ, близость И. И. Срезневскаго съ которыми основывалась на общности интересовъ къ палеографіи и археологіи: арх. Амфилохія, арх. Макарія, гр. А. С. Уварова, гр. М. В. Толстого, Ю. Д. Филимонова, А. Е. Викторова, П. И. Саввантова, Д. М. Струкова, Ѳ. Г. Солнцева.

Наконецъ, отдѣльную группу составляютъ дипломы И. И. Срезневскаго на ученія степени и на ученія и почетныя званія отъ различныхъ учреждений, членомъ которыхъ онъ былъ избранъ:

на степень магистра политическихъ наукъ отъ Харьковскаго университета (1838);

на званіе адъюнкта Харьковскаго университета (1838);

на званіе адъюнкта Имп. Академіи Наукъ (1849) и на званіе ординарнаго академика Академіи Наукъ (1854);

на званіе члена-корреспондента Казанскаго университета (1854);

на званіе почетнаго члена Харьковскаго университета (1869), университета св. Владимира (1869), Казанскаго (1869) и Новороссійскаго университетовъ (1879);

на званіе почетнаго члена духовныхъ академій: Киевской (1869), Московской (1875), Казанской (1877) и Петербургской (1879);

на званія дѣйствительнаго члена и почетнаго члена: Одесскаго общества исторіи и древностей (1843), Имп. русскаго географическаго общества (1847 и 1879), Имп. русскаго археологическаго общества (1850 и 1879), Общества любителей русскаго словесности (1859), Московскаго

археологического общества (1864), Общества древне-русского искусства (1866), Московского общества любителей духовного просвещения (1870);

на звание почетного члена: Югославянской Академии (1867), Музея королевства Чешского (1868), загребского Društva za pověstnici i starine jugoslavenske (1850), чешского общества Svatobor (1867), пражского Akademického čtenářského spolku (1874), общества Kealovská česká společnost náuk (1878);

на звание члена: копенгагенского общества Société royale des antiquaires du nord (1845) и антверпенского Société française d'archéologie (1867), члена-корреспондента: бельгийской Académie d'archéologie (1867) и мадридской Real academia de la historia (1868).

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ БЮГРАФИИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО

(печатные источники).

I.

Общие обзоры жизни и деятельности, очерки и характеристики. — Списки сочинений. — Статьи по поводу пятидесятилетнего юбилея (1879), по поводу смерти (1880), по поводу семидесятилетия со дня рождения (1887), по поводу столетия со дня рождения (1912). Разныя сведения общего характера.

1. Бычковъ, А. О.: Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1880 годъ.

Сборн. Отд. рус. яз. и слов., т. 22 (П. 1884), № 6, стр. 18—126, съ портретомъ, рис. на камен. Борелемъ (въ автографѣ Брезе) и эскизами. Въ приложеніи напечатаны: 1) Записка о путешествіи по западнымъ Славянскимъ землямъ (составлена въ Имп. Московскомъ университетѣ); 2) Выписка изъ дописаннаго 1-го отдѣленія философскаго факультета проф. Артемовскаго-Гудала объ извѣстной профессора, составленнаго Московскимъ ун-вомъ, о путешествіи молодого ученаго за-границу для изученія славянскихъ нарѣчій; 3) Инструкція въ руководствѣ с. д-ву Срезневскому по случаю назначеннаго для него путешествія по Славянскимъ землямъ съ цѣлью изученія славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы; 4) Письмо В. В. Ганна къ С. С. Уварову; 5) Списокъ сочиненій и наградъ ординарнаго академика Имп. Академіи Наукъ И. И. Срезневскаго. — Отд. отг. П. 1881 (съ тѣми же приложеніями). — Перепечат. (кроме Списка сочиненій) въ «Отчетахъ Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1866—1891 годы» (П. 1903), стр. 388—443.

2. Ламанскій, В. И.: И. И. Срезневскій (1812—1880).

Историч. записка о дѣятельности Имп. Моск. археологическаго общества за первые 25 лѣтъ его существованія (М. 1890), стр. 245—283. — Отд. отг. М. 1890, 41 стр. — Перепечат. въ «Историческомъ сборникѣ профессоровъ и преподавателей Имп. С.-б. ун. 1869—1894» (П. 1898), т. 2, стр. 214—258. — Отзывъ: Русск. Фил. Вѣстн. 1890, т. 24, № 4, стр. 356.

- 3 Срезневский, В. И.: Срезневский, Иманлъ Ивановичъ.
Русскій биографическій словарь, т. Сибирскій — Суворина (П. 1909),
стр. 276 — 298. Въ приложеніи материалы для библиографіи. — Отд.
отг. подъ загл. «Иманлъ Ивановичъ Срезневскій. Биографическій
очеркъ» (близъ указанія автора). П. 1908, 8°, 63 стр. (съ фототип.
портретомъ).
- 4 [Срезневский, В. И.]: 1812—1912. Иманлъ Ивановичъ
Срезневскій. Краткій биографическій очеркъ. П. 1913,
8°, 2 нум. + 40 нум. стр.
Приложены 3 портрета В. И. Срезневскаго, 1 портретъ Е. П. Срезнев-
ской, 1—Е. В. Срезневской (автогипсъ) и списокъ съ почерка. — Изданіе
это — переработка пред.
- 5 Срезневский, В. И.: Краткій очеркъ жизни и дѣятель-
ности И. П. Срезневскаго.
Сборникъ «Памяти П. И. Срезневскаго» (П. 1915), стр. 1 — 68. —
Отд. отг. П. 1914, 8°, 2 нум. + 68 нум. стр. — Вънѣ эта представляется
собой переработку пред.
- 6 Автономовъ, Н.: Что сдѣлалъ Иманлъ Ивановичъ
Срезневскій для изученія русскаго языка.
Филолог. Записки (Воронежъ), 1912, к. 1—4, стр. 87—101, 276—291,
325 — 339, 537 — 558.
- 7 Буличъ, С. К.: Срезневскій (Иманлъ Ивановичъ).
Энциклоп. словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Вейера, т. 31,
(П. 1906), стр. 356 — 359.
- 8 Краснопѣвецъ, Я. О.: Рѣчь, посвященная памяти проф.
И. П. Срезневскаго [заглавіе взято изъ текста, предше-
ствующаго рѣчи].
Приложение акта къ Цесковскому Сергіевскому реальному училищу
3 июля 1891 г. (Острокъ, 1891), стр. 27 — 36.
- 9 Ламанскій, В. И.: Записка объ ученыхъ трудахъ заслу-
женнаго профессора И. П. Срезневскаго.
Протоколъ засѣданій Совета Имп. СПб. унив. за вторую пол. 1871—
1872 акад. года, № 6 (П. 1873), стр. 89 — 91.
- 10 Ламанскій, В. И.: Записка объ ученыхъ трудахъ заслу-
женнаго ординарнаго профессора И. П. Срезневскаго.
Протоколъ засѣданій Совета Имп. СПб. унив. за вторую пол. 1876—
1877 акад. года, № 16 (П. 1878), стр. 56 — 57.

- 11 Пыпинъ, А. Н.: Обзоръ малорусской этнографіи.
Вѣст. Евр. 1883, т. 3, № 9, стр. 325—350; гл. 2 «И. П. Срезневскій, 1812—1880» (статья въ переработанномъ видѣ и съ значительными сокращеніемъ вошла въ «Исторію русской этнографіи» А. И. Пашина, т. 3, стр. 88—104).
- 12 Пыпинъ, А. Н.: Исторія русской этнографіи, тт. 1—4.
П. 1890—1892.
Упомянуты см. по указателю въ т. 4.
- 13 Пыпинъ, А. Н.: Исторія русской литературы, тт. 1—4.
П. 1898—1899.
Упомянуты см. по указателю въ т. 4.
- 14 Пыпинъ, А. Н. и Спасовичъ, В. Д.: Исторія славянскихъ литературъ, т. 1—2. Изд. 2-е. П. 1879, 1881.
Упомянуты см. по указателю въ т. 2.
- 15 Соболевскій, А. Н.: Заслуги И. П. Срезневскаго.
Сборникъ «Памяти И. П. Срезневскаго» (П. 1913), стр. 168—181.—
Отд. отд. П. 1913, 8°, 2 полуш. + 14 нум. стр.
- 16 Сокальскій, П. П.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій.
1812—1880.
Особое приложеніе къ «Статистическому Листку», 1883 г. (изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета) подъ загл. «Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую губернію. Азѣвскія Имп. Харьковскаго университета Памяти Павловича Срезневскаго (1839)», стр. 2—8.
- 17 Срезневская, О. И.: Письмо къ А. Н. Пыпину по поводу его статьи «Обзоръ малорусской этнографіи», съ дополнительными замѣчаніями А. Н. Пыпина [безъ заглавія].
Вѣст. Евр. 1883, т. 6, № 12, стр. 813—817.
- 18 Срезневская, О. И.: Художественныя произведенія И. П. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще.
Сборникъ «Памяти И. П. Срезневскаго» (П. 1913), стр. 182—277.—
Отд. отд. П. 1913, 8°, 2 полуш. + 96 нум. стр.
- 19 Ягичъ, Н. В.: Исторія славянской филологіи.
Энциклопедія славянской филологіи, вып. 1 (П. 1910). Упомянута см. по указателю.

- 20 V[avík], E[míl]: Ismail Ivanovič Srezněvskij.
Květy (Praha), 1887, № 24, 200 и 202. Съ прил. гравир. на дерев. портрета.
- 21 Оомычъ, Оома: Исмаилъ Ивановичъ Срезневскій. (Биографическій очеркъ).
Сказъ (Ужгара), 1867/8, № 27.
- 22 Добролюбовъ, I. В. и Яхонтонъ, С. Д.: Библиографическій словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ (преимущественно) Рязанской губернии [Рязань, 1910].
Биографія И. П. Срезневскаго, съ приложениемъ списка сочиненій, из стр. 254—272.
- 23 Захаровъ, А. А.: Биографическій словарь членовъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества.
Императорское Московское археологическое общество въ первое пятидесятилѣтїе его существованія (1864—1914 гг.), т. 2 (М. 1915), табл. 1, стр. 339—341. Въ прилож. на табл. XVI фототип. портрета.
- 24 Халанскій, М. Г.: Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей [Харьковскаго университета].
Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первые 100 лѣтъ его существованія (1805—1905) подъ ред. М. Г. Халанскаго и Д. И. Бугаѣва (Харьковъ, 1908), стр. 119—124. Въ прилож. фототип. портрета съ фотографіи 1890 г.
- 25 Perwolf, I.: Slovanská myšlenka na Rusi.
Osvěta (Praha), 1879, т. 9, str. 627—629.
- 26 Биографическій указатель замѣчательныхъ уроженцевъ и дѣятелей Харьковской губернии.
Харьковскій календарь на 1884 г. (Харьковъ, 1883), стр. 435—436.
- 27 Срезневскій, Исмаилъ Ивановичъ.
Иллюстрированный календарь. Изданіе А. Бууана. 1868 (П. 1867), стр. 206. Съ портр., гравир. на дерев. на одной табличкѣ съ П. А. Чебышевскаго, Е. М. Берока, В. И. Бушюковскаго и А. Ф. Милдендорфа.
- 28 Srezněvskij, Ismail Ivanovič.
Slovnik naučny. Redaktor Dr. Františ Lad. Bieger. Díl. 8 (V Praze, 1868), str. 947—948. На полтвскую Кѣ.

- 29 Срезневский, Имамъ Ивановичъ.
 Русский энциклопедический словарь (И. В. Березина), отд. IV, 2
 (П. 1877), стр. 261.
- 30 Срезневский, Имамъ Ивановичъ.
 Наши дѣтели. Галерея замѣчательныхъ людей Россіи въ портре-
 тахъ и биографіяхъ, изд. А. Бузана, т. 6 (П. 1879), стр. 14—18.
 Съ портретомъ, гравиръ на стали, и снимкомъ съ почерка.
- 31 Срезневский, Имамъ Ивановичъ.
 Энциклопедический словарь Ф. Павленкова (П. 1899), стл. 2202.
 Съ автогг., портретомъ, Перечень изъ слѣд. изданійхъ.
- 32 Срезневский, Имамъ Ивановичъ.
 Малый энциклопедический словарь (изд. Бронгаузъ и Ефрова),
 т. 3 (П. 1902), стл. 1336; изд. 2-е, т. 2 (П. 1908), стл. 1369—1370.
- 33 Срезневский, Имамъ Ивановичъ.
 Настоящий энциклопедический словарь (г.-ва Гранатъ), т. 8
 (М. 1903), стл. 4646. Съ автогг., портретомъ.
- 34 Srezniewski, Izmael.
 S. Orgelbranda Encyklopedja powszechna z ilustracjami i mapami, т. 14
 (Warszawa, 1903), 33.
- 35 Срезневский, Имамъ Ивановичъ.
 Большая энциклопедія (ред. С. Н. Южанова), т. 17 (П. 1904),
 стр. 761—763 (безъ подписи).
- 36* Srezněvskij, Izmael Ivanovič.
 Ottův Slovník naučný. Ilustrovaná encyklopedie obecnýchъ vědomostí.
 23 díl (V Praze, 1903), str. 998—1000. За подписью—[р.]
- 36 Срезневский, Имамъ Ивановичъ.
 1811—1911. Словарь членовъ Общества любителей русской сло-
 весности при Московскомъ университетѣ (М. 1911), стр. 269—270.
- 37 Березинъ-Ширлевъ, Я. Ѳ.: Последніе матеріалы для
 бібліографіи (П. 1884), стр. 174.
 Краткія біографическія свѣдѣнія.
- 38 Гротъ, К. Я.: Владимиръ Ивановичъ Ламанскій
 († 19 ноября 1914 г.).
 Ист. Вѣст. 1915, т. 139, № 1, стр. 211—214, и отд. отт.
- 39 Модестовъ, В. И.: Огрывокъ изъ воспоминаній.
 Ист. Вѣст. 1884, т. 18, № 11, стр. 291.—Сравненіе И. И. Срезневскаго
 съ В. И. Григоровичемъ.

- 40 Писаревъ, Д. П.: Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ.
Сочиненія Д. П. Писарева. Полное собраніе въ шести томахъ.
Изд. 4-е Павленкова т. 1 (П. 1903), стр. 447—448. Вошло и въ предм.
изданія.—Проводится параллель между Срезневскимъ и Гончаровымъ.
- 41 Полевой, П. П.: Три типа русскихъ ученыхъ (Куникъ,
Срезневскій и Григоровичъ).
Ист. Вѣстн. 1899, т. 76, № 4, стр. 127—136, 138, 140.
- 42 Сопникъ современной русской литературы.
Русск. Арх. 1904, т. 3, № 11, стр. 380. — Составленъ сопникъ отно-
сится ко времени до 1836 г.
- 43 [Бычковъ, А. Ф.]: Библиографическій списокъ сочиненій
и изданій ординарнаго академика Имп. Академіи Наукъ
П. И. Срезневскаго. Ко дню пятидесятилѣтія его ученой
дѣятельности составленъ въ Отдѣленіи русскаго языка
и словесности. П. 1879. 4°, 2 нум. + 38 нум. стр.
Новое изданіе этого списка съ дополненіями, доставленными А. А.
Котляревскимъ, вошло въ «Отчетъ о дѣятельности второго отдѣленія
Имп. Академіи Наукъ за 1880 г.» А. Ф. Бычкова (см. выше, № 1).
- 44 Списокъ сочиненій и изданій Измаила Ивановича Срез-
невскаго, оставшихся въ небольшомъ количествѣ экзем-
пляровъ и имѣющихся въ продажѣ.
Журн. Мин. нар. пр. 1880, ч. 212, № 11, въ отд. частныхъ объявленій.
Отд. отг. 3 нум. стр.
- 45 Второй списокъ сочиненій и изданій Измаила Ивановича
Срезневскаго, имѣющихся въ продажѣ. П. 1894.
8°, 7 нум. стр.
Новое изданіе пред. съ дополненіями и сокращеніями.
- 46 Третій списокъ сочиненій и изданій Измаила Ивановича
Срезневскаго, имѣющихся въ продажѣ. П. 1899. 8°,
7 нум. стр.
Новое изданіе пред. съ дополненіями и сокращеніями.
- 47 Десницкая, В. П.: Списокъ трудовъ членовъ Импера-
торскаго Московскаго археологическаго общества, помѣ-
щенныхъ въ изданіяхъ общества.

Императорское Московское археологическое общество за первое пятидесятилетіе его существованія (1864—1914 гг.), т. 2 (М. 1915), отд. 2, стр. 187—188.—Списокъ трудовъ И. И. Срезневскаго не точенъ; включены нѣкоторые не напечатанные его доклады, а также трудъ его сына Вяч. Им. Срезневскаго «Сѣверный рѣзной календарь».

- 48 Объявленіе объ изданіи переписки акад. П. И. Срезневскаго [безъ заглавія].

Изд. Отд. русск. яз. и сл. 1899, кн. 1 (въ объявленіяхъ).

- 49 Иконниковъ, В. С.: Опытъ русской историографіи, т. 1, кн. 1 и 2 (Кіевъ, 1891 и 1892), т. 2, кн. 1 и 2 (Кіевъ, 1908).

Упомянута св. по указателю.

- 50 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. Спб. университета, № 20 (И. 1880), № 22 (И. 1881).

Представленіе Совѣта Спб. университета поочередно Спб. учебнаго округа о разрѣшеніи празднованія пятидесятилѣтня научной дѣятельности И. И. Срезневскаго 3 апрѣля 1879 г. и другіе связанныя съ этимъ вопросом (№ 20, стр. 14—15, 35, 43—44; № 22, стр. 4—5).

- 51 Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной академіи за 1879 г.

Присланы Собесѣдникъ, 1879, №№ 6 и 8, прил. 37—38, 89—90.—По поводу празднованія пятидесятилѣтня научной дѣятельности И. И. Срезневскаго.

- 52 Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской Духовной академіи 1879 г.

Труды Кіевской Дух. академіи, 1879, т. 3, № 7, прил. 175—176.—По поводу празднованія пятидесятилѣтня научной дѣятельности И. И. Срезневскаго. Напечатано письмо П. И. Срезневскаго ректору Академіи.

- 53 Протоколы засѣданій Совѣта Казанскаго университета въ 1879 г.

Вѣстия и Ученія записка Имп. Казанскаго универс. 1879, ноябрь—декабрь. Вѣстия, ч. 4, стр. 432, 440.—По поводу избранія И. И. Срезневскаго въ почетные члены Казанскаго университета въ связи съ празднованіемъ 50-лѣтняго юбилея.

- 54 Извлечение из протоколовъ засѣданій Совѣта [Университета св. Владимира].
Универс. Вѣстникъ (Киѣв), 1879, № 7, ч. 1, стр. 27—28.—Примѣтство И. П. Срезневскому по поводу 50-лѣтняго юбилея.
- 55 Булгаковъ, Ѡ. И.: Дѣятельность Общества любителей древней письменности съ 25-го ноября 1878 года по 25-е апрѣля 1879 года.
Памятникъ древней письменности, 1879, вып. 2 (И. 1879), стр. 7—8.—Объ избраніи И. П. Срезневскаго почетнымъ членомъ Общества къ пятидесятилѣтнему юбилею его дѣятельности (приводятся текстъ адреса).
- 56 Вакуловскій, Н. Н.: Изманъ Ивановичъ Срезневскій.
Животное Обозрѣніе, 1879, № 4.
- 57 [Вакуловскій, Н. Н.]: Биографическій очеркъ И. П. Срезневскаго по поводу пятидесятилѣтняго юбилея ученой дѣятельности [безъ заглавія].
Москва, 1879, № 85 (28 марта).
- 58 Демидовъ, В.: Изманъ Ивановичъ Срезневскій.
С.-Петербургская Вѣд. 1879, № 92 (5 апр.).
- 59 Задеражскій, Н. П.: По поводу празднованія 5 апрѣля пятидесятилѣтня ученой дѣятельности заслуженнаго профессора и академика И. П. Срезневскаго.
Вѣдлантъ, 1879, № 42 (10 апр.).
- 60 Макушевъ, В. В.: О важнѣйшихъ трудахъ И. П. Срезневскаго по Славянской филологіи (по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его ученой дѣятельности).
Русск. Филол. Вѣстн. 1879, т. 2, № 3, стр. 85—94, и отд. отд.
- 61 T., I. I.: Padesätileté jubileum I. I. Srezněvského.
Květy (Praha), 1879, 2, стр. 369—373.
- 62 Важнѣйшіе факты изъ жизни и дѣятельности И. П. Срезневскаго [безъ заглавія].
Русск. Филол. Вѣстн. 1879, т. 2, № 3, стр. 160—162.
- 63 Биографическія свѣдѣнія по поводу 50-лѣтняго юбилея [безъ заглавія].
Голосъ, 1879, № 94 (6 апр.).

- 64 Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея ученой и литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго.
С.-Петербургскія Вѣд. 1879, № 94 (7 апр.), стр. 2—3.—Подробное описаніе съ приведеніемъ многихъ адресовъ и привѣстій.
- 65 Адресъ Общества любителей древней письменности по поводу пятидесятилѣтняго юбилея И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].
Голосъ, 1879, № 95 (7 апр.).
- 66 И. И. Срезневскій и празднованіе его юбилея.
Харьк. губ. Вѣд. 1879, № 88 (12 апр.).
- 67 Юбилей Им. Им. Срезневскаго.
Газета А. Гатчина, 1879, № 45, стр. 236—238.
- 68 Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея И. И. Срезневскаго въ Варшавѣ [безъ заглавія].
Голосъ, 1879, № 100 (12 апр.).—Приведены рѣчи В. В. Макушева и выдержки изъ рѣчей Н. П. Барсова и П. А. Андруева.
- 69 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. Новороссійскаго университета.
Записки Имп. Новороссійскаго унив. 1880, т. 29, ч. 944, стр. 95—97.—Представленіе историко-филологическаго факультета Новороссійскаго универс. къ Совѣту университета объ избраніи И. И. Срезневскаго почетнаго члена, съ приложеніемъ текста представленія, составленнаго А. А. Кочубинскимъ, за подписями его, Н. П. Кондакова и П. С. Покрасова.
- 70 Аландскій, П. Н.: «Поминка» объ И. И. Срезневскомъ, читанная въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца 17 февр. 1880 г. [безъ заглавія].
Слав. сѣв.-зап. (изд. подъ ред. П. П. Загарацкаго), вып. 4 (Кіевъ, 1880), стр. 399—400.
- 71 Булгаковъ, О. И.: Дѣятельность общества любителей древней письменности съ 25-го ноября 1879 г. по 1-е апрѣля 1880 г.
Памятникъ древней письменности, 1880, вып. 2 (П. 1880), стр. III—IX.—Некрологъ И. И. Срезневскаго.

- 72 [Вакуловскій, Н. Н.]: Некрологъ [Н. Н. Срезневскаго].
Молва, 1880, № 42 (11 февр.).
- 73 [Гатцукъ, А. А.]: Некрологъ [Н. Н. Срезневскаго]. «Опа-
даютъ старые листья. А новые гдѣ?»
Газета А. Гатцукъ, 1880, № 7 (16 февр.).
- 74 Гильдебрандтъ, П. А.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій.
Древн. и нов. Россія, 1880, т. 16, № 2, стр. 393—394.
- 75 Гиргасъ, В. О.: Отчетъ о состояніи Имп. СПб. унив. и
дѣятельности ученаго его сословія за 1880 годъ.
Протоколъ засѣданій Совѣта Имп. СПб. унив. за первую пол. 1880—
1881 акад. года, № 23 (И. 1881), стр. 67—69, 77, 89.
- 76 Гротъ, Я. К.: Некрологъ [Н. Н. Срезневскаго].
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 42 (11 февр.). Перевед. въ «Трудахъ
Я. К. Грота», т. 3 (И. 1904), стр. 413—414.
- 77 Гротъ, Я. К.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій.
Имв. 1880, № 9, стр. 182 и 183. Съ портретомъ, грав. на деревѣ
К. Велерманомъ.—То же что предид.; текстъ тотъ же.
- 78 Hrubý, Jaromír: Solověv, Srezněvsky, Glinka. Nekrolog.
Osvěta (Praha), 1880, díl 1, str. 333—360.
- 79 Демидовъ, В.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій (некро-
логъ).
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 43 (12 февр.).
- 80 Дестуинскъ, Г. С.: Памяти Измаила Ивановича Срез-
невскаго.
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 43 (12 февр.).
- 81 Задерацкій, Н. П.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій
(некрологъ).
Слав. елигодикъ, вып. 4 (Киевъ, 1880), стр. 390—399. Въ прилож.
къ слѣдъ дѣль епонишихъ объ Н. Н. Срезневскомъ—П. Н. Алаидскаго и
А. А. Кохлереваго, вытиснаны въ Историческомъ обществѣ Историко-
дѣловскія 17 февр. 1880 г. (см. №№ 70 и 84).
- 82 [Колодосовъ, М. А.]: Измаиль Ивановичъ Срезневскій.
Русск. Фил. Вѣстн. 1880, № 1, стр. 159.—Здѣсь приведенъ выдержка
изъ письма Н. Н. Срезневскаго къ Колодосову 24 января 1880 г.;
въ указателѣ къ Р. Ф. В. (Варшава, 1913) замѣтка приписана
А. Н. Смирнову.

- 83 Котляревский, А. А.: Отчетъ о дѣятельности общества Нестора-лѣтописца за 1879—1880 гг. [въ извлеченіи, безъ заглавія].
Сѣданія о засѣданіяхъ Историческаго общества лѣтописца Нестора въ 1878—87 гг. (Чтенія въ Историческомъ общ. Нестора-лѣтописца, кн. 2, к. 1888, отд. 4, стр. 125—126). Перепеч. въ Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. 50 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4), 1895, стр. 681—682.
- 84 Котляревскій, А. А.: «Номинка» объ Н. И. Срезневскомъ, читанная въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца 17 февр. 1880 г. [безъ заглавія].
Слѣд. ежегодникъ (изд. подъ ред. Н. П. Задерацкаго), кн. 4 (Кіевъ, 1880), стр. 404—405. Перепеч. въ Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. 50 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4), 1895, стр. 674—680.
- 85 Ламанскій, В. И.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій.
С.-Петербургская Вѣд. 1880, № 42 (11 февр.).
- 86 Ламанскій, В. И.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій (1812 † 1880).
Новое Время, 1880, № 1421 (11 февр.).
- 87 Майковъ, Л. Н.: Н. И. Срезневскій (некрологъ).
Журн. Мин. нар. пр. 1880, ч. 208, № 3, отд. III, стр. 81—85, и отд. отд.
- 88 Помаловскій, И. В.: Отчетъ о трудахъ, распорядкѣнхъ, приобритеніяхъ и состояніи [Имп. Русскаго археологическаго] общества.
Извѣстія Имп. Русскаго археол. общ. т. 10 (П. 1884), стр. 308 (въ «Лѣтописи Имп. Русск. археол. общ.», засѣд. 8 марта 1880 г.).
- 89 Пыльницъ, А. И.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій.
Вѣстн. Евр. 1880, № 3, стр. 447—456.
- 90 Рождественскій, священ. В. Г.: Памяти заслуженнаго профессора, ординарнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго (слово, сказанное при отиѣваніи его въ церкви С.-Петербургскаго университета, февраля 12-го дня 1880 г.).
Церк. Вѣстн. 1880, № 11, стр. 2—6.

- 91 Соколовъ, М. П.: Измаиль Ивановичъ Срезневскій
[1 июня 1812 † 8 февраля 1880].
Древн. и нов. Россія, 1880, т. 16, № 3, стр. 464—476. Съ литограф.
портретомъ.
- 92 Сумцовъ, Н. Ф.: И. И. Срезневскій (некрологъ).
Харк. губ. Вѣд. 1880, № 43 (15 февр.).
- 93 Яковлевъ, В. А.: И. П. Срезневскій (некрологъ).
Новоросс. Телеграфъ, 1880, № 1488 (18 февр.).
- 94 Некрологъ [извѣстie о смерти И. И. Срезневскаго].
Новое Время, 1880, № 1420 (10 февр.).
- 95 Некрологъ [И. И. Срезневскаго].
Голосъ, 1880, № 42 (11 февр.). — Перепечатано въ Вѣдомостяхъ С.-Пб.
градоначальника и С.-Пб. городской полиціи, № 37 (13 февр.) въ альбо-
товѣ «Шедьляная хроника».
- 96 Некрологъ профессора И. И. Срезневскаго.
Новости, 1880, № 39 (11 февр.).
- 97 Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго [редакціонная
замѣтка].
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 42 (11 февр.).
- 98 (Nekrolog).
S.-Pb. Beobht, 1880, 11 Febr.
- 99 Некрологъ [И. И. Срезневскаго].
Вечерняя Газета, 1880, № 43 (12 февр.).
- 100 По поводу смерти И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].
Новое Время, 1880, № 1422 (12 февр.).
- 101 Извѣстie о смерти и краткій некрологъ [безъ заглавія].
Петербург. Газета, 1880, № 36 (12 февр.).
- 102 † И. И. Срезневскій.
Петербург. Листокъ, 1880, № 30 (12 февр.).
- 103 † Некрологъ. И. И. Срезневскій.
Правда, 1880, № 41 (12 февр.).
- 104 (Nekrolog).
S.-Pb. Zeitung, 1880, 12 Febr.
- 105 О выносі въ церковь и перенесеніи къ Николаевскому
вокладу тѣла И. И. Срезневскаго [безъ заглавія].
Москва, 1880, № 44 (13 февр.).

- 106 О выносі, отпѣваніи и перенесеніи тѣла Н. И. Срезневскаго и о послѣднихъ его минутахъ [безъ заглавія].
Новое Время, 1880, № 1423 (13 февр.).
- 107 Похороны Измаила Ивановича Срезневскаго.
Петербург. Газета, 1880, № 31 (13 февр.).
- 108 Некрологъ Н. И. Срезневскаго [безъ заглавія].
Русскія Вѣд. 1880, № 42 (13 февр.).
- 109 О выносі, отпѣваніи и перенесеніи тѣла Н. И. Срезневскаго, съ извлеченіемъ изъ слова В. Г. Рождественскаго [безъ заглавія].
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 44 (13 февр.).
- 110 Телеграфныя извѣстія о смерти Н. И. Срезневскаго, о панихидахъ надъ его гробомъ и отпѣваніи.
Моск. Вѣд. 1880, № 40—43 (10—13 февр.).
- 111 Телеграфное извѣстіе о смерти Н. И. Срезневскаго.
Харк. губ. Вѣд. 1880, № 40 (12 февр.).
- 112 Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Некрологъ.
Моск. Вѣд. 1880, № 43 (13 февр.).—Перепечатка некролога, привалла Я. К. Грозу, и извлеченіе изъ некролога, написаннаго В. И. Ламанскимъ.
- 113 S. Изъ Петербурга [о выносі и перенесеніи къ Николаевскому вокзалу тѣла Н. И. Срезневскаго].
Моск. Вѣд. 1880, № 44 (14 февр.).
- 114 Сообщеніе о выносі, отпѣваніи и перенесеніи тѣла Н. И. Срезневскаго, 12 февр. 1880 г. [безъ заглавія].
Современность, 1880, № 33 (15 февр.).
- 115 О встрѣчѣ гроба Н. И. Срезневскаго въ Москвѣ [безъ заглавія].
Моск. Вѣд. 1880, № 46 (16 февр.).
- 116 О встрѣчѣ гроба Н. И. Срезневскаго въ Москвѣ [безъ заглавія].
С.-Петербургскія Вѣд. 1880, № 49 (18 февр.).
- 117 Встрѣча и проводы праха покойнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго.
Прибавленія къ Разанскимъ оп. Вѣд. 1880, № 5, стр. 149—151 (приводится слово святи Н. В. Любоумрова).

- 118 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. СПб. университета, № 22 (П. 1881).

Извѣстіе о смерти, опредѣленіе о принятіи погребенія на счетъ университета, о пенсіи вдовѣ, вопросъ о постановкѣ портрета въ Петровскомъ залѣ уник. и объ учрежденіи фонда имени П. П. Срезневскаго для премій за лучшія сочиненія по славяновѣдѣ (стр. 23, 24, 32, 39—43, 74, 75).

- 119 Изложеніе рѣчи К. П. Бестужева-Рюмина въ память П. П. Срезневскаго при сообщеніи о засѣданіи СПб. Славянскаго благотворительнаго общества 14 февр. 1880 г. [безъ заглавія].

Новое Время, 1880, № 1426 (16 февр.).

- 120 Памятникъ въ Университетской церкви [въ Казани].

Казанскія губ. Вѣд. 1880, № 19 (8 марта).—Визрологи П. П. Срезневскаго и П. П. Зинина.

- 121 Помники по Срезневскомъ въ Кіевѣ.

Древля и нов. Россія, 1880, т. 16, № 3, стр. 601—603.

- 122 Кіевское общество Нестора-лѣтописца [помники по Срезневскомъ П. П. Агадскаго и А. А. Котляревскаго].

Истор. Вѣсти. 1880, т. 1, № 4, стр. 891—896.

- 123 Извѣстіе о помникахъ въ Новороссійскомъ университетѣ, съ извлеченіемъ изъ рѣчи А. Н. Кудрявцева [безъ заглавія].

Новое Время, 1880, № 1432 (22 февр.).

- 124 Измаиль Ивановичъ Срезневскій.

Всемирн. иллюстр. 1880, т. 23, № 11 (= 583), стр. 218 и 220. Съ портретомъ, рис. П. Ф. Борзенка (гравюра из дерева).

- 125 Измаиль Ивановичъ Срезневскій.

Истор. Вѣсти. 1880, т. 1, № 3, стр. 639—661.

- 126 Срезневскій, Измаиль Ивановичъ.

Всеобщій календарь на 1881 г. (изд. Германъ Гоппе), П. 1880, стр. 317—318.—Визрологъ.

- 127 П. П. Срезневский.
Виза, 1887, № 33, стр. 822—823 и 824. Съ портретомъ, гравир. на деревѣ К. Вейерманномъ.
- 128 Быковъ, П. В.: П. П. Срезневский.
Живописное Обзор. 1887, № 31, стр. 74—76. Съ портретомъ, рис. Монсильемъ, рѣс. на деревѣ Ф. В. Алтоукъ; надъ портретомъ: «1812. — По поводу семидесятилѣтня». — 1887.
- 129 Шахматовъ, А. А.: Вступительное слово на торжественномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, посвященномъ памяти П. П. Срезневскаго.
Сборникъ «Памяти П. П. Срезневскаго» (П. 1915), стр. V—VIII.
- 130 1812—1912. Описание выставки въ память столѣтія со дня рожденія П. П. Срезневскаго. П. 1913, 8°. 2 немум. + 39 нум. стр.
Приложены 2 портрета П. П. Срезневскаго, 1 — Е. Ф. Срезневской (автогитию), 2 снимки съ автографовъ П. П. Срезневскаго, сплани съ автографовъ П. П. Артемовскаго-Гудала, В. Ганки, В. Караджича, П. И. Костомарова и Ф. Челюковскаго (по одному) и 2 снимка съ надписей П. П. Срезневскаго. — Отдѣлы: Новое время, 1913, № 13277 (27 экзр.), съ подписью П. С.—ий; — *Časopis muš. kral. českého*, 1913, sv. 2, 306—307 (Emil Horský).
- 131 Свѣдѣнія о словѣ Н. Ф. Сумцова въ память П. П. Срезневскаго по поводу столѣтія со дня его рожденія, въ заведеніи Харьковскаго историко-филологическаго общ. 15 ноября 1912 г. [безъ заглавія].
Вѣсти. Харьк. ист.-фил. общ. вып. 3, 1913, стр. 83.
- 132 Памяти академика П. П. Срезневскаго.
Рѣч. 1913, № 20 (21 янв.). Съ автографическимъ портретомъ.
- 133 Торжественное заведеніе памяти П. П. Срезневскаго.
Дон. 1913, № 19 (21 янв.).
- 134 Въ Императорской Академіи Наукъ [по поводу торжественнаго заведенія 20 янв. 1913 г.].
Новое время, 1913, № 13241 (21 янв.); С.-Петербургскія Вѣд. 1913, № 18 (22 янв.).

- 135 Засідання въ пам'ять Н. И. Срезневскаго [безъ заглавія].
Русская Москва, 1913, № 41 (21 янв.).
- 136 Засідання Академіи Наукъ пам'яті Н. И. Срезневскаго.
Руссия Вѣд., 1913, № 48 (22 янв.).
- 137 Чествованіе пам'яті академика Н. И. Срезневскаго [снимокъ съ фотографіи Я. Штейнберга].
Петербургская Газета, 1913, № 23.
- 138 К—ий, Гр.: Засідання Импер. Академіи Наукъ, присвячена пам'яті акад. І. І. Срезневскаго.
Рада, 1913, № 24 (29 янв.).—О рѣчи В. О. Сумцова.
- 139 Сумцовъ, Н. О.: Выставка пам'яті Н. И. Срезневскаго.
Южный Край, 1913, № 11229 (31 янв.).
- 140 Тукалевскій, В. Н.: Выставка имени академика Н. И. Срезневскаго (1812—1912 г.).
Голосъ Минулаго, 1913, № 2, стр. 297—301. Съ автогн. портретомъ.
- 141 Выставка пам'яті Н. И. Срезневскаго.
Новое Время, 1913, № 13242 (22 янв.).
- 142 О находившихся на выставкѣ пам'яті Н. И. Срезневскаго писемлахъ Н. В. Гоголя къ Н. И. Срезневскому [безъ заглавія].
Рѣчь, 1913, № 27 (28 янв.).
- 143 Сумцовъ, Н. О.: Н. И. Срезневскій [по поводу торжественнаго засідання Импер. Академіи Наукъ въ память столѣтія со дня рожденія Н. И. Срезневскаго].
Вѣстн. Харьк. вѣд.-нав. общ. вып. 3, 1913, стр. 32—33. Съ портретомъ.
- 144 Карскій, Е. О.: Два юбилея: Н. И. Срезневскій и Я. К. Грозь.
Рус. Фил. Вѣстн. 1913, т. 60, № 1, стр. 224—227.
- 145 Въ Императорской Академіи Наукъ [по поводу торжественнаго собранія 20 янв. 1913 г. въ память столѣтія со дня рожденія Н. И. Срезневскаго].
Ист. Вѣстн. 1913, т. 131, № 3, стр. 1081—1082.

- 146 О стипендии имени Н. П. Срезневского на историко-филологическом факультете СПб. ун-в. [без заглавия].
Новое Время, 1880, № 1436 (26 февр.).
- 147 Извѣстiе о постройкѣ школы въ память Н. П. Срезневскаго вблизи его могилы въ с. Срезневѣ Рязанской губернии [без заглавия].
Новое Время, 1893, № 6144 (8 апр.).
- 148 Срезневскій, В. И.: Свѣдѣнiя о рукописяхъ, печатныхъ изданiяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленiе Имп. Академiи Наукъ въ 1900 и 1901 годахъ.
Изв. Имп. Академiи Наукъ, т. 16, № 2, стр. 1, 37—82; отд. отт. (П. 1902).—Напечатано описанiе поступившихъ изъ архива Н. П. Срезневскаго рукописей: автографовъ А. Х. Востокова, оригиналовъ статей и материаловъ, напечатанныхъ въ Извѣстiяхъ и Ученыхъ Запискахъ второго отд. Имп. Академiи Наукъ 1852—1863 гг., материаловъ для русскаго областного словаря, для общаго русскаго словаря, материаловъ по жаргону и народнои словесности, по народнои словесности и этнографiи бѣлоруссовъ и по русскои народнои словесности.
- 149 Срезневскій, В. И.: Охранная опись рукописнаго отдѣленiя Библиотеки Имп. Академiи Наукъ, вып. 1 (П. 1905).
Описанiе поступившей изъ библиотеки Н. П. Срезневскаго рукописи Ф. С. Морачевского (стр. 39—40).
- 150 Отчетъ о дѣятельности Имп. Академiи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленiямъ, составленный акад. С. Ѳ. Ольденбургомъ (П. 1910).
О приношенiи Е. Ѳ. Срезневскою въ даръ Рукописному отд. Библиотеки Академiи Наукъ собранiя рукописей и личныхъ бумагъ Н. П. Срезневскаго (стр. 36).
- 151 Вознякъ, М.: Отчетъ о дѣятельности Библиотеки Имп. Академiи Наукъ за 1910 годъ. П. 1911 [рецензия].
Записки наук. тов. (в. Шевченка, 1911, т. 2, стр. 323.—О дарѣ Е. Ѳ. Срезневскои).

- 152 Дѣтскій Домъ. Отчетъ Общества Помощь дѣтямъ рабочимъ г. С.-Петербурга за пять лѣтъ его существованія 1908—1913. П. 1913.

Объ учрежденіи стипендіи имени П. И. Срезневскаго при «Дѣтскомъ Домѣ» для продолженія образованія дѣтямъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (стр. 16).

- 153 Ровинскій, Д. А.: Подробный словарь русскихъ гра-
тированныхъ портретовъ, т. 3 (П. 1888),
О портретѣ, грав. на сталь, въ изданіи «Нашъ дѣятель» Баумана
(стр. 1936).— См. выше, № 30.

II.

Харьковскій періодъ: Общія обзоры. Прислание въ университетъ вѣнской де-Роберти. Литературные опыты. Этнографическія работы. Украинскія сказки и языковство.—Работы, относящіяся къ Украинѣ.

- 154 Срезневскій, В. И.: Изъ первыхъ лѣтъ научно-ли-
тературной дѣятельности П. И. Срезневскаго. 1831—
1839.

* Журн. Мин. нар. просв. 1898, ч. 315, № 1, стр. 1—39.—Рев. Киевск.
Стар. 1898, № 3, стр. 117—120.

- 155 Сумцовъ, В. Ф.: Харьковскій періодъ научной дѣятель-
ности П. И. Срезневскаго.

Сборникъ «Памяти П. И. Срезневскаго» (П. 1915), стр. 69—93, и от-
дѣл. (съ снимкомъ съ автографа П. И. Костомарова).

- 156 Сумцовъ, В. Ф.: О сочиненіяхъ П. И. Срезневскаго,
относящихся къ Южной Россіи вообще и къ Харьков-
ской губерніи въ частности.

Харьк. губ. Вѣд. 1890, №№ 83 и 84.

- 157 Багалій, Д. Н., Сумцовъ, П. Ф. и Бузескуль, В. П.:
Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за
первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905).
Харьковъ, 1906.
См. стр. 95—96, 137, 138, 144, 150, 151, 159, 163, 170, 193.
- 158 Халанскій, М. Г.: Опытъ исторіи историко-филоло-
гическаго факультета Имп. Харьковскаго университета.
Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета
за первыя 100 лѣтъ его существованія (1805—1905). Подъ редакціей
М. Г. Халанскаго и Д. Н. Багалія (Харьковъ, 1908), стр. 16, 17, 28,
29, 73, 100, 103.
- 159 Багалій, Д. Н.: Опытъ исторіи Харьковскаго универ-
ситета (по неизданнымъ матеріаламъ), т. 2 (съ 1815—
1835 годъ). Харьковъ, 1904.
См. стр. 670, 871, 928, 929, 1114.
- 160 Загурскій, Л. Н.: Опытъ исторіи юридическаго
факультета Имп. Харьковскаго университета.
Юридическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя сто
лѣтъ его существованія (1805—1905). Подъ редакціей проф. М. П.
Чубинскаго и проф. Д. Н. Багалія (Харьковъ, 1908), стр. 16, 25, 28.
- 161 Багалій, Д. Н. и Миллеръ, Д. П.: Исторія города
Харькова (съ 1655-го по 1905-й годъ), т. 2 (Харь-
ковъ, 1912).
См. стр. 581, 611, 813—814.
- 162 Обзоріе публичнаго преподаванія наукъ въ Имп.
Харьковскомъ университетѣ, составленное по распоря-
женію Совѣта университета на 18³⁷/₃₈ академическій
годъ (Харьковъ 1837).
Программа курса П. П. Срезневскаго по статистикѣ (стр. 3).
- 163 То же на 18³⁸/₃₉ академическій годъ (Харьковъ, 1838).
См. стр. 6—7.
- 164 Обзоріе преподаванія предметовъ въ Имп. Харьковскомъ
университетѣ на 18⁴³/₄₄ учебный годъ (Харьковъ, 1843).
Программа курса П. П. Срезневскаго по исторіи и литературѣ
славянскихъ нарѣчій (стр. 10).

- 165 То же на 1844/45 учебный годъ (Харьковъ, 1844).
См. стр. 10—11.
- 166 То же на 1845/46 учебный годъ (Харьковъ, 1845).
См. стр. 11.
- 167 То же на 1846/47 учебный годъ (Харьковъ, 1846).
См. стр. 11.
- 168 de Haxthausen, Auguste, baron. Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, t. 2 (Наповге, 1848).
О свидѣніи Гакстаузена съ Н. И. Срезневскимъ въ Харьковѣ въ 1843 г. (стр. 123—125).
- 169 Де-Шуле, М. И.: Харьковский университетъ и Д. И. Каченовскій.
Вѣст. Евр. 1874, № 1, стр. 103—107, 111, 114.
- 170 Неслуховскій, Ф. К.: Изъ моихъ воспоминаній.
Ист. Вѣст. 1890, т. 40, № 4, стр. 134—135.—О астунизативной лекціи Н. И. Срезневскаго въ Харьковскомъ университетѣ.
- 171 Пашковъ: Воспоминанія студента 1840-хъ годовъ.
Харьковъ [газета], 1877, № 30, Приб. къ № 30.—О докторскомъ диспутѣ Н. И. Срезневскаго и первыхъ его лекціяхъ по слог. етнологіи.
- 172 Б., И.: Воспоминанія о Полтавской гимназій и Харьковскомъ университетѣ за полстолѣтія назадъ.
Харьк. губ. Вѣд. 1870, № 38.
- 173 Гвоздиковъ, Е. Г.: Николай Ивановичъ Костомаровъ († 7-го апрѣля 1885) въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ.
Русск. Стар. 1890, т. 66, № 4, стр. 207—209.—Краткія свѣдѣнія объ Н. И. Срезневскомъ, какъ о преподавателѣ въ пансіонѣ де-Роберти.
- 174 Каллашъ, Вл. Вл.: Изъ исторіи малорусской литературы 20 и 30-хъ годовъ XIX вѣка (Библиографическія справки).
Кіевск. Стар. 1900, т. 71, № 11, стр. 245—250.—О дунѣ Н. И. Срезневскаго «Корній Озарал».

- 175 Срезневский, В. П.: Украинский альманах [1831 г.].
Киевск. Стар. 1893, т. 40, № 1, стр. 20—33.—Отд. отт. Киев, 1893,
2+14 стр.
- 176 Р[усова], С.: Харьковская журналистика начала настоя-
щего столетия.
Киевск. Стар. 1892, т. 38, № 8, стр. 196—197.
- 177 Изъ харьковской литературной старины. Ф. П. Мора-
чевский.
Южный Край, 1899, № 6333 (11 июля). — Напечатано письмо Ф. С.
Морачевского (въ заглавіи обвѣстка) къ П. Г. Кулжинскому 1831 г.
-
- 178 Де-Шуле, М. Э.: Къ исторіи украинофильства.
Русск. Вѣстн. 1881, т. 152, № 3, стр. 216—219.
- 179 Дашкевичъ, П. П.: Отзыви о сочиненіи г. Петрова:
«Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія».
Отзывъ о 29 присужденіи награды гр. Уварова (П. 1888), гл. обр.
стр. 49—50, 164—165, 244—246.
- 180 Костомаровъ, Н. П.: Автобіографія.
«Литературное наследіе Н. П. Костомарова (П. 1890)», стр. 28—32,
38, 44—46.
- 181 Огоновскій, Омелянъ: Исторія литературы Рускои,
часть 4 (Львовъ, 1894).
См. стр. 25, 46—55, 77, 169, 171. Глава 2-ая ч. 4-ой (Литература
наукова. 1. Етнографія) озаглавлена «Имяна Срезневскій».
- ✓ 182 Срезневскій, В. П.: Изъ переписки П. П. Срезневскаго.
1829—1839 гг.
Киевск. Стар. 1901, т. 73, № 6, стр. 317—343; т. 74, № 7—8, стр. 210—
248.—Отд. отт. Киев, 1901, 2+63 стр.
- 183 Грушевскій, А. С.: Изъ харьковскихъ лѣтъ Н. П.
Костомарова.
Журн. Мил. нар. просв. 1908, н. 14, № 4, стр. 240—254, 266—267,
288—292.
- 184 Грушевскій, А. С.: Изъ исторіи украинской этнографіи.
Этнографическія темы въ украинской литературѣ.
Изв. Отд. рус. яз. и сл. 1909, т. 14, кн. 2, стр. 163.

- 185 Литературное объявление объ изданіи Запорожской Старины.
 Моск. Наблюдатель, 1837, т. 14, стр. 242—243 (отъ лива редакція журнала).
- 186 Максимовичъ, М. А.: Наслѣзованіе о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ-Сагайдачномъ.
 Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. 1 (Кіевъ, 1876), стр. 340, 341, 353—357; равнѣ было выпечатано въ Москвитинѣхъ, 1843, № 10.
- 187 Костомаровъ, Н. И.: «Записки о Южной Руси издавъ П. Кулишъ, т. 1-й, 1856 года».
 Отеч. Зап. 1837, т. 112. Критика в библи. 41—42.—По поводу Запорожской Старины.
- 188 Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. 1 (Кіевъ, 1874).
 Забѣчаніе о думкахъ, замечаніяхъ въ Запорожской Старинѣ.
- 189 Костомаровъ, Н. И.: Историческая поэзія и новыя ея матеріалы.
 Вѣстн. Евр. 1874, № 12, стр. 611—628.—О томъ же.
- 190 Антоновичъ, В. Б.: «Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882».
 Киевск. Стар. 1883, т. 5, № 2, стр. 421—422.—О Запорожской Старинѣ, какъ историческомъ источникѣ.
- 191 Науменко, В. П.: Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ.
 Киевск. Стар. 1883, т. 12, № 5: «Памяти Н. И. Костомарова», стр. XXXVII—XXXIX, XLI—XLIII.—По поводу Запорожской Старины.
- 192 Грушевскій, А. С.: Къ исторіи украинской этнографіи.
 Сборникъ въ честь В. Б. Антоновича, Кіевъ, 1903 (выпущенъ въ свѣтъ не былъ), и отд. отд.—По поводу Запорожской Старины В. И. Орленскаго и его этнографическихъ работъ.
- 193 Грушевскій, Александръ. З сорокових рокив.
 Зап. наук. товар. оуни Шевченка, 1908, кн. 3, стр. 167, кн. 5, стр. 83, 90—92, 100—103.—По поводу Запорожской Старины.

- 194 Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ Ал. Ир. Левшину [1833 г.].
Кіевск. Стар. 1892, т. 39, № 10, стр. 123—124. Сообщ. Девк. Махевичъ. Подъ стр. примѣчаніе о полученіи оригинала письма отъ Н. Г. Тройницкаго. — По поволу изданія Запорожской Старины.
- 195 Пономаревъ, С. И.: Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ.
Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. 18, № 3 (И. 1877), стр. 29, 35.—О Запорожской Старинѣ.
- 196 Корсунъ, А. А.: Н. И. Костомаровъ.
Русск. Арх. 1890, № 10, стр. 208, 218—219. Приводятся письмо къ А. А. Корсуну Н. И. Костомарова. — По поволу Запорожской Старины.
- 197 Максимовичъ, М. А.: Объ историческомъ романѣ г. Кулиши «Черная рада» 1857 г.
Собрание сочиненій М. А. Максимовича, т. 1 (Кіевъ, 1876), стр. 323; ранее было напечатано въ Русской Бесѣдѣ, 1858, кн. 1.—О изданіи И. П. Срезневскаго на Исторію Кошицкаго.
- 198 Майковъ, Л. Н.: Къ вопросу объ «Исторіи Руссовъ».
Журн. Мин. нар. пр. 1893, ч. 287, № 3, стр. 216, и отд. отд.
- 199 Грушевскій, А. С.: Къ судьбѣ «Исторіи Руссовъ».
Эпизодъ изъ украинской историографіи XIX в.
Чтенія въ Истор. общ. Востра-аѳонскаго, 1906, кн. 19, вып. 2, отд. 2, стр. 37—39.
- 200 Грушевскій, А. С.: Къ характеристикѣ взглядовъ «Исторіи Руссовъ».
Изв. Отд. рус. яз. и сл. 1908, т. 13, кн. 1, стр. 398, 424, и отд. отд.
- 201 Срезневскій, В. П.: Петербургъ въ 1831—1832 гг. (по письмамъ провинціала).
Русск. Стар. 1900, т. 101, № 2, стр. 477—490. — Письма Н. В. Роскошова къ Н. П. Срезневскому.
- 202 Срезневскій, В. П.: Николай Васильевичъ Гоголь въ перепискѣ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ въ 1834—1835 гг.
Русск. Стар. 1892, т. 73, № 3, стр. 751—760.

- 203 Шенрокъ, В. П.: Къ перепишкѣ Н. В. Гоголя съ
Изм. Ив. Срезневскимъ.
Русск. Стар. 1892, т. 73, № 2, стр. 760—763.
- 204 Витбергъ, О. А.: Гоголь, какъ историкъ.
Ист. Вѣсти. 1892, т. 49, № 8, стр. 412.
- 205 Данилевскій, Г. П.: Григорій Ѳеодоровичъ Квитка-
Основляненко (съ 1778 по 1843 г.).
Украинская Старина (Харьковъ, 1866), стр. 190, 191, 223, 240—
243, 248—249.
- 206 Чествованіе памяти Г. Ф. Квитки.
Новое Время, 1878, № 981.—О письмѣ П. И. Срезневскаго къ
П. И. Костомарову, прочитанномъ на обѣдѣ въ честь Квитки въ СПБ.
въ 1878 г.
- 207 Мордовцевъ, Д. Л.: Николай Ивановичъ Костомаровъ
въ послѣдніа десять лѣтъ его жизни. 1875—1885 гг.
Русск. Стар. 1885, т. 38, № 12, стр. 660, 662.—По поводу участія
П. И. Срезневскаго въ обѣдѣ въ память Г. Ф. Квитки въ 1878 г.
- 208 Срезневскій, В. И.: Григорій Ѳеодоровичъ Квитка-
Основляненко (род. 18 ноября 1878 † 8 августа 1843).
Русск. Стар. 1893, т. 79, № 9, стр. 388—392.—Здесь замечательна
Рѣчь П. И. Срезневскаго надъ гробомъ Г. Ф. Квитки и письмо П. И.
Срезневскаго къ П. И. Костомарову о Г. Ф. Квиткѣ по поводу чество-
ванія его памяти въ 1878 г.
- 209 Автобиографическая замѣтка Я. Щоголева.
Киевск. Стар. 1904, т. 87, № 10, отд. 2, стр. 8.
- 210 П. И. Костомаровъ.
Русскій Худ. Листокъ, изд. Вас. Тимомъ, 1860, № 20, стр. 72.
Перепеч. П. С. Ренювилью въ Русск. Старинѣ, 1894, т. 69, № 2,
стр. 488.
- 211 Грушевскій, А. С.: Ранніа этнографическіа работы
П. И. Костомарова (къ поминкѣ † 1885—1910).
Извѣстія Отд. рус. яз. и сл. 1911, т. 16, кн. 1, стр. 79, 83, 87, 89,
91—93, 102, 113, 116.
- 212 Багалъй, Д. И.: Костомаровскіа дни въ г. Воронежѣ
(27—29 марта 1911 года).
Вѣстникъ Харьк. ун.-акад. общ. наук. 1 (1911).—Напечатаны изданіемъ
изд. изд. П. И. Костомарова къ П. И. Срезневскому.

- 213 Срезневскій, В. И.: Вадимъ Васильевичъ Пассекъ и его письма къ П. И. Срезневскому (1837—1839).
Русск. Стар. 1893, т. 78, № 5, стр. 377—402; т. 79, № 9, стр. 543—562.
- 214 Пассекъ, Т. П.: Изъ дальнихъ лѣтъ (II. 1879 и 1889).
См. въ т. 2, стр. 268—270; въ т. 3, стр. 272.
- 215 С[теблицъ]-К[аминскій], С. П.: Биографія поэта Котляревскаго.
Св. Пчела, 1839, № 146, стр. 584.
- 216 Метлинскій, А. Л.: Южный русскій сборникъ (Харьковъ, 1848).
Въ стр. 13—14 о малорусскомъ правописаніи П. И. Срезневскаго и объ отношеніи этого правописанія къ правописанію Котляревскаго; о томъ же см. Огоновскій «Исторія литературы русскою», ч. 2, стр. 437.
- 217 Срезневскій, В. И.: Знакомство П. И. Срезневскаго съ П. П. Котляревскимъ.
Києвск. Стар. 1899, т. 64, № 1, стр. 1—4.
- 218 Стещенко, И.: Древнѣйшій списокъ (1820) Наталки-Подлаки П. П. Котляревскаго.
Києвск. Стар. 1901, т. 73, № 4, отд. 2, стр. 1—9.—Сличеніе списка съ изданіемъ П. И. Срезневскаго.
- 219 Письма П. А. Кулиша къ О. М. Боднєскому (1846—1877 гг.) [съ предисловіемъ А. А. Титова].
Києвск. Стар. 1897, т. 58, № 9, стр. 403, 404, 407; т. 59, № 10, стр. 30, 43—44; 1898, т. 60, № 2, стр. 283—284, 289, 291—294, 296.—Извлеченія изъ писемъ рѣдко были изпечатаны А. Титовымъ въ Русск. Архивъ, 1892, № 11 (см. стр. 296).
-
- 220 Данилевскій, Г. П.: Григорій Савичъ Сковорода (съ 1722 по 1794 г.).
Украинская Старина (Харьковъ, 1866), стр. 29—31, 35—38, 41—44, 68—69, 74, 94.
- 221 Костомаровъ, Н. И.: Слово о Сковородѣ, по поводу рецензи на его сочиненія въ «Русскомъ Словѣ».
Основа, 1861, т. 3, № 7, стр. 176—179.

- 222 Крестовскій, Вс. Вл.: Ходатайство г. Костомарова по дѣламъ Сквороды и г. Срезневскаго.
Русское Слово, 1861, т. 8, отд. 2, стр. 79—87.
- 223 Костомаровъ, Н. И.: Отвѣтъ на статью Всеволода Крестовскаго: «Ходатайство Костомарова за Сквороду и Срезневскаго».
Основа, 1861, т. 3, № 8, отд. 2, стр. 1—14.
- 224 Письма къ Григ. Петр. Данилевскому.
Кіевск. Стар. 1903, т. 80, № 1, стр. 61—63.—Въ письмахъ А. Л. Метлицкаго относительно Гр. С. Сквороды.
- 225 Багалъй, Д. И.: Биографическіе матеріалы о Г. С. Сквородѣ.
Сочиненія Григорія Саввича Сквороды, собранныя и издаванныя проф. Д. И. Багалъемъ (Харьковъ, 1894), стр. XI—XVII, XXVIII—XXX, XXXI, XXXV—XLII, XLVI, LXV—LXVII, LXXI, CLIX, CLX, CLXXIX.
- 226 Кудринскій, Ѳ. А.: Философъ безъ системы (опытъ характеристики Г. С. Сквороды).
Кіевск. Стар. 1898, т. 60, № 1, стр. 37.
- 227 Собраніе сочиненій Г. С. Сквороды, т. 1 (П. 1912).
Матеріалы къ изученію русскаго сепантизма и старообрядчества. Въ видѣ редакцій Владимира Бончъ-Бруевича. Вып. 3, стр. 73—74, 430.
- 228 А., В.: «Историческое обзоріе гражданскаго устройства Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую губернію» Н. И. Срезневскаго. Харьковъ.
Кіевск. Стар. 1883, т. 6, № 3, стр. 167—168.
- 229 Багалъй, Д. И.: Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіяся къ исторіи Харьковской губернии (бывшей Слободской Украины) съ 1880 по 1885 годъ. Библиографическій очеркъ.
Харьковскій календарь на 1886 г. (Харьковъ, 1885), отд. IX, стр. 4. Перепечат. въ «Очеркахъ изъ русской исторіи» Д. И. Багалъя, т. 2, стр. 260—261.—Объ «Историческомъ обзоріи гражданскаго устройства Слободской Украины» Н. И. Срезневскаго (Харьковъ, 1883).

- 230 Багал'ей, Д. И.: Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курекой и Воронежской губерній) въ XVI—XVIII столѣтіяхъ.
Сборн. Харьк. ист.-вѣд. общ., т. 1, стр. I. — О томъ же сочиненіи.
- 231 Науменко, В. П.: Ф. С. Морачевскій и его литературная дѣятельность.
Кіевск. Стар. 1902, т. 79, № 11, стр. 176—178; № 12, стр. 471—477.
- 232 Срезневскій, В. П.: Охранная опись рукописнаго отдѣленія Библиотеки Имп. Академіи Наукъ.
Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, 1902, т. XVI, № 4, стр. 090; т. XVII, № 5, стр. 083, 087. — Отд. отд. (П. 1905), стр. 20, 38, 40. — По поводу письма И. И. Срезневскаго о малорусскомъ переводѣ евангелія, исполненномъ Ф. С. Морачевскимъ, и сношеній между ними.
- 233 Свѣдѣнія о четвероевангеліи въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. С. Морачевскаго.
Кіевск. Стар. 1902, т. 78, № 9, стр. 94. Перепечатка изъ прел.
- 234 Ефремовъ, С.: Замѣтки на текущую тему.
Кіевск. Стар. 1903, т. 88, № 3, стр. 298. — По поводу Морачевскаго и его перевода евангелія.

III.

- Путешествіе по славянскимъ землямъ. — Сношенія съ западно-славянскими учеными и русскими въ связи съ славянствомъ. — Отрывки о трудахъ, относящихся къ западному славянству.
- 235 Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).
Живая Старина, 1892, №№ 1—4; 1893, №№ 1—4. Съ предисловіемъ В. И. Ламанскаго. — Отд. отд. подъ заглавіемъ «Путевыя письма Ивана Ивановича Срезневскаго изъ славянскихъ земель. 1839—1842». (П. 1895), 8°, X + 374 стр. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. И. Срезневскаго, «Перечнемъ вѣстей, послѣдственныхъ И. И. Срезневскому во время путешествія 1839—1842», указателемъ личныхъ именъ и картой «Путь И. И. Срезневскаго по славянскимъ землямъ», составл. Н. В. Алмазовой. — Отдѣлк.: Жури. Мѣм. вар. пр. 1895, № 5, стр. 235—238 (А. Липовскаго).

- 236 Францевъ, В. А.: И. И. Срезневскій и Славянство.
Сборникъ «Памяти П. П. Срезневскаго» (П. 1915), стр. 94—167.—
Одд. отд. П. 1914, 8^о, 2+74 стр. — Отдѣлокъ Русск. Фил. Вѣстн. 1915,
№ 1, стр. 189 (Е. Корсаго).
- 237 Пыпинъ, А. Н.: Новые данныя о славянскихъ дѣлахъ.
Вѣстн. Евр. 1893, т. 4, № 7, стр. 281—334; глава IV: «П. В. Прейса,
гл. V: «И. И. Срезневскій въ годы путешествія по славянскимъ землямъ
(1839—1842)».
- 238 Пыпинъ, А. Н.: Русское славновѣдѣніе въ XIX сто-
лѣтіи.
Вѣстн. Евр. 1889, № 8, стр. 711—725; № 9, стр. 258—260, 262—263,
267—269, 278—280.
- 239 Кочубинскій, А. А.: Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ
исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ.
Вѣстн. Евр. 1896, т. 4, № 8, стр. 474—477.—Къ вопросу о путеше-
ствіи въ славянскія земли въ 1839 г.
- 240 Ламанскій, В. И.: Остатки работъ П. П. Прейса
(къ исторіи славновѣдѣнія).
Жив. Стар. 1898, вып. 3 и 4, стр. 332, 362—364.—Одд. отд. П. 1898,
стр. 2, 32—34.
- 241 Гротъ, К. Я.: Объ изученіи славянства. Судьба славяно-
вѣдѣнія и желательная постановка его преподаванія въ
университетѣ и средней школѣ (П. 1901).
Одд. стр. 31—32.
- 242 Извѣстіе о работахъ И. И. Срезневскаго по составленію
географіи западно-славянской Европы [безъ заглавія].
Допиши (Варшава), 1843, ч. 3, стр. 84.
- 243 Кочубинскій, А. А.: Записка о путешествіи по славян-
скимъ землямъ.
Записки Им. Новоросс. ун-в. 1874, т. 13, стр. 106—198.
- 244 Извѣстіе о путешествіи И. И. Срезневскаго въ славян-
скія земли [безъ заглавія].
Dopisica Polska, 1840, br. 11, str. 44 (отдѣлокъ Sreszewskiego reise).

- 245 О путешествіи П. П. Срезневскаго по славянскимъ землямъ и его значеніи [безъ заглавія].
Danica Hirska, 1842, br. 2, str. 8 (въ отд. Svedslavjanske učbu).
- 246 Аиенковъ, П. В.: Письма изъ-за границы (1840—1843).
Аиенковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1833—1885 годовъ (И. 1892), стр. 138. — По поводу встрѣчи съ П. П. Срезневскимъ въ Вѣнѣ, о значеніи его путешествія.
- 247 Любавичъ, Н.: Имѣльъ Ивановичъ Срезневскій. 1840 г.
Русск. Стар., 1882, т. 33, № 7, стр. 224. — О знакомствѣ П. П. Срезневскаго съ прозв. Реншельемъ.
- 248 Францевъ, В. А.: Очерки по исторіи чешскаго возрожденія. Русско-чешскія учебныя связи конца XVIII и первой половины XIX столѣтія (Варшава, 1902).
Упомянута см. по указателю.
- 249 Ламанскій, В. И.: Отъ редактора [вводная замѣтка къ рецензій П. П. Срезневскаго на книгу Н. Шафарика Slovánský Národopis].
Живая Старина, 1891, вып. 4, стр. 164—174. — Приводятся письма Шафарика къ П. П. Срезневскому 1841—1843 гг.
- 250 Кочубинскій, А. А.: Въ краю бывшихъ еретиковъ.
Ист. Вѣстн. 1882, т. 9, № 8, стр. 364. — Изъ воспоминаній объ П. П. Срезневскомъ Антонина Марка.
- 251 Францевъ, В. А.: Матеріалы для исторіи славянской филологіи. Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель (Варшава, 1905).
Упомянута см. по указателю.
- 252 Старкъ, А. И.: Л. А. Мей.
Русск. Стар., 1882, т. 36, № 11, стр. 286. — Объ устройствѣ концерта въ память Ганки въ 1861 г. и о переводѣ Меемъ стиховъ Ганки «Národu ne háznou...».
- 253 Ягичъ, И. В.: Новые письма Добровскаго, Кошцара и другихъ юго-западныхъ славянъ.

- Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 62 (II. 1897), стр. 427—431, 876. —
Здесь напечатано одно письмо И. И. Срезневского к П. И. Кешину
и одно Кешина к Срезневскому — оба 1861 г. о Гависе.
- 254 Horák, Jiří: Z dopisů I. I. Srezněvského a P. I. Preise.
Zelátní otisk z výroční správy s. k. českého gymnasia na Král.
Vinohradech. Král. Vinohrady, 1913. — О путевых письмах И. И.
Срезневского. — Репр.: Listy Filologické, 1913, к. 6, стр. 467—468 (Мл.
Нýсека).
- 255 Симоны, П. К.: Райградская латвиская рукопись
850—900 гг. съ церковно-славянскими кириллон-
скими приписками.
Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1911, т. 16, кн. 3, стр. 137—141, и отд. отт.
- 256 Škultěty, J.: Srezněvskij na Slovensku roku 1842.
Slovenské Pohľady (Tatčiansky Sv. Martin), 1894, str. 113—126,
357—361.—Изъ писемъ И. И. Срезневскаго къ матери.
- 257 Š[kultěty], J.: 1812—1912. Иманъль Иваноничъ Срез-
невскій. Краткій біографическій очеркъ СПб. 1913,
стр. 40. 1812—1912. Описание выставки въ память
столѣтія со дня рожденія И. И. Срезневскаго. СПб.
1913, стр. 39.
Slovenské Pohľady, 1913, к. 4, стр. 261—264.—Записка съ выдержками
изъ писемъ И. И. Срезневскаго о словакахъ къ матери.
- 258 Hawliček-Borowský, K.: Slowan a čech.
Pražské Noviny, 1846, č. 20, str. 81.
- 259 Селищевъ, А.: Карлъ Гавличекъ о русской литературѣ
и «Славяно-православной партіи».
Сборникъ статей, посвященныхъ Л. А. Корсакову (Варшава, 1912),
стр. 39, 48, 49.
- 260 Францевъ, В. А.: Чешско-словенскій расколъ и его
отголоски въ литературѣ сороковыхъ годовъ. Памяти
Людевита Штура. 1845—1915.
Русск. Фил. Вѣстн. 1915, № 3 (въ свѣтъ не вышло). — Отд. отт.
(Варшава, 1915), стр. 1—7.
- 261 List Srezněvského I. E. Purkyňovi.
Slovenský Sborník (v Praze, 1885), str. 465—466.

- 262 Францевъ, В. А.: Къ биографіи чешскаго славянофла
Ива Ев. Пуркина (неизданныя мелочи).
Русск. Фил. Вѣст. 1914, № 1, стр. 29—30, 36—37, и отд. отд.—Здѣсь
напечатано стихотвореніе Пуркина, посвященное Срезневскому.
- 263 Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о сербо-лужи-
чанахъ (1840 г.).
Живая Стар. 1891, кн. 1, стр. 84.—Вводная замѣтка В. П. Ламан-
скаго подъ загл. «Прим. Ред.».
- 264 Францевъ, В. А.: Z albuma I. I. Sreznjewskeho.
Lajšca (Будиминъ), 1914, № 2, стр. 13—14.—Записк. А. Зенлера и
Я. Смозера.
- 265 Hörnik, M.: Michal K. Bobrowskij a Izmail I. Sreznjewskij
wo Serbach.
Сак. Мал. Serb. 1889, 42, стр. 42—54.
- 266 В. V.: Извѣстіе о находкахъ И. П. Срезневскаго въ
Герцдорфской библиотекѣ въ Будиминѣ [безъ заглавія].
Danica Hirska, 1841, br. 7, стр. 28 (съ отд. Različnosti starjanske)—
въ «Českoga Světja».
- 267 Францевъ, В. А.: Še nenatisnjen epigram Prešernov.
Prešernov album ob stoletnici pesnikovega rojstva (1800—3/XII—1900)
izdal «Ljubljanski zvon» (Ljubljana, 1900), str. 774.—Стихотвореніе Пре-
шерна «Gospoda Iznajhu Sreznjevskimu v spominu velikega točna leta
1841».—См. въ статьѣ О. Е. Корна «Prešernov album» (Изв. Отд.
русс. яз. и слов. 1900, т. 3, кн. 4, стр. 1338).
- 268 Кулаковскій, П. А.: Иллиризмъ. Изслѣдованіе по
исторіи хорватской литературы періода возрожденія
(Варшава, 1894).
Упомянуты см. по указателю.
- 269 Францевъ, В. А.: Iz epohe hrvatskoga preporoda.
Savremenič, 1911, стр. 111—115, 169—173, 341—346, 419—424, 463—
467 (съ автогн. портретомъ), и отд. отд.—Глава 3-ья подъ загл.
«Stanko Vraz i ruski njegovi književni prijatelji».
- 270 О припадкѣ И. П. Срезневскаго въ Загребъ [безъ заглавія].
Danica Hirska, 1841, № 14, стр. 56 (съ отд. Sveslavjanske vesti).
- 271 Dĕla Stanka Vraza. Dio V (u Zagrebu, 1877).
См. стр. 27, 49, 213—223, 227, 230—231, 233—234, 236—237, 269.

- 280, 293, 301, 327 — 329. — Здѣсь между прочимъ напечатано одно писмо Вразъ къ И. П. Срезневскому и очевидно это писмо къ Драгомишу Штаудару съ упоминаемъ о Срезневскомъ.
- 272 P., J.: Stanko Vraz.
Děls Stanka Vezza, dílo V (u Zagrebu, 1877), str. IX, XI, XXI.
- 273 Kollar, Jan: Cestopis obsahující cestu do horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Baworsko, se zvláštním ohledem na slawjanské živly roku 1844 (W Pešti, 1843).
См. стр. 30, 32; по пражскому изд. 1907 г. стр. 68 — 69, 72—73. — Діл 1, 3 ил., озаглава «Нотвацко. Забіѣл; Карловос; Грошнѣско Поле».
- 274 Сиротиницъ, А. Н.: Россія и Славяне (П. 1913).
Отыкъ И. П. Срезневскаго о А. С. Хомяковѣ, высказанныи Коллару (стр. 228).
- 275 Читатель: Колларъ и Хомяковъ. Замѣтка по поводу составленнаго г. В. Лясковскимъ жизнеописанія А. С. Хомякова.
Русск. Арх. 1897, № 2, стр. 316. — О знакомствѣ Коллару съ проповѣдникомъ Хомякова чрезъ посредство И. П. Срезневскаго, во время его путешествія въ 1844 г.
- 276 Шафарикъ, П. І.: О рѣзанахъ и фурлянскихъ словинахъ [въ переводѣ на русскій языкъ Ѡ. С. Евецкаго и на польскій А. Кухарскаго].
Делница (Варшава), 1842, стр. 110—111.
- 277 О путешествіи И. П. Срезневскаго вѣстѣ съ С. Вразомъ по Краинѣ [безъ заглавія].
Danica Hirska, 1841, br. 19, str. 73—76 (въ отд. Sveslavjanske věsti).
- 278 Vraz, St.: Put u gornje strane. Izvadak iz listovah na gospodju Drag. Št. — rodj. Kr. . . . čevu.
Iskra, 1844, str. 127 и сѣка. Переводъ въ изд. Дѣла Ст. Vraz, t. V, str. 38—78.
- 279 Vr[az], St. Замѣтка о путешествіи И. П. Срезневскаго по Краинѣ, Далмацин и Черной горѣ [безъ заглавія].
Danica Hirska, 1841, br. 39, str. 160 (въ отд. Sveslavjanske věsti).
- 280 Šrepič, M.: Iz ostavine Dragutina Rakovca.
Gradja za povjest kraljevosti hrvatske, 1901, кн. 3, str. 289 (въ изданіи С. Вразъ къ Ракову).

- 281 Vr[az], St.: Bugarske narodne p[re]sbe.
Kolo, 1847, t. V, str. 27.—О доставлении Н. И. Срезневским письма
«Торлака и Лѣсковца».
- 282 Glasovi o «Ogledu r[ec]nika».
Rad Jugoslavanske Akademije znanosti i umjetnosti, t. 45 (u Zagrebu,
1878), str. 159—161.—Приводится письмо Н. И. Срезневского к
председателю Югославянской Академии.
- 283 Богашин, В.: Једна руковѣт из Вукове прешке.
Издавак из «Срѣза», год I и II (Дубровник, 1903).
Здѣсь напечатано два письма Н. И. Срезневского Караджичу
1/13 августа 1832 и 8/20 июня 1832 г. (стр. 77—79, 102—103).
- 284 Кулаковский, П. А.: Вукъ Караджичъ, его дѣятель-
ность и значеніе въ сербской литературѣ (М. 1882).
См. стр. 156, 170, 176.
- 285 Поповъ, Н. А.: Къ вопросу о реформѣ Вука Караджича.
Платонъ Кулаковский: Вукъ Караджичъ, его дѣятель-
ность и значеніе въ сербской литературѣ. М. 1882.
Журн. Мин. нар. пр. 1882, ч. 220, № 4, стр. 219, 220, 224, 225.
- 286 Матеріалы для исторіи галицко-русской словесности.
Изъ записокъ подъ з. «Пережитое и перестраданное»
Якова Ѳ. Головацкаго.
Литер. Сборн. изд. Галицко-русского общества подъ ред. Б. А. Де-
лишчаго, 1886 (Львовъ), вып. 2, стр. 198.—О пролодѣ Н. И. Срезнев-
скаго черезъ Львовъ въ 1842 г. (напечатано въ «1840 г.»).
- 287 Свѣицицкій, И. С.: Матеріалы по исторіи возрожденія
Карпатской Руси. I. Сношенія Карпатской Руси съ
Россіей въ I-ую половину XIX-го вѣка (Львовъ, 1905).
См. стр. 20—22, 158—199.—Гл. 6: «Сношенія Н. И. Срезневскаго
съ Караторусами».
- 288 Свѣицицкій, И. С.: Обзоръ сношеній Карпатской Руси
съ Россіей въ I-ую половину XIX в.
Изв. Общ. русск. яз. и слов. 1906, т. 11, кн. 3, стр. 263, 328—334,
357, 358.

- 280 Студинський, Кир.: Кореспонденція Якова Голованця-
кого в літах 1835—49.
Збірник філологічної секції. Наук. товариства Шевченка, т. 11
12 (у Львові, 1909), стр. LV—LVII, LXIX, LXXI, XCIV и даље по
азв. указ. — Между прочимъ напечатано одно письмо И. И. Срезнев-
ского и два его стихотворныхъ перевода на украинскій языкъ изъ
Краматорской рукописи.
- 290 Проектъ первой австро-русской литературной времено-
писи въ 1842 г.
Вісти «Народн. Дома» (Львовъ), 1904, ч. 6, стр. 84, ч. 7—8,
стр. 113—114.
- 291 Францевъ, В. А.: Обзоръ важнейшихъ наученій Угор-
ской Руси. (Изъ отчета о заграничной командировкѣ).
Русск. Фил. Вісти. 1901, № 1—2, стр. 156, 159, 170, 174, 183, 185.
- 292 Францевъ, В. А.: Польское славяновѣдѣніе конца
XVIII и перв. четв. XIX ст. (Прага Чешская, 1906).
Упомянуты см. по указателю.
- 293 О приѣздѣ въ Варшаву изъ западно-славянскихъ земель
И. И. Срезневского и О. М. Бодянского [безъ заглавія].
Лешина (Варшава), 1842, № 15, стр. 193—196.
- 294 Францевъ, В. А.: Къ исторіи такъ называемаго
кашубскаго возрожденія (Хр. Ц. Мронговусъ и Фл.
Ценова въ ихъ сношеніяхъ съ русскими учеными).
Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1912, т. 17, кн. 3, стр. 55, 62—74.
- 295 Franczew, W.: Fl. Cenowa i prof. Izmael Srezniewski
(Przyczynek do historyi stosunków naukowych kaszubsko-
rosyjskich).
Gryf (w Gdańsku), 1912, №№ 4—6.
- 296 Срезневскій, В. И.: Вступительная лекція И. И. Срез-
невскаго въ Харьковскомъ университетѣ 16 окт.
1842 года.
Журн. Мин. нар. пр. 1893, ч. 287, № 5, стр. 110—133. — Отд. отд.
подъ загл. «Вступительная лекція въ курсъ исторіи и литературы
славянскихъ нарѣчій И. И. Срезневскаго (чит. 16 окт. 1842)». П. 1893.

- 297 Письма П. И. Прейса М. С. Куторгѣ, П. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846).
 Жия. Стар. 1890, вып. 2, отд. 1, стр. 108—136; вып. 3, отд. 1, стр. 3—47; вып. 4, отд. 1, стр. 3—42 (съ предисл. В. И. Ламанскаго).—
 Отд. отг. П. 1892. — Тутъ же напечатаны письма П. И. Срезневскаго къ П. И. Прейсу (1) и къ О. М. Бодявскому (1) и П. И. Дубровскаго, Ор. и Фед. Ст. Евсешкиъ и О. М. Бодявскаго къ П. И. Срезневскому (по одному).
- 298 Поповъ, Н. А.: Письма Платона Атанасковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину.
 Русск. Арх. 1873, т. 2, № 7 (ссылки см. по указателю). — Упомянуты въ письмахъ В. Караджича и Я. Коллара.
- 299 Письма къ М. И. Погодину изъ славянскихъ земель (1835—1861). Съ примѣчаніями д. ч. Нила Попова.
 Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. рос. 1879, кн. 1 и 4; 1880, кн. 1.
- 300 Письма П. I. Шафарика къ О. М. Бодявскому (1838—1857) съ приложеніемъ писемъ П. I. Шафарика къ В. И. Григоровичу (1852—1856). Приготовленный къ изданію П. А. Лавровымъ и М. И. Сперанскимъ.
 Чтенія въ Имп. Общ. исторія и древн. рос. 1896, кн. 1 и 2. — Кроме текста писемъ см. статью П. А. Лаврова «П. I. Шафарикъ и О. М. Бодявскій», представляющую собою предисловіе къ тексту.
- 301 Титовъ, А. А.: Осипъ Максимовичъ Бодявскій въ перепискѣ съ учеными (Письма П. И. Срезневскаго).
 Библиогр. записки, 1892, № 11, стр. 773—782. — Письма относятся къ 1842—1846 гг.
- 302 Петровскій, М. П.: Григоровичъ и Прейсъ. Къ исторіи славяновѣдѣнія на Руси.
 Пав. Отд. русск. кн. и слов. 1897, т. 2, стр. 722—723, 743.
- 303 Макушевъ, В. В.: Изъ чтеній о старо-чешской письменности.
 Филол. Записки. 1877, вып. 4; 1878, вып. 2, 6. — Отд. отг. Воронеж. 1879 (съ посвященіемъ: «Изманду Ивановичу Срезневскому къ знакъ глубокаго уваженія посвящаетъ благодарнымъ его ученикъ»), стр. 15—22, 49, 52—53, 67, 72—84, 1—VI, XIII—XVIII. Дополненія къ III чтенію изданы: «Мѣлане П. И. Срезневскаго о т. и. Золотогорской рукописи».

- 304 К[олосовъ], М.: Замѣтка по поводу изданія «Чешскія глоссы въ Mater verborum. Разборъ А. О. Патера и дополнительныя замѣчанія Н. П. Срезневскаго» [безъ заглавія].
Русск. Филол. Вѣстн. 1879, т. 1, № 1, стр. 146—148.
- 305 Ламанскій, В. И.: Новѣйшіе памятники древно-чешскаго языка.
Журн. Мин. нар. пр. 1879, ч. 201, № 1, стр. 134—152; № 2, стр. 313—316, 339—366; ч. 202, № 3; ч. 203, № 6, стр. 264—265.—По поводу Mater verborum. Въ № 1 обширая характеристика научныхъ интересовъ Н. П. Срезневскаго и отношеній къ западнымъ славянамъ.
- 306 Стороженко, А.: Очерки изъ исторіи чешской литературы. I. Рукописи Зеленогорская и Крадеворская. Очеркъ литературной исторіи рукописей (1817—1877).
Унив. Изв. (Кіевъ), 1879, № 12—1880, № 12; Сборникъ сочиненій студентовъ унив. св. Владимира, вып. 1 (К. 1880) и вып. 3 (К. 1881).—Отд. отт. Кіевъ 1880, стр. 89—92, 128—131, 218—219, 241—243.
- 307 Соболевскій, А. И.: А. О. Патера.
Русск. Фил. Вѣстн. 1913, т. 69, № 1, стр. 230—231.

IV.

- Дѣятельность въ Академіи Наукъ, въ Русскомъ Географическомъ обществѣ, въ Археологическомъ обществѣ и въ Археологическихъ обществахъ, въ Филологическомъ обществѣ.—Учно-литературная связь Петербургскаго времени.
- 308 Плетневъ, П. А.: Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія [за 1842—1851 гг.]. П. 1852.
См. въ отчетѣхъ за 1849—1851 гг.—Отчетъ за 1851 г. предварительно былъ издѣланъ въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и сл. т. 1.

- 309 Отчеты Императорской Академии Наукъ по Отдѣленію
русскаго языка и словесности за 1852—1865 годы,
составленные по опредѣленію Отдѣленія академиками:
П. А. Плетневымъ, П. И. Давыдовымъ, А. В. Никитенко
и Я. К. Гротомъ (П. 1866).
- Отчетъ за 1852 г. предварительно былъ напечатанъ въ Ивѣстіяхъ
Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и сл. т. 2; Отчеты за 1853, 1854,
1856, 1857, 1859 и 1860 гг. — въ Ученыхъ Запискахъ Второго отд.
Имп. Акад. Наукъ, кн. 1, 2, 3, 5, 7; за 1861—1863 гг. — въ Запискахъ
Имп. Акад. Наукъ, тт. 1—9; Отчетъ за 1865 г. кромя того — въ
Сборникѣ статей, чит. въ Отд. русск. яз. и сл. т. 1 (П. 1867).
- 310 Отчеты Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію
русскаго языка и словесности за 1866—1891 годы,
составленные по опредѣленію Отдѣленія академиками:
А. В. Никитенко, А. Ф. Бычковымъ, М. И. Сухомлино-
вымъ, А. Н. Веселовскимъ, Я. К. Гротомъ, Л. Н. Май-
ковымъ и К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ (П. 1903).
- См. въ Отчетахъ за 1866—1880 г. — Отчеты за эти годы предвари-
тельно были напечатаны въ Запискахъ Имп. Академіи Наукъ, тт. 11—
38 (П. 1867—1881) и въ Сборникѣ статей, чит. въ Отд. русск. яз. и
слов. [потомъ Сборн. Отд. русск. яз. и сл.] тт. 2—24 (П. 1868—1881).
- 311 Давыдовъ, П. И.: Записка г. председательствующаго
о кругѣ дѣятельности Второго отдѣленія Академіи
(чит. 11 дек. 1852 г.).
- Ивѣстія Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов. 1853, т. 2,
стр. 4—8.
- 312 Давыдовъ, П. И.: Записка председательствующаго о
занятіяхъ Второго отдѣленія [Академіи Наукъ] въ 1853
и 1854 гг.
- Ивѣстія, 1854, т. 3, стр. 1—16.
- 313 Давыдовъ, П. И.: Обзоріе занятій Второго отдѣ-
ленія Имп. Академіи Наукъ въ истекающемъ 1854 г.
и начертаніе занятій въ наступающемъ 1855 г.
- Ивѣстія, 1855, т. 4, стр. 1—16.

- 314 Давыдовъ, И. П.: Записка председательствующаго о занятияхъ Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ въ истекающемъ 1855 году.
Извѣстія, 1856, т. 3, стр. 1—22.—Перечень въ «Отчетахъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и слов. за 1852—1863 гг.» (П. 1866), стр. 147—176.
- 315 Давыдовъ, И. П.: Записка председательствующаго о занятияхъ Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ въ истекшемъ 1856 г.
Извѣстія, 1858, т. 6, стр. 1—18.
- 316 Давыдовъ, И. П.: Записка председательствующаго о занятияхъ Второго отдѣленія Академіи въ истекающемъ 1858 г.
Извѣстія, 1859—1860, т. 8, стр. 1—13.
- 317 Гротъ, Я. К.: Очеркъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 годъ.
Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 33, № 1: «Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ 1841—1891» (П. 1892), стр. 8—42.—Перечень въ «Трудахъ Я. К. Грота», т. 3 (П. 1901), стр. 460—463, и въ «Отчетахъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. языка и слов. за 1866—1891 годы» (П. 1903).
- 318 Извѣщенія изъ протоколовъ Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ [сент. 1851 г.—дек. 1861 г.].
Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и слов., тт. 1—10 (П. 1852—1863).
- 319 Извѣщенія изъ протоколовъ засѣданій Академіи Отдѣленія русскаго языка и словесности [январ. 1862 г.—дек. 1879 г.].
Записки Имп. Академіи Наукъ, тт. 1—36 (П. 1862—1880).
- 320 Извѣщенія изъ протоколовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности [январ. 1866 г.—май 1880 г.].
Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и слов. Имп. Академіи Наукъ [потомъ Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и слов.], тт. 1—21 (П. 1867—1881).

- 321 Извлечения изъ протоколовъ засѣданій Академии. Общее собрание [лив. 1862 г. — лив. 1880 г.].
Записки Имп. Академій Наукъ, тт. 1—36 (П. 1862—1880).
- 322 Давыдовъ, П. И.: О литературныхъ трудахъ академика П. И. Срезневскаго.
Отчетъ Имп. Академій Наукъ по Отд. русск. яз. и слов. за 1854 г. П. А. Щеголева, Приложение (Уч. Зап. Второго отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. 2, выш. 1, стр. XLV—XLVIII). — Перепечат. въ «Отчетахъ Имп. Акад. Наукъ по Отд. русск. яз. и слов. за 1852—1865 гг.» (П. 1866), стр. 144—147.
- 323 Модзалевскій, Б. Л.: Списокъ членовъ Императорской Академій Наукъ 1725—1907 (П. 1908).
См. стр. 9, 30.
- 324 Срезневскій, В. П.: Къ исторіи изданій Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Второго отдѣленія Имп. Академій Наукъ.
Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 80 (П. 1905).
- 325 Извѣстія Имп. Академій Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, т. пятый, выш. 1, 2, 3, 4. С.-Пб. 1856.
Библиогека для Читанія, 1856, т. 140, № 12, отд. VI, стр. 73—80.
- 326 М — иъ, П.: Извѣстія Имп. Академій Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, т. V, выпускъ 1, лл. 1—4; 2, лл. 5—8, in 4°, С.-Пб. 1856.
Смѣсь Отечества, 1856, № 13, стр. 39—62.
- 327 Вводная статья къ «Извѣстіямъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академій Наукъ» [безъ заглавія].
Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. 1896, т. 1, кн. 1, стр. 1—2.
- 328 Никитенко, А. В.: Моя повесть о самомъ себѣ и о томъ, «чему свидѣтель въ жизни былъ». Записки и дневники (1804—1877 гг.). Изд. 2, тт. 1—2 (П. 1904 и 1905).
Упоминанія см. по указателю. Изданіе 1-е вышло въ 1893 г. подъ загл. «Записки и дневники (1826—1877)».

- 329 Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаниями Н. П. Срезневскаго. Сборникъ статей, читан. въ Отд. русск. яз. и слов. т. 5, вып. 2 (П. 1873). — Здѣсь напечатаны письма Н. П. Срезневскаго къ А. Х. Востокову.
- 330 Кочубинскій, А. А.: Три письма А. Хр. Востокова. (Для исторіи русской науки). Известія Отд. русск. яз. и слов. 1899, т. 4, кн. 2, стр. 726—729, 736.
- 331 Гротъ, Я. К.: А. Х. Востоковъ. Слав. Обзорше, 1892, кн. 4, стр. 458—460. Перечень кн. «Трудахъ Я. К. Грота», т. 3 (П. 1901), стр. 337, 338, 340.
- 332 Гротъ, Я. К.: Похороны Востокова. С.-Петерб. Вѣдомости, 1864, № 38. Перечень кн. «Трудахъ Я. К. Грота», т. 3 (П. 1901), стр. 328—331.
- 333 Истривъ, В. М.: Письма къ академику Петру Спиридоновичу Билдрскому, хранящіеся въ Имп. Новороссійскомъ университетѣ (Одесса, 1906). Упомянута см. по указателю, въ которомъ, впрочемъ, означены только страницы текста писемъ.
- 334 Изъ записокъ академика Я. К. Грота. Празднованіе полулѣтняго юбилея Имп. Академіи Наукъ въ 1876 году. Русск. Архивъ, 1911, т. 2, № 6, стр. 265, 266, 271.
- 335 Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневимъ. Издана подъ редакціею К. Я. Грота. Тт. 2 и 3 (П. 1896). Упомянута см. по указателю.
- 336 Изъ писемъ къ Я. К. Гроту С. П. Шевырева. Русск. Архивъ, 1906, т. 2, № 6, стр. 272.
- 337 Семеновскій, М. И.: Академикъ Аонасіи Федоровичъ Бычковъ. Пятидесятилѣтняя ученая его дѣятельность. 1840 г. октябрь 7 1890 г. Русск. Стар. 1890, т. 68, № 10, стр. 291—294. — Примечанія составилъ Н. П. Срезневскій о заслугахъ А. Ф. Бычкова, прочтенный въ 1865 г. въ засѣданіи Академіи Наукъ.
- 338 П., Г. А.: Аонасіи Федоровичъ Бычковъ (Некрологъ). Ист. Вѣсти. 1899, № 5, стр. 698. — Объ избраніи А. Ф. Бычкова въ члены Академіи.

- 339 Штукховъ, Е. В.: Матеріалы для біографіи М. П. Сухомлинова.
Извѣстія Орд. русск. аз. и слов. 1911, т. 16, кн. 3, стр. 187—194, 204, 216—221, 228, 231, 233—235.
- 340 Семеновъ, П. П.: Исторія полукрѣпкой дѣятельности Имп. Русскаго Географическаго общества 1845—1895. Тт. 1—2 (П. 1896).
Упомянуты см. по указателю въ ч. 3-й.
- 341 Артемьевъ, А. П.: Обзоріе трудовъ Имп. Русскаго Географическаго общества по исторической географіи (П. 1873).
См. стр. 119, 120, 123—125, 146.
- 342 Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго общества за 1850 г.;— за 1851 г.;— за 1852 г.;— за 1854 г.;— за 1855 г.;— за 1856 г.;— за 1857 г.
Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 1 (П. 1851), кн. 1, отд. 1, стр. 9, 12, 46, 70;— ч. 4 (П. 1852), кн. 1, отд. 1, стр. 35—37, 73, 76;— ч. 7 (П. 1853), отд. 1, стр. 59, 69 (свидѣнія объ изд. «Памятникомъ русскаго народнаго языка, съ приложеніемъ предполагаемаго состава 1-й части);— ч. 13 (П. 1855), отд. 1, стр. 70—71, 76, 80;— ч. 16 (П. 1856), отд. 1, стр. 4, 35, 46, 56—57;— ч. 19 (П. 1857), отд. 1, стр. 41, 48;— ч. 22 (П. 1858), отд. 1, стр. 40, 62, 75.
- 343 Отчетъ о дѣйствіяхъ Имп. Русскаго Географическаго общества за 1858 г.;— за 1859 г.
Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 25 (П. 1859), отд. 1, стр. 41;— ч. 28 (П. 1860), отд. 1, стр. 7—8.
- 344 Дѣйствія Географическаго общества.
Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 2 (П. 1851), отд. 1, стр. 31, 35; ч. 3 (П. 1851), отд. 1, стр. 6, 8, 22; ч. 12 (П. 1854), отд. 1, стр. 10—11.
- 345 Общее собраніе Имп. Русскаго Географическаго общества 28 ноября 1853 г.;— 27 янв. 1856 г.;— 22 мая 1856 г.;— 16 апр. 1858 г.
Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 10 (П. 1854), отд. VI, стр. 2;— ч. 16 (П. 1856), отд. VI, стр. 19—20;— ч. 17 (П. 1856), отд. VI, стр. 25—26;— ч. 23 (П. 1858), отд. VI, стр. 1—3.

- 346 Засѣданіе Совѣта [Имп. Русскаго Географическаго общества] 17 ноября 1854 г.; — 20 февр. 1856 г.; — 21 мая 1856 г.; — 7 ноября 1856 г.; — апр. 16 лив. 1857 г.; — 11 мая 1857 г.; — 5 апр. 1858 г.
 Вѣст. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 12 (П. 1854), отд. VI, 43; — ч. 17 (П. 1856), отд. VI, стр. 27, 28; — ч. 18 (П. 1856), отд. VI, стр. 36—38 (между пр., о предложеніи П. П. Срезневскаго отв. изданія *Материаловъ для этнографическаго словаря русскаго языка*); — ч. 19 (П. 1857), отд. VI, стр. 16, 17; — ч. 21 (П. 1858), отд. VI, стр. 8, 18—19; — ч. 23 (П. 1858), отд. VI, стр. 10—11.
- 347 Журналы засѣданій Совѣта Имп. Русскаго Географическаго общ. марта 2 дня 1859 г.; — марта 21 дня 1859 г.
 Вѣст. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 27 (П. 1859), отд. I, стр. 19, 24.
- 348 Занятія Отдѣленій [Имп. Русскаго Географическаго общества за 1850 г.]. III. Отдѣленіе этнографіи.
 Вѣст. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 1, кн. 2, отд. I, стр. 119—121. Между прочимъ, о предполагавшемся въ Отдѣленіи этнографіи изданіи *Намативниковъ русскаго народнаго языка и словесности, съ порученіемъ редакціи П. П. Срезневскому и В. М. Иллекдину.*
- 349 Засѣданія Отдѣленій [Имп. Русскаго Географическаго общества]. V. Засѣданіе Отдѣленія этнографіи 10 ноября 1851 г.; — 31 лив. 1852 г.; — 31 окт. 1852 г.
 Вѣст. Имп. Русск. Геогр. общ. ч. 4 (П. 1852), кн. 2, отд. VII, стр. 42—44; — ч. 5 (П. 1852), отд. VII, стр. 19; — ч. 7 (П. 1853), отд. IX, стр. 20—21, 23, 24—25, 27 (перечень лингвистическо-этнографическихъ материаловъ, приготовленныхъ П. П. Срезневскимъ къ изданію въ 4 части *«Намативниковъ русскаго народнаго языка, перечень отъимокъ П. П. Срезневскаго объ этнографическихъ статьяхъ и материалахъ, поступившихъ въ общество»*).
- 350 Засѣданіе Отдѣленія этнографіи [Имп. Русскаго Географическаго общества] 3 дек. 1853 г.; — 3 февр. 1854 г.; — 30 апр. 1854 г.; — 21 окт. 1854 г.; — 27 дек. 1855 г.; — 31 лив. 1856 г.; — 12 ноября 1856 г.; — 20 лив. 1857 г.; — 23 окт. 1857 г.; — 29 ноября 1857 г.; — 29 дек. 1857 г.; — 3 февр. 1858 г.; — 15 мая 1858 г.; — 11 февр. 1859 г.

- Вѣст. Им. Русск. Геогр. общ. ч. 10 (П. 1854), отд. VI, стр. 42—47;—
ч. 11 (П. 1854), отд. VI, стр. 48—49;—ч. 12 (П. 1854), отд. VI,
стр. 13, 14, 46, 47;—ч. 16 (П. 1856), отд. VI, стр. 31—33;—ч. 17
(П. 1856), отд. VI, стр. 14, 15, 18;—ч. 20 (П. 1857), отд. VI, стр. 2,
5, 7;—ч. 22 (П. 1858), отд. VI, стр. 47, 49, 52, 53, 76—78, 81, 82, 84,
86;—ч. 24 (П. 1858), отд. VI, стр. 8;—ч. 26 (П. 1859), отд. VI, стр. 1.
- 351 Журналы засѣданій этнографическаго отдѣленія Им.
Русскаго Географическаго общества... 1 дек. 1859 г.;—
23 лив. 1860 г.
Вѣст. Им. Русск. Геогр. общ. ч. 27 (П. 1859), отд. VI, стр. 14,
15;—ч. 28 (П. 1860), отд. VI, стр. 11.
- 352 Засѣданіе Сибирскаго отдѣла [Им. Русскаго Геогра-
фическаго общества] 25 окт. 1854 г.
Вѣст. Им. Русск. Геогр. общ. ч. 13, отд. VI, стр. 12.
- 353 Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева.
Русск. Арх. 1911, т. 1, № 4, стр. 340.—О Географическомъ обществѣ.
- 354 Веселовскій, П. И.: Исторія Императорскаго Русскаго
Археологическаго общества за первое пятидесятилѣтіе
его существованія 1846—1896 (П. 1900).
Упомянута см. по указателю.
- 355 Перечень засѣданій Отдѣленія русской и славянской
археологіи за „лѣта г. [Им. Археологическаго общ.].
Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи Им. Археол.
общ. т. 1 (П. 1851), стр. 9, 20.
- 356 Лѣтопись Им. Археологическаго Общества. Извлече-
ній изъ протоколовъ засѣданій.
Извѣстія Им. Археолог. общ. т. 1 (П. 1859), стр. 23, 38, 42, 98,
102, 107—112, 114, 183, 232, 234, 241, 243, 244, 269—270, 300, 303;
т. 2 (П. 1861), стр. 39, 125, 128, 185—190, 354—356, 358, 369, 389,
394—398; т. 3 (П. 1861), стр. 161, 162, 168—169, 173, 178, 180—182,
428, 435, 436, 522; т. 4 (П. 1863), стр. 86, 89, 186—187, 254, 256, 257,
261—264, 266—267, 374, 376—378, 469—472, 608, 614; т. 5 (П. 1863,
стр. 190, 191, 193, 194, 388, 393, 397, 398, т. 6 (П. 1866—1867), отд. II,
стр. 1, 2, 9, 10, 36, 38—39, 67, 76, 90, 113—116; т. 7 (П. 1872,
стр. 176, 184, 186, 198, 201—204, 206, 208—212, 216—221, 223, 229,
430, 439, 443, 457—458; т. 8 (П. 1877), стр. 93, 139, 231—232, 256,
270, 423; т. 9 (П. 1880), стр. 122, 434, 537; т. 10 (П. 1884), стр. 173, 216.

- 357 Составъ Имп. Археологическаго общества по 1 апр. 1868 г.
Изд. Имп. Археологич. общ. т. 6, вып. 3 (П. 1868), стр. 256, 260.
- 358 Древности Россійскаго государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Изданіе Имп. Русскаго Археологическаго общества. Вып. 1 (П. 1871). Предисловіе.
О святѣхъ П. П. Срезневскимъ совместно съ Ф. Г. Солнцевымъ про- россій сь изображеній Кіево-Софійскаго собора и о порученіи ему Археологическимъ обществомъ составленія объяснительнаго текста къ рисункамъ.
- 359 Выписка изъ протоколовъ засѣданій Археогравической комиссіи [съ 1869 по 1879 гг.].
Лѣтопись западн. Археогр. ком. вып. 5, отд. 4, стр. 116—121, 123, 124, 172; вып. 6, отд. 4, стр. 61, 103, 110; вып. 7, отд. 4, стр. 1—2, 6, 8, 23—26; вып. 8, стр. 26—27.
- 360 Историческая записка о дѣятельности Имп. Московскаго Археологическаго общества за первые 25 лѣтъ существованія (Москва, 1890).
См. стр. 3, 84, Прил. стр. 6, 30, 36, 41, 32; тутъ же, стр. 243—245, статья В. П. Ламанскаго, о которой выше подл. № 2.
- 361 Открытіе археологическаго сѣзда 16 марта 1869 г. [въ Москвѣ].
Труды перваго археолог. сѣзда въ Москвѣ 1869, т. 1 (М. 1871), стр. XXXIII, XXXV—XL.
- 362 Протоколы засѣданій археологическаго сѣзда [въ Москвѣ].
Тамъ же, т. 1, стр. XII и слѣд.
- 363 Археологическій сѣздъ въ Москвѣ.
Современная Лѣтопись. Воскресныя прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ, 1869, № 12, стр. 1—3.
- 364 Протоколы засѣданій втораго археологическаго сѣзда.
Труды втораго археол. сѣзда въ Санктпетербургѣ, вып. 2 (П. 1881), отд. 2. Упомянута см. по указателю.
- 365 Открытіе археологическаго сѣзда [въ Кіевѣ].
Труды третьаго археол. сѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г. т. 1 (Кіевъ 1878), стр. XVI, XVII.

- 366 Протоколы засѣданій сѣзда [третьяго археологическаго въ Кіевѣ].
Тамъ же, стр. XII, LIV, LV, LXI, LXV, LXIX.
- 367 Мордовцевъ, Д. А.: Историческія поминки по Н. П. Костомаровѣ † 7-го апрѣля 1885 г.
Русск. Стар. 1885, т. 46, № 6, стр. 643, 645. — О киевской археологическомъ сѣздѣ.
- 368 Прохоровъ, В. А.: Кіевъ. Археологическій обзоръ А) киевскихъ древностей и В) древностей, бывшихъ на археологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ.
Христіанскія древности, 1875, стр. 10—12.—О работахъ Н. П. Срезневскаго и Ф. Г. Солнцева по порученію Имп. Русскаго Археологическаго общ. надъ волаканами и ерескади Свѣйскаго собора въ Кіевѣ.
- 369 Открытіе сѣзда [четвертаго археологическаго въ Казани].
Извѣстія о занятіяхъ четвертаго археолог. сѣзда въ Казани (Казань, 1877), № 2, стр. 26.
- 370 Протоколы засѣданій [археологическаго сѣзда въ Казани].
Тамъ же, № 3, стр. 43; № 8, стр. 121; № 10, стр. 171, 172, 175, 178, 179, 186.
- 371 Открытіе сѣзда [археологическаго въ Казани].
Труды четвертаго археолог. сѣзда, бывшаго въ Казани съ 31 июля по 18 августа 1877 г. т. 1 (Казань, 1884), Упомянѣнія см. по указателю при т. 2.
- 372 Протоколы засѣданій сѣзда [археологическаго въ Казани].
Тамъ же, т. 1. Упомянѣнія см. по указателю при т. 2.
- 373 Срезневскій, В. П.: Характеристики дѣателей археологии 1860—1870-хъ гг., принадлежащія Н. П. Срезневскому.
Библиографическая лѣтопись, 1914, кн. 1, стр. 115—119.
- 374 Протоколы засѣданій Свѣта Кіевской Духовной академіи за сентябрь и октябрь, 1869 года.

Труды Киевской Дух. акад. 1870, т. 1, № 2, Прил., стр. 24—25.— Къ избранію П. П. Срезневскаго въ почетные члены Киевской Духовной академіи.

- 375 Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной академіи за 1877 г.

Правосл. Собесѣдникъ, 1877, № 11 и 1878, № 1, Прил., стр. 11 и 163—164.—Къ избранію П. П. Срезневскаго въ почетные члены Казанской Духовной Академіи.

- 376 Булгаковъ, О. П.: Дѣятельность Общества любителей древней письменности съ 25-го ноября 1878 года по 25-е апрѣля 1879 года.

Памятникъ древней письменности, 1879, вып. 2 (П. 1879), стр. 7—8.— О предполагаемомъ изданіи гласоизмическаго Григорьевичеваго четверошантеля подъ редакціей П. П. Срезневскаго.

- 377 Протоколы засѣданій Филологическаго общества (1869 г.).

Извѣстія объ учрежденіи и дѣятельности С.-Петербургскаго Филологическаго общества (Филологическія Записки, 1872, т. 11, вып. 1), стр. 7—12, 46—47.

- 378 Протоколы засѣданій Филологическаго общества въ 1869—1871 гг.

Филологич. записки, 1873, т. 12 вып. 1, стр. 19—24, 26—28, 30—31, 33—35, 37, 40, 43.

- 379 Бауеръ, В. В.: Отчетъ о состояніи С.-Петербургскаго университета за 1869 г.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. ун-ва, № 2 (П. 1871), стр. 114.—О Филологическомъ обществѣ.

- 380 Таганцевъ, Н. С.: Отчетъ о состояніи Имп. С.-Петербургскаго ун-ва и дѣятельности ученаго его сословія за 1870 г.

Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. ун-ва, № 3 (П. 1871), стр. 123—124.—О Филологическомъ обществѣ.

- 381 Барсуковъ, П. П.: Жизнь и труды М. П. Погодина, тт. 1—22 (П. 1888—1910).

Упомянута см. по указателю въ т. 22-мъ.

- 382 Анненковъ, П. В.: Замѣчательное десятилѣтіе 1838—1848. Изъ литературныхъ воспоминаній.
Вѣст. Евр. 1880, № 2, стр. 484. Перепечатано въ книгѣ «Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова» (П. 1884) отд. 3, стр. 49.—Отрывки П. В. Срезневскаго о Бѣлинскомъ въ конціи 1840-хъ гг.
- 383 Вороновъ, А. С.: Историческо-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ (П. 1854).
См. стр. 37, 69—70, 149—150, 347. Прил. стр. 98—106.—Между прочимъ, о составленномъ П. В. Срезневскимъ «Наставленіи преподавателямъ русскаго языка и словесности къ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и о читательныхъ бесѣдахъ, введенныхъ въ гимназіяхъ на основаніи этого Наставленія. Въ приложеніяхъ напечатаны текстъ Наставленія и Правила читательныхъ бесѣдъ.
- 384 Старчевскій, А. В.: Воспоминанія стараго литератора.
Ист. Вѣст. 1891, т. 43, № 8, стр. 336—341, къ отд. IV—«Исторія Библіотеки для чтенія 1848—1856 гг.».
- 385 Усовъ, П. С.: Каждому свое.
Ист. Вѣст. 1887, т. 28, № 4, стр. 494.—Изъ времени цензуры П. В. Срезневскаго.
- 386 Васильевъ, В. А.: Приключенія одной книги (отрывокъ изъ воспоминаній).
Ист. Вѣст. 1887, т. 30, № 12, стр. 667—672.—О цензурованіи Сошниковъ Н. Г. Кузнецкаго.
- 387 Бергъ, П. В.: Посмертныя записки.
Русск. Стар. 1891, т. 69, № 2, стр. 277.—О знакомствѣ съ П. А. Плетневымъ и А. И. Мамонтовымъ въ 1830-хъ гг.
- 388 Панаиъ Ивановичъ Срезневскій, академикъ и профессоръ.
Русск. Стар. 1881, т. 32, № 12, стр. 910—918.—Два письма его къ священнику Запольскому 1836 г.
- 389 Дневникъ Добролюбова (съ 1 лив. 1857 по 11 апр. 1857 г.).
Л. Юбилейный сборникъ Литературнаго фонда 1839—1909 (П. 1909), стр. 287 и слѣд.

- 390 Добродлюбовъ, Н. А.: «Въ тиши ночной, когда весь миръ забылся сномъ...»
Первое полное собраніе сочиненій Н. А. Добродлюбова къ чотырехъ томахъ, подъ ред. М. К. Лажне (П. 1912), т. 2, стр.б. 737—742. — Въ стихотвореніи описывается «суббота» Н. П. Срезневскаго 1830-го г.
- 391 Трубочевъ, С. С.: Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго [Н. И. Надеждинъ].
Ист. Вѣст. 1889, т. 37, № 8, стр. 323.
- 392 Березинъ-Ширяевъ, Я. О.: Матеріалы для библиографіи, кн. 7 (П. 1868).
На стр. 36 приводится посвященіе Н. П. Срезневскаго П. С. Савельеву на зкл. «Повѣсти о Цароградѣ».
- 393 Хрушовъ, И. П.: Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полянова (П. 1879).
Напечатаны выдержки изъ рѣчи Н. П. Срезневскаго при сложивші Д. В. Поляновымъ званіи секретаря Археологическаго общества, выдержки изъ письма Н. П. Срезневскаго къ Д. В. Полянову и нѣсколько выдержекъ изъ письма Полянова къ Срезневскому (стр. 34—42, 44—46).
- 394 Де-Пуле, М. О.: Николай Ивановичъ Второвъ.
Русск. Арх. 1877, № 8, стр. 457, 460.
- 395 Веселовскій, Н. И.: Василій Васильевичъ Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. 1816—1881 (П. 1887).
Въ текстъ введены некоторыя письма В. В. Григорьева къ Н. П. Срезневскому (см. стр. 401, 448—449, 474—475, 482—483, 489—490, 492—493).
- 396 С[емевскій], М. П.: Павелъ Ивановичъ Саввантовъ 1-го сентября. Юбилей его ученой дѣятельности. 1837—1887.
Русск. Стар. 1887, т. 36, № 10, стр. 233, 235, 238.
- 397 Барсуковъ, Н. П.: Жизнь и труды П. М. Строева (П. 1878).
См. стр. 3, 20, 43, 52, 111, 446, 593, 596, 613, 621, 631. — Между прочимъ напечатаны: одно письмо Н. П. Срезневскаго къ П. М. Строеву и три письма Строева къ Срезневскому 1839 г.

- 398 Письма Вукола Михайловича Ундольскаго къ А. Н. Попову изъ Москвы въ Петербургъ.
Русск. Арх. 1886, № 6, стр. 298, 299.—По поводу предпологаемаго Академіею Наукъ изданія Хроникъ Георгія Амартола.
- 399 Златковскій, М. Л.: Анолонтъ Николаевичъ Майковъ.
Биографическій очеркъ (П. 1888).
См. стр. 30; въ изд. 2 П. 1898, стр. 36—37.
- 400 Варенцовъ, В. Г.: Сборникъ духовныхъ стиховъ (П. 1860).
Смысли при отдѣльныхъ стихахъ на получение ихъ отъ Н. П. Срезневскаго.
- 401 Отто, Н.: Нѣсколько словъ о томъ, какъ собираются и изданы у насъ народныя дѣсны.
Свѣ. Прозр., 1860, № 280; Моск. Вѣд. 1860, № 277, стр. 2221—2222.—
О сборникѣ В. Г. Варенцова.
- 402 Варенцовъ, В. Г.: Оtvѣтъ г-ну Отто.
Моск. Вѣд. 1861, № 24, стр. 192.
- 403 Варенцовъ, В. Г.: Объясненіе [по поводу напечатанія въ его «Сборникѣ духовныхъ стиховъ» текстовъ, доставленныхъ въ Академію г. Отто].
Моск. Вѣд. 1861, № 207, стр. 1669—1670.
- 404 Грузинскій, А. Е.: П. Н. Рыбникова (1831—1885 гг.).
Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изд. 2-ое, т. 2 (М. 1909), стр. XXXVIII—XXXIX, XLV.
- 405 Стасовъ, В. В.: Румановскій Музей. Исторія его перевода изъ Петербурга въ Москву въ 1860—1861 годахъ.
Русск. Стар. 1883, № 1, стр. 91—92. Перепечат. въ «Сборникъ сочиненій В. В. Стасова», т. 3, табл. 1691—1692.—Приводится текстъ протеста противъ перевода Музея въ Москву.
- 406 С-ко, Н. В.: Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка.
Киевск. Стар. 1886, т. 16, стр. 316.—Приводится въ выдержкѣ письмо Н. П. Срезневскаго къ В. А. Стороженку 31 марта 1861 г.
- 407 Лазаревскій, В. М.: Мое знакомство съ Далемъ.
Изъ бумагъ В. М. Лазаревскаго: Русск. Арх. 1894, т. 2, № 8, стр. 550.

- 408 Корсаковъ, Д. А.: Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ (рожд. 1818 г. † 1885 г.).
Русск. Стар. 1887, т. 33, № 2, стр. 439.
- 409 Амфилохій, арх.: Описание Воскресенской Новоеру-
салимской библиотеки (М. 1875).
См. предисловіе, посвященіе и стр. 4—6, 9, 13, 18, 26, 29, 41.
- 410 Кореунскій, Н. П.: Преподобный Амфилохій, епи-
скопъ угличскій.
Памяти арх. Саввы, еп. Амфилохія, про-с. А. В. Павинскаго и
г-р. М. В. Толстого. Изд. Имп. Моск. Археолог. общества (М. 1898),
стр. 39—40, 54—55.
- 411 Срезневскій, В. П.: Преподобный Амфилохій, еп.
угличскій.
Всея. Иллюстр. 1893, № 1249, стр. 12.
- 412 Савва, архіеп. тверской и кашинскій: Хроника моей
жизни. Автобиографическія записки († 13 окт. 1896).
См. т. 2 (Ск.-Тр. Серг. лабра, 1899), стр. 226, 403—407, 420—426,
431—432, 449—451, 454, 462—463, 469—470, 481, 492—493, 337; т. 3
(Ск.-Тр. Серг. а. 1901), стр. 56—57, 121—123, 127, 128; т. 4 (Ск.-Тр.
Серг. а. 1902), стр. 161; т. 9 (Серг. посаль, 1911), стр. 414, 417.—Въ
т. 2 напечатано шесть писемъ Н. П. Срезневскаго къ арх. Саввѣ 1838 и
1839 гг., въ т. 3—два письма 1863 и 1864 гг.
- 413 Бѣлозерская, Н. А.: Федоръ Григорьевичъ Солнцевъ,
профессоръ археологической живописи.
Русск. Стар. 1887, т. 33, № 6, стр. 733.
- 414 Пыпинъ, А. Н.: Очеркъ биографіи профессора А. А.
Котляревскаго.
Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4 (Сборн. Отд. русск. яз. и сл.
Имп. Ак. Наукъ, т. 50, II, 1893).—Напечатаны замѣчанія изъ пере-
писки Н. П. Срезневскаго съ А. А. Котляревскимъ.
- 415 Шамбіннаго, С. К.: Библиотечный жемчужникъ перваго
изданія Слова о полку Игоревѣ.
Извѣстія Моск. Лит.-худ. кружка, 1914, III, 29—30.—Приводится
письмо Н. П. Срезневскаго къ Мст. Витк. Прахова 1864 г.

- 416 Андреевъ, Вл.: К. И. Невоструевъ (Биографическій очеркъ).
Русск. Стар. 1908, т. 133, № 2, стр. 382—384.
- 417 Leger, Louis: Souvenirs d'un Slavophile (1863—1897).
Paris, 1905.
О посещеніи г. Лeger Петербурга и о знакомствѣ съ П. И. Срезневскимъ (стр. 116—120). Первоначально было напечатано въ журналѣ *Minerva*, 1903.
- 418 Луи Леже въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1872 году.
Ист. Вѣст. 1903, т. 94, № 10, стр. 326.—По поводу статей г. Леже *Souvenir d'un Slavophile* въ журн. *Minerva* 1903 г.
- 419 Линниченко, П. А.: Какъ насъ учили классическимъ языкамъ.
Одесская Новостя, 1912, № 8637, и отд. отд. стр. 10.—О столкновѣніи П. И. Срезневскаго въ 1874 г. въ Киевѣ на разгудѣ у генерала-губернатора кн. А. М. Дондукова-Корсакова съ помощникомъ попечителя кіевскаго уч. окр. П. И. Новиковами по поводу безучастности послѣдняго къ вопросамъ преподаванія русскаго языка и словесности.
- 420 Барсовъ, Е. В.: Рѣчь памяти Е. Е. Голубинскаго, произнесенная въ засѣданіи Общества истории и древностей россійскихъ 18 янв. 1912 г. [безъ заглавія].
Чтенія въ Общ. ист. и др. росс. 1913, кн. 4, Протоколы, стр. 2—3.—
О сношеніяхъ П. И. Срезневскаго съ Е. Е. Голубинскимъ.
- 421 М. М. Стасюлевичъ и его современники. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. 1 (П. 1911), т. 2 (П. 1912).
Упомянуты съ помянутыми.—Между проч. напечатано письмо П. И. Срезневскаго къ М. М. Стасюлевичу 1875 г.
- 422 Письма А. Н. Попова, П. И. Срезневскаго и А. Ф. Гильфердинга къ арх. Леониду (сообщены д. чл. о. архив. Леонидомъ).
Записки Имп. Русскаго арх. общ. т. 1. Поваж. серия (П. 1886), стр. 196—206.
- 423 Верковичъ, С. И.: Огъвы о родонскихъ гѣснахъ (П. 1879).

На стр. 23—24 перепечатано сообщение о докладе Н. П. Срезневского оти родонскихъ писемъ, собранныхъ Вервицкимъ, напечатанное въ Извѣстяхъ о занятяхъ четвертаго археол. съезда въ Казани (Казань, 1877), № 10, стр. 175 (см. № 370).

- 424 Знакомые. Альбомъ М. И. Семевского... 1867—1888 (П. 1888).
Заявка Н. П. Срезневскаго на память М. И. Семевскому (стр. 59).
- 425 Отчетъ Императорской Публичной библиотекки за 1886 г. (П. 1888).
Сообщение о поступленн въ Библиотекку писемъ Н. П. Срезневскаго къ Н. П. Коринлову (стр. 14).
- 426 То же за 1889 г. (П. 1893).
Сообщение о поступленн въ Библиотекку писемъ Н. П. Срезневскаго къ А. А. Бравскому (Прил. стр. 11).
- 427 То же за 1892 г. (П. 1895).
Сообщение о поступленн въ Библиотекку писемъ Н. П. Срезневскаго къ С. П. Шевареву (стр. 190).
- 428 То же за 1898 г. (П. 1902).
Сообщение о поступленн въ Библиотекку писемъ Н. П. Срезневскаго къ Н. П. Сатарову (стр. 6).
- 429 То же за 1899 г. (П. 1903).
Сообщение о поступленн въ Библиотекку писемъ Н. П. Срезневскаго къ неизвѣстному игумену (стр. 154).
- 430 То же за 1902 г. (П. 1910).
Сообщение о поступленн въ Библиотекку писемъ Н. П. Срезневскаго къ Н. В. Гербею (стр. 195).
- 431 То же за 1903 г. (П. 1910).
Сообщение о поступленн въ Библиотекку писемъ Н. П. Срезневскаго къ Ап. Ал. Манкону (стр. 30).
- 432 То же за 1906 г. (П. 1913).
Сообщение о поступленн въ Библиотекку въ дѣль бумагъ Мих. С. Куторгн трехъ писемъ къ нему Н. П. Срезневскаго, анынъ съ писемъ его къ Н. П. Срезневскому, и писемъ Н. П. Срезневскаго къ Н. В. Гербею (стр. 74, 75, 166).
- 433 Бычковъ, Н. А.: Каталогъ собранн рукописей Н. П. Саввантова, нынѣ принадлежащихъ Имп. Публичной Библиотеккѣ, вып. 1 (П. 1900).

- Отчетъ Имп. Публ. библ. за 1897 г. (П. 1900), стр. 199.—О письмѣ 1856 г. къ Н. П. Срезневскому арх. Макарія.
- 434 Абрамовичъ, Д. П.: Каталогъ собранія рукописей проф. Н. В. Пондловскаго, нынѣ принадлежащихъ Имп. Публичной Библиотекѣ (П. 1914).
- Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1907 г. (П. 1914), стр. 126, 146, 162.—Сообщеніе о письмѣхъ Н. П. Срезневскаго къ Н. В. Пондловскому (3) и къ В. В. Григорьеву (1).
- 435 Соколовъ, Е. П.: Бумаги Ю. И. Венедикта.
Чтенія въ Имп. общ. ист. и др. росс. 1899, кн. 3, стр. 14.
- 436 Библиотека, собраніе автографовъ, «золотыя книги» [Литературно-художественнаго] кружка.
Им. Литер.-худ. кружка, 4 марта 1913 г. стр. 18.—Складное о письмѣ Н. П. Срезневскаго къ М. В. Прахову.

V.

Университетская дѣятельность въ Петербургскомъ университетѣ и въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ.

- 437 Отчетъ ректора [С.-Петербургскаго университета за 1847 г.].
Годичный торжественный актъ въ Имп. Санктпетербургскомъ унив., бывшій 8 февр. 1848 г. (П. 1848), стр. 17—18, 22, 23.
- 438 Отчетъ о состояніи Имп. Санктпетербургскаго университета въ продолженіи 1850 года.
Годичный торж. актъ... 8 февр. 1851 г. (П. 1851), стр. 24.
- 439 Отчетъ о состояніи Имп. Санктпетербургскаго университета и дѣятельности ученаго его сословія въ теченіе 1853 года; — 1854 г.; — 1855 г.; — 1856 г.; — 1858 г.; — 1860 г.
Годичный актъ... 1854 г. (П. 1854), стр. 22.—Т. и... 1856 г. (П. 1855), стр. 40.—Т. ж... 1856 (П. 1856), стр. 40.—Т. ж... 1857 г. (П. 1857), стр. 6 (сообщается о чтеніи Н. П. Срезневскаго на актѣ 1857 г. рѣчи «О палеонтологическихъ изслѣдованіяхъ памятниковъ русской древности»: напечатана была безъ указанія отъ чтенія на актѣ въ Имп.

справк. Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и словъ 1857, ч. 6, стр. 257—275.—Т. ж., 1859 г. (П. 1859), стр. 20—21.—Т. ж., 1861 г. (П. 1861), стр. 30—31, 33, 39.

- 440 Отчетъ о Главномъ педагогическомъ институтѣ съ 1853 по 1855 учебные годы (П. 1855); — за 185¹/₆ учебный годъ (П. 1856).
- 441 Актъ десятого выпуска студентовъ Главнаго педагогическаго института 21 іюня 1857 г. (П. 1857).
 Въ книгѣ этой помѣщенъ Отчетъ Главнаго под. института за 1856—1857 уч. г.
- 442 Актъ одиннадцатаго выпуска студентовъ Главнаго педагогическаго института 20 іюня 1858 г. (П. 1858).
 Здѣсь помѣщенъ Отчетъ за 1857—1858 уч. г.—Во всѣхъ отгиченныхъ здѣсь отчетахъ Института (№№ 440—442) помечены перечни темъ для студенческихъ сочиненій, заданныхъ П. И. Срезневскимъ, и отзывы его о сочиненіяхъ.
- 443 Записка о дѣятельности С.-Петербургскаго университета и его членовъ за 18⁰³/₀₄ академическій годъ.
 Годичный торжественный актъ въ Имп. С.-Пб. унив., бывшій 2 дек. 1866 г. (П. 1867), стр. 3, 6, 7, 13, 19.
- 444 Кесслеръ, К. Ф.: Отчетъ о состояніи Имп. С.-Петербургскаго университета и дѣятельности ученаго его сословія за 1871 годъ.
 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. университета, № 5 (П. 1872), стр. 94, 99.
- 445 Владиславлевъ, М. И.: Отчетъ о состояніи Имп. С.-Петербургскаго университета и дѣятельности ученаго сословія его за 1877 годъ.
 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. унив. за первую пол. 1877—1878 акад. г. № 17 (П. 1878), стр. 43, 50, 55.
- 446 Горчаковъ, М. И.: Отчетъ о состояніи Имп. С.-Петербургскаго университета и дѣятельности ученаго сословія его за 1878 г.
 Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Пб. унив. за первую пол. 1878—1879 акад. г. № 19 (П. 1879), стр. 70, 71, 79, 81, 87.

- 447 Протоколы заседаний Совета Имп. С.-Петербургскаго университета, №№ 1—22 (П. 1870—1881).
 См. кз № 1 (П. 1870), стр. 13, 26, 34, 118;—кз № 2 (П. 1871), стр. 13, 48, 69;—кз № 3 (П. 1871), стр. 39—40, 42—43, 70, 146;—кз № 4 (П. 1872), стр. 88—89, 137;—кз № 6 (П. 1873), стр. 88—89, 113;—кз № 7 (П. 1873), стр. 8, 18, 70;—кз № 8 (П. 1874), стр. 69, 77, 78;—кз № 9 (П. 1874), стр. 47, 66, 111;—кз № 10 (П. 1875), стр. 47, 70;—кз № 11 (П. 1875), стр. 14, 65, 90, 98;—кз № 12 (П. 1876), стр. 25;—кз № 13 (П. 1876), стр. 21, 34, 75, 124;—кз № 14 (П. 1877), стр. 63;—кз № 15 (П. 1877), стр. 23, 50, 73, врал. стр. 53;—кз № 16 (П. 1878), стр. 31, 47—49, 83, 84, 62, 64, 83;—кз № 17 (П. 1878), стр. 19;—кз № 18 (П. 1879), стр. 84;—кз № 19 (П. 1879), стр. 20, 21, 34, 35;—кз № 20 (П. 1880), стр. 14, 15, 21, 31, 33, 44;—кз № 22 (П. 1881), стр. 4, 5, 10.
- 448 Костомаровъ, Н. И.: Петербургскій университетъ начала 1860-хъ годовъ.
 Л. Юбилейная сборникъ Литературнаго фонда. 1859—1909 (П. 1909), стр. 117—119.
- 449 Григорьевъ, В. В.: Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія.
 Упомянута см. по указателю.
- 450 Спасовичъ, В. Д.: Пятидесятилѣтіе Петербургскаго университета: Императорскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная..... В. В. Григорьевымъ С.-Петербургу. 1870.
 Вѣст. Евр. 1870, т. 2, № 4; т. 3, № 5. Вошло въ сборникъ статей В. Д. Спасовича «За много лѣтъ, 1859—1871» (П. 1872), стр. 10, 21—36, и въ изд. «Сочиненія В. Д. Спасовича», т. 4 (П. 1891), стр. 16, 32—34.—О студенческомъ движеніи 1861 года.
- 451 Глинскій, Б. Б.: Семидесятилѣтіе Петербургскаго университета.
 Вѣст. 1894, т. 55, № 2, стр. 493—496.
- 452 Потебня, А. А.: Автобиографическая записка [безъ главн. главн].
 А. П. Пышляк. Исторія русской этнографии, т. 3 (П. 1891), стр. 422—
 (О хлѣбѣ П. П. Срезневскаго на универс. курсахъ П. А. Лавровскаго.

- 453 Материалы для биографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861—1862 годахъ, т. 1 (М. 1890).
См. стр. 20, 37, 42, 47, 53, 55, 80, 87, 90, 92, 96—100, 125, 133, 137, 156, 317, 318, 321—323, 326, 328, 380, 397, 399, 456, 517, 518.
- 454 Лемке, М. К.: Н. А. Добролюбовъ.
Первое полное собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова въ четырехъ томахъ подъ ред. М. К. Лемке, т. 1 (П. 1912), табл. XLII—XLIV, LXXIX, LXXX, LXXXIII, CII, CIV.
- 455 Лемке, М. К.: Вводныя замѣтки къ статьямъ Н. А. Добролюбова «Замѣтки и дополненія къ сборнику русскихъ пословицъ г. Буслева» и «Собесѣдникъ любителей русскаго слова» [безъ заглавій].
Т. ж. т. 1, табл. 13—14, 114.
- 456 Лемке, М. К.: Замѣтка о трудѣ Н. А. Добролюбова «О древнеславянскомъ переводѣ Хроники Георгія Амартола» и дополненіе къ ней [безъ заглавій].
Т. ж. т. 1, табл. 313—314, 986.
- 457 Отчетъ Императорской Публичной Биб.отеки за 1906 г. (П. 1913).
Слѣдствія о слѣдствіяхъ Н. А. Добролюбовыхъ записки лекцій В. П. Срезневскаго (стр. 83—84).
- 458 Н. Г. Чернышевскій (Некрологъ).
Русск. Вѣд. 1889, № 288 (18 окт.).
- 459 Вѣтринскій, В. Е.: Ранніе годы Н. Г. Чернышевскаго. Изъ исторіи русскаго общества и литературы.
Вѣст. Евр. 1908, № 8, стр. 499, 502—509, 511.
- 460 Духовниковъ, Ф. В.: Николай Гавриловичъ Чернышевскій.
Русск. Стар. 1910, т. 144, № 12, стр. 504 (издана въ П. П. Срезневскаго переиздана какъ Некрологъ Н. Г. Чернышевскаго къ Русск. Вѣд. 1889, № 288).
- 461 Пыпинъ, А. Н.: Мои замѣтки.
А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки съ приложеніемъ статей: «Изъ мѣсяца

- «к Прага» и «Варшавы Гавизы» (М. 1910). Подъ ред. В. А. Ланкой
стр. 26—28, 39, 47, 49, 61—63, 101).
- 462 Глинскій, Б. Б.: Александръ Николаевичъ Пышнѣ
(Материалы для биографіи и характеристики).
Ист. Вѣстн. 1903, т. 99, № 1, стр. 272—275, 280, 283—287, 289.—
Объ университетскомъ преподаваніи И. И. Срезневскаго и его вліяніи
на А. И. Пышнѣ. Вошло въ слѣд. книгу (№ 463) къ небольшой пере-
работкѣ.
- 463 Глинскій, Б. Б.: Среди литераторовъ и ученыхъ.
Биографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія,
встрѣчи (П. 1914).
Въ статьяхъ «А. И. Пышнѣ» и «В. И. Острогорскій»—о вліяніи
на нихъ И. И. Срезневскаго, какъ профессора (стр. 320, 322—324, 328,
332—336, 286—287).—Ср. №№ 462 и 473.
- 464 Модестовъ, В. И.: В. Гр. Васильевскій (Время выс-
шаго образованія и приготовленія къ кафедрѣ).
Журн. Мин. нар. просв. 1902, ч. 339, № 3, стр. 130—140.—О препо-
даваніи въ Главномъ педагогическомъ институтѣ.
- 465 Симоны, П. К.: Къ начальной исторіи учено-литера-
турной дѣятельности Л. Н. Майкова.
Сборникъ «Памяти Л. Н. Майкова» (П. 1902), стр. XLIII—XLVIII.
- 466 Срезневскій, В. И.: Письмо Л. Н. Майкова П. И.
Срезневскому.
Сборникъ «Памяти Л. Н. Майкова» (П. 1902), стр. LVI—LVII.
- 467 Смирновъ, А. И.: † В. В. Макушевъ.
Русск. Фил. Вѣстн. 1883, т. 9, № 1, стр. 139.
- 468 Сорокинъ, В. М.: Воспоминанія стараго студента
(1858—1862 гг.).
Русск. Стар. 1906, т. 128, № 11, стр. 452, 453, 456.—О студенче-
скихъ волненіяхъ 1861 г.
- 469 Ашевскій, С.: Русское студенчество въ эпоху шести-
десятыхъ годовъ (1855—1863).
Совр. Міръ, 1907, № 9, стр. 73.—По статьѣ В. М. Сорокина (см. № 468).

- 470 Шестаковъ, П. Д.: Студенческія волненія въ Москвѣ въ 1861 г.
Русск. Стар. 1888, т. 60, № 10, стр. 208—209. — Извлеченія изъ статьи В. А. Спасовича (см. № 450).
- 471 Студенческое дѣло. I. Письмо изъ Петербурга.
Колоколь (Лондонъ), 1861, № 112, стр. 934, 936.
- 472 Писаревъ, Д. И.: Наша университетская наука.
Сочиненія, т. 5 (П. 1866), стр. 47—53; въ изд. 1901, т. 4, стр. 48—54. — П. П. Срезневскій изображенъ подъ псевдомъ проф. Спарожика.
- 473 Скабичевскій, А. М.: Воспоминаніе о пережитомъ.
Русск. Бог. 1907, № 7, стр. 20—21; № 8, стр. 35, 38.
- 474 Острогорскій, В. П.: Изъ исторіи моего учительства. Воспоминанія, замѣтки и мысли стараго учителя словесности.
Образованіе, 1892, № 10, стр. 225—227, 232—235. Вошло въ книгу «Изъ исторіи моего учительства. Какъ я служилъ учителемъ (1851—1864 гг.)». П. 1895, стр. 62—65, 72—77.
- 475 Глинскій, Б. Б.: Характеристика В. П. Острогорскаго.
Вест. Вѣст. 1902, т. 88, № 6, стр. 1003—1004. — Ср. выше № 463.
- 476 Вороновъ, А. Г.: Воспоминанія бывшаго студента Харьковскаго унив., 60-хъ годовъ.
Русск. Стар. 1913, т. 454, № 6, стр. 572, 573, 578. — О Петербургскомъ унив. 1860—1862 гг.
- 477 Анненскал, А. Н.: Изъ прошлыхъ лѣтъ (Воспоминанія о П. О. Анненскомъ).
Русск. Бог. 1913, № 1, стр. 37.
- 478 Полевой, П. Н.: Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина.
Вест. Вѣст. 1897, т. 67, № 2, стр. 607—608.
- 479 Шимановскій, М. В.: Мой профессоръ и мое студенчество (1863—1867).
Отклики. Литературный сборникъ въ пользу голодающихъ (Одесса, 1892), стр. 55—58, 60, и отд. отт.
- 480 Болдуинъ-де-Куртеназ, П. А.: Карл Линней: 1) За-

мѣтки о древне-польскомъ языкѣ, 2) Къ славянскому народному словопроизводству....

Фил. Зап. 1880, № 3, Библиографія, стр. 3—5. — Объ И. И. Срезневскомъ, какъ руководителѣ въ занятіяхъ студентовъ.

- 481 Кочубинскій, А. А.: Итоги славянской и русской филологій проф. А. Котляревскаго. Библиографическій опытъ о древней русской письменности. Введеніе. Воронежскъ. 1881.
- Журн. Мин. нар. пр. 1881, ч. 216, № 8, стр. 360—366. — Между прочимъ значеніе И. И. Срезневскаго, какъ руководителя въ работахъ и занятіяхъ, и по этому поводу возраженія на отзывъ объ И. И. Срезневскомъ П. А. Бодуэна-де-Куртене въ краткой на книгу Апеля (см. № 481). — Вторымъ изданіемъ съ дополненіемъ печат. въ Запискахъ Новороссійскаго ун-в. т. 33 (Одесса, 1882); былъ и отд. отт.
- 482 По поводу диспута на степенъ доктора М. И. Владиславеца 12 янв. 1869 г. [безъ заглавія].
Голосъ, 1869, № 14, Петерб. хроника.
- 483 Ушинскій, К. Д.: Философскій диспутъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.
С.-Петербург. Вѣд. 1869, № 45 (15 янв.).
- 484 Ушинскій, К. Д.: По поводу послѣдняго диспута въ Санктпетербургскомъ университетѣ.
Голосъ, 1869, № 47 (17 янв.). — О диспутѣ М. И. Владиславеца.
- 485 Новый докторъ философіи.
Воскресъ, 1869, № 3, стр. 43—44. — По поводу диспута на степенъ доктора М. И. Владиславеца.
- 486 По поводу диспута М. И. Владиславеца [безъ заглавія].
Бирж. Вѣд. 1869, № 13 (въ передовой статьѣ — Дневникъ).
- 487 Воскресенскій, Г. А.: Древній славянскій переводъ Апостола и его судьба до XV в. (М. 1879).
См. въ предисловіи о руководителѣхъ И. И. Срезневскаго.
- 488 Мейчикъ, Д. М.: Объ открытіи Археологическаго института.
Сборникъ Археолог. инстит. т. 1 (П. 1878), стр. 21. — О рѣчи И. И. Срезневскаго при открытіи Института.

VI.

Сужденія и мнѣнія объ ученыхъ трудахъ Н. И. Срезневскаго, относящихся къ петербургскому періоду (рецензіи не включены): Общія изборы. Работы по русскому языку. Минималія. Семіологія. Историко-литературныя труды. Палеографія и издавія текстовъ.

- 489 Архангельскій, А. С.: Изъ лекцій по исторіи русской литературы (Казань, 1898).
Ученія Записки Им. Казанскаго ун-ва, за 1893—1894 гг.—Отд. отд. стр. 34—35, 53, 57, 61, 65—68, 107—115.—О трудахъ Н. И. Срезневскаго вообще, въ частности о трудахъ по минималіи, исторіи языка и относящихся къ биографіи и характеристикѣ Востокова.
- 490 Котляревскій, А. А.: Древняя русская письменность. Опытъ библиологическаго изложенія ея изученія.
Филолог. Зап. 1879—1880, и отд. отд. (Воронежъ, 1881). Перевед. въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 50 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4, П. 1895; упоминанія см. по указателю).
- 491 Шевыревъ, С. П.: Исторія русской словесности, ч. 1, изд. 2 (М. 1859).
- 492 Брандтъ, Р. Ф.: Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка (М. 1892).
О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».
- 493 Буличъ, С. К.: Русский языкъ и сравнительное языковѣдѣніе.
Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 28 (П. 1899)—«Россія» стл. 829—832.
- 494 Владимировъ, П. В.: Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка» (очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новыя матеріалы).
Ун-в. Извѣстія (Вісн.), 1899, № 2. Критика и библиографія, стр. 63—109, и отд. отд.
- 495 Волковъ, Н. В.: Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка.
Журн. Мин. нар. пр. 1894, ч. 296, № 12, стр. 263—267.—О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».

- 496 Волковъ, Н. В.: Къ исторіи русскаго языка. — Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка, читанныя орл. проф. Имп. Моск. унив. Романомъ Брандтомъ. Вып. 1. Фонетика. М. 1892.
Журн. Мин. нар. просв. 1894, т. 291, № 1, стр. 226—221.
- 497 Гротъ, Я. К.: Филологическія разысканія, т. 2. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Изд. 2 (П. 1876).
Переводъ въ «Трудахъ Я. К. Грота», т. 2 (П. 1899). Упомянуты см. по указателю.
- 498 Давыдовъ, Н. И.: О сочиненіи академика Н. И. Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка». Отчеты Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго яз. и сл. за первое десятилѣтіе съ его учрежденія, составленное... П. А. Петяковъ (П. 1852), стр. 320—329.
- 499 Качановскій, В. В.: Объ историческомъ изученіи русскаго языка (Казань, 1887).
См. стр. 9—13. Преимущественно о «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».
- 500 Калодосовъ, М. А.: Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе (Варшава, 1872).
О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».
- 501 Котляревскій, А. А.: Сравнительное языкознаніе. Фил. Зап. 1862—1863, вып. 4—5. Переводъ въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 48 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2), 1890, стр. 208—241.— О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка».
- 502 Котляревскій, А. А.: Опытъ исторической грамматики русскаго языка, состав. Ѳ. Буслевымъ. Дѣйств. 1858(9).
Отгв. Записки, 1859, т. 126, Русск. лит. стр. 20—25. Переводъ въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 47 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 1), 1889, стр. 408—414.
- 503 Линиченко, А. И.: Очеркъ развитія высшихъ идей отечественнаго языкознанія отъ возникновенія уче-

ныхъ изслѣдованій русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно-исторической науки о языкѣ.

Речи, произнесенныя на торжественныхъ собраніяхъ Академ. ин. Бельбородко и Виленской гимназій въ 1834 и 1835 уч. годахъ (Віевъ, 1836).

504. Гундель, I. A.: Изслѣдованіе о русскомъ произношеніи.

Филол. Зап. 1911, кн. 3, стр. 617—625.—О взглядахъ П. П. Срезневскаго, высказанныхъ въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», «Объ изученіи родного языка», «Обзорѣнн главныхъ чертъ средстава звуковъ въ нарѣчійхъ славянскіихъ».

505. Остроумовъ, Н.: О значеніи слова «Кудяръ» въ древнихъ русскіихъ сказаніяхъ.

Русск. Арх. 1898, т. 2, № 7, стр. 460.—Противъ толкованія слова, принадлежавшаго П. П. Срезневскому. См. тамъ Русск. Арх. 1897, № 12 (статья Р. I. Маршала).

506. Погодинъ, М. П.: Отвѣтъ на филологическія письма М. А. Максимовича.

Русск. Бесѣд., 1836, т. 4, Критика, стр. 124 и слѣд.—По поводу вопроса о давности малорусскаго языка.

507. Пыпинъ, А. П.: Два словаря русскаго языка.

Вѣст. Евр. 1892, № 9.—О Матеріалахъ для др.-русскаго словаря П. П. Срезневскаго и о Словарѣ русскаго языка, сост. Отдѣленіемъ русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, кн. 1.

508. Симои, П. К.: Русскій языкъ въ его нарѣчійхъ и говорахъ. Опытъ библиографическаго указателя трудовъ, касающихся русскаго диалектологіи и исторіи языка, съ присоединеніемъ указаній на изслѣдованія, изданія и сборники памятниковъ народнаго творчества.

Вѣстникъ Отд. русск. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ, 1896, т. 1, кн. 1, стр. 139—144, 148; кн. 2, стр. 410—415, 418, 420, 430.—Отд. отд. П. 1899.

509. Степовичъ, А. I.: Славянскія вѣстия.

Филол. Записки, 1896, № 1, стр. 138—139.—Отд. отд. Воронежъ, 1897.—Въ отвѣтъ о «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка А. I. Дювернуа».

510. Шахматовъ, А. А.: Курсъ исторіи русскаго языка

- (чит. въ С.-Пб. университетѣ въ 1908—1909 г. часть I (II. 1910—1911).
См. стр. 399—401.—О «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка» и о «Материалахъ для словаря древне-русскаго языка».
- 511 Ягичъ, И. В.: Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка.
Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 46, № 4 (II. 1889).
- 512 Предисловіе [редакціи къ труду И. И. Срезневскаго «Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ»].
И. И. Срезневскій. Материалы для слов. др.-русск. яз. т. 1 (II. 1893), стр. I—IX.
- 513 Запанковъ, Н. А.: Докладъ о начальномъ изученіи родного языка путемъ изученія его грамматики.
Труды перваго всероссійскаго съѣзда учителей городскихъ по положенію 1872 года училищъ 7—14 июня 1909 г. т. 2 (II. 1910), стр. 285—293.—О книгѣ «Объ изученіи родного языка».
- 514 Стоюнинъ, В. Я.: Бесѣды И. И. Срезневскаго о русскомъ языкѣ.
Слв. Пчела, 1860, № 69.
- 515 Стоюнинъ, В. Я.: Необходимое дополненіе къ статьѣ Бесѣды И. И. Срезневскаго о русскомъ языкѣ.
Слв. Пчела, 1860, № 103.
- 516 Чернышевъ, В. П.: О программѣ будущей народной школы (II. 1906).
См. стр. 6—7.
- 517 Шереметевскій, В. П.: Начатки науки о родномъ языкѣ. Опытъ программы первой ступени обученія.
Фил. Зап. 1881, к. 1-3, стр. 1—3.—По поволу книги «Объ изученіи родного языка».
- 518 Примѣчаніе отъ редакціи къ «Страничкѣ изъ методики элементарной грамматики родного языка» В. П. Шереметевскаго [безъ заглавія].
Сочиненія Вл. П. Шереметевскаго (М. 1897), стр. 145.

- 519 Котляревскій, А. А.: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ (Москва, 1868).
 Перепечатано въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 49 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 3), 1891, стр. 88—89.—О сочиненіяхъ И. И. Срезневскаго «О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души и «Святлища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ».
- 520 Котляревскій, А. А.: Разборъ сочиненія А. Аванасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу...
 Отчетъ о XIII присужденіи наградъ гр. Уварова, (П. 1872), Періодич. въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 48 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2), 1890, стр. 260—261.—О книгѣ И. И. Срезневскаго «Святлища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ».
- 521 Ивановъ, Н. П.: Объ основаніяхъ русскаго народнаго и литературнаго стихосложенія.
 Фил. Зап. 1893, вып. 1, стр. 33—38.—О взглядахъ И. И. Срезневскаго по этому вопросу, высказанныхъ въ статьѣ «Объ эническомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсень и въ «Мѣлахъ объ исторіи русскаго языка».
- 522 Потебннъ, А. А.: Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колыдокъ и щедровокъ.
 Русск. Фил. Вѣстн. 1884, т. 11, № 1, стр. 5—8, 17.—По поводу взглядовъ И. И. Срезневскаго на русское и общеславянское стихосложеніе.
- 523 Айшаловъ, Д. В.: Очерки и замѣтки по исторіи древнерусскаго искусства.
 Изв. Отд. рус. яз. и сл. 1910, т. 13, кн. 3 (гл. IV, Миниатюры «Сказанія» о св. Борисѣ и Глебѣ Сильвестровскаго сборника).
- 524 Аристовъ, Ѳ. Ѳ.: Истинная исторія Каршато-россовъ А. В. Духновича.
 Русск. Арх. 1914, т. 2, № 3, стр. 149.—По поводу статьи «Русь Угорская».
- 525 Багрій, А. В.: Вопросъ о Сказаніи черноризца Храбра и кievскіе синскіе «Сказанія».
 Фил. Зап. 1912, вып. 1, стр. 66, 69.

- 526 Белешевичъ, В. Н.: Сивагога въ 50 титулахъ и другіе юридическіе сборники Іоанна Схоластика (П. 1914).
См. стр. 199—201, 203, 210—211.
- 527 Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.: Труды I археологическаго съезда въ Москвѣ въ 1867 г.
Журн. Мин. нар. ср. 1872, ч. 160, № 4, стр. 307.
- 528 Биларскій, П. Г.: Судьбы церковнаго языка (П. 1848).
См. стр. 54—53, 97—115.—По поводу статей И. И. Срезневскаго о Рейскомъ евангеліи.
- 529 Бодянский, О. М.: «Объясненіе» [по поводу статьи И. И. Срезневскаго «Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи»].
Чтенія въ Имп. общ. ист. и древностей российскихъ, 1867, кн. 1, отд. V, стр. 179—182.
- 530 Григоровичъ, В. И.: Предварительныя свѣдѣнія, касающіяся литературы церковно-словенской. О древней письменности словянъ.
Статья, касавшаяся древняго словенскаго языка (Казань, 1852), стр. 59, 60, 64, 65.—По поводу жизни И. И. Срезневскаго и глаголицы.
- 531 Котляревскій, А. А.: Изображеніе казика переходяго въ латинской рукописи XIV вѣка (письмо къ И. И. Срезневскому).
Изв. Имп. Арх. общ. 1863, т. 4, вып. 3, стл. 405—406. Перечень въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 50 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 4), 1895, стр. 422—423.
- 532 Котляревскій, А. А.: Обзоръ успѣховъ славяновѣдѣнія за послѣдніе три года. 1873—1875.
Узнав. Навѣстія (Киевъ), 1876, № 7. Перечень въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 48 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2), 1890, стр. 372—377.
- 533 Котляревскій, А. А.: Русское періодическое изданіе Академіи Наукъ. Записки Академіи Наукъ, 1862, 2 т., 4 книжки.
С.-Петербург. Вѣдомости, 1863, № 39. Перепечатано въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. т. 48 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2), 1890.

стр. 3—4.—О книге «Имена о древнихъ русскихъ летописяхъ и о статьѣ «Русскіе календи древняго времени».

- 534 Котляревскій, А. А.: Старина и народность въ 1864-й годъ.

Моск. Вѣдомости, 1862.—Отд. отд. (М. 1862). Перечень въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 47 (Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 1) 1889, стр. 587—588.—О трудахъ по изслѣдованію глаголическихъ памятниковъ, и о «Древнихъ памятникахъ русскаго языка и языка».

- 535 Котляревскій, А. А.: Úspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860—1872).

Časopis Muz. kral. Česk. 1874, sv. 1—3.—Отд. отд. (ч. Прага, 1874). Перечень въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 50 (Сочин. А. А. Котляревскаго, т. 4), 1893, стр. 462, 463—467, 478—479, 488.

- 536 Леонидъ, арх.: О роднѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 53, № 3 (П. 1891), стр. 2—4, 7, 20.

- 537 Модестовъ, Е.: О посланіи Давида Заточника.

Журн. Мин. нар. пр. 1880, ч. 212, № 41, стр. 186—194.

- 538 Невоструевъ, К. И.: Разсмотрѣніе рецензій, бывшихся на описаніе рукописей Синодальной библиотеки.

Сборн. святой. читан. въ Отд. русск. яз. и слов. т. 7, № 6 (П. 1870).

- 539 Сениговъ, І. П.: О древнѣйшемъ летописномъ сводѣ Великаго Новгородъ.

Летопись занятій Археогр. ком. вып. 8, отд. 1, стр. 12, 47, 58, 90—91.

- 540 Соболевскій, А. И.: Кирилловская часть Реймскаго евангелія.

Русск. Фил. Вѣст. 1887, т. 18, № 3, стр. 143—144.

- 541 Францевъ, В. А.: Къ исторіи изданій Реймскаго евангелія.

Журн. Мин. нар. пр. 1900, ч. 330, № 7, 144, 145.

- 542 Шамбинаго, С. К.: Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 81, № 7 (П. 1906).

- 543 Ягичъ, П. В.: Вопросъ о Кириллѣ и Мефодіи въ славянской филологіи.

Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 38, № 1 (П. 1886), стр. 30—31.

- 544 Jagić, V.: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung.
Archiv für Slav. Philologie, 1877, B. 2, 7, 10, 19, 66.
- 545 Грунскій, Н. К.: Пражскіе глаголическіе отрывки.
Памятники старослав. языка, т. 1, вып. 4 (П. 1903), стр. 3—7.
- 546 Ильинскій, Г. А.: Македонскій глаголическій листокъ.
Отрывокъ глаголическаго текста Еврема Сирина XI в.
Памятники старослав. яз. т. 1, вып. 6 (П. 1909), стр. 1—4, 22, 23.
- 547 Ильинскій, Г. А.: Македонскій листокъ. Отрывокъ нецѣлѣстнаго памятника кирилловской письменности XI—XII в.
Памятники старослав. языка, т. 1, вып. 5 (П. 1906), стр. 3—5, 9—11, 21.—Отрывокъ Русск. Фил. Вѣсти. 1907, т. 57, стр. 416.
- 548 Ильинскій, Г. А.: Мануйловскій апостолъ.
Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. 1908, т. 13, кн. 1, стр. 366.
- 549 Ильинскій, Г. А.: Охридскіе листки. Отрывокъ древнецерковно-славянскаго евангелія XI в.
Памятники старослав. яз. т. 3, вып. 2 (П. 1913), стр. 2—4.
- 550 Ильинскій, Г. А.: Среднеболгарскіе листки Уидольскаго XII—XIII вѣка.
Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1905, т. 10, кн. 3, 284—286.
- 551 Карскій, Е. О.: Листки Уидольскаго, отрывокъ кирилловскаго евангелія XI-го вѣка.
Памятники старослав. языка, т. 1, вып. 3 (П. 1904), стр. 1—3, 9, 22, 33.
- 552 Карскій, Е. О.: Очеркъ славянскаго кирилловскаго палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ (Варшава, 1901).
Упомянута см. по указателю.—Также въ другихъ изданіяхъ того же труда: первое изъ нихъ вышло въ 1897 г. подъ загл. «Изъ лекцій по славянскій кирилловскій палеографіи»—отд. изд. Русскаго Фил. Вѣстника, последнее, 3-е— въ 1915 г. (Варшава).
- 553 Лавровъ, П. А.: Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма.
Энциклопедія Славянскія филологіи, вып. 1, 1 (П. 1914).—Упомянута см. по указателю.

- 554 Leskien, A.: Die Unterschrift des Evangeliums von Trnovo.
Archiv für Slav. Philol. 1880, B. 3, 512—513.
- 555 Обнорский, С. П.: О языке Ефремовской кормчей XII вѣка.
Псалты. по русскому языку, т. 3, вып. 1 (П. 1912).
- 556 Симои, П. К.: Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619—20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго царства.
Памятники старин. русск. яз. и слов. XV—XVIII столѣтій (П. 1907), вып. 2, 1, стр. V—VII.
- 557 Симои, П. К.: Повѣсть о горѣ и алочастихъ, какъ горе алочастие довело молотца во ивоческій чинъ. По единственному списку первой половины XVIII вѣка, найденному А. П. Пыпинымъ (П. 1903).
См. стр. 6—8. Перевед. въ изд. П. К. Симои «Памятники старин. русск. яз. и слов. XV—XVIII стол.» (П. 1907), в. VII, 1, стр. 6—8.
- 558 Тихвинскій, А.: Ярославскій списокъ Псалтѣи Николая Черногорца XII—XIII в.
Русск. Фил. Вѣстн. 1892, т. 28, № 3, стр. 114—120; 1894, т. 32, № 3, стр. 263—267.
- 559 Щенкинъ, В. Н.: Болонская псалтырь.
Псалты. по русскому языку, т. 2, вып. 4 (П. 1906).
- 560 Щенкинъ, В. Н.: Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги.
Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1898, т. 3 и 4, и Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. 67 (П. 1901).—Отд. отд. П. 1899.
- 561 Ягичъ, Н. В.: Глаголическое письмо.
Энциклопедія славянскои филологіи, вып. 3. Грамматика у славянъ (П. 1911).—Упомянуто см. по указателю.
- 562 Jagić, V.: Najnovija izdanja slovinskih književnih starina izdanih I. I. Sreznjevskoga.
Rad Jugosl. akad. znan. i umjetn. kn. 8 (1869), str. 200—210.
- 563 Ягичъ, Н. В.: Памятникъ глаголической письменности Маринское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями (П. 1883).
См. въ предисловіи, стр. VIII—XV.

Дополненія.

- 564 Некрологъ Е. О. Срезневской [безъ заглавія].
Новое Время, 1912, № 13020 (12 іюня).
- 565 Пятидесятилѣтній юбилей П. И. Срезневскаго.
Рос. Библиографія, 1879 г. №№ 14—15, стр. 48. — Братія библиографическія свидѣлія.
- 566 Отчетъ о состояніи Имп. Харьковского университета за 184^{1/2} акад. годъ и Рѣчи, произнесенныя въ Торжественномъ собраніи 30 авг. 1842 г. (Харьковъ, 1842).
См. стр. 11, 14, 27—31 (о путешествіи П. И. Срезневскаго въ славянскія земли). Отчетъ составленъ А. П. Рославскимъ-Петровскимъ.
- 567 То же за 184^{2/2} акад. годъ. . . (Харьковъ, 1843).
См. стр. 18, 39—40, 44—54 (краткій обзоръ путешествія въ западно-славянскія земли). Отчетъ составленъ П. И. Срезневскимъ.
- 568 То же за 184^{3/4} акад. годъ. . . (Харьковъ, 1844).
См. стр. 11, 20, 40—41, 58—59. Отчетъ составленъ П. И. Срезневскимъ.
- 569 То же за 184^{4/5} акад. годъ. . . (Харьковъ, 1845).
См. стр. 7, 8, 15, 79.
- 570 Платоновъ, П. В.: Отчетъ о состояніи Имп. Харьковского унив. за 18^{46/48} акад. годъ.
Актъ въ Имп. Харьковскомъ унив. 30 авг. 1846 г. (Харьковъ 1846), стр. 33—34, 80—81.
- 571 Платоновъ, П. В.: То же за 18^{46/47} акад. годъ.
Актъ въ Имп. Харьковскомъ унив. 30 авг. 1847 г. (Харьковъ, 1847), стр. 6.
- 572 Nosák, Bohuš: Nezábudky kriváňske slovuťnému mužovi, professorovi Izmailovi Sreznevskému.
Nitra, 1844. Перевеч. въ статьѣ J. Škultéého «Sreznevskij na Slovensku roku 1842» (Slov. Pohľady, 1894, 126); см. тамъ № 256.
- 573 I. J. Sreznevskij na Slovenskem.
Dom in Svet, 1899 (видѣть не удалось). — По письмамъ П. И. Срезневскаго, напечатаннымъ въ Живой Старинѣ.

- 574 Петровский, Н. М.: Путешествіе В. М. Григоровича по Славянскимъ землямъ.
Журн. Мин. нар. пр. 1915, ч. 30, № 10, стр. 204, 220—223.
- 575 Второй на Руси философическій [чит. филологическій] журналъ.
Др. и Нов. Россія, 1870, т. 1, № 2, стр. 164—163.—По поводу статьи Н. П. С-го «Былина о судѣ Любушка».
- 576 Устряловъ, О. Н.: Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1852—1856 гг.
Ист. Вѣстн. 1884, т. 17, № 7, стр. 423.—Отъимъ В. И. Гречъ о правннствіи В. В. Срезневскаго.
- 577 Шляпкинъ, Н. А.: Русская палеографія по лекціямъ, читаннымъ въ Имп. С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ (П. 1913).
См. стр. 45, 33.
- 578 Jagić, V.: Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache (Berlin, 1913).
Примечательно о трудахъ Н. П. Срезневскаго, относящихся къ глаголицѣ.

Сидѣнія о портретахъ Н. П. Срезневскаго

(Литографія, гравюра, фототипія и акватинія).

- 579 Литографія Н. Ваншаптьева съ дагеротипа 1853 г.
Императорскій С.-Петербургскій университетъ. Изданіе П. Ваншаптьева. [П.] 1854. Портретъ на «овѣ», въ овалѣ и четырехугольной рамкѣ, съ «акватинне» позниси, на орд. з. in F^o. Подъ портретомъ отъбѣла: «Пис. Ваншаптьевъ», справа «Инт. Минстеръ». Целтурное дозволеніе 23 дек. 1853 г.
- 580 Литографія съ дагеротипа 1853 г.
Орд. листъ in F^o, безъ обозн. года (ок. 1854 г.). Портретъ на четырехугольномъ «овѣ», безъ рамки, съ «акватинне» позниси. На самомъ портретѣ отъбѣла «Пис. въ Инт. К. Эргодъ».
- 581 Гравюра на деревѣ Т. Š. съ фотографіи Захарыина 1866 г.
«Květy» (V Praze, 1867), 2. řádkem, č. 24, str. 200, въ тиснѣ. Под-

- пись: «Срезневскому.—Срезневский». На портрети инициалы гравера Т. С.
При статьѣ Э. Ванна (см. выше № 20).
- 582 Гравюра на деревѣ съ фотографіи Захарьина 1866 г.
Иллюстр. альманаха, Изд. А. Баумана, 1868 (П. 1867), табл. 6, въ
общей рамкѣ съ портретами П. А. Чубишева, К. М. Бера, В. Я. Буна-
ковскаго и А. Ф. Миллендорфа. Подпись: «Н. И. Срезневскій».
- 583 Гравюра на стали съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.
Наша дѣтство. Галерея замѣчательныхъ людей Россіи въ портре-
тахъ и биографіяхъ. Изд. А. Баумана, т. 6 (П. 1879). Портрети вложены
въ овальную рамку съ факсимиле подписи, на отд. л. 80.
- 584 Гравюра на деревѣ П. Ф. Бореля съ фотографіи За-
харьина 1866 г.
Всемирн. Иллюстр. 1880, т. 23, № 11 (=383), стр. 220. Подпись:
«Академикъ П. Ф. Срезневскій † 9 февраля. Рис. П. Ф. Борель». На
портрети сѣрая «П. Борель» (см. выше № 124).
- 585 Гравюра на деревѣ К. Вейермана съ фотографіи А. О.
Карелина 1877 г.
Иже, 1880, № 9, стр. 183. Подъ портретомъ подпись: «Иванъ Ива-
новичъ Срезневскій † 9 февр. 1880 г. Съ фотогр. грав. К. Вейерманна.
При статьѣ Я. К. Гроза (см. выше № 77).
- 586 Автографія П. Б. съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.
Древн. и Нов. Россія, 1880, т. 16, № 3. Подпись: «Н. И. Срезневскій.
Съ фотогр. А. Карелина». На портрети буква П. Б. (см. выше № 94).
- 587 Гравюра на деревѣ Д. Рыжова съ фотографіи А. О.
Карелина 1877 г.
Газета А. Галицка, 1880, № 11. Подпись: «Иванъ Ивановичъ
Срезневскій † 1880 февр. 9, въ послѣдніе годы жизни (Съ фотогр.
грав. Д. Рыжова)». На гравюрі буква Д. Р.
- 588 Автографія Н. Брезе съ рисунка П. Ф. Бореля по фото-
графіи А. О. Карелина 1877 г.
Сборн. Отд. русскаго яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. 22 (П. 1884), при
Отчетѣ о дѣятельности Отдѣленія, сост. А. Ф. Бичиковыхъ (см. № 4).
Портрети, съ факсимиле подписи, вложены на паспарту. На портрети
подпись «Борель».
- 589 Гравюра на деревѣ Ф. В. Адта съ рисунка Монсѣва
по фотографіи А. О. Карелина 1877 г.
Живопись. Обзор. 1887, т. 2, № 31, стр. 65. Надъ портретомъ

- сверху: «1812.—По поводу семидесятилетия.—1887» (в другой издании «Наше общественное движение»; снизу: «Иванъ Ивановичъ Срезневскій».—Портретъ въ овальной рамкѣ; на портретѣ: подпись «Мон-сieurъ, справа «Р. В. Алтъ». При статьѣ П. В. Бикова (см. выше № 128).
- 590 Граюра на деревѣ К. Вейермана съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.
Изд. 1887, № 33 стр. 824. Подпись «И. И. Срезневскій. Съ фот. граф. К. Вейерманъ».
- 591 Автогипсъ съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.
Энциклоп. словарь Ф. Павленкова (П. 1899), столб. 2262, въ текстѣ при биогрaфiи (см. выше № 31). Перешелъ въ собр. изданийъ.
- 592 Автогипсъ съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.
Россия, 1900, № 284, стр. 6 (въ текстѣ). Подпись: «Иванъ Ивановичъ Срезневскій. Къ двадцатилѣтiю со дня его смерти † 8 февраля 1880 г.».
- 593 Автогипсъ съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.
Настоящ. энцикл. словарь (Т-ва Гранатъ), т. 8 (М. 1903), столб. 4630, въ текстѣ при биогрaфiи (см. выше № 33).
- 594 Фотогипсъ съ портрета масляными красками работы Н. И. Алмазовой.
Отд. двѣтъ in 49. Подлинникъ портрета находится въ Маломъ Конференцъ-залѣ Имп. Академіи Наукъ, писанъ въ 1903 г. по фотографіи Карелина 1877 г. и по портрету работы Н. П. Чистякова, находящемуся въ залѣ Совѣта Петроградскаго университета. Воспроизведение исполнено въ фотогипсъ А. Ф. Дросслера въ 1904 г.
- 595 Фотогипсъ съ того же портрета, но безъ рукъ.
Въ книгѣ «Иванъ Ивановичъ Срезневскій», П. 1908 (см. выше № 3), на отд. л.
- 596 Фотогипсъ съ фотографіи А. И. Шнаковского 1860 г.
Историко-этнологическій факультетъ Харьковскаго университета за первое 100 лѣтъ его существованія (1803—1903) подъ ред. М. Г. Хаазисаго и А. И. Багалъи (Харьковъ, 1908), стр. 113—124.
- 597 Автогипсъ съ фотографіи А. И. Шнаковского 1860 г.
Открытие, исполненная въ Прагѣ по заказу В. А. Францева въ 1909 году (книжка «прии Stein»). Подпись: «И. И. Срезневскій».

- 598 Автогипсия съ портрета работы Н. И. Алмазовой.
Savchenko, 1911, br. 2, str. 112, въ текстъ при статьѣ В. А. Францова (см. выше № 269). Ссылка съ № 595.
- 599 Автогипсия съ фотографіи Захарьина 1866 г.
1812—1912. Описание выставки въ память столѣтія со дня рожденья Н. И. Срезневскаго, II, 1913 (см. выше, № 130), на отд. листѣ, вложенномъ передъ стр. 1, съ подписью: «Портретъ Н. И. Срезневскаго 1868 г.» [сѣд., читать 1866 г.].
- 600 Автогипсия съ фотографіи А. И. Шняковского 1860 г.
Тамъ же, на отд. листѣ, вложенномъ передъ стр. 17, съ факсимиле. Подпись: «Портретъ Н. И. Срезневскаго 1860 г. Подпись 1836 г.»
- 601 Автогипсия съ фотографіи Ф. Мезера (въ Кіевѣ) 1874 г.
1812—1912. Иванъ Ивановичъ Срезневскій. Краткій биографическій очеркъ, II, 1913 (см. выше, № 4), на отд. листѣ, вложенномъ передъ стр. 1, съ факсимиле. Подпись: «Портретъ Н. И. Срезневскаго 1874 г.»
- 602 Автогипсия съ портрета работы Н. И. Алмазовой.
Тамъ же, стр. 1, передъ началомъ текста. Ссылка съ № 595.
- 603 Автогипсия съ фотографіи А. О. Карелина 1877 г.
Тамъ же, на отд. листѣ, вложенномъ передъ стр. 33. Подпись: «Портретъ Н. И. Срезневскаго 1877 г.»
- 604 Автогипсия съ портрета работы Н. И. Алмазовой (въ овалѣ).
Голосъ Минувшаго, 1913, № 2, стр. 297, въ текстѣ, при статьѣ В. И. Тугановскаго (см. выше № 140). Ссылка съ № 595.
- 605 Автогипсия съ портрета работы Н. И. Алмазовой (въ овалѣ).
Вѣсти Харк. ун-в-та, общ. вып. 3, 1913, стр. 32, передъ текстомъ статьи И. О. Суцкова (см. выше № 143). Ссылка съ № 595.
- 606 Фотогипсия съ фотографіи Захарьина 1866 г.
Императорское Московское Археологическое общество въ первое пятидесятилѣтіе его существованія (1804—1914 гг.), т. 2 (М. 1913), табл. XVI (вмѣстѣ съ 9 портретами другихъ лицъ).
- 607 Автогипсия съ портрета работы Н. И. Алмазовой (въ овалѣ).
Рѣчь, 1913, № 20. Подпись: «Акад. Срезневскій» (см. выше № 132). Ссылка съ № 595.

608 Автогипсия съ рисунка Мовсеѣва.

Южный Край, 1913, 1 марта, Влакстр. прил. къ № 12374. Подпись:
«Н. И. Срезневскій, выдающийся славистъ, профессоръ Харьковского и
Петроградскаго университетовъ и академикъ. (Къ 35-лѣтню со дня
смерти)».

609 Фототипия съ портрета масляными красками работы
Н. И. Алмазовой.

Сборникъ «Памяти Н. И. Срезневскаго». — Подлинникъ въ частныхъ
рукахъ (относится къ 1904 г.). Воспроизведено въ фото-
типии А. О. Дресслера въ 1915 г.

- Бенешевичи*, Владимир Николаевич X 326.
- Берга*, Николай Васильевич 31, — X 387. [323.]
- Бердников*, Павел Иванович 39.
- Березин*, Иван Николаевич X 29.
- Березин-Шираев*, Павел Степанович X X 37, 392.
- Берг* (Баг) Карл Максимович X X 27, 382.
- Беспужев-Рожин*, Константин Николаевич 63; — X X 119, 310, 478, 327. [270.]
- Бетховен* (Ludwig van Beethoven) Лексик, Павел Егорович 88.
- Билбасов*, Василий Александрович 323.
- Билорский*, Петр Спиридонович 327; — X 528.
- Битюжковский*, Николай Михайлович 324.
- Бобровский*, Михаил Кириллович X 265. [X 283.]
- Богачев*, Александр Иванович.
- Богучин-де-Куртуа*, Павел Александрович X X 480, 481.
- Бодисский*, Осип Максимович 62, 58, 95, 114, 154, 158—160, 326; — X X 219, 293, 297, 300, 301, 329.
- Бонч-Бруевич*, Владимир Дмитриевич X 227.
- Боннат* (Guillaume de Bonplap) 313.
- Боппо* (Frantz Bopp) 17, 164, 316.
- Борель*, П. Ф. X X 1, 424, 584, 588.
- Борис* и *Глеб*, князь 54, 55, 180, 328, 329; — X 323.
- Бородинский*, Лев Иванович 8, 10, 313.
- Боткин*, Михаил Петрович 261.
- Брандт*, Роман Степанович 295; — X X 492, 496.
- Брем*, В. X X 1, 388.
- Брянский* (Brjansk) 307. [423.]
- Брюль* (Kieslun Wylem Bryul)
- Бруни*, Федор Антонович 260.
- Брянский*, Павел Григорьевич 273, 293, 323. [X 157.]
- Бузескул*, Евлампий Петрович
- Булатов*, Федор Павлович X X 55, 71, 376.
- Булич*, Сергей Константинович X X 7, 493.
- Бунковский*, Виктор Павлович X X 27, 582.
- Буллат*, Федор Иванович 57, 63, 326; — X X 453, 302.
- Бутков*, Петр Григорьевич 39, 63, 323.
- Бунинский*, Петр Никитич X 190.
- Бухар*, Петр Васильевич X X 128, 589.
- Бухар*, Александр Степанович 21, 57, 63, 309, 327, 328; — X X 1, 43, 310, 337, 338, 588.
- Бухар*, Павел Александрович X 433.
- Булковский*, Виктор Григорьевич 304; — X X 382, 391.
- Булатерская*, Надежда Александровна X 413.
- Булат*, Павел Дмитриевич 326.
- Булах* (Емй Уах) X X 20, 581.
- Валицкий*, Павел Николаевич 81, 146, 323.
- Вагнер* (Richard Wagner) 260.
- Васильевский*, Николай Николаевич X X 56, 57, 72. [45.]
- Валицкий*, Александр Осипович 12.
- Ванфранковский*, П. X 579.
- Варвара*, св. 235—237.
- Варшавский*, Виктор Генрихович X X 400—403.
- Василий Порфирородный*, император византийский 56. [X 464.]
- Васильевский*, Василий Григорьевич
- Васильев*, В. А. X 386. [293.]
- Васильевский*, Пимон Павлович

- Вебер* (Karl Weber) 309.
Вейсманн, К. №№ 77, 127, 383, 590.
Величкин, Александр Иванович 218, 315, 316.
Венешинское, Михаилъ Алексѣевичъ 325.
Вислинъ, Юрій Ивановичъ № 433.
Верховичъ, Степанъ Ильичъ 63, 160; — № 423.
Веселовскій, Александръ Николаевичъ 63, 76, 327; — № 310.
Веселовскій, Николай Ивановичъ №№ 254, 395.
Вешетинскъ (Vesetinsk Yoteinik) 112.
Витворовъ, Алексѣй Егоровичъ 62, 63, 174, 475, 331.
Вичаржестей (Karel Alois Vicharjestej) 114, 317.
Виртцъ (Antoine Wieritz) 259, 260.
Витбергъ, Федоръ Александровичъ № 204.
Витвицкій (Stefan Witwicki) 96.
Витъ, св. 316.
Владимировъ, Пехуръ Владимировичъ № 494.
Владимирскій-Будановъ, Михаилъ Фастонтовичъ 63.
Владимиръ Мономахъ 328.
Владимиръ Святый 56, 82, 180.
Владиславовъ, Михаилъ Ивановичъ №№ 445, 482, 484—486.
Вонсовъ, Марко (Maria Александровна Марковичъ) 206.
Волькъ, М. № 151.
Войничскій (Wladyslaw Woynicki) 81.
Вольковъ, Николай Васильевичъ 44; — №№ 493, 496.
Воронковъ, А. Г. № 475. [№ 383.
Воронковъ, Андрей Степановичъ.
Воскресенскій, Григорій Александровичъ № 487.
Восточковъ, Александръ Христофоровичъ 7, 39, 41, 45, 46, 62, 155, 170—172, 478, 479, 212, 214, 215, 304, 323, 327; — №№ 148, 329, 331, 332, 489.
Вранъ (Stanko Vran) 18, 128—133, 136—141, 173, 320; — №№ 269—272, 277—281.
Вражанинъ, графъ Николай 130.
Врубель, Михаилъ Александровичъ, 262.
Всоловъ-Гавриль Мстиславичъ князь исконскій 54, 186.
Виторъ, Николай Ивановичъ 51; — № 394.
Вукотимовичъ, Ледешичъ 128.
Вичесскій, Иванъ 83.
Волынецкій (Василій Енгровичъ Чешинскій) № 459.
Гавличекъ (Karel Havlicek-Borovsky) 114; — №№ 258, 259.
Гайъ (Judevit Gay) 18, 127, 138, 320.
Гайонъ (Joseph Haydn) 263.
Галлевуоуа (baron Augusto de Hallehausen) № 168.
Галатионовъ, Иванъ Александровичъ 325.
Ганка Вячеславъ Вячеславовичъ (Vaclav Hanka) 17, 19, 20, 23, 62, 97, 105—110, 112, 114—118, 129, 125, 125, 128, 133, 141, 146, 149, 151, 154—159, 161—164, 166, 170, 302, 316—318; — №№ 4, 130, 251—253, 461.
Гассель Бартъ (Hassel-Bart) 266, 267.
Гаткукъ, Алексѣй Алексѣевичъ № 73. [319.
Гауптъ (Leopold Haupt) 17, 121, 193.
Гауптъ (Theodora Haupt) 193, 319.
Гвадиховъ, Е. Г. № 473.
Гюбъ (Jonas Bohumil Guob) 322.
Гедонковъ, Иванъ Михайловичъ 147.
Гедиминъ, великий князь литовскій 6.
Георгій Амартолъ 329; — №№ 398, 456. [200.
Георгій Кошкинъ 78, 83; — №№ 197—

- Гербель, Николай Васильевич 239.—
 №№ 430, 432.
- Гришки, Карл Федорович 12.
- Герош, Исайа 160. [№ 74.]
- Гиллибрандт, Петръ Андреевичъ
 Гиллбердинъ, Александръ Федоро-
 вичъ 63, 117, 164, 173, 179, 326.—
 № 422. [№ 75.]
- Гирнетъ, Владимиръ Федоровичъ
- Гисель, Войтъхъ Ивановичъ 269.
- Гитка, Михаилъ Павловичъ 269,
 270.
- Гитка, Федоръ Николаевичъ № 78.
- Гитский, Борисъ Борисовичъ № 451,
 462, 463, 475. [сей 1.]
- Гитъ, Владиславовичъ, князь ризан-
 Гюль, Николай Васильевичъ 8, 77,
 78, 314, 316.—№№ 142, 193, 202—
 294.
- Годжа (Michal Miloslav Godža) 143,
 322. [81.]
- Голдбиовскій (Lukasz Gołbnowski)
- Головинскій, Яковъ Федоровичъ 146,
 323.—№№ 286, 289.
- Головкин, графъ Юрій Алексан-
 дровичъ 13, 14, 62, 212.
- Голубинскій, Евгений Евгеньевичъ
 63.—№ 426.
- Голъ (Jan Hoły) 18, 143, 322.
- Гончаровъ, Иванъ Николаевичъ № 40.
- Гоннъ, Германъ Дмитриевичъ № 126.
- Горакъ (Jiří Horák) № 234.
- Горачий (O. Voklasín Fassin) 287,
 302, 311.
- Горбуновъ, Иванъ Федоровичъ 271.
- Горюккъ (Michal Horák) № 263.
- Горскій, Александръ Васильевичъ
 37, 63, 173, 179, 326.
- Горскій (Emil Horáky) № 430.
- Горшковъ, Михаилъ Павловичъ
 № 446.
- Гребельт, Евгений Павловичъ 16.
- Гречъ, Николай Павловичъ № 370.
- Григорюхи, Викторъ Павловичъ 37,
 62, 162, 172, 326.—№№ 39, 41,
 300, 302, 339, 374.
- Григорьевъ, Василий Васильевичъ
 326.—№№ 393, 434, 439, 450.
- Гришка (Jakob Grün) 36, 62.
- Гришъ, Константинъ Яковлевичъ
 №№ 38, 76, 77, 112, 144, 241, 325.
- Гришъ, Яковъ Карловичъ 63, 286,
 327.—№№ 399, 310, 347, 331, 392,
 334—336, 497, 583.
- Грубый (Jakovlův Hrubý) № 78.
- Грушинскій, Алексій Евгеньевичъ
 № 404.
- Грушевскій, Николай Булавичъ № 345.
- Грушевскій, Александръ Сергѣевичъ
 №№ 183, 184, 192, 193, 199, 260, 211.
- Грушберъ, Изабелла Леонова (въ де-
 мушкетѣхъ Ласкохъ) 270.
- Грушберъ — см. Терина, Ю. А.
- Гуляевъ, Степанъ Ивановичъ 309.
- Гуно (Victor Hugo) 218.
- Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ 39, 326.—
 №№ 309, 311—316, 322, 498.
- Дайно (Peter Danko) 125, 126, 320.
- Даймилъ (Daimil) 164.
- Даль, Владимиръ Павловичъ 326.—
 № 407.
- Даннелестъ, Григорій Петровичъ
 326.—№№ 263, 230, 224.
- Даннелестъ, Игнатій Николаевичъ
 312, 315.
- Даннелъ Захаровичъ № 337.
- Даннелъ, Юрій 326.
- Дарновлякскій, Александръ Сергѣ-
 вичъ 270. [№ 479.]
- Дашковскій, Николай Павловичъ
 Дельтъ, Антошъ Антоновичъ 270.
- Делетеръ (Delsäter), Димитрій 126.
- Демидовъ, В. №№ 38, 79.
- Демидовъ, Павелъ Григорьевичъ 2.
- Де-Пуль Михаилъ Федоровичъ 20,
 324.—№№ 169 (ошибочно М. П.),
 178, 391.

- Дежневъ, Гавриилъ Романовичъ
 (Сенкица), В. В. № 47. [240, 244.
 Десятникъ, Гавриилъ Савриловичъ
 326; — № 80.
 Джеймсъ (Richard James) № 536.
 Джуковский, Юсифъ Аванасьевичъ
 6. [295.
 Диккенсъ (Charles Dickens) 225, 294.
 Аммириъ Павловичъ, великій кн. 34.
 Добровольскій (Josef Dobrovsky) 105,
 170, 213; — № 233. [№ 22.
 Добролюбовъ, Юзифъ Васильевичъ
 Добролюбовъ, Николай Александровичъ
 37, 295, 325; — №№ 389, 390,
 433—437.
 Дондуковъ-Кореньковъ, князь Алек-
 сандръ Михайловичъ № 419.
 Драгомановъ, Михаилъ Петровичъ 7,
 78, 79; — № 188. [268.
 Дрейновъ (Alexandre Dreunok) 267.
 Дросслеръ, Алоизъ Белоромскій,
 594, 609.
 Дубровскій, Петръ Павловичъ 6, 63,
 118, 327; — № 297.
 Дубровскій, Петръ Петровичъ 172.
 Дуэнович, А. В. № 324.
 Дугачинковъ, Флегонтъ Васильевичъ
 № 460. [№ 509.
 Думаретъ, Александръ Львовичъ
 Евгений Болховитинскій, митр. кіевскій
 62.
 Есхидъ, Орестъ Степановичъ 6, 72,
 91, 313; — № 297.
 Есхидъ, Федоръ Степановичъ 6, 72,
 313; — №№ 276, 297.
 Есхидъ, сваш. с. Сремска 1, 299.
 Екатерина II Алексеевна, импера-
 трица всероссійская 86.
 Елизавета Петровна, императрица
 всероссійская 86, 202.
 Ербелъ (Karel Jaromir Erben) 317.
 Ефремовъ, Сергій Александровичъ
 № 234.
 Ефремовъ Сергій № 546.
 Ждановъ, Иванъ Николаевичъ 323.
 Житенный, Павелъ Игнатьевичъ 77.
 Жуковский, Василий Андреевичъ 191,
 276.
 Жуковъ (Jak. Zupan) 132, 320.
 Золотурскій, Леонтій Николаевичъ
 № 160.
 Золотурскій, Николай Петровичъ
 №№ 59, 70, 81, 84.
 Золотскій (Waslaw Zaleski) 81.
 Замисловскій, Егоръ Егоровичъ 323.
 Заплатковъ, Николай Александровичъ
 № 313.
 Запоро, студентъ Харьковскаго уни-
 (въ текстѣ опечатка: Запоро) 313.
 Запольскій № 388.
 Заръ (Karel Vladislav Zár) 317.
 Захаржевскій 85.
 Захаровъ, А. А. № 23.
 Захарычъ, фотографъ №№ 581, 582,
 584, 599, 606.
 Звенижуръ (Zvonimir) 133.
 Зденекъ (E. Zdenca) 330. [№ 264.
 Зейлеръ (Hendry Zeller) 123, 319; —
 Зининъ, Николай Николаевичъ № 120.
 Златковскій, Михаилъ Леонтьевичъ
 248; — № 399.
 Зубрицкій, Деметръ Павловичъ 146.
 Ивановъ, Александръ Андреевичъ
 260.
 Ивановъ, Николай Алексеевичъ 11.
 Ивановъ, П. В. № 521.
 Иванъ Гривинъ 56.
 Иванъ Гурковичъ 86.
 Иванъ Савославичъ 248, 249. [№ 49.
 Ивонинковъ, Владиміръ Степановичъ
 Иларковъ, митр. кіевскій 23.
 Ильинскій, Григорій Андреевичъ
 №№ 546—550. [180.
 Иполитъ, св. епископъ римскій

- Историк*, Василий Михайлович № 333.
- Илари* 262.
- Иаков*, жинх 29.
- Иисус Христос* 253—257.
- Иоанни*, свящ. с. Срезнева 2.
- Иоанн Соловьев* № 526.
- Йодл* (Jan Jodl) 120. [319.
- Йордан* (Jan Pётr Jordau) 122—124.
- Иосиф Обручник* 256.
- Камелин*, Константин Дмитриевич № 408. [жнх 171.
- Камидович*, Константин Федоро-Колдос, Николай Васильевич 326.
- Калаш*, Владимир Владимирович № 174.
- Кальдерон* (Don Pedro Calderon de la Barca) 198.
- Караджев*, Вук Степанович 17, 62, 123, 126, 139, 142, 160, 319, 322; — №№ 130, 283—285, 298.
- Карамин*, Василий Назаревич 8, 315.
- Кратинина*, Александра Михайловна 273. [273.
- Куратино*, Василий Андреевич
- Курелин*, Андрей Осипович №№ 383, 585—594, 603.
- Курский*, Евоний Федорович №№ 144, 236, 551, 552.
- Качинский*, Владимир Васильевич № 499. [№ 169.
- Каченовский*, Дмитрий Павлович
- Каченовский*, Михаил Трофимович 90, 170, 203, 314, 316.
- Киев* (Kolonia Kvas) 320.
- Кинжик-Осоловченко*, Григорий Федорович 8, 62, 71, 73, 82—84, 87, 93, 191, 212, 213, 315; — №№ 205—208. [208.
- Кюлер* (Adolph Köhler) 121.
- Келлер* (Ferdinand Keller) 291—293.
- Кенен*, Петр Павлович 94, 95, 97, 167, 326; — № 253.
- Кеслер*, Варгъ Олександрович № 444.
- Кирилл и Моводй* 34, 171; — № 343.
- Кисцель* (František Kiseč) 120, 318.
- Кляк* (Biedrich Adolf Klyk) 122.
- Ковалевский*, Михаил Павлович 88.
- Колма Пражский* (Kozmas) 164.
- Колigny* (Coligny), герцогиня 262.
- Коллар* (Jan Kollár) 18, 21, 62, 96, 137, 142, 150, 151, 167, 317; — №№ 273—275, 298.
- Колосов*, Митрофан Андреевич №№ 82, 304, 439, 506. [№ 186.
- Колмаевич* — *Самидович*, Петр Кондасов, Николай Павлович Бондраньски 85. [№ 69.
- Копитар* (Bartholomaeus Kopitar) 124; — № 253.
- Коржевский* (Korzenowski), Иосиф Викентьевич 10.
- Коркунов*, Михаил Андреевич 39.
- Корнилов*, Иван Петрович № 425.
- Корреджю* (Ant. Correggio) 257.
- Корсаков*, Дмитрий Александрович № 408. [№ 410.
- Корсуевый*, Иван Иванович
- Корсух*, Александр Алексеевич 78; — № 190.
- Корш*, Федор Евгениевич № 267.
- Костюков*, Николай Павлович 7, 8, 78, 81, 83, 90—93, 213, 314, 315; — №№ 130, 155, 173, 180, 183, 187, 189, 191, 196, 206, 207, 210—212, 221—223, 367, 448.
- Котларовский*, Александр Александрович 42, 63; — №№ 43, 81, 83, 84, 122, 414, 481, 490, 501, 502, 519, 520, 531—535.
- Котларевский*, Иван Петрович 8, 9, 62, 73, 87, 186, 193, 314; — №№ 215—218.
- Котларевский*, Иустар Александрович III.

- Коубекъ (Jan Právošlav Koubek) 106, 112, 317.
 Еодановская (Належда Степановна Солянская) 206.
 Еочетовъ, Юзевичъ Семеновичъ 39.
 Еочубинскій, Александръ Александровичъ №№ 60, 239, 243, 250, 330, 481.
 Ероенскій, Андрей Александровичъ 24; — № 426.
 Еросовичъ, Яковъ Федоровичъ 37; — № 8.
 Ерестовскій, Всеволодъ Владимировичъ №№ 222, 223.
 Ерошманъ (Ivan Křitman) 320.
 Ерокъ (Krok) 417.
 Ерошманъ (Václav Křošína) 317.
 Ерошевъ, Иванъ Андреевичъ 291, 328. [№ 226.
 Еудринскій, Федоръ Андреевичъ
 Еудраевъ, Александръ Николаевичъ № 123.
 Еузианъ (Karel Kuzman) 322.
 Еукуловичъ-Салтановскій (Ivan Kukuševic) 128, 302, 320.
 Еулаковскій, Платонъ Андреевичъ №№ 268, 285.
 Еулаковскій, Иванъ Григорьевичъ №№ 177, 386.
 Еулакъ, Пантелеймонъ Александровичъ №№ 187, 197, 219. [№ 41.
 Еуликъ, Аристъ Аристовичъ 57; —
 Еуреласъ (Frájo Kurelas) 123, 142, 320. [№ 297.
 Еуршакъ (Friedrich Kurchat) 103; —
 Еускова, Екатерина Антоновна 312—313.
 Еусковъ, Иванъ Петровичъ 311. [325.
 Еутора, Владимиръ Степановичъ
 Еутора, Михаилъ Семеновичъ №№ 297, 432.
 Еутора, Степанъ Семеновичъ 324.
 Еухарскій, (Andrzej Kucharski) 97, 167, 317; — № 276.
 Еуровскій, Николай Алексеевичъ 163, 285, 328; — № 432.
 Еуровскій, Петръ Алексеевичъ 63, 118, 163, 295, 325.
 Еуровъ, Петръ Алексеевичъ №№ 300, 553. [№ 467.
 Елазурскій, Василій Матвеевичъ
 Еазаръ, князь сербскій 322.
 Еажинскій, Владиміръ Ивановичъ 29, 37, 38, 63, 65, 164, 287, 288, 293, 308, 325; — №№ 2, 9, 10, 38, 85, 86, 112, 235, 240, 249, 263, 297, 305, 360.
 Еасковъ—см. Грюнбергъ, П. 1.
 Еабедевъ, Касторъ Никитовичъ № 353. [№ 194.
 Еашико, Алексѣя Ираидеичъ
 Еаже (Louis Leger) №№ 417, 418.
 Еажъ, Михаилъ Константиновичъ №№ 390, 421, 434—436.
 Еагани (Giulio Legnani) 200.
 Еагидъ, арх. №№ 422, 536. [281.
 Еармонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ
 Еакинъ (August Leskien) № 354.
 Еаиса, князь Павлаъ Ивановичъ 288.
 Еаичичево, Андрей Ивановичъ № 303. [№ 419.
 Еаичичево, Иванъ Андреевичъ
 Еаичинскій, Александръ Лаврентьевичъ № 235.
 Еасовинскій, Иванъ Федоровичъ 313.
 Еаистъ (Frájo List) 188, 267, 268, 318.
 Еаитисскій (Wal. Łozicki) 81.
 Еакомисовъ, Михаилъ Васильевичъ 36, 64, 212, 216, 278, 299.
 Еасъ (Loos) 266. [123.
 Еабенскій, Андрей (Andrzej Lubieński)
 Еаки Жидана 29.
 Еаудель (J. A. Lundell) № 304.
 Еауницъ, Михаилъ Михайловичъ 12.
 Еаболичъ, Николай Николаевичъ 195; — № 246.
 Еабодуровъ, Николай Васильевичъ № 117.

- Левина* (Libová) 109, 110. — № 578.
Левобил, Карл Яковлевич 282.
Левроус, Прокопий Петрович 1.
Левский, Валерий № 273.
Левина, Вера Александровна № 461.
- Ливки*, Карл Карлович 325.
Лизина, Иван Степанович 6, 83.
Либур (Matja Gregorovič Mayr) 320.
Либур, Авдолья Николаевна 226—233, 235—249, 273, 299, 309, 326; — №№ 387, 309, 431.
Либур, Леонид Николаевич 36, 63, 293, 323; — №№ 87, 198, 310, 465, 466. [№ 433.
Либур (Миролюбов) арх. 331; —
Либуров, Александр Александрович 211.
Либурович, Михаил Александрович 78; — №№ 186, 195, 197, 506.
Либурович, Викентий Васильевич 164, 293, 299, 308, 323; — №№ 60, 68, 303, 467.
Либурович (Manzoni) 198.
Либур (Antonín Marek) 113, 114, 347; — № 230.
Либур (Jan Rudolf Marek = Jan z Vědu) 118, 119, 317.
Либур Двои 233—259.
Либурович, Мария Александровна — см. *Возкош*.
Либурович, Ростислав А. № 503.
Либур (Г. Матка) 121, 123.
Либурович, Иван Матвеевич 320.
Либурович (S. K. Macháček) 112.
Либурович, Лекс № 191.
Либурович (Wacław Alexander Maciejowski) 323.
Либур, Ф. фотограф № 601. [№ 232.
Либур, Лекс Александрович 249; —
Либур, Давид Маркович № 488.
Либурович, Павел Павлович 299.
Либур (Fr. Metelko) 131, 320.
Либурович, Аврелия Лукьянович (Аврелия Могил) 8, 71, 98, 99, 314; — № 210.
Либур — см. *Корвал*.
Либурович, Александр Феофанович №№ 27, 382.
Либур-Анджело Буонинcontri (Michelangelo Buonincontri) 199.
Либурович (Franz Miklošic) 179, 303, 307; — № 298.
Либур, Дмитрий Петрович № 161.
Либур, Орест Феофанович 265.
Либур Обилие 322.
Либурович Иван Николаевич 323.
Либурович (Anton Mihajlovič) 307.
Либурович (Adam Mikłowicz) 21, 96, 150.
Либурович, Василий Павлович 323; — №№ 39, 464, 537. [№ 323.
Либурович, Борис Львович.
Либурович, гравер №№ 128, 589, 608.
Либур (Jean-Baptiste Molière) 273.
Либурович, Филипп Семёнович 72, 326; — №№ 149, 177, 231—234.
Либурович, Давид Лукич 83; — №№ 207, 367.
Либурович 83.
Либурович (Christophor = Colest. Mungowias) № 294.
Либурович Кандидатович, великий князь 34. [238, 239.
Либурович (Bartolomeo Esteban Murillo) 320.
Либур — Пруцкий, граф Александр Иванович 329. [№ 579.
Либур, Александр Эрнстович.
Либурович, Николай Павлович 30, 62, 326; — №№ 298, 348, 391.
Либурович, Владимир Павлович №№ 191, 231. [321.
Либурович, Констанция Александровна.
Либурович, Бангтон Павлович 51, 63, 173, 179, 326; — №№ 416, 538.

- Неселенов*, Александръ Ивановичъ 325.
Несруновъ, Иванъ Степановичъ № 69.
Нестлюховскій, Ф. К. № 170.
Нивашенко, Александръ Васильевичъ 63, 324, 327; — №№ 309, 310.
Низлинъ, Афанасій 34, 33. [328.
Николаевскій, Сергій Александровичъ 276, 277.
Нислаиъ, князь чернигорскій 196.
Нислаиъ I Павловичъ 162, 169, 189, 245, 246.
Ниссельманъ, Юрій (Nesselmann) 43.
Никитъ Черногорскій № 338.
Никоновъ, Иванъ Петровичъ № 419.
Нисаки (Voňak Nosač) № 572.
Нисовичи, Иванъ Ивановичъ 63, 326.
Нилоскій, студентъ Харьковскаго университета 72.
Обгорскій, Сергій Петровичъ № 333.
Овара, Борнъ, князь 194; — № 174.
Овидій Назонъ (P. Ovidius Naso) 314.
Обералъ (Jan Oberal) 118.
Одоловскій, Омельянъ № 181.
Одоловскій, князь Владиміръ Белорочичъ 264.
Одунецъ (Ant. Edward Oduniec) 96, 143, 323.
Оженичъ (Mirko Ožogović) 135.
Олаиъ, св. 36, 180.
Олденбургскій, Сергій Белорочичъ № 130.
Олриджъ (Ira Aldridge) 274. [323.
Ординъ, Феликсъ Феликсовичъ Осоловскій (Osoliński) 146.
Островскій, Александръ Николаевичъ 276.
Островскій, Викторъ Петровичъ 325; — №№ 463, 474, 475.
Остроумовъ, П. № 303. [403.
Отто, Николай Карловичъ №№ 401—402.
Ошенискій, Адольфъ Ивановичъ (Pawłowski) № 410.
Павловичъ, Флорентій Федоровичъ №№ 31, 49, 391.
Павловскій, Алексій Павловичъ 74.
Павловъ, Алексій Степановичъ 63.
Падура (Tomaz Padurga) 10. [160.
Палозовъ, Спиридонъ Николаевичъ
Палакскій (František Palacký) 97, 103, 112, 302, 303, 317.
Палий 83.
Палакскій (Jur Pajković) 143.
Пановъ, Василій Алексеевичъ 160.
Пассекъ, Владимъ Васильевичъ 8, 109, 160, 314; — № 213.
Пассекъ, Татьяна Петровна № 214.
Патера (Adolf Pateta) 111; — №№ 304, 307.
Паули (Zigoda Pauli) 81.
Паушинъ, слани. 133.
Пашковъ, В. В. № 171.
Пашковскій, Петръ Петровичъ 63, 327.
Первоульфъ (Perwolf), Юсифъ Юсифовичъ № 23.
Перетръ, Владиміръ Николаевичъ 77. [№ 302.
Петровскій, Мемноиъ Петровичъ
Петровскій, Николай Мемноновичъ № 374.
Петровъ, Николай Ивановичъ № 179.
Петровъ, Осипъ Афанасьевичъ 269.
Петръ Великій 86; — № 497.
Писаревъ, Дмитрій Ивановичъ №№ 40, 472. [№ 40.
Писемскій, Алексій Феофановичъ
Платоновъ, Иванъ Васильевичъ №№ 379, 371.
Плотовскій, Сергій Белорочичъ 325.
Плещинъ, Петръ Александровичъ 39, 325; — №№ 398, 309, 335, 387, 498.
Поветинъ (Prosper Poletvin) 46.
Побидомосцевъ, Константинъ Петровичъ 281.
Полонскій, Михаилъ Петровичъ 156, 172, 303, 316; — №№ 299, 381, 506.

- Подольское, Иванъ Тимошевичъ и Екатерина Романовна 6, 184.
 Полоний, Петръ Николаевичъ 323; —
 №X 41, 478.
 Полковъ, Василий Андреевичъ 39,
 326. [262]
 Полковъ, Василий Дмитриевичъ 261.
 Полновъ, Дмитрий Васильевичъ 62,
 326; — № 393.
 Помяловскій, Иванъ Васильевичъ
 325; — №X 88, 434.
 Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ
 № 193.
 Поповичъ, Василий 144.
 Поповъ, Андрей Николаевичъ 63; —
 №X 298, 422.
 Поповъ, Илья Александровичъ 308; —
 №X 285, 298, 299.
 Порфирій (Успенскій), еп. 173.
 Поставиковъ, Сергій Петровичъ 261.
 Потебня, Александръ Аванасьевичъ
 63, 72, 73, 76; — №X 452, 522.
 Поттъ (August Friedrich Pott) 143,
 316, 328.
 Пратацкій, Иванъ, сваш. 88, 314.
 Празовъ, Мстиславъ Викторовичъ
 325; — №X 413, 436.
 Преисъ, Петръ Ивановичъ 17, 18, 23,
 24, 62, 95, 103, 114, 124, 132—134,
 136, 138, 139, 143, 151, 154—156,
 158, 159, 316, 320, 324, 325; —
 №X 237, 240, 254, 297, 302.
 Прештеръ (Frans Preshter) 131,
 320; — № 267.
 Прохуровъ, Василий Александровичъ
 36, 57; — № 368. [325]
 Птичкинъ, Станиславъ Львовичъ
 Пуркиля (Jan Purkyn) 17, 120—121,
 318; — №X 264, 262.
 Пуфъ (Widolf Gustav Puf) 125.
 Пурининъ, Александръ Сергѣевичъ
 21, 150, 275, 313.
 Пушино, Александръ Николаевичъ
 63, 118, 295, 325; — №X 11—14,
 17, 80, 237, 238, 414, 452, 461—
 463, 307, 337. [№ 329.
 Пшугловъ, Евгений Вачославовичъ
 Рачъ, Семёнъ Егоровичъ 316.
 Рачковъ (Dragutin Rakovac) 128,
 138; — № 280.
 Раффалъ (Raffaello Sani) 200, 201,
 235—238.
 Рахисъ (Franjo Rački) 302, 303, 307.
 Рахисъ (Rachol) 274.
 Ребисъ (Charles Philippe Reib) 43.
 Режловъ, Иванъ Софрановичъ № 210.
 Рейсель (Richard Reipell) 193; — № 247.
 Рейеръ (František Ladislav Reiger)
 № 28.
 Рейсскій, Иванъ Степановичъ 2.
 Римскій-Корсаковъ, Николай Андре-
 евичъ 209.
 Ристори (Adelaide Ristari) 274.
 де-Робертъ, Александръ Алоизови-
 чъ 350; — № 173.
 Ровинскій, Дмитрий Александровичъ
 № 453. [308.
 Ровинскій, Павелъ Аполлоновичъ
 Рождественскій, Василий Гаврило-
 вичъ, сваш. №X 90, 109.
 Розенгроувъ (Karl Rosenkrantz) 316.
 Ролемъ (Rohlen) 143.
 Роскошнико, Иванъ Васильевичъ 6,
 72, 313; — № 201.
 Рослинскій-Петровский, Александръ
 Петровичъ 13, 13; — № 566.
 Россъ (Ernsto Ross) 274.
 Ротари (Pietro di Rotari) 296.
 Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ
 270.
 Рудницковъ, графъ Николай Петро-
 вичъ 94.
 Русовъ, Софя Александровна № 170.
 Рыбинковъ, Петръ Николаевичъ
 № 404.
 Рыжовъ, Д. № 587.
 Рышковъ, Пётръ Евменовичъ 262.

- Сопка*, арх. тверской №№ 410, 412.
Сопкинъ, Павелъ Ивановичъ 63, 328, 331; — №№ 396, 433.
Сопкинъ, Павелъ Степановичъ 62; — № 302.
Спиринъ, Н., студентъ Харьковскаго унив. 110. [№ 428.
Спиринъ, Иванъ Петровичъ 62; — *Семичевскій* Владиміръ Семеновичъ №№ 287, 288.
Спиринъ, Ольгочъ, князь черниговскій 256.
Спиринъ, Петръ Ивановичъ 173.
Спиринъ, Афанасій Матвѣевичъ № 239.
Спиринъ, Михаилъ Ивановичъ №№ 337, 396, 426.
Спиринъ, Петръ Петровичъ № 340.
Спиринскій, Константинъ Максимовичъ 81.
Спиридовъ, Юсифъ Петровичъ № 339.
Спиринъ, Константина Степановичъ 103, 151.
Системъ I, папа римскій 253, 257.
Симеоно, царь болгарскій 174.
Симеоно Азаринскій 202, 203, 314.
Симеоно, Павелъ Константиновичъ №№ 253, 463, 308, 356, 337.
Синюевскій, Василій Дмитріевичъ 325. [№ 274.
Сиротинъ, Андрей Николаевичъ
Соболевскій, Александръ Михайловичъ 325; — № 473.
Соболевъ, Константинъ Афанасьевичъ 164.
Соболевъ, Григорій Савичъ 10, 87—89, 201—206, 314; — №№ 220—227.
Скоттъ (Walter Scott) 294.
Смирновъ, Александръ Ивановичъ №№ 82, 467.
Смоллеръ (Jan Ernst Smoller) 17, 121—123, 137, 166, 319; — № 264.
Смирновъ, Иванъ Михайловичъ 7, 8, 94, 314, 317.
Соболевскій, Алексій Ивановичъ 181; — №№ 15, 307, 340. [№ 16.
Соболевскій, Иванъ Петровичъ 84; — *Соболевъ*, Авдій Ивановичъ 110.
Соболевъ, Егоръ Ивановичъ № 433.
Соболевъ, Матвѣй Ивановичъ № 91.
Солонинъ, Федоръ Григорьевичъ 36, 331; — №№ 338, 368, 413.
Соловьевъ, Дмитрій Николаевичъ 280—281.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ 326; — № 78.
Сорокинъ, Владиміръ Михайловичъ №№ 468, 469.
Сотня *Висотнова* 260.
Сотникова, Надежда Степановна—см. *Богдановская*.
Сотниковъ, Владиміръ Дмитріевичъ №№ 14, 430, 470. [№ 300.
Степановскій, Михаилъ Посторовичъ
Степановскій, Віра Измайловна 270.
Степановскій, Екатерина Федоровна 22—23, 238, 269, 314; — №№ 4, 118, 130, 150, 131, 364.
Степановскій, Елена Ивановна 4, 5, 67, 72, 104, 106, 127, 138, 164, 187—189, 193, 234, 263, 264, 269, 270, 273, 311, 312, 314, 319; — №№ 4, 233.
Степановскій, Ольга Измайловна IV, 179, 277, 307; — №№ 17, 18.
Степановскій, Борисъ Измайловичъ 265, 270.
Степановскій, Владиміръ Измайловичъ 279.
Степановскій, Всеволодъ Измайловичъ III, IV, 68, 79, 179; — №№ 3—5, 148, 149, 154, 175, 182, 201, 202, 208, 213, 217, 232, 233, 296, 324, 373, 411, 466.
Степановскій, Вячеславъ Измайловичъ 116—117, 279; — № 47.
Степановскій, Иванъ Евсѣевичъ 1—4, 277, 310—311.

- Сремский, Иосифъ Евлевичъ 1. 312.
 Сремский, Николай Ивановичъ 161.
 Станкез (Vaclav Stanek) 106, 112, 317.
 Старк, А. П. № 252.
 Старицкий, Адальбертъ-Войтъа Викентьевичъ № 384.
 Стасовъ, Владимиръ Васильевичъ 57. — № 405. [№ 424.
 Стасовичъ, Михаилъ Матвѣевичъ Стеблин-Болотинскій, Степанъ Павловичъ № 215. [№ 509.
 Стетовскі, Андриякъ Иоанновичъ Степанов, Иванъ Матвѣевичъ № 218.
 Стурожекко, Андрей Владимировичъ № 306. [№ 406.
 Стурожекко, Андрей Яковлевичъ Стурожекко, Владимиръ Андреевичъ № 406.
 Ступинъ, Владимиръ Яковлевичъ №№ 314, 315. [ици № 239.
 Стурожекко, графъ Сергій Григорьевичъ Стурож, Павелъ Михайловичъ 62, 316. — № 397. [331.
 Стурожко, Дмитрий Михайловичъ Студинскій, Кирилъ № 289.
 Субботичъ, Иванъ 142. [324.
 Сумароковъ, Александръ Петровичъ Сулицовъ, Николай Федоровичъ III. 93. — №№ 92, 131, 138, 139, 143, 155—157, 603.
 Сухожаниновъ, Михаилъ Ивановичъ 61, 90, 295, 324, 327. — №№ 310, 339.
 Сушля (Frantisek Sush) 118, 318.
 Суровъ, Валентинъ Александровичъ 262.
 Тагановъ, Николай Степановичъ № 380.
 Талбергъ (Sigismund Thalberg) 267.
 Талони (Maria Taglioni) 271—273.
 Тарла, Дмитрий 322.
 Титовъ, Андрей Александровичъ №№ 219, 301.
 Тидемесей, Александръ Николаевичъ № 538.
 Тихомировъ, Николай Саввичъ 57, 295, 324.
 Толстой, графъ Дмитрий Андреевичъ 296.
 Толстой, Лева Николаевичъ 218, 225, 226, 275, 295.
 Толстой, графъ Михаилъ Владимировичъ 331. — № 410. [172.
 Толстой, графъ Федоръ Андреевичъ Товянецъ (Vaclav Tomasek) 268.
 Торберъ (Josif Torbar) 303.
 Трескинъ, Николай Алексеевичъ 325.
 Тройницкій, Николай Григорьевичъ № 194. [№ 391.
 Трубачевъ, Сергій Семеновичъ Тушманскій, Владимиръ Николаевичъ №№ 140, 604.
 Турецкій, Александръ Ивановичъ 62.
 Турецкій, Иванъ Сергѣевичъ 226, 227. — № 40.
 Турчинъ, Юлія Львовна (род. Гранберсъ) 270. [269.
 Турчинъ, Александръ Федоровичъ Турчинъ, Федоръ Леонтьевичъ 22.
 Угрюмовъ, графъ Алексій Сергѣевичъ 57, 58, 63, 331.
 Угрюмовъ, графъ Сергій Семеновичъ 103, 105, 154, 155, 166—167, 170, 320. — № 1.
 Удольскій, Вульга Михайловичъ 62, 175—177, 326. — №№ 398, 331.
 Умаръ Лизой 328.
 Усовъ, Павелъ Степановичъ № 385.
 Успенскій, Федоръ Павловичъ 325.
 Устурловъ, Федоръ Николаевичъ 576.
 Ушинскій, Константинъ Дмитриевичъ №№ 483, 484.
 Филимоновъ, Юрій Дмитриевичъ 331.
 Филипповъ, Наталья Терпихина 271.

- Великий, Торгій Ивановичъ 270.
 Филли (М. Fialka) 142. [271.
 Фалонцовъ, Константинъ Дми-
 триевичъ 260.
 Фелершескій, Гижонъ Дмитриевичъ
 293. [294.
 Фортинесей, Федора Яковлевичъ
 Фортневъ, Владиміръ Андреевичъ
 III, 49, 167; — №№ 236, 248, 251,
 260, 262, 264, 267, 269, 291, 292,
 294, 295, 341, 397, 398.
 Франчес (Francesco Francia) 199—
 201, 236. [309.
 Фрумановъ, Филиппъ Федоровичъ
 Френкель (Abraham Frenkel) 123.
 Фридрихъ II Готтлибауфенъ, король
 прусскій, императоръ Священной
 Римской имперіи 233.
 Фроловъ, Петра Бузачъ 172.
 Халенскій, Михаилъ Георгиевичъ
 №№ 24, 138.
 Холука (Samo Chalupka) 322. [313.
 Хомбегу, Александръ Фаддеевичъ
 Хмельницкій, Богданъ № 190.
 Хмельницкій, Юрій 83.
 Ходковскій, Зорилъ Яковлевичъ 81.
 Хоматовъ, Алексій Степановичъ
 189; — №№ 273, 275.
 Хорватъ въ Любланѣ 132.
 Хруберъ, черноризецъ № 525.
 Хрущовъ, Павелъ Петровичъ № 393.
 Цифи (Ogostay Cif) 126. [278—300.
 Цюмпаевъ, Иванъ Владимировичъ IV,
 Ципико (Frano Zveiko) 125.
 Цейковъ (Floguay Ceunova) 63, 160,
 326; — №№ 294, 293.
 Церетелъ, князь Николай Андре-
 вичъ 74.
 Часовъ, Николай Александровичъ 68,
 219—226. [582.
 Чельменъ, Пантутій Львовичъ №№ 27,
 Чельмооскій (Frantšek Ladislav Čel-
 mooský) 17, 96, 97, 103—107, 112,
 317; — № 130. [81.
 Черемскій (Ign. Lubitz Szerwiński)
 Череминескій, Николай Гавриловичъ
 37, 293, 324; — №№ 458—460.
 Череминевъ, Василій Павловичъ № 316.
 Чечалия (Cecilia), св. 200, 201.
 Чижковъ, Михайлъ Афанасьевичъ 261.
 Чистяковъ, Павелъ Петровичъ 260,
 262; — № 394.
 Чистяковъ № 275.
 Чубинскій, Павелъ Павловичъ 76.
 Шабаново, Сергій Константино-
 вичъ №№ 413, 542.
 Шафарикъ Pavel Josef Šafárik) 17,
 21, 96, 97, 104—106, 112, 113, 118,
 120, 124, 127, 134, 151—154, 136,
 138, 160, 170, 302, 303, 316, 317; —
 №№ 249, 276, 297, 300. [83.
 Шафонскій, Андрей Афанасьевичъ
 Шагининовъ, Алексій Александрови-
 чъ III, VIII 44; — №№ 129, 310.
 Шаховской, князь Алексій Ивано-
 вичъ 86.
 Шаллекій (Sajatký) 144.
 Шандовъ, Григорій, студентъ Харь-
 ковскаго университета 110.
 Шенкеръ, Степанъ Петровичъ
 326; — №№ 336, 427, 491.
 Шекспиръ (William Shakespeare) 6,
 274, 275.
 Шенбергъ (Aloys Vojtěch Šembera)
 120, 318. [№ 203.
 Шенротъ, Владиміръ Павловичъ
 Шереметевскій, Владиміръ Петро-
 вичъ №№ 317, 318. [№ 470.
 Шестиковъ, Петръ Дмитриевичъ
 Шидловскій 83. [273.
 Шиллеръ (Johann Friedrich Schiller)
 Шимонескій, Митрофанъ Василье-
 вичъ № 479.
 Ширъ (Frantšek Šir) 112.

- Шинковъ, Александръ Семеновичъ 109, 169.
- Шкуратный Josef Skultety, №№ 236, 237, 272.
- Шлейхера (August Schleicher) 62, 303.
- Шлякски, Пзль Александровичъ № 577.
- Шмидо, Евгения Федоровна 325.
- Шпановичъ, Александръ Пзльчъ №№ 396, 397, 600.
- Шпановскій, Леонаскій Григорьевичъ 8, 10, 72, 76, 93, 313.
- Шрепелъ (Milvoj Šrepel) № 286.
- Штаудигль Joseph Staudigt, 263, 267.
- Штаудигль (Dragoja Staudar, №№ 271, 278.
- Штайберъ, В. № 137.
- Штаосъ (Pavao Štaos) 128.
- Штросмайеръ, Јосиф Juraj Štrosmajer, 302, 303, 307.
- Штуръ (Karel Štur) 143.
- Штуръ (L'udevit Štur) 18, 62, 142—144, 152, 322; — № 260.
- Шубертъ (Franz Schubert) 188.
- Шубертъ Friedrich Wilhelm Schuberl 11, 163.
- Шумовскій Josef Franta Šumavský, 17, 106, 316.
- Щенковъ, Вячеславъ Николаевичъ №№ 539, 560.
- Щенковъ, Михаилъ Семеновичъ 316.
- Щербининъ, Елизавета Алексеевна " 87.
- Южковъ, Сергей Николаевичъ № 35.
- Юлианъ Отступникъ, императора византийскаго 61—62.
- Юнжманъ (Josef Jungmann) 14, 93, 97, 101, 105, 317.
- Юнкеръ, Николай Павловичъ 325.
- Зрота, К. 324; — № 380.
- Ягичъ, Веклатъ Викентьевичъ (Vatroslav Jagic) III, 136, 153, 301—309; — №№ 19, 233, 311, 343, 344, 361—363, 378.
- Ягичъ (Salonia Jagic) 309. [№ 93.
- Яковлевъ, Владимръ Алексеевичъ
- Ярославъ Владимировичъ, князь новгородскій 180. [№ 22.
- Языковъ, Степанъ Дмитриевичъ
- Бедеровъ, Владимръ Васильевичъ 323.
- Београдъ, школа печерскій 36.
- Бомель, Готтл № 25.

Сокращенныя обозначенія имють.

В. А. № 228.
Г. Э. Н. № 338.
Н. В. № 172.
К-ий, Гр. № 138.
М-я, И. № 326.
Н. Б. № 586.
С-я, В. В. № 106.

Г. Г. Т. № 61.
Г. Р. № 372.
Гр. № 33.
Кр. № 28.
С. № 113.
Т. Ш. № 581.
У. В. № 266.

ГРАЖДАНСКАЯ НАУКОВАЯ
БИБЛИОТЕКА К. Д. У.
Іюл. № 103140

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие редакции	III
Вступительное слово А. А. Шахматова	V
Братий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского, В. И. Срезневского	1
Харьковский период научной деятельности И. И. Срезневского, И. Ф. Сушкова	69
И. И. Срезневский и славянство, В. А. Францева	94
Заслуги И. И. Срезневского, А. И. Соболевского	168
Художественная произведения И. И. Срезневского и его отношение к поэзии вообще, О. И. Срезневской	182
Из студенческих воспоминаний обь И. И. Срезневскомъ, Н. В. Цейтова	278
Мои воспоминания обь И. И. Срезневскомъ, Н. В. Ягича	301
Описание выставки къ памяти столѣтня со дня рождения И. И. Срезневского	310
Материалы для биографіи И. И. Срезневского (печатные источники)	333
Указатель личныхъ вещей	407